

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. РУДАКИ

Д. КАРАМШОЕВ

КАТЕГОРИЯ РОДА
В ПАМИРСКИХ
ЯЗЫКАХ

(шугнано-рушанская группа)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»
ДУШАНБЕ — 1978

mm

В монографии анализируется весьма актуальная и интересная проблема грамматики — категория рода в памирских языках. Это первый опыт сравнительного изучения морфологического выражения рода во всех языках и диалектах шугнано-рушанской группы. В работе привлекаются данные и других памирских языков (язгулемского, мунджанского). Исследование ведется на синхронном уровне, однако для установления закономерного развития родовых форм привлекаются и данные диахронического порядка. При описании различающих род глаголов предпринята попытка на более широком и сравнительном фоне установить особую связь категории рода с категорией переходности/непереходности.

Книга рассчитана на широкий круг лингвистов — индоевропейцев и в первую очередь иранистов и таджиковедов.

Ответственные редакторы —
В. А. ЛИВШИЦ,
И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

263050

К 70103—006
М502—78 — Без объявл.

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ», 1978 г.

§ I. Категория грамматического рода, присущая древнеиранским (авестийскому, древнеперсидскому) и некоторым среднеиранским языкам (хотаносакскому, согдийскому, хорезмийскому), утрачена в большинстве современных языков и диалектов иранской группы, как в западной (таджикский, персидский, белуджский, талышский), так и в восточной ее ветви (осетинский, ягнобский, в некоторых памирских: ишкашимский, ваханский, сарыкольский), но представлена в курдских и южных татских диалектах, в афганском (пашто), а из памирских — в мунджанском, язгулемском и во всех языках шугнано-рушанской группы, за исключением сарыкольского, а именно: в собственно шугнанском языке и его баджувском диалекте, в рушанском и его хуфском диалекте, в бартангском и рошорском (орошорском) языках.

Изучение категории рода в памирских языках позволяет проследить перестройку родовых форм и средств выражения родовых различий, унаследованных от древности, и их взаимодействие с формами и средствами, возникшими позднее на собственно памирской почве. Анализ категории рода, ее выражение и функционирование в памирских языках вскрывает такие существенные и для компаративистики и для типологических исследований факты, как полная утрата родовых различий в одних языках (ваханский, ишкашимский, сарыкольский), сохранение форм рода в других лишь в качестве реликтов — только в косвенных формах указательных местоимений ед.ч. и в некоторых группах имен (язгулемский, йидга) и, наконец, в третьих — сохранение родовых противопоставлений в именах, местоимениях, глагольных основах прошедшего времени и перфекта (мунджанский, языки и диалекты шугнано-рушанской группы), причем грамматическая структура всех этих языков характеризуется наличием многих общих черт (особенно показательна в этом плане полная утрата категории рода в сарыкольском, принадлежащем к той же шугнано-рушанской группе, и ослабление ее в йидга — диалекте, близком к мунджан-

скому языку).

Мунджанский язык выделяется среди других памирских наиболее развитой морфологической системой выражения рассматриваемой категории - род в нем выражается в окончаниях существительных, прилагательных и причастий (Зарубин, 1927, 122-126; Грюнберг, 1972, §§ 14-15, 17, 19-21, 31, 98-99, 103; Соколова, 1973, §§ 173-180; Ефимов, 1975, 67-72). Форма мужского рода в мунджанском имеет, как правило, окончание на согласный (чаще, однако, в составе сочетания -əy) или на гласный о: niḵ 'день', pūr 'сын', uāreu 'мука', širo 'солнце', xširo 'молоко', neraueu 'черный', puōsteu - причастие муж. рода от niḵ- : puōst- 'садиться'. Имена женского рода имеют окончания -a (-ə), -ya (-yə): xōgva 'летовка', friya 'блоха' (ср. ш. firēyž 'блоха'), nerauya 'черная', puāsteya - причастие жен. рода от niḵ- : puōst- 'садиться'.

Большую продуктивность морфологического различения рода в мунджанском языке по сравнению с языками шугнано-рушанской группы можно проиллюстрировать следующим списком, в котором приводятся слова (как исконные, так и заимствованные), общие для лексики этих языков, но отличающиеся в языках шугнано-рушанской группы отсутствием противопоставления по роду.

Мунджанский

Шугнано-рушанская группа (примеры приводятся из шугнанского)

муж. род	жен. род	
liw 'дурной'	liwa 'дурная'	šew(in)
lega 'далекий'	legaḡa 'далекая'	šar
ošan 'человек'	ošama 'человек (женщина)'	šam
ošiq 'возлюбленный'	ošiqa 'возлюбленная'	šiq
savz 'зеленый'	savza 'зеленая'	šavz
xoli 'пустой'	xoliya 'пустая'	xoli
vtēri 'племянник'	vtēriye 'племянница'	xer 'племянник', 'племянница'

wereu 'ягненок-самец' wērye 'ягненок-самка' wāng
 uōyī 'дикий' uōyīya 'дикая' uōyī

Число таких примеров можно легко увеличить.

В близкородственном мунджанскому диалекте йидга, по свидетельству Г. Моргенштерне, можно говорить лишь об остатках родовых форм в некоторых разрядах слов (Моргенштерне, 1938, 121).

В язгулямском языке реликты родовых различий обнаруживаются, как уже было отмечено, в косвенных формах указательных местоимений 3 л. ед.ч. (муж. waу, daу, жен. im, dim), а также в ограниченном числе имен и в некоторых словообразовательных моделях (Здельман, 1966, 39; Соколова, 1967, 109-110).

Категория рода в языках и диалектах шугнано-рушанской группы занимает особое место как с точки зрения средств выражения родовых различий, так и, особенно, грамматических и лексических значений родовых форм. Анализ комплекса проблем, связанных с грамматическим родом в шугнано-рушанской группе, и посвящается данное исследование. Поскольку проявление категории рода в язгулямском языке, исторически родственном языкам шугнано-рушанской группы, а также в мунджанском имеет иной характер, материалы этих языков используются лишь в единичных случаях. Сарыкольский язык, принадлежащий к шугнано-рушанской группе, полностью утратил категорию рода, а потому сарыкольские материалы привлекаются в работе, как правило, только в тех случаях, когда сравнительный или этимологический анализ вскрывает наличие в сарыкольском реликтов прежних родовых формантов.

§ 2. Содержание терминов "язык", "диалект", "говор", "подговор", как известно, в общем и сравнительно-историческом языкознании не идентично. Исследователи памирских письменных языков, ссылаясь, во-первых, на условность этих терминов и, во-вторых, на отсутствие в самой шугнано-рушанской группе литературного языка (в роли последнего на Памире давно уже выступает таджикский, относящийся к другой - западноиранской ветви), не выделяют каких-либо критериев при

обозначении языковых разновидностей. Поэтому в памироведческой литературе мы встречаем обозначения "языки", или "диалекты", или, наконец, "языки-диалекты" шугнано-рушанской группы наряду с "шугнано-рушанская (языковая) группа" и т.п. (Соколова, 1953; 1963; 1967; Пахалина, 1969).

В настоящее время, когда осуществлено синхронное описание фонетики и грамматики всех памирских языков, в том числе и шугнано-рушанской группы, и уточнены основные контуры их диалектологических взаимоотношений (Соколова, 1963, 71-80; Карамшоев, 1970, 71-80), можно попытаться более четко разграничить термины "язык", "диалект", "говор" и "подговор" применительно к этой группе.

Нам представляется, что в плане диахронии и в общей схеме классификации памирских языков употребление термина "диалект" для обозначения каждой языковой разновидности (шугнанской, рушанской, бартангской, рошорвской, сарькольской) не должно вызывать споров, учитывая, что происхождение этих языковых разновидностей из реконструируемого общешугнано-рошорвского можно считать установленным (Соколова, 1967, 124). Скрещенный термин "язык-диалект" кажется нам не удачным.

При анализе современного состояния шугнано-рушанской группы и определении диалектологических взаимоотношений ее языков целесообразно учитывать, по крайней мере, следующие критерии:

- а) степень взаимопонимания носителей отдельных языков и диалектов;
- б) социальная и территориальная значимость каждого данного языка или диалекта;
- в) взаимоотношение и взаимовлияние рассматриваемых языков и диалектов;
- г) осознание принадлежности говорящего к данному языковому коллективу.

Исходя из этих критериев, можно предложить такие обозначения: шугнанский язык с диалектами баджувским и шахдаринским (в последнем выделяется барвозский говор); бартангский язык с басидским говором; рошорвский язык; рушанский язык с хуфским диалектом; сарькольский

язык (в последнем имеются говорные различия).¹ Следует иметь в виду, что поскольку о диалектном и говорном членении шугнано-рушанского и рушанского языков на территории Афганского Бадахшана точных сведений нет, приведенные выше определения относятся лишь к языкам и диалектам, бытующим на территории Советского Бадахшана.

О взаимоотношениях этих языков и диалектов заметим следующее. Близость между языками шугнано-рушанской группы такова, что взаимопонимание их носителей достигается легко, однако степень взаимопонимания не одинакова.² Так, сарькольский язык, территориально оторванный от остальных языков рассматриваемой группы и обладающий специфическими особенностями как в области фонетики (отсутствие противопоставления гласных по долготе и краткости), так и в грамматической структуре (элиминирование категории рода) и в лексике (обилие уйгурских заимствованных), менее понятен для шугнанцев, чем рушанский или бартангский. Рушанский, хуфский, бартангский и рошорвский языки имеют ряд общих черт, отсутствующих в шугнано-рушанском, но эти отличия менее значительны сравнительно с сарькольским.

При оценке взаимоотношения и взаимовлияния памирских языков вообще, шугнано-рушанской группы в особенности, следует учитывать, что наибольшие по численности носителей и территории распространения языки оказывают интенсивное влияние на близкородственные "меньшие языки".²

¹ Диалектологические характеристики языков и диалектов шугнано-рушанской группы можно найти в работах: Зарубин, 1930; 1937; Соколова, 1953, 121-139; 1963, 71-80; 1966, 326-397; Пахалина, 1966, 3; 1969, 12-49; Карамшоев, 1963, 262-285; 1970, 71-80; Карамхудоев, 1973, 281-285.

² Примерная численность носителей языков приводится у В.С.Соколовой (Соколова, 1953, 84; 1966, 362); см. также Дьяков, 1931; Оранский, 1960, 336.

шугнанский язык выделяется своим положением не только по отношению к языкам рассматриваемой группы, но также и к другим языкам Памира. Хотя литературным языком и lingua franca для всех памирозвчных народов Бадахшана с давних времен (вероятно, с XI-XII вв.) является таджикский,³ шугнанский до сих пор сохраняет авторитет главного памирского языка в повседневном обиходе. Шугнанским владеют многие ваханцы, ишкашимцы и язгулямцы (Додыхудоев, 1975, 12). Стремление к овладению шугнанской "нормой" особенно заметно у носителей других близких языковых разновидностей рассматриваемой группы (шахдаринцев, баджувцев, хуфцев, руманцев, бартангцев, рошорвцев). Подобное стремление объясняется еще тем, что административным центром области является расположенный в центре Шугнана г. Хорог, где работают и учатся носители всех языков Советского Памира. Влияние шугнанской нормы особенно ощутимо в шахдаринском и баджувском диалектах; можно заметить, что признаки, отличающие эти диалекты от собственно шугнанского, у молодых шахдаринцев и баджувцев выражены менее четко, чем у старшего поколения, что, очевидно, свидетельствует о тенденции к поглощению этих меньших диалектов шугнанским.

Сходное влияние оказывает руманский на хуфский диалект. Менее ощутимо воздействие руманского на языки бартангский и рошорвский, близкий и по территории, и по структуре; на рошорвский воздействует также и шугнанский.

³ Таджикскому языку и таджикским говорам Бадахшана и их взаимодействию с памирскими языками посвящен ряд работ А.З. Розенфельд (Розенфельд, 1956; 1963; 1971). О влиянии таджикского языка в области фольклора и литературы см. Карамшоев, 1974; Шакармамадов, 1975; Пулоди, 1954; 1964; Абибов, 1971; 1972; Болдырев, 1948; 1976; Искандаров, 1973; Шанбеводе, 1958.

Все это способствует проникновению и распространению черт, присущих "большим" языкам, в сферу "маленьких", что частично можно видеть и в области проявления категории рода.

§ 3. В работах, посвященных исследованию грамматического строя языков шугнано-руманской группы, были высказаны различные, порою противоречивые точки зрения относительно характера проявления, способов выражения категории рода и ее места в структуре рассматриваемых языков. Это объясняется, очевидно, не только недостаточной изученностью категории рода, но и различными подходами к анализу языковых данных.

Суждения авторов о категории рода базируются, как правило, на анализе материалов какого-либо одного языка. Однако поскольку языки шугнано-руманской группы (кроме сарыкольского) обнаруживают значительную близость в средствах выражения грамматического рода, высказанные выводы переносятся и на всю группу в целом. Наиболее отчетливо вырисовываются следующие две точки зрения:

1. Категория рода в рассматриваемой группе считается реликтом. Такое мнение было высказано при исследовании грамматического строя бартангского языка: "Категория рода в описываемом языке в определенном смысле слова представляет собой реликтовое явление" (Карамшоев, 1973, 60). Сходное заключение находим в очень интересном по замыслу сводном труде по типологии иранских языков, причем здесь этот вывод распространен на всю шугнано-руманскую группу: "...в рудиментарном виде грамматический род прослеживается в ... языках шугнано-руманской группы" (Ефимов, 1975, 7).

2. Категория рода в языках шугнано-руманской группы рассматривается как одна из важнейших в грамматической структуре этих языков, обладающая сложным набором средств выражения, неоднородных по своему характеру и месту в системе рассматриваемых языков, связанная со всеми основными уровнями языковой структуры (фонологической, морфологической, синтаксической и лексико-семантической). Эта категория отнюдь не обнаруживает на данном этапе признаков отмирания,

она не является реликтом, а напротив, продолжает выявляться во всех основных классах слов. С точки зрения истории языка, категория рода в шугнано-рушанской группе выступает как сочетающая признаки, унаследованные от глубокой древности, с несомненными новообразованиями, что также указывает на жизнеспособность рассматриваемой категории. Особого внимания в этом плане заслуживают такие факты, как родовая отнесенность заимствованной лексики (таджикской, арабской, турецкой, русской), родовая дифференциация звукоподражательных (и, шире, изобразительных) слов; выражение рода продуктивными словообразовательными моделями. Все это, как нам представляется, недвусмысленно свидетельствует о многоаспектном проявлении категории рода и одновременно указывает на ее "жизненность" в современных языках и диалектах шугнано-рушанской группы. Такая точка зрения принята и автором настоящей работы. Некоторые положения этой концепции были высказаны В.С.Соколовой: "На месте утраченных морфологических средств языки шугнано-рушанской группы развили синтаксические способы выражения рода имени... Актуальность рода в шугнано-рушанской группе поддерживается развившимся в ней особым грамматическим значением, связанным с выражением общего и отдельного" (Соколова, 1973, 184).

Исследование категории рода в шугнано-рушанской группе связано с историей изучения языков и диалектов рассматриваемой группы в целом.⁴ Мы остановимся прежде всего на тех работах, которые непосредственно затрагивают категорию рода.

Первые упоминания о наличии категории рода содержатся у Р.Шоу (Шоу, 1877), К.Г.Залемана (Залеман, 1895) и В.Гейгера

⁴ История изучения памирских языков, в частности, и языков шугнано-рушанской группы достаточно хорошо освещена в работах советских иранистов: Соколова, Гринберг, 1962, 118-132; Додыхудоев, 1962, 2-13; Эдельман, 1964, 128-133; Расторгуева, 1967, 171-190; Пахалина, 1969, 13-16; Оранский, 1974, 174-186; Эдельман, 1976; Карамшоев, 1975; 1977, 126-133.

(Гейгер, 1898). Более подробные сведения можно найти в трудах И.И.Зарубина по рошорскому (оршорскому) и бартангскому языкам (Зарубин, 1930; 1937).

В 1939 г. появляется работа Л.А.Хетагурова "Категория рода в иранских языках" (Хетагуров, 1939). В этой работе раздел, посвященный анализу категории рода в языках шугнано-рушанской группы, весьма краток (стр. 69-73, 81) и основан на ранее опубликованных материалах В.Гейгера по шугнано-рушанскому (с большими неточностями в записях слов), И.И.Зарубина по рошорскому; привлечены и собственные записи автора (информация, полученная от шугнанцев, учившихся в Ленинграде в 30-х годах). Материалами по другим языкам и диалектам исследователь не располагал. Следует отметить, что в материалах, использованных Л.А.Хетагуровым, нередки ошибки в определении рода рассматриваемых им слов и словоформ.⁵ При анализе родовой принадлежности неодушевленных существительных автор приходит к следующему выводу: "В шугнано-рушанском языке особо должны быть отмечены случаи, когда то или иное понятие может быть относимо и к мужскому и к женскому роду в зависимости от своей принадлежности к объекту (м.) или объекту (ф.). Так, если говорится, например, о глазе мужчины, то "глаз" в этой своей конкретно выраженной принадлежности также необходимо относит к муж. роду, напротив, если речь идет о глазе женщины, то в данном случае "глаз" относится к женскому роду" (Хетагуров, 1939, 81). Далее приводятся четыре фразовых примера типа *we ɣɪnʃ dɑrɔz vɑd* 'его волосы длинные были' (м.); *wɑn ɣɪnʃ dɑrɔz vɑd* 'ее волосы длинные были' (ф.), а в заключение дается перечень 19 слов, которые, по мнению автора, "подобно предыдущим, в зависимости от своей принадлежности, будут относимы то к (м.), то к (ф.)" (Хетагуров, 1939, 81).

Отметим, однако, что родовая закрепленность всех без исключения имен вовсе не зависит от их принадлежности к объ-

⁵ Эти ошибки связаны, вероятно, с некритическим отношением к определениям, которые давали информаторы.

екту муж. или жен. рода; $\gamma\ddot{u}n\dot{J}$ 'волосы' (муж.р.) во второй фразе (как и в первой) выступает в форме муж.рода: $vah \gamma\ddot{u}n\dot{J} \text{ dar}\ddot{o}z \text{ vad}$ 'ее волосы длинные были' (пример с глаголом жен.р. vad у Л.А.Хетагурова следует считать ошибкой). В подобных же исправлениях нуждаются и примеры муж.р. для wiz 'ноша' (следует wiz), $\delta end\ddot{o}n$ 'зуб' (читай $\delta ind\ddot{u}n$), sem 'глаз'; так, вместо $vah \text{ wiz } lap \text{ wazmin } vad$ должно быть $vah \text{ wiz } lap \text{ wazmin } vad$ 'у нее ноша тяжелая была' и т.д.

Работа Л.А.Хетагурова была первым опытом анализа категории рода в шугнано-рушанской группе, сделанным к тому же на фоне истории этой категории в иранских языках в целом.

§ 4. Для изучения категории рода в памирских языках очень важна лексикографическая фиксация родовой принадлежности слов и форм — как изменяющихся по роду (имен, глагольных основ и некоторых других разрядов слов типа: kut 'короткий', жен. kat 'короткая', sut 'ушел', жен. zat 'ушла'), так и обладающих определенным родовым значением существительных (ш.-бдж. $m\ddot{e}^{\circ}$, р.-х., б.-рив. $m\ddot{e}$ жен. 'день'; ш.-бдж., б.-рив. $\delta\ddot{o}rg$, р.-х. $\delta\ddot{u}rk$ муж. 'палка', 'бревно' и т.д.).

Следует отметить, что определение рода неодушевленных имен в имеющихся лексикографических работах не может быть признано удовлетворительным. Малоизученность лексики, отсутствие полных словарей с необходимой для определения категории рода достоверной фразеологией, а также сложность самого проявления категории рода и ее неразработанность на уровне монографического описания затрудняют решение этой проблемы. Фиксация категории рода неодушевленных имен в опубликованных словарях носит непоследовательный характер и содержит ошибки в определении родовой принадлежности слов.

Среди опубликованных за последнее время лексикографических трудов наиболее важна работа И.И.Зарубина "Шугнанские тексты и словарь" (Зарубин, 1960). "Словарь" (стр. 85-288) представляет собой наиболее полное (из изданных до сих пор) собрание шугнанской лексики с соответствующей лексикографической интерпретацией формы, значения и грамматической ха-

рактеристики каждого слова. Наряду с изменяющимися по роду в словаре снабжены пометами муж. и жен. также и неодушевленные имена. Однако указание на категорию рода существительных в данном словаре в ряде случаев либо не соблюдается, либо же не соответствует действительности. Чтобы убедиться в несверженности принципа лексикографической интерпретации категории рода, возьмем в качестве примера слова на букву "Т". Здесь родовая принадлежность многих имен установлена точно и не вызывает сомнений.

$taq(q)\ddot{a}nak$ ж. 'пестрый дятел'⁶
 $tilifun$ ж. (нов.) 'телефон'
 $t\ddot{u}ti$ ж. 'попугай'
 $tundur$ м. 'гром'.

Однако значительная часть имен оставлена без указания их родовой принадлежности. Так, следующие имена, хотя и относятся к женскому роду, но приводятся без пометы ж.:

$ta\ddot{y}\ddot{o}r$ 'деревянные сосуд, посудина, кувшин'
 $talx\ddot{a}$ 'желчь', 'горечь'
 $tambun$ 'штаны'
 $tavar$ 'топор'
 $t\ddot{a}k$ I 'завязка (на халате)'
 $t\ddot{a}k$ II 'силос', 'западня для птиц'
 $t\ddot{a}n\ddot{i}jak$ 'паук'
 $t\ddot{e}y$ 'бритва'
 $tilig, talig$ 'потник'
 $tir\ddot{a}ng$ 'подпруга'
 $t\ddot{i}vdak$ 'мелкая муха'
 $t\ddot{o}rk(ak)$ 'тесло'
 $t\ddot{o}e\check{c}$ 'деревянное блюдо', 'чашка'
 $t\ddot{o}qi$ 'тубетейка'

⁶ Это слово (очевидно, звукоподражательного характера) с тем же родом употребляется и в значении 'мелкокалиберная винтовка' (ш. $\delta am \text{ xi } taq\ddot{a}nak \text{ mi-g}\ddot{a} \text{ d}\ddot{a}k$ 'дай мне эту свою мелкокалиберку').

tukmā 'пуговица'

и ряд других.

Сходным образом многие имена муж. рода зафиксированы в словаре без пометы м.; например:

tafaḥ 'пар', 'туман'

tamōki 'табак'

tanukā, tanukā 'жест'

tarbuz 'арбуз'

taxtā 'доска', 'плита'

taḡoq 'палка'

tār-misfār 'подсолнечник'

tufē 'слон'

tult 'тряпка', 'лоскут'

и т.д.

Встречаются и случаи ошибочного определения категории рода. Так, имя жен.р. tōbistūn 'лето' снабжено пометой м., в то же время другие имена, обозначающие времена года и относящиеся также к жен. роду, приведены без указания рода: tī-gamō 'осень', bu(h)ōr 'весна', zimistūn 'зима'.

Связанное с родом явление омонимии и синонимии в словаре осталось совсем неотраженным. Так, приведены: tāḥ ж. 'гора', 'скала'; tōr 'нить', 'волос', 'струна', 'тетива', 'основа (ткани)'. На самом же деле tāḥ 1) 'гора', 'скала' (как и его синоним kū 'гора') - муж.р.; tāḥ 2) 'камень' (как и его синоним žīr 'камень') - жен.р., ср. ш. yā wīdiē wam tāḥ-tīr nōst 'птишка села на тот (жен.р.) камень'; tōr 1) 'нить', 'струна', 'основа' - муж.р. (tōr ziduht 'нить оборвалась' - жен. zidaht); tōr 2) 'тар' (музыкальный инструмент) - жен.р., ср. ш. dam tōr mu-rd dāk 'дай мне тот (жен.р.) тар'.

В работе А.К.Писарчик "Рушанские тексты" (раздел "Словарь-словник", стр. 55-88) в подавляющем большинстве случаев категория рода имен установлена точно (Писарчик, 1954). Автор стремился к сплошному указанию родовой принадлежности имен - не только для жен.р. (как это мы находим в ряде памироведческих работ, - см., например, Соколова 1959; 1960), но также и

муж. (например: хаḡра f. 'похлебка из гороховой и просяной муки', biyabōn м. 'пустыня', bīb м. 'дед'). При этом обозначены соответствующими пометами и имена лиц, не имеющих родо-различаемых формантов, но по лексико-семантическим признакам относящихся к мужскому или женскому роду: amrō м. f. 'спутник', amrōyā м. f. 'сосед', 'соседка', kūr м. f. 'слепой', хēг м. f. 'племянник', 'племянница' и т.д.

Однако из-за небольшого объема материала и соответственно ограниченности фразеологического фонда при определении рода некоторых существительных допущены неточности. Для ряда имен род вовсе не указан: garē 'перепелка', sife 'бусинка', хас 'вода', tasmā 'ремень', tirang 'подпруга' (эти имена относятся к жен. роду); dārē 'болезнь', siva 'плечо' (муж.р.). Следующие имена жен. рода ошибочно отнесены к муж.р.: tambōn 'штаны', tuvḡā 'торба', 'дорожный мешок', aḡar 'шиповник', māk 'шея', garbān 'шея'.⁷ Напротив, ряд существительных муж. рода ошибочно отнесены к жен. роду (cīl 'женское покрывало', kāgī 'туфли кожаные').⁸

Зайствованное dal (тадж. dil) 'сердце' отнесено к муж. р. (Писарчик, 1954, 61), а собственно рушанский его эквивалент zōrē 'сердце' приведен без обозначения рода (Писарчик, 1954, 88). Отметим, что zōrē во всех языках группы при упо-

⁷ Эти слова в работе В.С.Соколовой отнесены к жен. р. (см. Соколова, 1959, соответствующие словарные статьи). Проведенная нами синтаксическая проверка этих имен подтверждает их принадлежность к жен.р. не только в рушанском, но также и в мугнаском, баджувском и хуфском; ср.р. dum tuvḡā mu-rī dāk, ш. dam tuvḡā mu-rd dāk 'дай мне эту торбу'; р. yā wīdiē wam aḡar-tī nōst, ш. yā wīdiē wam ḡar-tī nōst 'птишка села на тот шиповник' (р. dum, ш. dam, wam - косвенные формы указательных местоимений жен. рода).

⁸ Правильно отражен ряд этих имен у В.С.Соколовой (Соколова, 1959).

треблении его в анатомическом смысле относится к жен.р. (р. um xoʃ zōrb-i kud xūg, ш. wam xiʃ zōrb-i kud xūd 'собака съела сердце быка'), тогда как zōrb в значении 'душа' и других абстрагированных значениях относится к муж. роду (р. шu zōrb az tā viruxʔ, ш. шu zōrb as tu viruxʔ 'мое сердце охладело к тебе).

Более точную характеристику родовой отнесенности неодушевленных имен мы находим в работах В.С.Соколовой по рушанскому языку и хуфскому диалекту (Соколова, 1959) и бартангскому языку (Соколова, 1960). Автор оставляет имена мужского рода без обозначения, что представляется вполне логичным; см. об этом в предисловии к разделу "Словарь": "...слова, не имеющие пометы, относятся к мужскому роду во всех случаях их употребления" (Соколова, 1959, 108). Точно так же не обозначается "грамматический род имен существительных, обозначающих человека, а также многих домашних животных, так как в таких случаях он либо ясен из значения слова (рис 'сын', rī-zēn 'дочь', xoʃ 'бык', xōw 'корова'), либо он меняется (в словах, обозначающих человека) в зависимости от ситуационного применения слова: wau sauizgār qīw 'позови того жнеца'; um sauizgār qīw 'позови ту жницу'" (Соколова, 1959, 108).

Что касается неодушевленных имен, а также названий животных, птиц, насекомых, относящихся к женскому роду, то все они снабжены пометой ж. Весьма ценным является вывод относительно грамматического содержания категории рода, сделанный впервые В.С.Соколовой при анализе материалов рушанского языка и хуфского диалекта: "женский род обозначает только единичное, общее (категориальное) и собирательное обозначается всегда мужским родом" (Соколова, 1959, 108).

Лексикографическая интерпретация категории рода бартангского языка, отраженная в другой работе В.С.Соколовой, построена по описанному выше принципу (Соколова, 1960, 67-68).

Фиксация категории рода в этимологическом словаре норвежского ираниста Г.Моргенштерне (Моргенштерне, 1974) основывается, главным образом, на материалах, опублико-

ванных советскими намироведами. Допущенные ими при определении категории рода имен ошибки проникли и в "Словарь" Г.Моргенштерне. Так, существительное муж. рода būn 'борода' как у И.И.Зарубина, так и у Г.Моргенштерне отнесено к жен. роду; у В.С.Соколовой оно не имеет пометы, что означает его принадлежность к муж. роду (Зарубин, 1960, 118: būn ж. 'борода'; Соколова, 1959, 146: būn 'борода'; Моргенштерне, 1974, 19: būn f. S, būn XRBO 'beard' и т.д.).

Характер проявления категории рода в рассматриваемых языках и диалектах убеждает нас в том, что именно на лексикографическом уровне представляется возможным в максимальной степени при помощи соответствующих синтаксических конструкций определить родовую принадлежность имен и в первую очередь неодушевленных существительных. При составлении "Шугнанско-русского словаря"⁹ нами впервые была предпринята попытка на базе обширных материалов трех языковых разновидностей (собственно шугнанского и диалектов баджувского и шахдаринского) установить родовую отнесенность всех без исключения имен существительных (наряду с фиксацией родовых форм прилагательных, глаголов, звукоподражательных слов, местоимений).¹⁰ Родовая принадлежность всех неодушевленных существительных в этом словаре обозначается регулярно, причем диалектные отличия по роду оговариваются (например: zūm м. 'колени'; үбв ж. 'рот'; ббү ш. м., бдж. ж. 'сад'; шатүб ш. ж., бдж. м. 'сметана' и т.п.). Также отмечаются возможные колебания в роде: гауш м. (ж.) 'район' и т.п.

⁹ Д.Карамшоев. Шугнанско-русский словарь, Научный редактор С.В.Хушенова, отв. редактор А.Л.Грюнберг (словарь утвержден к печати Институтом востоковедения АН СССР и в настоящее время находится в печати в Главной редакции восточной литературы изд-ва "Наука").

¹⁰ Методика лексикографической разработки категории рода изложена в предисловии к этому словарю.

Для ряда существительных, у которых женский род обозначает единичный предмет, а мужской имеет собирательное значение, за исходный принят женский род (žīg ж. 'камень', ш. mīš, б.ж. mīš 'яблоко', 'яблоня' и т.д.).

В Словаре впервые предпринята попытка последовательно обозначать особое лексическое содержание категории рода, ведущее к возникновению омонимов, а именно, если слово в одном значении принадлежит женскому роду, а в другом - мужскому, то это соответствующим образом отражается в словарных статьях, например: sōat 1) ж. 'часы'; 2) м. 'время'; dalyā 1) м. 'жареное толченое зерно'; 2) ж. 'название похлебки из муки грубого помола'; dūr 1) ж. 'мельничный ящик'; 2) м. 'брохо', 'утроба' и т.д. При необходимости родовая принадлежность неодушевленных существительных доказывается соответствующими синтаксическими средствами (глаголами, указательными местоимениями, артиклями, прилагательными).

§ 5. Изучение категории рода в процессе описания грамматической системы языков шугнано-руманской группы дало значительные результаты как в плане фиксации ранее неизвестных форм выражения рода, так и их интерпретации. Особо следует подчеркнуть надежность и достоверность материалов, собранных на местах распространения того или иного языка (диалекта) с применением фонологической транскрипции.

Баджувский диалект шугнанского языка первым подвергся монографическому описанию (Карамшов, 1963). Раздел, посвященный анализу категории рода, представляет собой в этой работе регистрацию всех дифференцированных по роду разрядов имен существительных и прилагательных (Карамшов, 1963, 94-102, 104-106, 151, 156-160). Впервые было отмечено родоизменение в звукоподражательных словах, выступающих в предложении в функции обстоятельства, а также выражение рода при суффиксальном словообразовании и словосложении (Карамшов, 1963, 95, 99-100, 105-106).

Вывод, сделанный В.С. Соколовой на материале руманского языка и хуцского диалекта относительно особого грамматиче-

ского значения категории рода, был подкреплен и данными баджувского диалекта.

Определение родовой принадлежности существительных велось на фоне анализа их семантики; родовые грамматические значения неодушевленных существительных проверялись на основе синтаксических конструкций, выявляющих родовую отнесенность имен. При описании и анализе рододифференцированных глаголов было установлено, что по роду могут изменяться только основы прошедшего времени и перфекта, имеющие непереходное значение (Карамшов, 1963, 96-97, 164).

На материале руманского языка категория рода была проанализирована в работе М. Файзова (Файзов, 1966, 18-27, 34-36). Автор сумел ввести в научный обиход большое количество дифференцированных по роду существительных и прилагательных, ранее неизвестных или неправильно зафиксированных в научной литературе. Анализ материалов в этой работе ведется по той же схеме и почти в той же последовательности, что и при описании категории рода в баджувском диалекте, и отличается, главным образом, тем, что изменение по роду глагольных основ в руманском специально не рассматривается. При анализе выражения рода в существительных автор приходит к следующему заключению: "В самих существительных род может быть выражен характером гласного в основе. Для мужского рода характерны гласные u, ū, ū̄, o, для женского рода - гласные a, ā, i, ī, ē, ē̄" (Файзов, 1966, 18). Далее дается перечень всех засвидетельствованных групп существительных (они общи для всех языков рассматриваемой группы) типа: guj 'козленок' - giĵ 'козочка', čuĵ 'петух' - čaĵ 'курица', žog 'теленка' - žeg 'теленка (самка)', vūrĵ 'конь' - vēgĵ 'кобыла'. На первый взгляд может показаться, что автор имеет в виду только эти и подобные дифференцированные по роду корреляты, и в таком случае приведенное выше рассуждение приемлемо, хотя ī как показатель жен. рода сомнителен (указанные у М. Файзова примеры с ī не могут считаться доказательствами, поскольку род различается в них согласным суффиксальным элементом, а не одним лишь ī; ср. муж. р.: virōdīĵ 'сводный брат', pidīĵ // pidīz 'отчим'

- жен. уах̄из 'сводная сестра', мо̄диз 'мачеха' и т.п.).

Приводимый М.Файзовым анализ имен, не связанных с различением пола, убеждает нас в том, что деление рушанских гласных на показатели муж. и жен. рода безоговорочно распространяется им и на недифференцированные по роду существительные. Это более четко сформулировано по отношению к заимствованным именам: "Слова, заимствованные из таджикского, русского и через них из других языков, используются по правилам, свойственным рушанскому языку: слова, имеющие в основе гласные и, \bar{u} , \bar{u} , о, относятся к мужскому роду, слова, имеющие в основе гласные а, \bar{a} , \bar{e} , \bar{o} , относятся к женскому роду" (Файзов, 1966, 25). В данном распределении гласных отсутствуют \bar{i} , \bar{i} , однако это, по-видимому, случайно, так как мы находим примеры типа: \bar{s} inil 'шинель' (жен.), vilisrēt 'велосипед' (жен.), kitōb (жен.) 'книга'. Остается, однако, непонятным, как связывать с подобным делением гласных на родовые показатели муж. и жен. рода дву- и многосложные слова, имеющие в основе различные гласные; ср. приведенные автором примеры для жен. рода типа: kilūb 'клуб', istul 'стул' (это слово ассоциируется с муж. родом), karōwūt 'кровать', rūstīn 'шуба' (должно быть отнесено к муж. роду), konstitūciya 'конституция', kugraḅa 'одеяло', 'матрац', kastīm 'костюм', pās-purt 'паспорт', qōnūb 'закон' (Файзов, 1966, 25).

Явная противоречивость подобной родовой классификации имен существительных, как уже можно заметить по приведенным примерам, заключается в том, что корневые гласные, хотя и играют определенную роль в родовой закрепленности имен, не являются единственными показателями родоразличения и в исконных словах и, тем более, в заимствованных. Можно привести многочисленные примеры, показывающие, что указанная выше дистрибуция в рушанском (равно как и в других языках рассматриваемой группы) не имеет абсолютного характера; имена с корневыми и, \bar{u} , \bar{u} , о могут относиться и к жен. роду; ср. р.: хитн 'ворона', vurut 'ива', tūd 'тутовое дерево', камзūl 'камзол', sūmka 'сумка', pūḅ 'абрикосовое дерево', sūg 'сказка', qūl 'озеро', хоḅ 'теща', 'свекровь' и многие другие.

Напротив, имена муж. рода могут иметь в основе гласные а, \bar{a} , \bar{i} , \bar{i} , \bar{o} , \bar{e} (охарактеризованные М.Файзовым как показатели жен. рода), причем некоторые имена с этими гласными и у самого М.Файзова зафиксированы для муж. рода; руш.: ḡaba 'мальчик', wāwn 'баранья шерсть', ḡaws 'козья шерсть', paxtā 'хлопок', taxtā 'доска', salā 'шалма', nāb 'тростник', ḡar-ḡanband 'кашше', 'шарф', yāwḷ 'мука', pid 'отец', piḅḅonay 'лоб', ḡiḅern 'локоть', cīl 'женский платок', zimirc 'мочалка', wōḅ 'сено', pēx 'местный сапог' и т.д.

Родовая принадлежность указанных выше имен определяется только синтаксически - при сочетании их с дифференцированными по роду прилагательными, глаголами, указательными местоимениями; ср. руш.: kat sūg, ш. kat sūg 'короткая сказка' (kat жен. к kut 'короткий'), руш. ḡāst xurn, ш. ḡōst xurn 'красная ворона' (руш. ḡāst, ш. ḡōst жен. к муж. руш. ḡōst, ш. rūst 'красный'), руш. yāwḷ tis sut, ш. yōḷḷ tis sut 'мука рассыпалась' (sut муж. к жен. sat - основа прог. глагола si-tōw 'становиться', 'делаться', 'идти').

Таким образом, огласовка основы является не единственным, а нередко и не главным средством родоразличения в системе имен существительных. Лишь при учете внешних признаков (характер огласовки, для сложных имен - родовая принадлежность второго компонента) и лексического значения представляется возможным объяснить родовую принадлежность слова.

Категория рода в бартангском языке рассмотрена в монографии Н.Карамхудоева (Карамхудоев, 1973, 50-62, 141, 165-169). В структурном отношении раздел, посвященный выражению рода, мало отличается от аналогичных разделов двух упомянутых выше работ, но анализ материала проведен более глубоко. Так, в связи с разбором переходных и непереходных глаголов автор останавливается на выражении рода непереходными глаголами (Карамхудоев, 1973, 149-150).

Материалы рошорвского (оршорского) языка впервые были введены в науку И.И.Зарубиным в 30-х годах (Зарубин, 1930), после чего в изучении грамматического строя этого языка наступил продолжительный перерыв вплоть до выхода в 1976 г. мо-

нографии Х. Курбанова. Описание категории рода в этой работе представляет большую научную ценность. Раздел о категории рода включает все разряды различающих род имен существительных и прилагательных, а также описание родовой перегласовки в глагольных основах прошедшего времени и перфекта (Курбанов, 1976, 57-58, 62-64). Кратко характеризуются также лексические и синтаксические способы выражения категории рода существительных (Курбанов, 1976, 59-60).

В 1974 г. Т. Бахтибековым была защищена кандидатская диссертация на тему "Грамматика шугнанского языка". Ознакомление с рукописью диссертации показало, что раздел о категории рода довольно лаконичен и может быть полезным, главным образом, примерами по шахдаринскому говору (Бахтибеков, 1974).

Синхронное описание грамматической системы хуфского диалекта недавно осуществлено С. Мирзоуддиновой (этой работой завершается монографическое исследование грамматического строя всех языков и диалектов шугнано-руманской группы). Судя по рукописи данной работы, автор при рассмотрении категории рода ограничивается в основном фиксацией рододифференцированных форм, во многом идентичных с руманскими.

§ 6. В целом можно сделать вывод о том, что завершение монографического описания грамматической системы языков и диалектов шугнано-руманской группы способствовало накоплению большого количества надежных и достоверных материалов и изучению различных грамматических категорий, в том числе и рода. Тем самым была создана прочная основа для дальнейшей разработки вопросов грамматики языков шугнано-руманской группы. Первые обобщения в области сравнительного изучения вопросов фонетики, лексики, грамматики (в том числе и категории рода) уже сделаны В. С. Соколовой в связи с уточнением генетических отношений язгулямского, мунджанского и языков шугнано-руманской группы (Соколова, 1967; 1973). Категория рода в этих монографиях характеризуется в общих чертах и, главным образом, в качестве доказательства относительно близкого родства сравниваемых автором языков (Соколова, 1967, 18, 109-110; 1973, 180-190).

Другим обобщением можно считать специальный раздел о категории рода в иранских языках, помещенный во втором томе труда "Опыт историко-типологического исследования иранских языков". Анализ категории рода в шугнано-руманской группе в этой работе отведено, однако, весьма незначительное место (Ефимов, 1975, 72-75, IIО, 454-455).

§ 7. Настоящая работа является первым опытом сравнительного анализа категории рода в языках и диалектах шугнано-руманской группы.

Исследование рода в данной работе осуществляется в двух основных аспектах:

- а) анализ форм и средств выражения категории рода;
- б) анализ значения и содержания категории рода.

Анализ способов выражения категории рода включает:

1) исчерпывающую фиксацию всех дифференцированных по роду формантов и лексем;

2) исследование дифференцирующих род средств и моделей (родовые огласовки в основах имен, глаголов, звукоподражательных слов, различающие род первичные и отыменные суффиксы, родоизменяемые компоненты сложных имен существительных и прилагательных);

3) определение (при анализе выражения рода в глаголе) оппозиций родоразличаемых непереходных и переходных (каузативных) форм;

4) анализ лексико-семантических способов выражения рода;

5) выявление взаимоотношений сравниваемых языков и диалектов, установление черт общности и расхождений в выражении категории рода.

Исследование содержания категории рода преследует следующие цели II:

I) анализ грамматических значений категории рода при выражении именами значений собирательности, обобщенности и конкретности (индивидуальности);

II Публикация этой части исследования предполагается в будущем.

2) анализ лексико-грамматического содержания категории рода у имен, имеющих синонимический и омонимический характер.

Другие частные задачи исследования формулируются в соответствующих разделах данной работы.

Исследование в целом ведется на синхронном уровне, однако в тех случаях, когда синхронное сопоставление не позволяет установить закономерности развития или соответствия родовых показателей между рассматриваемыми языками, привлекаются и данные диахронического анализа (для памирских - бесписьменных - языков такие данные нередко могут устанавливаться лишь на основе сравнительно-исторического изучения других иранских языков). С этой целью приводятся, в частности, таблицы с этимологическими данными. Этимологии приводятся, в основном, по работам В.С.Соколовой (1967) и Г.Моргенштерне (1974 - BVSh). Ссылки на литературу приводятся лишь в тех случаях, когда этимология слов спорна или заимствована из других источников. Авестийские и древнеперсидские формы даются по словарю Хр.Бартоломе (Бартоломе, 1904) и работе Р.Кента (Кент, 1953).

§ 8. Источниками данного исследования служат:

1) опубликованные материалы, которые были охарактеризованы выше (§§ 3-5);

2) собранные автором (специально по разрабатываемой теме) новые материалы.

Относительно опубликованных материалов можно добавить еще следующее замечание: поскольку эти материалы собирались и публиковались с целью изучения общей системы того или иного языка или диалекта, то, естественно, многие специфические черты категории рода могли остаться вне поля зрения исследователей; к тому же при грамматическом описании языка или диалекта детальный анализ каждой категории, в том числе и грамматического рода, разумеется, не являлся задачей первостепенной важности. Поэтому с самого начала нами была поставлена задача - сверить опубликованные мате-

риалы в каждой данной языковой среде и собрать новые данные по каждому языку и диалекту на местах их распространения в районах Советского Памира, а по рошорвскому языку - также и в Вахшской долине, в Кумсангирском районе Таджикской ССР, куда переселились носители этого языка (как впрочем и некоторых других памирских языков в 50-х гг. нашего столетия).

В сборе материалов по рассматриваемым языкам и диалектам обнаруживается некоторая неравномерность, что объясняется степенью изученности их словарного состава и продолжительностью работы над языковыми данными. Так, по шугнанскому языку и его баджувскому диалекту сбор и сверка материалов с целью создания большого шугнанского словаря были начаты нами еще в 1960 г. и продолжались до 1975 г. По другим языкам (рушанскому, хуфскому, бартангскому, рошорвскому) сбор материалов проводился позднее - с 1970 по 1975 гг. В связи с этим шугнанские и баджувские материалы используются в качестве исходных и опорных для сравнения. В тех случаях, когда шугнанский и баджувский не обнаруживают различия рода, приводятся данные того языка или диалекта, где дифференциация по роду проявляется достаточно четко и последовательно.

§ 9. При дальнейшем изложении общие для всех языков и диалектов шугнано-рушанской группы формы отмечаются единой пометой ш.-р. гр., либо остаются без помет (т.е. так во всех языках и диалектах шугнано-рушанской группы, за исключением сарькольского). В случаях расхождений между языками и диалектами приводятся соответствующие пометы, обозначающие язык или диалект (см. Список сокращений).

В данной работе используется общепринятая в иранистических работах транскрипция на основе латинского алфавита (так называемая "международная иранская транскрипция", - см. Эдельман, 1963а, 5). Ударение отмечается только в тех случаях, когда оно падает не на последний слог слова. Источники древнеиранских материалов указаны выше (§ 7). При

ссылках на литературу указывается только фамилия автора, год издания работы и страница или параграф (полное название источников приводится в конце работы).

Автор искренне признателен В. С. Соколовой за советы и консультации при разработке исследуемых вопросов, А. Л. Гринбергу, В. А. Ливинцу, И. М. Стеблин-Каменскому, Р. Х. Додыхудоеву, К. Курбанову, Р. Гаффарову за ценные замечания по данной работе, а также А. В. Яценко, Р. Б. Потаповой за проделанную техническую работу при подготовке рукописи.

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ РОДА

§ 10. В древнеиранских языках, как известно, основы слов выражали не только лексическое значение, но также несли и грамматическую нагрузку. Категория грамматического рода (муж., жен. и средн.) в древнеиранских языках выражалась, в основном, типом основ в самих именах. Так, существительные с исходным -а принадлежали мужскому и среднему роду и формально противопоставлялись женскому роду. Например, существительные мужского рода: ав., др.-п. *bağa* 'бог', ав., др.-п. *aspa* 'конь', 'лошадь', *zasta*, др.-п. *dasta* 'рука', ав. *uzna* 'моление', 'жертвоприношение', ав. *ruza*, др.-п. *ruca* 'сон'; существительные среднего рода ав. *vastra* 'одежда', ав. *xāzga*, др.-п. *xāza* 'царство', др.-п. *vardana* 'город' и т.д.

Существительные с исходом на -ā, -ī, -ī принадлежали женскому роду и в целом противопоставлялись именам мужского и среднего рода. Ср. существительные женского рода: ав. *savā* 'польза', ав. *haēnā*, др.-п. *haīnā* 'армия', др.-п. *framānā* 'приказ', др.-п. *stūnā* 'колонна', *tauma* 'род', 'семья', *xāzgi* 'женщина', ав., др.-п. *būmī* 'земля', *asi* 'участь', 'доля', *āxšti* 'мир', др.-п. *šiyati* 'счастье', 'свобода' и т.д.

Однако "средний и новый периоды в истории иранских языков характеризуются явно выраженной тенденцией к постепенному переходу от многотипности словоизменения внутри системы каждой данной части речи к однотипности, от многовариантности грамматических форм к их стандартизации" (Рас-торгуева, 1975, III4). То же самое можно сказать о развитии и унификации рододифференцированных древних основ. Так, основообразующий суффикс существительных и прилагательных женского рода -ā в процессе дальнейшего развития древне-

иранских языков ослабил свою родоразличительную способность, а суффикс мужского и среднего рода -а слился с падежными окончаниями и тем самым осуществилось "выравнивание" именного словоизменения по типу древних классов основ на -а и на -ā, а на позднем этапе полная генерализация уже одного только а-склонения - это всеобщий процесс, так или иначе получивший отражение во всех иранских языках без исключения" (Расторгуева, 1975, 123).

Аналогичная участь постигла показатель женского рода -ī (-ī): "Если в авестийском позиции имен на -ī- как носителей семантики женского рода весьма сильны, то в древнеперсидском они ослабевают до минимума" (Ефимов, 1975, 37). В позднее время отдельные имена женского рода на -ī- иногда встречаются уже в а-классе (типа būmī- 'земля' наряду с būmā-).

§ II. В языках и диалектах шугнано-руманской группы историческая родовая дифференциация получила лишь частичное и опосредствованное отражение через так называемый умлаут, т.е. чередование гласного основы под воздействием древних родовых окончаний.

В результате на почве старых окончаний женского рода в шугнано-руманской группе соответственно возникли и утвердились корневые а-умлаутная и і-умлаутная родовые перегласовки.

Умлаутные перегласовки женского рода в целом противопоставляются историческим исходным гласным нейтрального положения *-а, *-и,¹ которые были свойственны именам мужского рода. При этом процесс усвоения и утверждения родоизменяемых корневых перегласовок в сравниваемых языках не ограничивался одними только именными частями речи - суще-

ствительными и прилагательными. На базе исторических частей на \bar{a} -ta (муж.) и \bar{a} -tā (жен.) модели родовой перегласовки распространились на непереходные глагольные формы прошедшего времени (основы прош. и перфекта). Проникновение родовой перегласовки в сферу звукоподражательных и изобразительных слов является, возможно, инновацией. В количественном отношении родовая перегласовка в согласуемых с существительными словах получила больше распространения, чем в самих существительных. В итоге получилась довольно интересная картина: хотя источником родовых огласовок первоначально были слова именного происхождения, в настоящее время в сравниваемых языках лишь очень небольшое количество существительных сохраняет родовую дифференциацию. Родоизменяемые модели имени в точности были усвоены не именными частями речи и получили в них более широкое распространение. С формальной точки зрения все рододифференцирующие части речи (имена, глагол, звукоподражательные слова) располагают идентичной и совпадающей структурой родовых перегласовок.

Выражение категории рода имени (в силу перечисленных выше причин) согласовательными частями речи - прилагательными, местоимениями, глагольными основами прошедшего времени и перфекта, звукоподражательными словами, в сущности является синтаксическим способом и поэтому его следовало бы рассматривать в разделе "Синтаксическое выражение категории рода", но поскольку морфологическая структура родовых моделей во всех частях речи (за исключением косвенных форм указательных местоимений) в основном совпадает, то представилось более целесообразным описать родовые изменения различных частей речи в данном разделе.

¹ По определению В.С.Соколовой, нейтральное положение - это исход основы на согласный или на гласные *-а, *-и (Соколова, 1967, 25).

§ 12. Для языков и диалектов шугнано-рушанской группы синтаксические способы выражения категории рода являются наиболее универсальными и широко распространенными. Вместе с тем морфологический способ пока еще играет определенную роль в родовой дифференциации слов, а в ряде случаев наблюдается даже тенденция к развитию новых морфологических показателей для различения категории рода.

Данный раздел включает описание всех засвидетельствованных дифференцированных по роду слов. Разбор материалов проводится в основном на синхронном уровне. Диахронный анализ родоразличаемых единиц применяется не регулярно и предназначен, главным образом, для показа возникновения родовых формантов и установления особенностей развития самой категории рода.

Основы и форманты, различающие род (имена, глагол, указательные местоимения, суффиксы), рассматриваются как с формальной стороны (структурно), так и функционально. Наряду с этим при разборе родоразличаемых непереходных глаголов предпринята попытка специально и подробно осветить вопросы взаимосвязи и взаимообусловленности грамматических категорий рода и переходности/непереходности, а при рассмотрении структуры родоизменяемых производных и отыменных суффиксов затрагиваются также вопросы их происхождения, развития и функции.

Родовая перегласовка в именах существительных и прилагательных

§ 13. Родовая перегласовка в ряде имен существительных и качественных прилагательных является одним из морфологических способов выражения категории рода. В существительных выражение рода с помощью чередования корневых гласных обнаруживается лишь в ограниченном количестве слов. Ро-

довая перегласовка распространяется на некоторые одушевленные имена, благодаря чему одновременно различается род и пол соответствующих существительных (ш.-р. гр. *šux* 'пестух', *šax* 'журица' и т.д.).

Родовое чередование в самих существительных является, таким образом, не только грамматическим, но также и лексическим (словообразующим) средством. Что касается родовой перегласовки в прилагательных, то у них различие в роде носит грамматический характер (ср. муж. ш.-бдж. *kut mōž* 'короткий посох' - жен. *kat sug* 'короткая сказка').

С формальной стороны родовая перегласовка в именах существительных и в прилагательных в подавляющем большинстве случаев имеет одинаковые модели и поэтому представляется целесообразным рассмотреть данный вопрос в одном разделе (см. также Карамшоев, 1975, 24-40).

Существует четыре основных типа чередования гласных, применяемых для различения рода существительных и прилагательных.

§ 14. П е р в ы й т и п: муж. *u*/жен. *a*. Все языки и диалекты шугнанской группы объединяются по перегласовке этого типа. Всего зарегистрировано девятнадцать пар с этим чередованием, из них шестнадцать представляют собой качественные прилагательные, остальные три - одушевленные существительные:

а) прилагательные			
ш.-р. гр.	муж. <i>u</i>	жен. <i>a</i>	
	<i>gund</i>	<i>gand</i>	'тупой'
	<i>gut</i>	<i>gat</i>	'онемевший', 'усталый'
	<i>žimut</i>	<i>žimat</i>	'низкорослый'
	<i>žurn</i>	<i>žarn</i>	'круглый'
	<i>kur</i>	<i>kar</i>	'карнаухий'
	<i>kurc</i>	<i>karc</i>	'глубокий'
	<i>kut</i>	<i>kat</i>	'короткий'

ш.-бдж. <i>maxč</i> , р.,	ш.-бдж. <i>maxč</i> , р.-х.,	'карнаухий'
б.-ршв. <i>maxš</i>	б.-ршв. <i>maxš</i>	
б. <i>palx</i>	<i>palx</i>	'с белым пятном на лбу' (о козе)
<i>taxp</i>	<i>taxp</i>	'кислый'
ш. <i>zul</i>	<i>zal</i>	'маленький'
<i>čuk</i>	<i>čak</i>	'лежащий'
<i>čung</i>	<i>čang</i>	'согнутый'
<i>šut</i>	<i>šat</i>	'хромой'

б) существительные

<i>bakul</i>	'теленос'	<i>bakal</i>	'телка'
ршв. <i>wurj</i>	'волк'	<i>warjan</i> ²	'волчица'

С исторической точки зрения этот тип перегласовки отражает др.-ир. *u, *ū в нейтральном положении и в положении а-умлаута.

Как видно из вышеприведенных примеров, расхождения между языками и диалектами в наличии слов с этим типом чередования в целом незначительны. В бартангском употребляется прилагательное *palx*, ж. *palx* 'с белым пятном на лбу' (о козе), которого нет в других языках; прилагательное со значением 'маленький' в шугнанском, бартангском и рошорвском почти совпадает по форме (ш., б.-ршв. *zul*, ж.ш. *zal*, б.-ршв. *zil*), однако в рушанском, хуфском и баджувском в этом значении употребляется слово *bucik* 'маленький', ж. *bicik*. Причем при использовании *buc(ik)*, ж. *bic(ik)* в качестве

² В других языках иная огласовка (см. ниже второй тип). В данном примере показательно то, что для рошорвского в отличие от остальных языков и диалектов шугнано-рушанской группы огласовка а, получившая широкое распространение в совершенных основах, становится более универсальной.

именного суффикса все языки и диалекты совпадают.

§ 15. В т о р о й тип: муж. u (ū) / жен. i. Это чередование также характерно для всех языков и диалектов шугнано-рушанской группы. Зарегистрировано всего семь пар с этим типом перегласовки.

муж. u (ū) ³		жен. i	
<i>bung</i>	'осленок'	<i>bing</i>	'ослица'
<i>buc</i>	'детеныш-самец'	<i>bic</i>	'детеныш-самка'
ш.-бдж. <i>wūrj</i>	р.-х., б. <i>wurj</i>	ш.-бдж.,	
	'волк'	р.-х., б.	
		<i>wirzin</i>	'волчица'
<i>guj</i>	'козленок'	<i>gij</i>	'козочка'
<i>kuš</i>	'пес'	<i>kid</i>	'сука'
<i>puš</i>	'кот'	<i>piš</i>	'кошка'
бдж., р.-х.		бдж., р.-	
<i>bucik</i>	'маленький'	ж. <i>bicik</i>	'маленькая'

Как видно из вышеприведенного списка, шесть пар представляют собой одушевленные существительные и лишь одна пара *bucik*, ж. *bicik* относится к прилагательным. Отметим, однако, что и прилагательное *bucik*, ж. *bicik* является по своему происхождению одушевленным существительным (ср. рус 'сын', рус 'детеныш', подробнее см. в §§ 192-202).

Исторически это родовое чередование является отражением *u, *ū в нейтральном положении и в положении i-умлаута.

§ 16. Т р е т и й тип. Этот тип характеризуется наличием пяти вариантов перегласовки. Вариантность здесь объясняется, главным образом, различным характером исторических соответствий в вокализме различных языков и диалек-

³ Здесь и далее в скобках указываются различные отклонения от основного типа соответствия.

тов, в результате чего специфически рушано-хуфскому краткому о и бартанго-рошорвскому долговому օ соответствует несколько шугнанских гласных.⁴

Рассмотрим каждый из пяти вышеуказанных вариантов перегласовки. Соответствия родового чередования по языкам следующие.

Первый вариант: муж. ш.-бдж. \bar{i} , р.-х. о, б.-ршв. \bar{o} / жен. ш.-р. гр. а, р.-х., б.-ршв. также \bar{e} (примеры здесь и далее приводятся в таблицах).

Как видно из приводимой ниже таблицы I, в рушанском и хуфском прилагательные $\dot{\zeta}uvdi$ 'младший' и $xaudi$ 'старший' в результате отпадения конечного -г утратили противоположение по роду.⁵ В рушанском, бартангском и рошорвском наблюдаются отдельные случаи параллельного использования а/е для женского рода ($\dot{\zeta}al//\dot{\zeta}el$ 'калека', 'сухорука').

Таблица I

	Муж. род		Жен. род	Перевод
	ш.-бдж. \bar{i}	р.-х. о	б.-ршв. \bar{o}	
I	2	3	4	5
$t\bar{e}rgil$	$t\bar{e}rgol$	$t\bar{o}rg\bar{o}l$	ш.-бдж. $t\bar{e}r-\dot{\zeta}al$, р.-х. $tergal$, б.-ршв. $t\bar{o}rgal$	черного-головой
$p\bar{i}k$	rok	- 6	ш.-бдж., р.-х. rak	белый (о баране)

⁴ О различных соответствиях в вокализме языков и диалектов шугнано-рушанской группы см.: Соколова, 1953, 131-135; Муравьева, 1976, 125-132.

⁵ Отпадение исходного -г в рушанском и хуфском в послелогах и суффиксах в какой-то мере носит закономерный характер; ср. р.-х. - $t\bar{i}$ при ш.-бдж. - $t\bar{i}r$, б.-ршв. - $t\bar{o}r$ - послелог 'поверх' (ав. $tare-$); р.-х. - $andi$ при ш. - $and\bar{i}r$, бдж. - $ind\bar{i}r$, б.-ршв. - $ind\bar{e}r$ - послелог 'внутри' (ав. $antar-$).

⁶ В бартангском и рошорвском не засвидетельствовано.

Продолжение табл. I

I	2	3	4	5
ш. $fi\dot{\zeta}t\bar{i}r$, бдж. $fi\dot{\zeta}-d\bar{i}r$	$\dot{\zeta}uvdi$	$\dot{\zeta}afd\bar{o}r$	бдж., ш. $fi\dot{\zeta}-t\bar{a}r$, $fi\dot{\zeta}d\bar{a}r$, р.-х. $\dot{\zeta}uvdi$, б.-ршв. $\dot{\zeta}af-d\bar{a}r$	младший
$xal\bar{i}\dot{\zeta}$	$xalo\dot{\zeta}$	$xalo\dot{\zeta}$	ш.-р. гр. $xal\bar{a}\dot{\zeta}$, р. $xal\bar{e}\dot{\zeta}$	пучеглазый
$xid\bar{i}r$	$xaydi$	$xayd\bar{o}r$	ш.-бдж. $xid\bar{a}r$, р.-х. $xaydi$, б.-ршв. $xay-d\bar{a}r$	старший
$x\bar{i}\dot{\zeta}$	$xo\dot{\zeta}$	$x\bar{o}\dot{\zeta}$	$x\bar{a}\dot{\zeta}$	сладкий
$c\bar{i}\dot{\zeta}$	$co\dot{\zeta}$	$c\bar{o}\dot{\zeta}$	$c\bar{a}\dot{\zeta}$	горький
$\dot{\zeta}il, \dot{\zeta}ul$	$\dot{\zeta}ol$	$\dot{\zeta}\bar{o}l$	ш. $\dot{\zeta}al$, бдж. $\dot{\zeta}al$, р.-х., б.-ршв. $\dot{\zeta}al$, $\dot{\zeta}el$	калека
$\dot{\zeta}ip\bar{i}k$	$\dot{\zeta}ipok$	б. $\dot{\zeta}ip\bar{o}k$, ршв. $\dot{\zeta}a-r\bar{o}k$	ш.-бдж., р.-х., б. $\dot{\zeta}ipak$, ршв. $\dot{\zeta}arak$	плоский
ш. $qim\bar{i}r$, бдж. $qam\bar{i}r$	$kamor$	$kam\bar{o}r$	ш.-бдж. $qa-mar$, р.-х., б.-ршв. $ka-mar$	селоброхий

§ IV. Второй вариант: муж. ш.-бдж. \bar{e} , р.-х. о, б.-ршв. \bar{o} / жен. ш.-р. гр. \bar{a} (р.-х., б.-ршв. \bar{e}). Это родовое чередование зафиксировано только в трех прилагательных в положении перед увулярным х и заднеязычным $\dot{\zeta}$, где в шугнанском и баджувском в форме муж. рода представлена огласовка \bar{e} , а в остальных языках данный вариант идентичен первому. В форме жен. рода, как и в первом варианте, в рушанском, хуфском, бартангском и рошорвском наряду с \bar{a} параллельно допускается \bar{e} (примеры см. в табл. 2).

При этом следует напомнить, что под влиянием увулярных и заднеязычных согласных в шугнанском и баджувском в отпа-

Таблица 2

Муж. род			Жен. род	Перевод
ш.-бдж.	р.-х. о	б.-ршв. ö	ш.-р.гр.ä(ë)	
gulnëx	х.gulnëx ⁷	-	ш.-бдж., х.	с белой отметиной на лбу
xinëx, ш. (ханëx)	ханox	ханöx	ш.-бдж., х. gulnax, ш. ханäx, xinäx, р.-х., б.-ршв. ханax, бдж. xinax	белоголовый, с белой отметиной на лбу
öëxt	öoxt	ööxt	ш.-бдж., р.-х., б.-ршв. сaxt, р.-х., б.-ршв. (сëxt)	кривой, согнутый

чие от прочих языков происходит расширение гласных, причем слова с подобной огласовкой могут относиться как к мужскому роду, так и к женскому. В редких случаях между языками обнаруживаются расхождения в родовой принадлежности этих имен, например: ш.-бдж. tëy жен., р.-х., б.-ршв. tïy жен. 'бритва'; ш.-бдж. шëx муж., р.-х., б.-ршв. шïx муж. (// жен.) 'гвоздь'; ш.-бдж. рëx муж., р.-х., б.-ршв. рëx 'сапог'; ш.-бдж. вëx муж., б. вïx жен., р. вïx, вëx муж. 'спинца', 'стержень' и т.п.

§ 18. Третий вариант: муж. ш.-бдж. u, р.-х. о, б.-ршв. u(ö) / жен. ш.-бдж. а, р.-х., б.-ршв. а (ë). Этот тип перегласовки наблюдается преимущественно в прилагательных. Зафиксировано 15 пар с этим вариантом чередования, некоторые из них приводятся в табл. 3.

⁷ Данная огласовка в хуфском возникла, по всей вероятности, под воздействием сугнанского. В рунанском, бартангском и рошорвском это слово отсутствует.

Таблица 3

Муж. род			Жен. род	Перевод
ш.-бдж. u	р.-х. о	б.-ршв. u(ö)	ш.-р.гр.ä(р.-х., б.-ршв. ë)	
buq	boq	böq	baq, beq	выпуклый, холмистый
žibuq	žiboq	žibuq	ш.-р.гр. ži-baq, р.-х. (žibeq)	коренастый, приземистый
rip	rop	rip	rap	подстриженный
šipux	šipox	šipux	šipax	ярко-белый, светлый
ciluaq, ziluaq	ciloq, ziloq	ciluaq, ziluaq	ш.-р.гр. ci-laq, žilaq, р.-х. cileq, žileq	стоящий торчком, торчащий
cuq	coq	cuq	ш.-б., р.-х. cëq	стоящий торчком
filux	filox	filöx	ш.-бдж. filax, р.-х., б.-ршв. filex	ярко-красный

Как явствует из табл. 3, тенденция рунанского с хуфским диалектом, бартангского и рошорвского к параллельному употреблению огласовки ë в женском роде (наряду с а) здесь более заметна. Кроме того, в бартангском и рошорвском при форме мужского рода вместо ожидаемого ö чаще употребляется краткое u. Лишь в рунанском языке и его хуфском диалекте сохраняется в мужском роде краткое о (которому обычно соответствует бартанго-рошорвское ö).

§ 19. Четвертый вариант: муж. ш.-бдж. ü (бдж. также u), р.-х. u, ü, ü, б.-ршв. u, ö, жен. ш.-бдж. ö, ä, р.-х. ä (х. также ö), б.-ршв. ä, ö (ршв. также а). Примеры этого варианта представлены в табл. 4.

Мужской род		Женский род			Перевод
ш.-бдж. ü	р.-х. u, ü, o	б.-ршв. u, o	ш.-бдж. ö, ä	р.-х. ä, ö, x.	
vüyd	vuyd	ö. vüyd, ршв. vöyd	vöyd	väyd	злой дух, ведьма, лесной длинный
ш. wüxxt	vüz	-	vöyz wirox	р. vöwz, x.	с белой отметиной на лбу (о козе)
ш. žindürv,	žindürv,	žindürv	ш. žindürv, бдж. žindürv	žindiry	оборогень, перен. алчный
бдж. žindürv	р. žindiry	-	yürx	yürx	медведь, медведица
yürx	yürx	yürx	yürx	р. rüv x. röv	с белой отметиной на лбу (о быке, корове)
rürv	rurv	rürv	rövt	р. räst, x. röst	красный
rüst	р. röst, x. rüst	röst	röst	šaw	пестрый, полосатый
ш. šüv, бдж. šuv	šuv	šöv	ш. šäv, бдж. šav	šaw	

Как явствует из табл. 4, между языками и диалектами обнаруживаются различные по характеру гласных расхождения, касающиеся как наличия или отсутствия ряда родоизменяемых слов в том или другом языке (диалекте), так и родовой перегласовки. Так, например, слова ш.-бдж., б. vüyd, р.-х. vuyd 'лесной', 'злой дух (мужского пола)' и ш.-бдж., б. vöyd, р. väyd 'ведьма', 'злой дух (женского пола)' в роморвском формально не различает рода и одна форма (vöyd)⁸ используется для выражения и муж. рода (также и мужского пола), и жен. рода (и пола), и наоборот, слово ш.-бдж., р., б. yürx 'медведь', 'медведица' только в роморвском дифференцируется по роду: ршв. yürx 'медведь' - yirxan 'медведица'.

§ 20. О соотношении языков и диалектов по реализации родовой перегласовки можно отметить следующее: в этом варианте все языки и диалекты за исключением рушанского совпадают по огласовке в женском роде и сближаются между собой по огласовке муж. рода.

Наличие огласовки жен. рода ö в ряде слов в шугнанском, баджувском, хуфском, бартангском и роморвском, как видно из приведенных примеров в табл. 4, может быть объяснено позицией перед двумя согласными и одинаковым действием фонетического положения (ср. аналогичное изменение огласовки в глаголах: жен.: ш.-бдж., б.-ршв. wirovd, р. wirovd 'стояла' к муж.: ш.-б., б.-ршв. wirovd, р. wirovd 'стоял' и т.д.).

Как видно из таблицы 4, при форме муж. рода в ряде случаев в шугнанском вместо ожидаемого i возникает u, в рушанском и хуфском вместо краткого o реализуется ö, а в бартангском и роморвском сохраняется характерная для последних огласовка ö. Все это связано с положением корневого гласного перед историческим *š, отраженном в шугнанском ŷ, а в остальных языках рассматриваемой группы -w (ср. еще: ш. xöx, бдж. xöv, р.-х. xuv, б.-ршв. xöv 'шесть', ав. xšwaš-).

⁸ Нетрудно заметить, что роморвский в данном случае сохранил форму жен. рода.

§ 21. Пятый вариант: муж. ш.-бдж. \bar{i} , р.-х. о, б.-ршв. \bar{o} / жен. ш.-бдж. \bar{i} , р.-х. \bar{e} (х. \bar{ae}), б.-ршв. \bar{e} . Здесь, как видим, родовое противопоставление не касается шугнанского и его баджувского диалекта. Этот факт легко находит историческое объяснение: данный вариант родовой перегласовки является отражением исторического *а в нейтральном положении и в положении *i*-умлаута. В шугнанском и баджувском *а в обоих случаях отражается как \bar{i} , в то время как рушанский с хурским диалектом и бартангский с рошорвским передают его соответственно как о, \bar{o} / жен. \bar{e} (х. \bar{ae}).

Таблица 5

Муж. род			Перевод	Жен. род			Перевод
ш.-бдж. \bar{i}	р.-х. о	б.-ршв. \bar{o}		ш.-бдж. \bar{i}	р.-х. \bar{e} , х. \bar{ae}	б.-ршв. \bar{e} , (ршв. а)	
1	2	3	4	1	2	3	4
-	aʒor	aʒ̄or	ягненок (самец)	-	р. aʒer, х. aʒoer	aʒ̄er	ягненок (самка)
bīg	bog	bōg	маленький глиняный горшок	bīg	р. bēg, х. bəg	bēg	большой глиняный горшок
gīš	goš	gōš	прыщавый, паршивый	gīš	geš	geš	прыщавая, паршивая
ʒīk	ʒok	ʒōk	заика, заикающийся	ʒīk	ʒek	ʒek	заика, заикающаяся
kīl	kol	kōl	безрогий	kīl	kēl	kēl	безрогая
līš	loš	lōš	голый	līš	lēš	lēš	голая
-	mandol	man-dōl	подстриженный	-	mandel	б. ршв. mandel	подстриженная

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	1	2	3	4
cīg	cog	cōg	новорожденный	cīg, ш. sag	cēg	б. cēg, sag, ршв. cāg	новорожденная
šīg	šog	šōg	теленочек	šīg	šēg	šēg	телка

Из табл. 5 можно заметить, что форма *mandol* и некоторые другие в рошорвском являются общими для обоих родов (в шугнанском и баджувском данное слово не засвидетельствовано); все слова этого типа, как видно из примеров, формально не подвергаются родовому изменению. Так напр., ш.-бдж. *kīl bušag*, р.-х. *kol bušag*, б.-ршв. *kōl bušag* 'безрогий козел' - ш.-бдж. *kīl vaz*, р.-х. *kēl vaz*, б.-ршв. *kēl vaz* 'безрогая коза'. Можно, однако, предполагать, что различие рода с помощью перегласовки в шугнанском и баджувском в словах этого типа раньше имело место. Ср. ш. *cīg šīg* 'маленький теленок', но ш. *sag šōw* 'дойная корова', 'родившая корова'.

Соответствия родовой перегласовки данного многовариантного типа по языкам можно представить в виде отдельной таблицы (табл. 6):

Таблица 6

	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.
1) муж.	\bar{i}	о	\bar{e}
жен.	\bar{a}	\bar{a}	\bar{a}
2) муж.	\bar{e}	о	\bar{a}
жен.	\bar{a}	\bar{a} (\bar{e})	\bar{a} (\bar{e})
3) муж.	и	о	и(\bar{o})
жен.	а	а(\bar{e})	а(\bar{e})
4) муж.	и(\bar{o})	и(\bar{u})	и(\bar{o})
жен.	\bar{a} , \bar{o}	\bar{a}	и(\bar{o})
5) муж.	\bar{i}	о	\bar{e}
жен.	-	\bar{e} (х. \bar{ae})	\bar{e}

Как видно из табл. 6, вариантность наблюдается, главным образом, в формах мужского рода, где все гласные представляют собой различные исторические отражения древнеиранского *а в нейтральном положении. В женском роде все языки и диалекты при отражении *а в положении а-умлаута точно совпадают (всюду реализуются \bar{a} , а), однако в рушанском, хуфском, бартангском и рошорвском историческое *а может параллельно отражаться также через i -умлаутную огласовку, что более регулярно и постоянно выявляется в пятом варианте, где в шугнанском и баджувском родовая дифференциация вовсе не происходит.

§ 22. Соответствие ш.-бдж. \bar{i} / р.-х. о / б.-ршв. \bar{o} , как уже было отмечено, имеет закономерный характер. Эта огласовка распространяется на большую группу неодушевленных существительных, не имеющих пар женского рода. Следует особо подчеркнуть, что долгий \bar{i} в шугнанском и баджувском выступает в качестве приметы мужского рода в том случае, если ему соответствует рушано-хуфское о и бартанго-рошорвское \bar{o} .

Примеры:

ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	
riδ	roδ	roδ	'след'
šia	šod	šoa	'дом'
xir	xor	xor	'солнце'
tir	tor	tor	'верх'

Таким образом, за рушано-хуфским о и бартанго-рошорвским \bar{o} в основном закреплены слова мужского рода. Шугнанское \bar{i} может выступать в качестве показателя муж. рода преимущественно по линии соответствия ш.-бдж. \bar{i} / р.-х. о / б.-ршв. \bar{o} .

Следует, однако, отметить, что в тех случаях, когда семантика имени выступает в качестве своего рода формального признака родовой принадлежности имен, родоразличительная значимость подобных типов огласовки снимается. В результате характерная для имен муж. рода огласовка может встречаться в словах жен. рода и, напротив, имена муж. рода могут содержать а- или i -образную огласовку, в общем характерную для

слов жен. рода, ср. и мена жен. рода: ш.-бдж. xix, р.-х. xoš, б.-ршв. xōš 'теща', 'свекровь', ш.-бдж. tūd, р.-х., б.-ршв. tūd 'тутовое дерево', ш.-бдж. suš, р.-х., б.-ршв. sūš 'сказка', ш.-бдж. xūrn, р.-х. xurn 'ворона'; и мена муж. рода: ш. tāt, бдж., р.-х. pid 'отец', ш.-р. гр. nāš 'тростник', ш.-бдж. šōš, р.-х. šaws 'козья шерсть', ш.-бдж. cāi, р.-х. cīi 'женский платок' и т.п.

При совпадении сравниваемых языков и диалектов по употреблению долгого \bar{i} , слова относятся преимущественно к жен. роду: ш.-р. гр. šin 'обрыв', šini 'пиала', gim 'тополь', ш.-бдж. vīn, р. vaun 'кустарник с красными ягодами' и т.д. (все слова жен. рода).

В целом соответствия между языками и диалектами по третьему пятивариантному типу характеризуются последовательным выражением муж. рода в рушанском и хуфском с помощью краткого о, а в бартангском и рошорвском посредством долгого \bar{o} . Поскольку в шугнанском и баджувском подобных родовых примет нет, одному рушано-хуфскому о и бартанго-рошорвскому \bar{o} в шугнанском и баджувском соответствуют четыре гласных (\bar{i} , \bar{e} , u, \bar{u}), что можно продемонстрировать табл. 7.

Таблица 7

Муж. род			Жен. род		
ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.
\bar{i}	о	\bar{o}	а	а(ē)	а(ē)
\bar{e}			ā	ā(ē)	ā(ē)
u	u	u	o		o
\bar{u}			-	ē (x.æ)	ē

§ 23. Четвертый тип: ш.-бдж., б.-ршв.ō, р.-х. ū/х. ш.-бдж. ē, р.-х., б.-ршв. ē.

Количество слов с этим типом чередования в целом невелико, они приводятся в табл. 8.

Таблица 8

Муж. род			Перевод	Жен. род			Перевод
ш.-бдж.ō	р.-х. ū	б.-ршв.ō		ш.-бдж.ē	р.-х. е	б.-ршв.ē	
vōŋj	vūrj	vōŋj	конь	vērj	vērj	vērj	кобыла
nibōs	nabūs	б. nabōs	внук	nibēs	nabēs	б. nabēs	внучка
pōδ-viyoj	padvi-yūj	-	босою	pōδvi-yēj	pad-viyēj, pabēj	-	босая
ш. сēm-fērtak, бдж. сēm-fē-lak	сēm-fū-rak	-	кокетливый	ш. сēm-fērtak, бдж. сēm-fē-lak	сēm-fe-rak	-	кокетливая

Этот тип перегласовки является результатом различного отражения исторического *ā в зависимости от следующих двух фонетических позиций, а именно: а) в нейтральном положении долгое *ā для мужского рода дает в шугнанском, бартангском и роморском долгое ō, а в рушанском и хуфском ū по типу ш.-бдж., б.-ршв. vōŋj, р.-х. vūrj 'жеребец' (*bāga-); б) в положении i-умлаута историческое *ā дало показатели жен. рода через гласные переднего ряда по типу ш.-бдж. vērj, р.-х., б.-ршв. vērj 'кобыла' (*bāga-). Бартангский вместе с ро-

9 Рассматриваемая перегласовка в рушанском встречается также в основах трех глаголов прош. вр.: р. būd 'попал', ж. būd; х. būd; заснул, ж. būd; х. būd; замерз, ж. būd; х. būd.

роморским, как видим, по огласовке мужского рода точно совпадает с шугнанским, а по огласовке женского - с рушанским и хуфским. Следовательно, нейтральное положение в шугнанском, бартангском и роморском дало одинаковый результат при отражении древнего *ā.

Вышеуказанный тип соответствия имеет место также в ряде слов, не имеющих родового противопоставления.

ш.-бдж.	б.-ршв.	р.-х.	
ōŋg	ōŋg	ōŋk	'деревяшка', 'палка' (ав. daru-)
yōc	yōc	yūc	'огонь' (*aŋga-)
pōŋ	pōŋ	pūŋ	'пуля' (*paŋa-)
vidōj	vidōj	vidūj	'орошение' (*abi-tāka-).

Эти слова по родовой принадлежности (синтаксически) относятся к муж. роду (ср. ш.-бдж. yōc wizud, р.-х. yūc wizud 'огонь потух'; wizud муж., жен. - wizad).

§ 24. Все приведенные выше типы чередования родовой перегласовки и их варианты представлены в табл. 9.

Таблица 9

Тип и вариант	Муж. род			Жен. род		
	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.
I	u	u	u	a	a	a
II	u(ū)	u	u	i	i	i
III:	1	o	o	ā	ā(ē)	ā(ē)
	2	ē	o	ā	ā	ā(ē)
	3	u	o	ū(ō)	a	a(ē)
	4	ū	u(ū, ū)	u, ō	ā	ā, ō
	5	i	o	ō	i	ē (х. æ)
IV	ō	ū	ō	ē	ē	ē

Отражение исторического *ā в шугнанском и рушанском соответственно через ш.-бдж. ē, р.-х. ē является более регулярным, в бартангском и рошорвском в этом случае, как правило, реализуется долгое ō. Имена с данным типом соответствия при отсутствии семантического препятствия относятся к жен. роду: ш.-бдж. mēst, р.-х. mēst, б.-ршв. mōst 'месяц', 'луна' (*māsti-, др.-инд. māś-, ав. māñ-); ш.-бдж. wēb, р.-х. wēb, б.-ршв. wōb 'арык', 'канал' (*wāḍi-, ав. waḍi-), ш.-бдж. rēb, р.-рēb, х. rēb, б. rōb¹⁰ 'западня', 'ловушка' (*rāduya-); ш.-бдж. sār, р.-х. sār, б.-ршв. sōr 'умолот зерна на гумне' (*sāruya-, ср. ав. sar-), ш.-бдж. nēz, р.-х. nēz, б.-ршв. nōz 'нос' (*nāh(y)a-ḥi-, ср. ягн. nays, согд. nuc) и т.д.

Как видно из таблицы, почти все гласные того или иного языка (диалекта) участвуют в родовой дифференциации слов. Исключением является в шугнанском и его баджувском диалекте лишь один гласный ē (из десяти гласных фонем), в рушанском и его хуфском диалекте два - ī, ō (из десяти), в бартангском и рошорвском один - ī (из девяти).

¹⁰ Данное отклонение бартангского от остальных сравниваемых языков остается не вполне понятным. Возможно, что гласный ō вместо ожидаемого ̄ō возник под воздействием огласовочной модели омонимов муж. рода б. rōb, р.-х. rōb, ш.-бдж. rīb 'след', б. rōb, р.-х. rōb, ш.-бдж. rīb 'раз'. Однако здесь показателен факт совпадения языков по принадлежности рассматриваемого слова к жен. роду (несмотря на нехарактерную для данного грамматического рода огласовку ō), что опять-таки следует объяснить действием семантических рядов, так как имена этой семантической и тематической зоны преимущественно относятся к жен. роду, ср. ш.-р. гр. tāk 'силок', 'ловушка для птиц'; ш.-бдж. dīm, р.-х., б.-ршв. dōm 'ловушка', 'западня', ш. qarqān, бдж. qarqān, р.-х. qarqān 'капкан', 'ловушка' и т.п.

§ 25. Отношения языков по соответствиям огласовки для различения рода весьма разнообразны. Для выявления и уточнения между языками общности и расхождения приводим общую схему соответствия чередования гласных мужского и женского рода для каждой языковой разновидности.

Муж. род	Жен. род	Примеры
ш.-бдж. и	а	ш.-бдж.: žurn 'круглый', ж. žarn; kud 'пес', ж. kid 'сука'; xīŷ 'сладкий', ж. xāŷ; čəxt 'согну-тый', ж. čəxt; buq 'выпуклый', ж. baq; ж. čūŷ 'пестрый', ж. čāŷ, бдж. čuw, ж. čaw; rūšt 'красный', ж. rōšt; vōrj 'кобыла', ж. vērj
	і	
	ā	
	ō	
	ē	
р.-х. и	а	р.-х.: žurn // žarn; kud // kid
	і	xoŷ // xāŷ; čəxt // čəxt
	ā	buq // baq, bēq; rūrv // rārv;
	ē	čūw // čaw; rōšt // rāšt; loš ('голый') // lēš; vūrj // vērj
б.-ршв. и	а	б.-ршв.: žurn // žarn; kud // kid;
	і	xōŷ // xāŷ; čōxt // čəxt;
	ō	bōq // baq, bēq; rūrv // rōrv;
	ā	čōw // čaw; rōšt // rāšt;
	ē	lōš // lēš; vōrj // vērj

Из этой схемы можно заключить следующее: объединяющим моментом для всех языков является соответствие огласовки муж. и // жен. а, і. Однако в рушанском перед двумя согласными огласовке муж. рода и в женском соответствует еще долгое ā (р. rūrv // rārv 'светлокрасный'). Бартангский в данном случае отличается от рушанского и примыкает к шугнанскому (ш.-бдж., б.-ршв. rūrv // rōrv). Рушанский и хуфский отличаются от других языков в указанном положении огласовкой муж. рода ū, по которой бартангский, рошорвский и шугнанский опять совпадают (р.-х. vūrj, ш.-бдж., б.-ршв. vōrj 'жеребец').

§ 26. Синхронные соответствия огласовок для обоих родов по всем языкам приведены в табл. IO.

Таблица IO

Муж. род			Жен. род		
ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.
и	и	и	а	а	а
ī		ū	ī	ī	ī
и	о	о	ā	ā	ā
е					
о	ū	о	о	е	е

Как явствует из этой таблицы, огласовка муж. рода для шугнанского языка и его баджувского диалекта характеризуется использованием большого количества различных по качеству и характеру гласных (в частности, как огубленных, так и неогубленных).

В рушанском, хуфском, бартангском и рошорвском имеет место более стройная система родовой дифференциации, в огласовке муж. рода участвует относительно небольшое количество только огубленных гласных (в рушанском и хуфском 3, в бартангском и рошорвском 4).

При этом особо следует подчеркнуть весьма широкое словарное распространение рушано-хуфского о и бартанго-рошорвского ö - наиболее универсальных примет мужского рода, которым в шугнанском соответствует три различных по качеству гласных (ср. р.-х. хоў 'сладкий', वोқ 'выпуклый', ёхт 'согнутый' // б.-ршв. хōу, вōқ, ёхт // ш.-б. хīу, вuқ, ёхт).

§ 27. В сводной таблице (табл. IIa) даются исторические соответствия для каждого типа и варианта огласовок по рассматриваемым языкам и диалектам.

Тип (вариант)	Историческое (др. ир.)	Муж. род			Жен. род					
		Нейтральное положение			а-умлаут		i-умлаут			
		ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.
III(1)	*а	ī	о	ō	ā	ā	ā			
III(2)	*а	ē	-	-	ā	а(ē)	ā(ē)			
III(4)	*а	ū(u)	u(ū, ū)	ū(ō)	ō, ā	ā	ā, ō(a)			
III(5)	*а	ī	о	ō				(ī)	ē(æ)	ē
III(3)	*а, *ū	и	о	u(ō)	а	а(ē)	а(ē)			
IV	*ā	ō	ū	ō				-	ē	ē
II	*а, *ū	u(ū)	и	и				і	і	і
I	*а, *ū	и	и	и	а	а	а			

По данным табл. IIa можно заключить, что в установлении и развитии родоразличающих огласовок шугнано-рушанской группы большую роль сыграли две различных по качеству пары древнеиранских гласных *а, *ā и *и, *ū. В нейтральном положении они отразились как показатели мужского рода, а в положениях а- и i-умлаута стали источниками огласовки для женского рода.

§ 28. В таблице IIб на основании установленных этимологич. родоразличающихся имен даны некоторые примеры по каждому типу и варианту родовой перегласовки. Как явствует из этой таблицы, взаимоотношение сравниваемых языков и диалектов по отражению исторических *а, *ā, *и, *ū носило самостоятельный и автономный характер, что проявляется в образовании для каждого языка и даже диалекта собственной родоизменяемой огласовки. Это прежде всего касается отражения исторических *а, *ā, давших в современных языках шугнано-рушан-

ской группы самые различные по качеству огласовки для муж. рода (ср. третий тип с его пятивариантной перегласовкой муж. рода и четвертый тип). Сближение, а в ряде случаев совпадение изучаемых языков и диалектов обнаруживается в двух случаях: а) при отражении древнеиранских *u, *ū; б) при огласовке жен. рода (см. первый и второй тип перегласовки).

Таблица IIб

Исторические соответствия	Тип, вариант и род	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	Перевод
I	2	3	4	5	6
*kuxā-	I м. ж.	šux šax	šux šax	šux šax	петух курица
ср.ав. kerēsa- 'тоший'	м. ж.	kurc karc	kurc karc	kurc karc	глубокий, впалый глубокая, впалая
ав. arša-	м. ж.	yūrš yūrš	yūrš yūrš	yūrš б. yūrš ршв. yūršan	медведь медведица
*garš-(a)na-	м. ж.	žurn žarn	žurn žarn	žurn žarn	круглый круглая
*trfša-	м. ж.	tušp tašp	tušp tašp	tušp tašp	кислый кислая
ав. kuta(ka)-	м. ж.	kut kat	kut kat	kut kat	короткий короткая
*kuta-(м.), *kuti-(ж.)	II м. ж.	kud kid	kud kid	kud kid	пес сука

Продолжение табл. IIб

I	2	3	4	5	6
ав. vohrka- (м.), *vršī- (ж.)	м. ж.	wūrj wirzin	wurj wirzin	wurj б. wirzin ршв. war- jan	волк волчица
*hwarza-, ав. x̄varež(iš- ta)-	III (I)м. ж.	xīš xāš	xoš xāš	xōš xāš	сладкий сладкая
*traxta- < *taxra-, перс. -тадх. talx	м. ж.	cīš cāš	coš caš	cōš cāš	горький горькая
*hwanastra-, *axša-?	(2) м. ж.	xināš xināš	xanoš xanāš	xanoš xanāš	белого- ловный белого- ловая
и.-е. √pū?	(3) м. ж.	pur par	por par	pur par	подстри- женный подстри- женная
*kaša-	(4) м. ж.	ш. šūš, бдж. šuw ш. šāš, бдж. šaw	šuw šaw	šōw šaw	пестрый пестрая
*rurō-, *rurv- или *rudra-, ср- да же ав. ra- oišita- 'красно- вый'	м. ж.	rūrṽ rōrv	rurv p.rāvṽ, x. rōrv	rūrṽ rōrv	светло- красный светло- красная
ав. baxta-	м. ж.	vūyd vōyd	vuyd vāyd	б. vūyd б. vōyd	бес, злой дух ведьма, злой дух
** (a)aku-?	(5) м. ж.	šīg šīg	šog šēg	šōg šōg	теленок телка

Окончание табл. IIб

I	2	3	4	5	6
**a-gaga-	м.	-	ažor	ažor*	ягненок-самец
	ж.	-	p. ažer, x. ažær	ažer	ягненок-самка
*bara- (м.), *bara- šī- (ж.)	IV м.	vōrj	vūrj	vōrj	жеребец
	ж.	vārj	vārj	vērj	кобыла
*nara- (м.), *nara- sī- (ж.), ав. nara-	м.	nibōs	nabūs	б. nā- bōs	внук
	ж.	nibēs	nabēs	б. nabēs	внучка

§ 29. В целом можно сделать следующие общие выводы о родовых перегласовках в именах существительных и прилагательных.

1. К более или менее универсальным и распространенным показателям (приметам) мужского рода можно отнести всего три корневых гласных: *u* - общий для всех языков шугнано-руманской группы, *o* - только для руманского и хуфского; *ō* - только для бартангского и рошорвского.

По типу огласовки женского рода все языки и диалекты весьма близки, при этом в ряде случаев прослеживается совпадение бартангского, рошорвского, хуфского с шугнанским и баджувским по использованию *ō*. Подобное совпадение для шугнанского, баджувского, бартангского и рошорвского имеет место также и при огласовке муж. рода. Ср. ш.-бдж., б.-ршв. $\bar{o} < *ā$, где в этом случае в руманском и хуфском представлено *u*.

2. При огласовке жен. рода происходит дифференциация имен на существительные и прилагательные, а именно: *a*-образная огласовка характерна для имен прилагательных, а *i*-образная огласовка - для имен существительных.

II В рошорвском не изменяется по роду: *nabōs* 'внук', 'внучка'.

3. По огласовке муж. и жен. рода различаются три основных типа родовой перегласовки:

Муж. род	Жен. род
а) шугнано-баджувский <i>u, ū, ē, ī, ō</i>	<i>a, ā, i, ō, ē</i>
б) руманско-хуфский: <i>u, ū, o, ū</i>	<i>a, ā, i, ē</i>
в) бартанго-рошорвский <i>u, ū, ō, ō</i>	<i>a, ā, i, ē, ō</i>

4. Родовая дифференциация с помощью огласовки в системе существительных касается преимущественно одушевленных существительных. В отличие от существительных, изменяющиеся по роду прилагательные могут выступать в синтаксической связи как с одушевленными, так и неодушевленными существительными.

§ 30. Наряду с закономерными родовыми чередованиями прослеживается ряд отклонений от рассмотренных выше линий соответствий. Так, например, в руманском и его хуфском диалекте зарегистрировано дифференцированное по роду слово с огласовкой муж. рода *ō*, нехарактерной для руманского языка и хуфского диалекта: р.-х. šōu 'разряженный', 'расфранченный', 'нарядный', 'щеголь', 'франт' - жен. šay 'разряженная', 'расфранченная', 'нарядная', 'щеголиха'. Примеры: р. ik-im ūšā dōuim šōu pōšā 'этот парень всегда франтом ходит'; р. tū-t šōu sut 'ты франтом (щеголем) стал'; р. tū-t šay sat 'ты франтихой (щеголихой) стала' (Соколова, 1959, 253). В остальных языках и диалектах это слово употребляется без родового изменения в форме šay и для выражения мужского и женского рода и обоих полов; ср.: ш. wi rus dōuim-aš šay vud 'его сын всегда нарядным был'; ш. wi rizīn dōuim-aš šay vad 'его дочь всегда была нарядной'. Данная форма широко употребляется в качестве именного компонента сложных глаголов: ш.-бдж. šay šidōw, р.-х. šay šēgōw, šay šēdōw 'наряжать', 'украшать', ш.-бдж. šay xu šēdōw 'наряжаться'; ш. yī ūnik kišt niwēnc šay-at, yī marđīnā kišt pōtšō šay xu, da sūr anjēn 'одна женщина наряжает невесту, а другой мужчина наряжает жениха и устраивает свадьбу'.

Этимология šōu и šay пока еще точно не установлена (см. Моргенштерне, 1938, 54I; 1974, 80). Форма šay зарегистриро-

вана также и в других памирских языках и таджикских диалектах: сарык., ишк., вах. *šau* с общими значениями 'наряженный' (-ая), 'разряженный' (-ая), тадж. (каратагское) *šau* 'хороший' (Успенская, 1956, 57). Не вдаваясь в подробности этимологической интерпретации, в общих чертах можно полагать, что упомянутые выше формы, как впрочем и другие структурно и семантически близкие лексемы типа *šō(h)* 'шах', *šā* 'правитель' и форманты *šō*, *šā*, *šā* - как компоненты мужских имен (§ 208) по своему происхождению, очевидно, связаны с др.-ир. *xšāya-* 'правитель', а по распространению и усвоению - с влиянием тадж.-перс. *šoh*, *šah* 'шах', 'правитель' разных эпох. Общая для всех памирских языков форма *šau* в руманском и хуфском была воспринята в качестве коррелята жен. рода (чему, естественно, легко способствовала сама модель с а-огласовкой) и на почве этого возникла форма муж. рода *šōu* 'рабский', 'нарядный', 'щеголь', 'франт', причем нехарактерная для муж. рода *ō*-огласовка (можно было ожидать *šū*, *šū* или *šū*) утвердилась, по всей вероятности, по аналогии с огласовкой усвоенного всеми памирскими языками заимствованного из таджикского *šō(h)*, которое семантически связано с обозначением чина и титула мужского пола и широко применяется в качестве компонента мужских имен.

§ 31. Употребление слов муж. рода с нехарактерной для них огласовкой (в данном случае *ō*, *a*, *ā*, *i*) является не случайным. Оно прослеживается как в собственных словах, так и в словах, заимствованных из таджикского или через его посредство из других языков (арабского, турецких), что лишний раз свидетельствует о несостоятельности мнения относительно зависимости родовой отнесенности имен от характера корневых гласных (§ 5). В качестве примеров можно привести следующие слова:

Муж. род	Жен. род
ш.-бдж. <i>gōwambūn</i> , р.-х. <i>gōwam-</i> <i>bōn</i> 'толстый', 'толстяк', 'на-	ш.-бдж., р.-х. <i>gōwambēn</i> 'тол-
дугий'	стая', 'толстячка', 'надутая'

р. <i>šilaq</i> 'неаккуратный', 'не-	<i>šilēq</i> 'неаккуратная', 'несо-
сосредоточенный'	средоточенная'
р. <i>šiq</i> 'морщинистый', 'старый'	<i>šēq</i> 'морщинистая', 'старая'
бдж. <i>ōšiqbōz</i> 'влюбленный'	<i>ōšiqbēz</i> 'влюбленная'
ршв. <i>šilōq-zām</i> 'пучеглазый'	ршв. <i>šilēq-zēm</i> 'пучеглазая'
ршв. <i>kata-zām</i> 'большеглазый'	<i>kata-zēm</i> 'большеглазая'

В данном случае показателен еще факт изменения по роду имен, многие из которых утвердились только в отдельных языках и диалектах. Так, в шугнанском и баджувском подавляющее большинство из вышеуказанных слов употребляется без различия рода: ш. *šēq*, бдж. *šiq* 'морщинистый', 'морщинистая', ш.-бдж. *šilīn-šilāq*, *šilīn-šilāy* 'распущенный' (-ая), 'несобранный' (-ая), 'неаккуратный' (-ая). Второй компонент сложных слов ш.-бдж. *-zēm* (из *sēm*), р.-х., б. *-zām* (*sām* 'глаз') в рошорвском с нехарактерной для муж. рода *ā*-огласовкой утвердился в качестве родового показателя муж. рода, а для жен. рода используется форма с е-огласовкой; ср. ршв. *kata-zām* 'большеглазый', жен. *kata-zēm* 'большеглазая' при ш.-бдж. *kata-zēm*, р.-х., б. *kata-zām* 'большеглазый', 'большеглазая'.

§ 32. Отклонение от основных типов родовых чередований прослеживается еще в ряде собственных мужских и женских имен, усвоенных из таджикского языка. В данном случае заимствованная форма с а-огласовкой утвердилась как коррелят мужских имен, а в женских именах закрепилось долгое *ā*.

Мужские имена	Женские имена
ш.-р. гр. <i>Safar</i>	<i>Safār</i>
ш.-р. гр. <i>Baxt</i>	<i>Bāxt</i>
ш.-р. гр. <i>Dawlat</i> , ш. также <i>Dū-</i> <i>lat</i>	<i>Dawlāt</i> , ш. также <i>Dūlāt</i>
ш.-р. гр. <i>Baxt-dawlat</i> , ш. также <i>Baxt-dūlat</i>	ш.-р. гр. <i>Dawlat-bāx(t)</i> , ш. также <i>Dūlat-bāx(t)</i> , ш.-р.

ш.-бдж. Nēk-baxt
 р.-х., б.-ршв. Nīk-baxt

гр. Sangin-bāx(t)
 Nēk-bāx(t), Nīk-bāx(t)
 Nīk-bāx(t), Nīk-bāx(t)
 и-р.гр. Nazar-bāx(t)

и т.п.

§ 33. В некоторых собственных именах, заимствованных также из таджикского, компонент ш.-бдж. -būn, р.-х., б.-ршв. -bōn со значением 'охраняющий' (от таджикского bonī kardan 'охранять') без особого изменения огласовки выступает в качестве форманта мужских имен (возникновение ū в шугнанском и баджувском связано с положением перед -n). В женских именах возникает собственная родовая модель -bēn, общая для всех сравниваемых языков.

Мужские имена

ш.-бдж. Yēlbūn, р.-х., б.-
 ршв. Yilbōn букв. 'охраня-
 ющий летовку'

ш.-бдж. Jōybūn, р.-х., б.-
 ршв. Jōybōn 'злой дух', букв.
 'охраняющий место', 'место-
 хранитель'

Женские имена

ш.-бдж. Yēlbēn, р.-х., б.-ршв.
 (Y)ilbēn букв. 'охраняющая ле-
 товку'

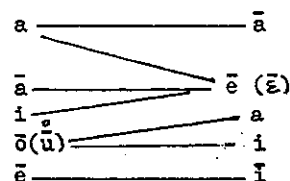
Jōybēn 'злой дух-самка', букв.
 'охраняющая место', 'местохра-
 нительница'

По свидетельству Х. Курбанова, в рошорвском языке таджикское собственное имя Gulrēz (из тадж. gul 'цветок' и rez-основа наст. времени к rextan 'рассыпать') при обозначении имени женщины имеет огласовку ī: Gurīz (Курбанов, 1976, 58).

§ 34. Соотношение огласовок муж. и жен. рода для рассмотренных в §§ 30-33 слов дает довольно пеструю картину, которую можно проиллюстрировать следующей схемой:

56

Примеры:

Safar - собств. имя муж., жен. Safār;
 р.-х. šōy 'нарядный', жен. šay; go-
 wambōn 'толстый', жен. gōwambēn, jiq
 'морщинистый', х. jēq; ршв. kata-zām
 'большеглазый', х. kata-zēm

Таким образом, если исходная форма (т.е. форма муж. рода) содержит а- или i-огласовку, то при образовании формы жен. рода возникает либо ē (р. šīlaq 'неаккуратный', жен. šīlēq), либо же долгое ā (Safar, жен. Safār), а если форма муж. рода имеет долгое ā (ршв. kata-zām 'большеглазый') в форме жен. рода реализуется ē (ршв. kata-zēm 'большеглазая').

§ 35. В целом, по всем приведенным в §§ 30-33 данным можно сделать следующие выводы.

1. Слова с нехарактерной для муж. рода огласовкой (в данном случае а, ē, i) при дифференциации по роду и создании родовой оппозиции могут осмысляться как формы муж. рода. Корреляты муж. и жен. рода хотя по характеру огласовки сближаются, однако точно не совпадают, тем самым обеспечивается родовое противопоставление подобных слов (ср. имя собств. мужского Safar - жен. Safār).

2. Корреляты мужского рода по внешнему облику продолжают исходную форму того или иного слова (впрочем как и многие другие форманты муж. рода типа -bus из рус. ш.-бдж. -gīl < kīl, р.-х. -gol < kol, б.-ршв. -göl < kōl), однако формы жен. рода образуются по аналогии на базе собственных родовых моделей жен. рода через а- или i-огласовки, что особенно наглядно проявляется в заимствованных словах. Близость родовых коррелятов муж. и жен. рода по огласовке больше всего характерна для заимствованных слов.

3. Рассматриваемые в §§ 30-33 дифференцированные по роду имена свидетельствуют о продуктивности морфологического выражения категории рода, так как родовому изменению наряду с исконными словами подвергаются также и заимствованные.

57

§ 36. Для выражения категории рода в языках и диалектах шугнано-руманской группы большую роль играет глагол, поскольку в самих именах нет регулярных рододифференцирующих показателей. Различение рода в основах прошедшего времени и перфекта было установлено еще в прошлом столетии Р. Шоу (1878), К. Г. Залеманом (1895), а позже относительно подробно изучено в трудах И. И. Зарубина (1930; 1937; 1960).

Монографические описания языков и диалектов шугнано-руманской группы способствовали фиксации новых различающих род глаголов. Это, наряду с новыми, ранее неизвестными материалами, собранными нами специально по разрабатываемой теме, позволяет в настоящее время в широком сравнительном плане более детально проанализировать выражение категории рода в глаголе и определить отношение родоизменяемых глаголов к другим формам, безотносительным к родовому изменению.

§ 37. Как отмечает В. А. Ефимов, родоразличение в глагольных формах представляет собой "несомненную инновацию в средне- и новоиранских языках", так как род как грамматическая категория был чужд древнеиранскому глаголу (Ефимов, 1975, 451). Возникновение родовых противопоставлений тесно связано с использованием в древнеиранских языках отглагольных имен - причастий настоящего и будущего времени на *-nt-, перфектных форм *-vah-, медиальных на *-mna-, *-āda- и особенно причастия на *-(t)ā-, широко использовавшихся в предикативной функции и различных предикативных конструкциях. При этом причастие прошедшего времени на *-ta- изменялось по роду следующим образом: форма на *-ta- использовалась для выражения муж. рода, а форма на *-tā- для женского.

Выражение рода в глагольной системе языков и диалектов шугнано-руманской группы осуществляется, как и в именах, с помощью внутренней флексии через а- и i-умлаутную перегласовку для женского рода и u-образную огласовку для

мужского. Причем в перфекте наряду с внутренней перегласовкой используются также дополнительные суффиксальные элементы: -j, ē < *-(a)ka- - для муж. рода и -z, -c < *-(a)āi- - для женского.

§ 38. Зафиксированный нами новый тип родоизменяемых звукоподражательных и изобразительных глаголов и их сопоставительный анализ по сравнению с обычными дифференцированными по роду глаголами свидетельствует об использовании новых синтаксических средств для выражения категории рода и расширении сферы действия родовой перегласовки (родовое чередование наряду с основами прошедшего времени и перфекта распространяется также на основы наст. времени и инфинитива), что дает основание говорить о процессе развития категории рода и, в частности, о ее прочной позиции в глагольной системе.

Сравнительный анализ родоизменяемых основ с неизменяемыми по роду глагольными формами убеждает в том, что рододифференцированные глаголы представляют собой особый класс слов в системе глагола и потому, не ограничиваясь описанием изменяющихся по роду глаголов, здесь делается попытка выявить также их специфические и отличительные черты и вместе с тем по мере необходимости определить их отношение к другим классам слов. Этим обстоятельством и вызвано рассмотрение других глагольных форм (в частности, каузативных), не имеющих родового различия, но так или иначе связанных с дифференцированными по роду глаголами.

§ 39. Характерная черта родоразличения в глагольной системе заключается в том, что изменению по роду подвергаются только глаголы непереходного значения. Подобное явление означает тесную взаимосвязь и взаимообусловленность категории грамматического рода с категорией переходности / непереходности.

Исходя из этого, нами делается попытка рассмотреть выражение рода в глаголе в более широком контексте - начиная от анализа родоизменяемых форм и кончая их противопоставлением неродоизменяемым переходным парам, и особенно кауза-

тивными формам. Оппозиция каузативных глаголов, с одной стороны, заключается в том, что почти каждому дифференцированному по роду глаголу противопоставляется каузативная пара. Подобное противопоставление диктуется той необходимостью, что довольно большое количество глаголов при основах прошедшего времени и перфекта имеет лишь одну в залоговом отношении нерасчлененную основу¹ мужского рода для выражения значения переходности и непереходности (подробно см. §§ 97-III), тем самым порождается своего рода двусмысленность (ср. ш.-бдж. *ziduǎt*, *ziduǎč* 'оторвал', 'оторвался', жен. *zidaǎt*, *zidiǎč* 'оторвалась'). Использование каузативных пар легко устраняет подобную двусмысленность и вместе с тем усиливает противопоставление (ср. ш.-бдж. *zidǎgǎ* : *zidǎgǎd*; перф. *zidǎgǎj*, инф. *zidǎgǎdǎw* 'оторвать' при *zidǎgǎ* : *ziduǎt*, жен. *zidaǎt*, перф. муж. *ziduǎč*, жен. *zidiǎč*, *zidiǎtǎw* 'оторваться').

С целью выяснения взаимоотношения двух противопологающихся друг другу по форме и семантике классов глаголов ниже наряду с изменяющимися по роду формами будут охарактеризованы также их каузативные и переходные пары, безразличные к родоизменению, но составляющие оппозицию родовым формам.

§ 40. Рододифференцированные глаголы выделяются среди прочих глаголов как особый класс с присущими им специфическими чертами. Представляется целесообразным здесь же перечислить основные признаки, присущие изменяющимся по роду формам:

1) родовая перегласовка в основах прошедшего времени и перфекта (ср. *viruǎt*, перф. *viruǎč*, жен. *virǎt*, *virǎč* 'сломаться' и неродоразличаемый переходный глагол *žiruǎt*,

¹ Термин "залоговая нерасчлененность глаголов", насколько нам известно, впервые использован В.С.Соколовой при сравнительном исследовании глагольной системы шугнано-язгулямской группы и мунджанского языка (Соколова, 1973, 137-138).

перф. *žiruǎč* 'кусать');

2) родовое чередование согласных (наряду с корневой перегласовкой) в исходе перфектной основы муж. и жен. рода (ср. муж. *viruǎč*, жен. *virǎč* и неродоизменяемый глагол *žiruǎč*);

3) использование основ жен. рода прощ. и перфекта также и при мн. числе и отсутствии подобных форм у переходных глаголов (ср. ш. *virǎt*; *virǎč* 'сломалась', мн.ч. *virǎt-ēn*; *virǎč-ēn* 'сломались' и *žiruǎt(ēn)*, *žiruǎč(ēn)* 'кусал(и)');

4) наличие у изменяющихся по роду глаголов особой формы мн.ч. в перфекте - наряду с формой жен. рода и отсутствием подобной формы у переходных глаголов (ср. ш. *virǎč-ēn* // *virǎč-ēn* 'сломались' и *žiruǎčēn* 'кусали');

5) наличие у большинства из изменяющихся по роду глаголов каузативных пар.

При всем этом следует иметь в виду следующие исключения:

1) образование каузативных форм характерно также и для некоторых других неизменяющихся по роду глаголов (ср. ш.-бдж. *nǎŷ* : *nǎŷd*, ш.-бдж., р.-х. *naŷēn* : *naŷēnt*, б.-рив. *naŷǎn* : *naŷǎnt* 'вращать' при ш.-бдж. *nǎŷ* : *nǎŷd*, р.-х., б.-рив. *nǎŷ* : *nǎŷd* 'вращаться, бродить');

2) родовая дифференциация полностью не распространяется на все глаголы непереходного значения. Определенное количество глаголов, являющихся по семантике непереходными, по роду не изменяются. Например: ш.-бдж. *wǎgv* : *wǎgvd*, р. *wǎgv* : *wǎgvd*, х. *wǎgv* : *wǎgvd*, 3 ед. наст.ш.-бдж. *wǎgvd*, р.-х. *wǎgvd*, *wǎgvd*; перф. ш.-бдж. *wǎgvj*, р. *wǎgvj*, х. *wǎgvj* 'кипеть'; ср. его каузативную форму: ш.-бдж. *wǎgv* : *wǎgvd*, *wǎgvēn* : *wǎgvēnt*, р.-х. *wǎgvēn* : *wǎgvēnt*, перф. ш.-бдж. *wǎgvj*, *wǎgvēnč*, р.-х. *wǎgvēnč* 'кипятить', 'варить'; ш.-бдж. *wǎz* : *wǎxt*, р.-х. *wǎz* : *wǎxt*, 3 ед. наст. ш.-бдж. *wǎzd*, р.-х. *wǎzd*, перф. ш.-бдж. *wǎčč*, р.-х. *wǎčč* 'купаться'; - ср. каузатив: ш.-бдж. *wēz* : *wēzd*, перф. *wēzj* 'сплавлять', 'погружать (в воду)' и т.д.

В целом изменяющиеся по роду глаголы представляют собой особую группу слов, противостоящих структурно и семантически остальным подклассам неиндифференцированных по роду глаголов.

Из всего вышесказанного и вытекает задача данного раздела — детальное описание родовой перегласовки в сравнительном, а в необходимых случаях также и историческом аспектах с целью установления закономерных соответствий родовых чередований, а также выявления общности, расхождений и отклонений между языками и диалектами шугнанско-руманской группы по отражению в каждом из них родовой противопоставления.

Выражение категории рода в глагольной системе в историческом плане восходит к старым родовым суффиксам причастия прош. времени на *-ta- (муж.) и *-tā- (жен.), однако дальнейшее развитие родоразличения в глаголе, как впрочем и в именах, происходило на собственно памирской почве в зависимости от так называемой умлаутной перегласовки.

Родовая перегласовка в основе прошедшего времени

§ 41. Носителем различения рода в основе прош. времени является корневое чередование гласных и х. Глагольная родовая перегласовка в основном аналогична родовому чередованию в именах. Типы чередования родовой перегласовки почти те же, что и в именах. Однако в ряде случаев наблюдается отличие между родовым чередованием в именах и глагольных основах, особенно в перфектных основах, в которых категория рода наряду с корневой огласовкой выражается еще и чередованием исходных согласных. Ниже по каждому типу родового чередования гласных приводятся соответствующие таблицы, в которых указаны различающиеся по роду основы прош. времени с основным вариантом перевода.

По характеру корневых гласных в дифференциации глаголов по роду, а также в зависимости от расхождения языков и диалектов по реализации родовой перегласовки выделяются пять

типов и несколько их вариантов родовой перегласовки.

§ 42. Первый тип родовой перегласовки имеет следующую модель: муж. и / жен. а. Этот тип родового чередования является наиболее универсальным и распространенным грамматическим средством как в системе родовой перегласовки имен, так и в глагольных основах. О жизнеспособности данной родоразличающей модели свидетельствует еще тот факт, что перегласовка муж. и / жен. а получила широкое распространение также и в звукоподражательных и изобразительных словах.

Модель муж. и / жен. а выделяется среди остальных типов родовой перегласовки тем, что она объединяет все языки и диалекты шугнано-руманской группы. Расхождения между языками и диалектами по реализации этой модели весьма незначительны.

Все изменяющиеся по роду глаголы с перегласовкой муж. и / жен. а по структуре основы распадаются на две подгруппы: 1) основы с одним исходным согласным (типа *rud* 'гнил', жен. *rad*) и 2) основы с двумя исходными согласными (типа *tuht* 'дрался', жен. *taht*).

Глаголы первой группы представлены в табл. 12, а глаголы второй группы — в табл. 14.

Для показа исторической судьбы изменяющихся по роду форм каждый глагол по возможности сопровождается этимологическими данными в форме исторического причастия прош. времени муж. рода на *-ta- и корня в средней степени огласовки (напр. *-būta-, \sqrt{bav} к глаголу *vad* 'был', жен. *vad*; *šūta-, $\sqrt{šav}$ к *sut* 'ушел', 'стал', жен. *sat*; *puta-, \sqrt{pav} к *rud* 'сгнил', жен. *rad*). Форма женского рода древнего причастия, образующаяся с помощью того же суффикса, но с долгим исходным ā в виде *-tā- (*būtā- > *vad* 'была', *šūtā- > *sat* 'стала', *putā- > *rad* 'сгнила') в таблицах не указывается. В некоторых случаях (главным образом, при отсутствии для причастия установленной достоверной праформы) даются засвидетельствованные формы презенса.

§ 43. По глаголам, помещенным в табл. 12, можно заключить следующее: перегласовка муж. рода и / жен. а точно совпадает по языкам и диалектам шугнано-руманской группы. В двух

Таблица 12

Язык	Основа прош. времени		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
ш.-р.гр.	sut	sat	становиться, идти	ав. $\sqrt{s(y)}$ av
ш.-бдж., х., б.-рив.	vud	vad	быть	ав. \sqrt{b} av
р.	vid	vid		
ш.-р.гр.	puđ	pađ	гнить	*puta-, ав. puca-, \sqrt{pav}
ш.-р.гр.	firud	firađ	полоскать	*fruta-, ав. хау-этив. fravaya-, \sqrt{frav}
ш.-р.гр.	šud	šad	гореть, сгорать	*šuta-, $\sqrt{šav}$
ш.-р.гр.	pišud	pišad	развлекаться, утешаться	*pati-xuta-, pati-xawa-, xawa-, xawaaya-
ш.-р.гр.	wizud	wizađ	потухать, гаснуть	*vi-zuta-, ср. и. е. *gheu-, согд. wuz'w-, \sqrt{zav}
ш.-р.гр.	sirud	sirađ	отделяться, разъединяться	*us-gawaaya-
ш.	birud	birad	отнимать от груди, прекратить сосать (грудь)	*apa-gāwaya-?

случаях обнаруживается расхождение: I) рододифференцированный в подавляющем большинстве языков глагол vud 'был', жен. vad 'была', играющий определенную синтаксическую роль в уточнении категории рода имен (подлежащих), в рушанском не подвергается родовому изменению (ср. р. уā šuruk šod xiz vid; ш. уу šbrik šid xez vud 'тот мужчина находился около

дома' - р. уā ŷanak ar tagōv vid; ш. уā ŷinik ar tagōv vad 'та женщина находилась внизу'). В перфекте указанный глагол и в рушанском изменяется по роду (муж. viŷ 'был', 'находился', жен. vic).

2) Глагол birud 'прекратил сосать (грудь матери)', жен. birad² характерен для шугнанского языка. В остальных языках в данном значении употребляется глагол sirud 'отделился', жен. sirađ (ср. р. уā ŷabavuc av baš sirud, ш. уу ŷabavuc av piš sirud '(тот) ребенок (мальчик) перестал сосать грудь' (букв. отделился от груди); р. уā ŷāsbic av baš sirađ, ш. уā ŷāsbic av piš sirađ '(та) девочка перестала сосать грудь').

В историческом плане родовая модель и/а в вышеприведенных глаголах (табл. 12) отражает др.-ир. *u, *ū от корней с сонантом *v(w). В нейтральном положении исторические *u, *ū дают огласовку для мужского рода (*šuta- > sut 'стал', *būta- > vud 'был', а в положении а-умлаута - огласовку для женского (*šutā- > sat 'стала', *būtā- > vad 'была').

К рассматриваемому типу примыкает еще один глагол с не вполне ясной этимологией: ш.-р. ziban : zibud, ж. zibađ 'при-

2) Глагол sirāw : sirud, жен. sirađ в значении 'отделяться', 'выделяться' встречается во всех языках шугнано-рушанской группы (ср. ш. miŷiŷ av mōl-and sirud, р. mawoŷ av mōl-and sirud 'баран отделился от стада овец'). Попутно заметим, что предположение Г. Моргенштерне (1974, 20) об этимологической связи ш. birāw : birud, жен. birad с глаголом ш.-бдж. gāv : givd, р. gāv : givd 'сосать' подтверждается еще бартагским вариантом: birāv : birēvd 'сосать'.

Сонант -w (в глаголе birāw) вместо ожидаемого -v (birāv) мог возникнуть значительно позже по аналогии с глаголами, приведенными в табл. 12 (типа ш.-бдж. pišāw, р.-х. pišāw : pišud, ж. pišad 'утешаться'; ш.-бдж. šāw, р.-х. šāw : ш.-р. гр. šud, ж. šad 'гореть').

гать'. Для него предлагаются две исходные праформы: *haša-rat-, √rat (Соколова, 1967, § 107 и прим. 46 на стр. 36) и *uz-wan- (Моргенштерне, 1974, 107). В данном случае, как можно заметить, родовая перегласовка u/a в отличие от внешнеприведенных в табл. 12 глаголов отражает историческое *a.

В специальном объяснении нуждается приводимое нами ниже в таблицах 13, 15, 19, 22, 25 сопоставление различающихся по роду переходных глаголов и безразличных к родовому изменению каузативных форм.

§ 44. Родовое противопоставление в глагольной системе проявляется в следующих трех аспектах:

1) в противопоставлении форм мужского и женского в пределах одного глагола: sut 'ушел' - жен. sat 'ушла';

2) в противопоставлении изменяющегося по роду переходного глагола и его переходной не изменяющейся по роду каузативной пары: ш.-бдж., р.-х. rišud 'развлекался', жен. rišad 'развлекалась' - ш.-бдж. rišēwd, р.-х. rišēwt, rišēwd 'развлекал(а)', 'развлекает'.

3) в оппозиции двух классов глаголов - переходных рододифференцированных и нерододифференцированных глаголов переходного значения (как каузативных, так и прочих переходных глаголов).

Внеприведенные факты свидетельствуют о том, что развитие и активизация класса каузативов и вообще переходных глаголов теснейшим образом связана с обособленностью изменяющихся по роду форм - как особого класса глаголов с переходной семантикой. Каждому изменяющемуся по роду глаголу противопоставит по форме и семантике каузативная пара или другой глагол с переходным значением. Именно поэтому представляется целесообразным завершить анализ каждого типа перегласовки в рододифференцированных глаголах сопоставлением их каузативных форм.

§ 45. В древнеиранских языках, в частности в языке Авесты, глагольные основы на -ауа- "имели по преимуществу значения интенсивности и переходности. Поэтому они закреплялись в значениях и т е н с и в о в рядом с другими переходными основами того же корня и в значениях к а у з а -

т и в о в рядом с переходными основами". Например VARA- 'нести', BĀRAYA- интенсив от VARA-; TARSĀ-, √TRĒS 'бояться', каузатив TRĀSAYA- 'пугать'. Однако в целом каузативы на -ауа- в древних языках не получили достаточного развития и "не стали генеральной формой" (Соколов, 1961, 87).

В памирских языках, особенно в мунджанском и шугнано-руманской группе каузативные глаголы стали весьма продуктивными. При этом интенсивное развитие каузативных глаголов в шугнано-руманской группе языков тесно связано с дифференцированными по роду переходными глаголами.

Вопрос о каузативных глаголах в общих чертах был затронут как при монографическом описании языков и диалектов шугнано-руманской группы (Карамшоев, 1963, 165-167, 295-297; Файзов, 1966, 119-120; Карамхудоев, 1973, 147-148; Курбанов, 1976, 129-130), так и при изучении названной языковой группы в сравнительном и сравнительно-историческом аспектах (Соколова, 1973, §§ 98-106). При анализе внешней структуры и выделении каузативов среди прочих глаголов не всегда мнения исследователей шугнано-руманской группы совпадали. Так, например, Н. Карамхудоев и М. Файзов под настоящими каузативами понимают только формы с суффиксами -ēn, -ōn (Карамхудоев, 1973, 148; Файзов, 1966, 119). Доказано, однако, что эти суффиксы - поздние образования (Соколова, 1973, 138), к тому же они более характерны для западноиранских языков (Пирейко, 1975, 330). Восточноиранские каузативные глаголы, в том числе и каузативы языков и диалектов шугнано-руманской группы с различной внутренней огласовкой восходят, как правило, к древним основам на -ауа- типа: ш.-бдж. rēw, р.-х. rēw 'гниить', 'заквашивать' (*rāvaуа-, √rav) - каузатив к различающему род глаголу ш.-бдж., р.-х. муж. rud (*puta-), жен. rad (*putā-) 'гнить', 'заквашиваться'.

§ 46. Подробный разбор каузативов непосредственно не входит в задачу данного исследования, и проводимый ниже анализ преследует одну цель - показать оппозицию переходных родовых глаголов и их каузативных (переходных) недифференцированных по роду пар. Для противопоставления двух только что упомянутых классов глагола привлекаются в основном материалы

шугнанского языка и его баджувского диалекта, так как они наиболее богаты каузативными формами и к тому же выделяются архаичностью. Лишь при отсутствии в шугнанском и баджувском соответствующих каузативов используются данные других языков рассматриваемой группы. По каждому типу родовой огласовки ниже приводятся таблицы, в которых каждый изменяющийся по роду непереходный глагол сопоставляется со своей каузативной и переходной по семантике парой. При этом переводом снабжаются только каузативные глаголы, так как значенные родовых форм было уже указано раньше в предшествующих таблицах.

Как явствует из табл. 13, на долю почти каждого изменяющегося по роду глагола приходится каузативная пара. Так, из десяти различавшихся род глаголов восемь располагают каузативными формами и лишь два глагола (sut 'стал', ж. sat; vud 'был', ж. vad) не имеют соответствующего противоположающегося каузатива. Непереходному дифференцированному по роду глаголу sut 'стал', 'становился', жен. sat противопоставляется вспомогательный глагол kin : čūd 'делать' с переходным значением³ (ср. ш. mōšīn wēgūn sat 'машина испортилась' - mōšīn-at wēgūn čūd 'ты испортил машину'). В целом, только глагол vud 'был', жен. vad остается вне оппозиции.

§ 47. Каузативные формы, противопоставляющиеся дифференцированным по роду глаголам, формально распадаются на две основные группы: 1) формы с внутренней сильной огласовкой: ш.-бдж. ē, р.-х. ē, исторически восходящие к древним основам на -ауа- типа ш.-бдж. sirēw : sirēwd, р.-х. sirēw : sirēwt (*us-gawa-a-) 'отделять' к ш.-бдж., р.-х. муж. sirud 'отделился', жен. sirad 'отделилась'; ш.-бдж. wizēw : wizēwd, р.-х. wizēw : wizēwt (*waza-a-?) 'гасить', 'тушить' к

³ Вспомогательный глагол kin : čūd, р.-х. kin : čūg в рушанском при непереходном значении подвергается родовому изменению (см. § 64).

Основа прош.вр.		Каузативные основы (наст.:прош.)	Перевод каузатива
муж.	жен.		
ш.-бдж. pud	pad	pēw : pēwt	гноить, заквашивать
pišud	pišad	pišēw : pišēwt	развлекать
firud	firad	firēw : firēwt	полоскать
ʒud	ʒad	ʒēw : ʒēwt	зажигать
wizud	wizad	wizēw : wizēwt	гасить
sirud	sirad	sirēw : sirēwt	отделять, выделять
ш. birud	birad	birēw : birēwt	отделять, отнимать (от груди)
ш.-бдж. zibud	zibad	zibēn : zibēnt	заставлять прыгать

непереходному глаголу муж. ш.-бдж., р.-х. wizud 'потух', жен. wizad 'потухла'; 2) формы с каузативным суффиксом ш.-бдж., р.-х. -ēn, б.-рив. -ōn типа ш.-бдж., р.-х. zibēn : zibēnt, б.-рив. zibōn : zibōnt 'заставлять прыгать' к ш.-бдж., р.-х. б.-рив. муж. zibud 'прыгнул', жен. zibad 'прыгнула'.

В редких случаях каузативные основы могут иметь иную огласовку, например: ш.-бдж. ū, р.-х. ū: ш.-бдж. ūibūxt : ūibūxt, р.-х. ūibūxt : ūibūxt 'сузить' к муж. ш.-бдж., р.-х. ūibūxt 'сузился', жен. ūibūxt 'сузилась'.

Основным внешним признаком каузативов является сильная i-умлаутная огласовка, которая в шугнанском и баджувском реализуется через открытое ē, в рушанском и хуфском - через закрытое ē, а в баргангском и роморском передается гласными ā, ȃ.⁴ (ср. ш.-бдж. ʒēw : ʒēwd, р.-х. ʒēw : ʒēwd, б.-рив.

⁴ В баргангском, как отмечает В.С.Сокколова, сильная ог-

šaw : šawd 'жечь' к ш.-бдж. šaw : šud, жен. šad, р.-х., б.-ршв. šiw : šud, жен. šad 'гореть').

Каузативная огласовка ш.-бдж. ē в положении перед -п, -ш сужается в ē и сохраняется в каузативных суффиксальных элементах⁵ (ш.-бдж., р.-х. warvēn : warvēnt, б.-ршв. warvōn : warvōnt 'кипятить', ш.-бдж., р.-х., б. nišēn : nišēnt 'прилипать'), а в ряде глаголов формант -ēn непосредственно входит в состав глагольных основ и тем самым обеспечивается переходность в значении глагола (ш.-бдж., р.-х. divēn : divēnt 'везть' при б.-ршв. divōn : divōnt; ш.-бдж., р.-х. pišēn : pišēnt 'нанизывать'; bišēn : bišēnt 'трясти дерево', бдж., р.-х. sipēn : sipēnt 'черпать' при б.-ршв. sipōn : sipōnt).

§ 48. Другая (вторая) группа изменяющихся по роду глаголов отличается от вышерассмотренных в табл. 12 в синхронном плане сочетанием исходных согласных -xt в основе прош. времени вместо -d. Модель же родовой перегласовки u/a остается без изменения только для мугнанского и баджувского. В остальных языках в огласовке глаголов жен. рода в ряде случаев реализуется долгое ā. Модель родовой перегласовки рассматриваемой группы глаголов имеет по языкам следующий вид (примеры см. в табл. 14).

Муж. род			Жен. род		
ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.
u	u	u(ō)	a	a(ā)	a(ā)

ласовка как примета каузативных глаголов ослаблена, поскольку ō встречается и в основах глаголов непереходного значения: б. vōr : vōrt 'выслеживать', б. wōx : wōxt 'падать' при ш.-бдж. zēt : zērt, wōx : wōxt (Соколова, 1973, II 6 и след.).

⁵ О каузативных суффиксах в мугнано-руманской группе см. Соколова, 1973, §§ 151-155.

Исторически эта родовая перегласовка отражает два исходных источника:

1) огласовку от корней с сонантом r, типа *trd, √tard : ziduht (*hača-tarda-) 'оторвался', жен. zidaht (*hača-tardā-) 'оторвалась';

2) а-огласовку от корней типа √važ : ш.-бдж. riwūht (*vašta-) 'улетел', жен. riwaht (*vaštā-, ав. vaštā-) 'улетела'.

Таблица 14

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
I	2	3	4	5
ш.-бдж.	riwūht	riwaht	летать	*fra-vaz, ав. vašta-, √vaz
р.-х.	rawūht	rawāht		
б.-ршв.	rawōht	rawāht		
ш.-р.гр.	tuht	taht	драться	др.-инд. trdha-, √tard
ш.-р.гр.	ziduht	zidaht	оторваться, отрываться	от того же √tard с префиксом *hača-, т.е. *hača-tard-
ш.-бдж.	aruht	arāht	подниматься, вздыбиться	*fra-rašta-√raz, *ā-raz-
р.-х.	aruht	arāht		
б.-ршв.	aruht	arāht		
ш.-р.гр.	ziyūht	ziyaht	высыхать, выгорать	ав. hušata-, √haoš; *uz-hušta
ш.	nihuht	nixaht	обрушиться	ав. karet-, др.-инд. kṛntati-, kartati-√kart?
бдж., х.	rixūht	rixaht	обвалиться	

I	2	3	4	5
р., б.-ршв.	raxuɣt	raxaɣt		
ш.	pirxuɣt	pirxaɣt		возможно от того же √kart (см. предшеств.)
бдж.	paɣxuɣt	paɣxaɣt		
р.	paɣxuɣt, paɣaxuɣt	paɣxaɣt, paɣaxaɣt, paɣaxaɣt	заболеть, ухудшиться (о здоровье)	
х., б.-ршв.	paɣaxuɣt	paɣaxaɣt		
ш.-бдж.	paɣuɣt	paɣaɣt	вскочить	возможно, от √vart
р.	paɣuɣt	paɣaɣt ⁶	брызгаться	
ш.-бдж.	paɣwɣt	paɣwaɣt ⁷	перевернуться, свалиться	ав. vareta-, др.-инд. vartati-, √vart
б.-ршв.	paɣwɣt paɣwɣt	paɣwaɣt		
р.-х., б.-ршв.	waɣwɣt	waɣwaɣt	переворачиваться с бока набок ⁸	

⁶ В бартагском и рошораском в этом значении употребляется глагол *raɣwɣt*, жен. *raɣwaɣt*; ршв. *ɣas pa min raɣwaɣt* букв. 'вода на меня брызгалась'.

⁷ В руманском и хуфском не засвидетельствован.

⁸ В шугнанском в этом значении употребляется не дифференцированный по роду глагол *paɣwaɣt* 'переворачиваться (с бока набок)', 'страдать бессонницей'. Однако каузативная форма *waɣwɣt*, жен. *waɣwaɣt* засвидетельствована во всех сравниваемых языках: ш.-бдж. *waɣwɣt* : *waɣwaɣt*, р.-х., б.-ршв. *waɣwɣt* : *waɣwaɣt*.

I	2	3	4	5
ш.-р.	ɣibuɣt	ɣibaɣt ⁹	сужаться, уменьшаться ростом	

По этому же типу идет глагол со спорной этимологией ш.-р. гр. *viɣuɣt* 'сломался', жен. *viɣaɣt* (по Соколовой, 1967, 60: **brišta-*, а по Моргенштерне, 1974, 85: **braša-*; ср. ав. *brau-* 'резать' и √*raēš*).

Огласовка муж. рода в основе прош. времени отражает исходный гласный суффикса древнего причастия *-ta- в нейтральном положении: *ɣiwuɣt* 'улетел' (**vašta-*), положение а-умлаута дает огласовку для женского рода: *ɣiwaɣt* 'улетела' (**vaštā-*).

По рассмотренному типу адаптирован заимствованный из таджикского глагол ш.-р. гр. *ɣikuɣt*¹⁰ 'расцвел', жен. *ɣikaɣt*, *ɣikiɣt* 'расцвела'.

§ 49. Из данных табл. I4 можно отметить следующее:

По огласовке мужского рода шугнанский, баджувский, руманский и хуфский точно совпадают, так как во всех глаголах реализуется и. Бартагский и рошорский при сохранении этой огласовки в большинстве глаголов в редких случаях допускают

⁹ В рошорском языке не засвидетельствован. Указанный глагол с неясной этимологией по своему внешнему облику приписывается к данному классу, хотя его каузативная форма несколько иная, чем у других вышеприведенных глаголов (см. табл. I5). Ср. ш.-бдж. *ɣibuɣt* : *ɣibaɣt*, р.-х., б.-ршв. *ɣibuɣt* : *ɣibaɣt* 'сужать'.

¹⁰ Данный глагол упоминается В.С. Соколовой как заимствованный из таджикского *ɣikuɣtan* 'расцветать', 'распускаться' (Соколова, 1967, § I07). Г. Моргенштерне по поводу заимствования указанного глагола высказывает некоторые сомнения (Моргенштерне, 1974, I02).

специфическую огласовку \bar{e} (б.-рив. $ra\bar{w}\bar{o}xt$ 'улетел' при ш.-бдж. $riw\bar{u}xt$, р.-х. $raw\bar{u}xt$, б.-рив. $ar\bar{o}xt$ 'улетел' при ш.-бдж. $riw\bar{u}xt$, р.-х. $raw\bar{u}xt$; б.-рив. $ar\bar{o}xt$ 'вздыбился' при ш.-бдж., р.-х. $aru\bar{u}xt$); в одном глаголе наблюдается параллельное использование u/\bar{e} (б.-рив. $ragw\bar{u}xt$ // $ragw\bar{o}xt$ 'перевернулся' при ш.-бдж. $ragw\bar{u}xt$).

В передаче огласовки женского рода шугнанский и бадхувский выделяются сохранением а-огласовки во всех глаголах. Эта огласовка используется в подавляющем большинстве глаголов остальных языков - руманского, хуфского, бартангского и роморвского. Однако следует особо подчеркнуть, что в этих языках и диалектах хотя и редко, но все же в ряде глаголов сохраняется долгий \bar{a} - исторически основная примета женского рода; ср. р.-х., б.-рив. $raw\bar{a}xt$ (' $\bar{v}a\bar{s}t\bar{a}$ -) 'улетела', б.-рив. $ragw\bar{a}xt$ 'перевернулась', р. $ragax\bar{a}xt$ // $ragax\bar{a}xt$ 'заболела').

§ 50. Изменяющимся по роду непереходными глаголами, помещенным в табл. 14, противопоставляются каузативные глаголы (табл. 15). Из всех приведенных в табл. 14 различающих род форм только два глагола не имеют противопоставляющейся переходной пары (ш.-бдж., р.-х. $aru\bar{u}xt$, жен. ш.-бдж. $aru\bar{a}xt$, р.-х. $aru\bar{a}xt$, б.-рив. муж. $ar\bar{o}xt$, жен. $ar\bar{a}xt$ 'встать на дыбы', 'вздыбиться'; ш.-бдж., р.-х. $ragu\bar{u}xt$, жен. ш.-бдж. $ragax\bar{u}xt$, р.-х. $ragax\bar{u}xt$ 'вскочить'). Остальным родовым формам противопоставит соответствующая каузативная пара; тем самым осуществляется четкое противопоставление изменяющихся по роду непереходных и переходных каузативных глаголов (см. табл. 15).

Как видно из таблицы 15, каузативные глаголы по образованию мало отличаются от глаголов, приведенных в табл. 13. Основным внешним признаком каузативов так же и здесь является i -образная огласовка через корневую ш.-бдж. \bar{e} , р.-х., б.-рив. \bar{e} (ср. ш. $nix\bar{e}x$: $nix\bar{e}xt$, бдж. $nix\bar{e}x$, $nix\bar{e}r\bar{e}t$: $nix\bar{e}xt$, $nix\bar{e}r\bar{e}t$, р., б.-рив. $rax\bar{e}x$: $rax\bar{e}xt$, х. $nix\bar{e}x$: $nix\bar{e}xt$ 'обрушиваться' к родовому глаголу ш. $nix\bar{u}xt$, х., бдж. $nix\bar{u}xt$, р., б.-рив. $rax\bar{u}xt$, жен. ш. $nix\bar{a}xt$, х., бдж. $nix\bar{a}xt$, р., б.-рив. $rax\bar{a}xt$). Другая модель каузативной формы образуется посредством суффикса ш.-бдж., р.-х. $-en$, б.-рив. $-en$

Основа прош. вр.		Каузативные основы (прош.: наст.)	Перевод каузатива
муж.	жен.		
ш.-бдж.	ш.-бдж.	ш.-бдж.	
$riw\bar{u}xt$	$riw\bar{a}xt$	ш.-бдж. $riw\bar{e}z$: $riw\bar{e}zd$, бдж. $riwaz\bar{e}n$: $riwaz\bar{e}nt$	заставлять летать
$tu\bar{u}xt$	$ta\bar{u}xt$	$tar\bar{e}n$: $tar\bar{e}nt$	стравливать, принуждать драться
$zidu\bar{u}xt$	$zida\bar{u}xt$	$zid\bar{e}r\bar{e}$: $zid\bar{e}r\bar{e}d$	отрывать, разрывать
$ziyu\bar{u}xt$	$ziya\bar{u}xt$	ш. $ziy\bar{e}y$: $ziy\bar{e}yd$, бдж. $ziy\bar{e}w$: $ziy\bar{e}wd$, $ziyaw\bar{e}n$: $ziyaw\bar{e}nt$ ¹¹	заставлять сохнуть, сушить
ш. $nix\bar{u}xt$	$nixa\bar{u}xt$	ш. $nix\bar{e}r\bar{e}$: $nix\bar{e}r\bar{e}t$, бдж. $nix\bar{e}r$: $nix\bar{e}r\bar{e}t$	обрушивать разрушать
бдж. $nix\bar{u}xt$	$nixa\bar{u}xt$	$nixar\bar{e}n$: $nixar\bar{e}nt$	
$ragw\bar{u}xt$	$ragax\bar{u}xt$	$rag\bar{e}r$: $rag\bar{e}r\bar{e}t$ (?), $ragaxar\bar{e}n$: $ragaxar\bar{e}nt$	заставлять заболеть
$ragw\bar{u}xt$	$ragw\bar{a}xt$	$ragw\bar{e}x$: $ragw\bar{e}xt$	сваливать, переваливать
$wagw\bar{u}xt$	$wagw\bar{a}xt$	$wagw\bar{e}x$: $wagw\bar{e}xt$	перезорачивать
$yibu\bar{u}xt$	$yiba\bar{u}xt$	$yibu\bar{x}$: $yibu\bar{x}t$	сужать
$viru\bar{u}xt$	$vira\bar{u}xt$	ш. $vira\bar{y}$: $viru\bar{x}t$ бдж. $viraw$: $viru\bar{x}t$	сломать, разбивать

(ш.-бдж., р.-х. $tar\bar{e}n$: $tar\bar{e}nt$, б.-рив. $tar\bar{e}n$: $tar\bar{e}nt$ 'стравливать' к глаголу ш.-р. $tu\bar{u}xt$ 'дрался', жен. $ta\bar{u}xt$). Наряду с этим среди рассматриваемых глаголов есть каузативная форма с корневым ш.-бдж. \bar{u} , р.-х., б.-рив. \bar{u} (ш.-бдж. $yibu\bar{x}$:

II В шугнанском не засвидетельствован.

$\dot{y}ib\dot{u}xt$, р.-х., б.-рив. $\dot{y}ib\dot{u}x$: $\dot{y}ib\dot{u}xt$ 'сузаться' к различающему род глаголу ш.-р. гр. $\dot{y}ib\dot{u}xt$ 'судился', жен. $\dot{y}iba\dot{x}t$). Рододифференцированному глаголу ш.-р. гр. $vi\dot{r}u\dot{x}t$ 'сломався', жен. $vi\dot{r}a\dot{x}t$ противостоит не каузативная модель, а совпадающая нерасчлененная основа наст. и прош. времени. Грамматически это два глагола, противостоящих один другому по переходности и непереходности, причем в 3 л. ед.ч. наст. времени (в руманском и хуфском также и при основе наст. времени) оба глагола дифференцируются по роду. Ср. непереходный глагол ш. $vi\dot{r}a\dot{y}$, бдж., р.-х. $vi\dot{r}aw$: ш.-р. гр. $vi\dot{r}u\dot{x}t$, жен. $vi\dot{r}a\dot{x}t$; 3 л. ед. наст. ш.-бдж. $vi\dot{r}o\dot{y}d$, р.-х. $vi\dot{r}awt$, $vi\dot{r}awd$ 'сломаться', 'разбиваться' к переходному ш. $vi\dot{r}a\dot{y}$, бдж. $vi\dot{r}aw$: ш.-бдж. $vi\dot{r}u\dot{x}t$; р.-х. $vi\dot{r}and$: $vi\dot{r}u\dot{x}t$; 3 л. ед. наст. ш.-бдж. $vi\dot{r}i\dot{y}d$, р. $vi\dot{r}int$, х. $vi\dot{r}int$ 'сломать', 'разбивать'.

В оаджувском диалекте, как можно видеть из табл. 15, каузативная форма с суффиксом $-en-$ более употребительна, чем в шугнанском (ср. ш.-бдж. $ri\dot{w}ez$: $ri\dot{w}ezd$, бдж. также $ri\dot{w}az\dot{e}n$: $ri\dot{w}az\dot{e}nt$ 'заставлять летать' и т.д.).

§ 51. В целом все языки и диалекты по реализации родовой модели $u//a$ весьма близки и в большинстве случаев совпадают. Подобное совпадение можно объяснить той уже установленной закономерностью, что краткие гласные u , a , i во всех языках и диалектах шугнано-руманской группы реализуются одинаково (Сохолова, 1953, 126-128), поэтому родовые модели u/a , u/i являются общими для всех языков и диалектов. При этом можно отметить, что когда в родовой дифференциации участвуют специфические и характерные тому или другому языку и диалекту краткие фонемы (напр. р.-х. o , х. ae), то в этом случае, естественно, им будут соответствовать в других языках гласные иного качества и, следовательно, между языками и диалектами обнаруживаются закономерные расхождения.

Что касается долгих гласных, участвующих в родоизменении глагольных основ (впрочем, как и в именах), то в этом случае наблюдаются схождения между сравниваемыми языками. Межъязыковые родовые соответствия носят закономерный характер и не выходят за рамки основной системы соответствий вокализма. Рассматриваемые ниже типы изменяющихся по роду гла-

гольных основ убедительно свидетельствуют о закономерном соответствии родовой перегласовки в языках и диалектах шугнано-руманской группы.

§ 52. Второй тип родовой перегласовки в зависимости от его реализации по языкам и диалектам имеет следующие два варианта.

Первый вариант характеризуется совпадением всех языков и диалектов по огласовке женского рода и их значительным расхождением по мужской огласовке, при которой каждая языковая группа имеет собственную огласовочную модель, что видно из следующей схемы:

	ш.-бдж.	р.-х.	б.-р.
муж.	\bar{i}	o	\bar{o}
жен.	\bar{a}	\bar{a}	\bar{a}

Рассматриваемая перегласовка имеет широкое словарное распространение при именах (см. §§ 16-23), но в глаголе охватывает относительно ограниченное количество слов (засвидетельствовано всего пять глаголов). Родовая огласовка здесь по сравнению с именами проявляется более четко и без особых отклонений.

Родовые основы прошедшего времени рассматриваемой модели перегласовки представлены в табл. 16.

§ 53. Как явствует из табл. 16, различная по языкам огласовка муж. рода имеет закономерные соответствия, восходящие исторически к одному источнику - древнему * a . Следовательно, в диахронном аспекте все языки и диалекты объединяются. Расхождения между языками связаны с различными результатами отражения исторического * a в нейтральном положении, давшим огласовку для муж. рода: ш. $pa\dot{x}f\dot{i}d$, $ni\dot{x}f\dot{i}d$, бдж. $pa\dot{r}f\dot{i}d$, р.-х. $pa\dot{w}f\dot{o}d$, б.-рив. $pa\dot{w}f\dot{o}d$ 'вывихнулся' (* $ni\dot{s}-fa-ta-$), р.-х. $poxt$, б.-рив. $poxt$ 'сварился', 'поспел' (* $pa\dot{x}-ta-$).

Положение a -умлаута дает всюду одинаковый результат и потому в огласовке женского рода все языки и диалекты совпадают: ш. $pa\dot{x}f\dot{a}d$, $ni\dot{x}f\dot{a}d$, бдж. $pa\dot{r}f\dot{a}d$, р.-х., б.-рив.

Таблица 16

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
ш.	naḥfīd, niḥfīd	naḥfād, niḥfād	вывихиваться, выдергиваться	*niš-fata-, √fan
бдж.	naḥfīd, naḥfīd	naḥfād, naḥfād		
р.-х.	nawfod	nawfād		
б.-ршв.	nawfōd	nawfād		
ш.-бдж.	sifīd	sifād		*us-patta-√pat
р.-х.	sifod	sifād	подниматься	
б.-ршв.	sifōd	sifād		
ш.-бдж.	naḥjīd	naḥjād	проходить	*niž-gata- или же *niž-gasa-
р.-х.	nawžod	nawžād		
б.-ршв.	nawžōd	nawžād	переходить	
ш.-бдж.	rēxt	rēxt	вариться, песпевать	*raxta-, ав. rača- √pak
р.-х.	rox̄t	rāxt		
б.-ршв.	rōxt	rāxt		
ш.-бдж.	viwīd	viwād	отказаться, обижаться	
р.-х.	viwod	viwād		
б.-ршв.	viwōd	viwād		

fād 'вывихнулась' (*niš-fatā-), р.-х., б.-ршв. rāxt 'поспе-ла', 'сварилась' (*raxtā-).

Как видно из табл. 16, в шугнанском и баджувском глагол рпс: rēxt 'вариться', 'песпевать' не имеет родового различия. В данном случае показателен факт сохранения в шугнанском и

баджувском формы муж. рода, что не трудно узнать по модели различающихся по роду прилагательных типа муж. ш.-бдж. ḥaxt, р.-х. ḥox̄t, б.-ршв. ḥox̄t 'согнутый', 'кривой', жен. ш.-бдж., р.-х., б.-ршв. ḥax̄t 'согнутая', 'кривая'.

§ 54. Второй вариант родовой перегласовки имеет по языкам следующий вид:

	ш.-бдж.	х.	р.	б.-ршв.
муж.	ū	ū	o	ō
жен.	ō	ō	ā	ā

Глаголы указанной модели представлены в табл. 17.

Этот вариант в отличие от первого при огласовке мужского рода дает в шугнанском, баджувском и хуфском ū, а в остальных языках сохраняется прежняя модель. При огласовке женского рода языки и диалекты также делятся на две группы: рушанский вместе с бартангским и рошорвским сохраняет ā-огласовку, а в шугнанском, баджувском и хуфском возникает долгое ō.

Как видно из табл. 17, расхождения в родовой перегласовке по языкам здесь наряду с действием умлаута связаны еще с положением гласных перед двумя согласными (но не перед увулярными, где обычно происходит расширение гласных): в шугнанском, баджувском и хуфском в положении а-умлаута перед двумя согласными обнаруживается сужение ā > ō: ш.-бдж. rī-cōst, х. racōst при р., б.-ршв. racāst 'убежала' (*us-ras-tā-).

Нейтральное положение дает огласовку муж. рода, при которой в шугнанском и баджувском на месте ī возникает ū, а в хуфском вместо ожидаемого o также появляется ū; в рушанском, бартангском и рошорвском изменений не происходит (ср. ш.-бдж. rīcūst, х. racūst при р. racost, б.-ршв. racōst 'убежал' (*us-rasta-).

Использование в этом варианте огласовки ш.-бдж. ū вместо ī (при первом варианте) в какой-то степени может свидетельствовать о тенденции шугнанского языка и баджувского ди-

Таблица 17

Язык	Основа пром.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
ш.-бдж.	nūst	nōst	сидеть	*ni-hasta-, ав. hiḥa-; √had
х.	nūst	nōst		
р.	noṣt	nāst		
б.-ршв.	nōst	nāst		
ш.-бдж.	pirūst	piroṣt	рваться	*pati-rasta- ¹² ав. rada-, √rad
х.	parūst	parōst		
р.	parōst	parāst		
б.-ршв.	parōst	parāst		
ш.-бдж.	ricūst,	ricōst,	убегать	*us-rasta- √rad ¹³
х.	racūst	racōst		
р.	racpṣt	racāst		
б.-ршв.	racōst	racāst		

алекта к выравниванию родовой огласовки по наиболее распространенной и-образной модели.

§ 55. В целом при втором типе для формы муж. рода сравниваемые языки и диалекты дают два вида огласовки (1-й вариант: \bar{i} , o , \bar{o} ; 2-й вариант \bar{u} , o , \bar{o}); в форме жен. рода также два (1-й вариант: \bar{a} , 2-й вариант \bar{o} ,

¹² Этимология этого глагола спорна (см. Соколова, 1967, 26; Моргенштерне, 1974, 59).

¹³ Корень *rad* восстанавливается В.С.Соколовой на основании соответствия этого глагола язгулямскому *raḥ:rūst* и ваханскому *reḥ: ren* (Соколова, 1967, 26 и прим. 9); o возвращении Г.Моргенштерне см. Моргенштерне, 1974, 66.

а), что можно представить по языкам в виде следующей таблицы:

Таблица 18

Вариант	ш.-бдж.		х.		р.		б.-ршв.	
	род		род		род		род	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1-й	\bar{i}	\bar{a}	o	\bar{a}	o	\bar{a}	\bar{o}	\bar{a}
2-й	\bar{u}	\bar{o}	\bar{u}	\bar{o}	o	\bar{a}	\bar{o}	\bar{a}

Как видно из табл. 18, хуфский по второму варианту отличается от близкого ему рушанского и целиком совпадает с шугнанским и баджувским. Выражение жен. рода через \bar{o} -огласовку в этих только что указанных диалектах является относительно новообразованием, поскольку основной и более древней формой жен. рода является \bar{a} -огласовка. Следовательно, рушанский, бартангский и рошорский в данном случае, имея для выражения жен. рода \bar{a} , проявляют известную архаичность.

§ 56. Всем рододифференцированным непереходным глаголам как в целом, так и каждому в отдельности (за исключением лишь одного глагола ш.-бдж. *viwīd*, р.-х. *viwod*, б.-ршв. *viwōd* 'отказался', жен. ш.-р. гр. *viwād*) противопоставляются различающиеся по роду глаголы переходного значения. Казуативные формы к вышеуказанным в табл. 16 и 17 родовым глаголам приводятся в табл. 19.

Нижеследующий дифференцированный по роду в рушанском, хуфском, бартангском и рошорском глагол не имеет соответствующего казуативного оформления: ш.-р. гр. *riw: r-ḥ. roxt*, б.-ршв. *roxt*, ш.-бдж. *rēxt* 'сварился', 'поспел', жен. р.-х., б.-ршв. *rāxt*, ш.-бдж. *rēxt*, 3 л. ед. наст. ш.-р. гр. *rixt*; перф. муж. р.-х. *roxt̄*, б.-ршв. *roxt̄*, ш.-бдж. *rēxt̄*, жен. р., б.-ршв. *rēxt̄*, х. *rēxt̄*, ш.-бдж. *rēxt̄*. Однако и ему противопоставлена форма переходного значения, которая только при основах

прош. времени и перфекта содержит нерасчлененную совпадающую форму, а основы наст. времени и 3 л. ед.ч. расчленены: ш.-бдж. рѣз, р., б.-рив. рѣз, х. рѣз: р.-х. рохт, б.-рив. рѣхт, ш.-бдж. рѣхт; 3 л. ед. наст. ш.-бдж. рѣзд, р.-х., б.-рив. рѣзд; перф. р.-х. рохѣ, б.-рив. рѣхѣ, ш.-бдж. рѣхѣ 'печь', 'варить'.

Таблица 19

Основа прош.вр.		Каузативные основы	Перевод каузатива
муж.	жен.	наст. : прош.	
ш.-бдж.	ш.-бдж.	ш.-бдж.	
ш. naʃfīd,	naʃfād	ш. naʃfēn: naʃfēnt,	выдергивать,
niʃfīd	niʃfād	niʃfēn : niʃfēnt	внимать, уда-
бдж. narfīd	narfād	бдж. narfēn: narfēnt	лять
naʃʒīd	naʃʒād	naʃʒimb : naʃʒimt	переправлять
sifīd	sifād	sifēn : sifēnt	поднимать
nūst	nōst	nēd : nēd	сказать
pirūst	pirōst	pirēnd : pirēnt	кусать, разры-
			вать
ricūst	ricōst	ricāš : ricēšt	заставлять
		(бдж. ricāšēn : ri-	убегать, про-
		cašēnt)	гонять

Таким образом, противопоставление двух классов глаголов — редифференцированных непереходных и неродозменяемых каузативных и вообще переходных пар также и здесь проводится довольно последовательно.

§ 57. Третий тип родовой перегласовки так же, как и ряд глаголов с моделью и/а, в диахронном плане реализуется в производных от корней с а-огласовкой.

В синхронном отношении рассматриваемый тип глаголов характеризуется сочетанием -vd при основе прош. времени, а так-

же совпадением всех языков и диалектов (кроме рунанского) по огласовке муж. рода и сближением ряда из них по огласовке жен. рода. Внутри данного типа в зависимости от взаимоотношения языков и диалектов (т.е. их совпадения или расхождения) различаются два основных варианта.

§ 58. Первый вариант имеет по языкам следующие огласовки:

	ш.	бдж.	х.	б.-рив.	р.
муж.	ū	ū	ū	ū	u
жен.	ō	ō(а)	ā(ō)	ā	ā

Эта модель родовой перегласовки распространяется всего на семь глаголов, представленных в табл. 20. Отличительная особенность данной группы глаголов наряду с расхождением в перегласовке заключается в консонантном исходе основы на -vd, от которого во многом зависит характер родовой огласовки.

Как свидетельствует табл. 20, структурно все глаголы однотипны. Среди них три глагола (ш. ʋiʋvvd 'закрылся', жен. ʋiʋvvd; piʋvvd 'прицепился', жен. piʋvvd, rʋvvd 'прицепился', жен. rʋvvd) можно возводить к одному и тому же историческому источнику.¹⁴

¹⁴ Г. Моргенштерне на основании яги. ʋudufs : ʋudufsta-, согд. rʋvvs : rʋvva-, перс. piʋvvd : piʋvft возводит ʋiʋvvd : ʋiʋvvd, жен. ʋiʋvvd (ш.) в целом к *ʋra-ʋufsa-, но в то же время не исключает для него форму с а-огласовкой в виде *ʋafsa- (Моргенштерне, 1974, 18). Установление связи этого глагола с piʋvvd : piʋvvd вполне обоснованно. К этим же глаголам мы можем отнести по происхождению еще и.-бдж. существительное муж. рода ʋufsak, язг. ʋofs (бот.) 'кузница', 'колючки, прилипавшие к одежде', перен. 'прилипчивый', 'нахальный', 'навязчивый', а также ш.-бдж. pi-ʋafsak, р. pa-ʋafsak 'за-

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
I	2	3	4	5
ш. бдж. х. б.-ршв.	biḡūvd biḡūvd biḡūvd biḡūvd	biḡōvd biḡāvḍ biḡāvḍ biḡāvḍ	закрывать (напр.о глазах)	*ura-dapta-, ср. ав.dapta-, √dap
ш. бдж. х. б.-ршв.	niḡūvd niḡūvd niḡūvd niḡūvd	niḡōvd niḡāvḍ, niḡōvd niḡāvḍ, niḡōvd niḡāvḍ	прицепляться приставать, заразиться, схватиться, драться	*ni-dapta-, ср. ав.dapta-, √dap
ш. бдж.	riḡūvd riḡūvd	riḡōvd riḡāvḍ, riḡōvd	прилипать, приклеиваться	*pati-dafsa- или *pati-dufsa- ав.dapta-, √dap
х. р.	riḡūvd raḡūvd raḡūvd	riḡāvḍ raḡāvḍ raḡāvḍ	заразиться	
ш.-бдж. х. б.-ршв.	wiḡūvd wiḡūvd wiḡūvd	wiḡōvd wiḡōvd wiḡōvd	стоять	(*ava-, *vi-) rapta-, √rap или √rab, ав. rap-

разный' (о болезни). При этом, поскольку глагол niḡafsa : niḡūvd, жен. niḡōvd возводится к авестийскому причастию dapta- (Соколова, 1967, 26), то к этому же источнику можно возводить и две другие только что названные формы, весьма близкие как внешне, так и по содержанию. Начальные элементы bi-, ni-, ri- восходят к различным древним префиксам (возможно ni < *ni-, ri, bi < *ara-, *ura- и др.).

I	2	3	4	5
р. ш. бдж. х. р. б.-ршв.	wiḡūvd anḡūvd inḡūvd inḡūvd inḡūvd inḡūvd	wiḡōvd anḡōvd inḡōvd inḡōvd inḡōvd inḡōvd	начаться (о родовых схватках)	*han-kafsa-, √kap
ш. бдж. х. б.-ршв.	sitūvd sitūvd sitūvd sitūvd	sitōvd sitāvḍ, sitōvd sitāvḍ	жариться	*us-tafsa-, *us-tapta-, √tap
р.	sitūvd, sitāvḍ	sitāvḍ	печься	ав. tafsa-, tapta-
ш. бдж.	ciḡūvd ciḡūvd	ciḡōvd ciḡāvḍ, ciḡōvd	саднить, шипать	
х. б.-ршв. р.	ciḡūvd ciḡūvd ciḡūvd, ciḡāvḍ	ciḡāvḍ ciḡāvḍ ciḡāvḍ		

Огласовка муж. рода в нейтральном положении восходит к древнеиранскому *a и во всех языках и диалектах (за исключением руманского, где возникает краткое u) перед -vd отражается через долгое ū (ш.-бдж., х., б.-ршв. biḡūvd, р. biḡūvd 'закрися' *ura-dapta-). Подобное расхождение по языкам в положении перед сочетанием -vd неслучайно. Руманский в отличие от других языков перед -vd не дает растяжения кратких также и в не изменяющихся по роду словах; ср. р.sivd 'плечо' при ш.-бдж., х. sīvd; р. tivd 'комар' при ш.-бдж., х. tīvd; р. xūvd 'молоко' при ш.-бдж., х. xūvd и др.

Положение а-умлаута дает огласовку для женского рода (*ura-dartā > и. biḅvā, в остальных biḅvā 'закрылась' и т.д.). При этом соотношение языков и диалектов между собой резко меняется. Огласовка ā, как более древняя примета жен. рода, сохраняется в руманском, бартангском и роморвском. В мугнанском мы видим сужение огласовки ā > ȃ. В баджувском и хуфском сужение ā > ȃ имеет место в двух глаголах (бдж., х. wiḡvā 'стояла', inḡvā 'начаться'). В остальных случаях прослеживается параллельное употребление ā/ȃ, что свидетельствует о наметившейся для этих диалектов тенденции по усвоению ȃ-огласовки вместо ā. Проникновение ȃ в баджувский и хуфский в данном случае можно связать с влиянием мугнанского, однако этот вопрос требует дальнейшего исследования и уточнения.

§ 59. Другая отличительная особенность заключается в относительно слабой родовой закреплённости рассматриваемой группы, что выражается в следующем: глагольные основы жен. рода с а-огласовкой могут употребляться также и при имени (подлежащем) муж. рода: ¹⁵ sitāvā 'сжарилась', перен. 'печалилась', 'сжарился', 'печалился'; niḅvā 'приставал(а)'; biḅvā, раḅvā 'прилеп(а)'; viḅvā 'закрылась', 'закрылся'; siḡvā 'саднил(а)', 'щипалась', 'щипался', перен. 'горевал(а)'.¹

В предложении глаголы с ā-огласовкой могут легко заменяться формами муж. рода (с огласовкой ū и u) и употребляться при подлежащем муж. рода, выраженным как предметным именем, так и лицом. Примеры во фразе: р. uā ḡxt sitāvā (//

¹⁵ Подобное отклонение было отмечено также В.С.Сokolovей на примере руманских глаголов situvā, жен. sitāvā 'жариться', niḅvā, жен. niḅvā 'приставать', где форма муж. рода объясняется результатом произношения лиц старшего поколения, а форма жен. рода — доминирующая и повседневно встречающаяся (Сokolovа, 1967, 26, прим. 10).

situvā) 'мясо зажарилось' (ḡxt 'мясо' — муж. род); бдж. wiḅḅ luvā: му ḡin mōd ku, wāz-um wim avēn siḡvā (//siḡvā; sitivā// sitāvā) 'его дед сказал: умерла моя жена, и я из-за нее горевал'.

Что касается огласовки ȃ в мугнанском, то она хотя, видимо, и значительно позже утвердилась в качестве приметы жен. рода, тем не менее родовое противопоставление глагольных основ с помощью ȃ форм муж. рода осуществляется последовательно и без особых отклонений.

Как видно из табл. 20, глагол ш. anḡvā, бдж., х. inḡvā, жен. ш. anḡvā, бдж., х. inḡvā в руманском, бартангском и роморвском имеет i-образную огласовку и не подвергается родовой дифференциации: р., б.-рив. inḡvā 'начался' (о родовых схватках). И, наоборот, засвидетельствован другой глагол, который по своему внешнему виду приближается к вышеприведенным, однако в мугнанском и баджувском не изменяется по роду: ш.-бдж. wiḡvā, ш. wiḡvā : wiḡvā, р. wiḡvā : wiḡvā, в Дерзуде wiḡvā, жен. wiḡvā, х. wiḡvā : wiḡvā, жен. wiḡvā //wiḡvā, б. wiḡvā : wiḡvā, жен. wiḡvā 'возвращаться' (ср. его каузатив: ш.-бдж. wiḡvā : wiḡvā, р.-х., б. wiḡvā : wiḡvā 'возвращать').

§ 60. К этому же варианту по согласному сочетанию -vd в основе прош. времени относится глагол со значением 'спать', который имеет родовую перегласовку и отличается по языкам следующим образом (о перегласовке этого типа см. § 67): р.-х. ḡvā, б. aḡvā, ш.-бдж., рив. ḡvā 'спал', жен.р.-х.ḡvā, б. aḡvā, ш.-бдж., рив. ḡvā 'спала'. Как видим, приведенный глагол в мугнанском, баджувском и роморвском не различает рода (ḡvā 'спал', 'спала'). В остальных языках родовая дифференциация в этом глаголе осуществляется особым типом перегласовки (муж. р.-х. ū, б. ȃ, жен. р.-х. ȃ, б. ā), что характерно для рассматриваемого ниже пятого типа (см. § 67). Не трудно заметить, что огласовка муж. рода (р.-х. ū, б. ȃ) в данном случае аналогична именной модели (ср. р.-х. vḡj, ш.-бдж., б.-рив. vḡj 'конь', 'жеребец'). Огласовка жен. рода в бартангском через корневое ā (aḡvā 'спала'), по всей веро-

ятности, является новообразованием и могла возникнуть по аналогии с формами глаголов жен. рода, помещенных в табл. 20 (ти-на $\text{vi}^{\text{b}}\text{ävd}$ 'закрылась', $\text{wi}^{\text{b}}\text{ävd}$ 'стояла').¹⁶

§ 61. В т о р о й в а р и а н т р одовой перегласовки представлен по языкам следующим образом:

	ш.-бдж.	х.	б.	рив.	р.
муж.	\bar{u}	u	\bar{u}	$\bar{u}(u)$	$u(\bar{u})$
жен.	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{a}

Глаголы с данным вариантом родовой перегласовки приводятся в табл. 21. Характерная черта этой группы глаголов заключается в том, что основа пром. времени имеет в исходе согласное сочетание $-\text{yd}$ (из $*-\text{yd}- < *-\text{xt}-$). Сонантный $-\text{y}-$ представляет собой отражение исторического $*\text{k}/\bar{\text{z}}$ (Соколова, 1967, §§ 29, 162). В руанском, бартангском и роморвском на месте $-\text{y}-$ в одном глаголе возникает $-\text{w}-$, и в этом случае родовое изменение не происходит: р., б.-рив. indawd 'встал(а)' при ш. andüyd , бдж. indüyd 'встал', жен. ш. andöyd , бдж. indöyd 'встала'.

Как явствует из табл. 21, историческое $*\text{a}$ в нейтральном положении отразилось по языкам при форме муж. рода в двух видах огласовки: ш.-бдж., б.-рив. \bar{u} , р.-х. u ($*\text{taxta-} >$ ш.-бдж., б.-рив. tüy^{b} , р.-х. tuy^{d} 'ушел'). В этом варианте показательно то, что хуфский по огласовке u примыкает к руанскому, а бартангский и роморвский в отличие от первого варианта в данном случае совпадает с шугнанским. Роморвскую форму $\text{na}^{\text{h}}\text{tuy}^{\text{d}}$ 'вышел' следует, возможно, считать результатом влияния руанского.

Положение а-умлаута дает огласовку для жен. рода, при которой руанский, как и при первом варианте, получает долгое

¹⁶ Такого же мнения придерживается и В.С.Соколова (см. Соколова, 1967, 41, прим. 60).

Язык	Основа пром.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
ш.-бдж.	tüy^{d}	töyd	идти, уходить	* $\text{ta}^{\text{h}}\text{äda-}$ (ГОЯШ, § 29) * taxta- (EVSh 82), ав. $\sqrt{\text{tak}}$
х.	tuy^{d}	töyd		
б.-рив.	tüy^{d}	töyd		
р.	tuy^{d}	täyd		
ш.	andüyd	andöyd	вставать, подниматься	* $\text{ham-ta}^{\text{h}}\text{ä(ya)}$, $\sqrt{\text{tak}}$ (ГОЯШ 37, ср. EVSh 14), ав. $\sqrt{\text{tak}}$, $\text{tä}^{\text{h}}\text{äya-}$
бдж.	indüyd	indöyd		
х.	induy^{d}	indöyd		
б.-рив.	irdawd	indawd		
р.	indawd	indawd		
ш.-бдж.	$\text{na}^{\text{h}}\text{tüy}^{\text{d}}$	$\text{na}^{\text{h}}\text{töyd}$	выходить	* $\text{ni}^{\text{h}}\text{-ta}^{\text{h}}\text{äta-}$ (EVSh 52), $\sqrt{\text{tak}}$, ав. $\text{tä}^{\text{h}}\text{äya-}$, а может быть $< * \text{ni}^{\text{h}}\text{-taxta-}$, или * $\text{ni}^{\text{h}}\text{-ta}^{\text{h}}\text{äda-}$
х.	$\text{ni}^{\text{h}}\text{tuy}^{\text{d}}$	$\text{ni}^{\text{h}}\text{töyd}$		
	$\text{na}^{\text{h}}\text{tuy}^{\text{d}}$	$\text{na}^{\text{h}}\text{töyd}$		
б.	$\text{na}^{\text{h}}\text{tüy}^{\text{d}}$, $\text{ni}^{\text{h}}\text{tüy}^{\text{d}}$	$\text{na}^{\text{h}}\text{töyd}$, $\text{ni}^{\text{h}}\text{töyd}$		
рив.	$\text{na}^{\text{h}}\text{tuy}^{\text{d}}$	$\text{na}^{\text{h}}\text{töyd}$		
р.	$\text{ni}^{\text{h}}\text{tuy}^{\text{d}}$	$\text{ni}^{\text{h}}\text{täyd}$		
ш.	$\text{a}^{\text{h}}\text{üy}^{\text{d}}$	$\text{a}^{\text{h}}\text{öyd}$	лечь	* $\bar{a}-(\text{hi})\bar{\text{ä}}\text{äy}^{\text{a}}$, * $\bar{\text{ä}}\bar{\text{ä}}\text{-äya-}$ (EVSh 13; ср. ГОЯШ § 27), ав. $\bar{a}\bar{\text{ä}}\text{-äya-}$.
бдж.	awüyd	awöyd		
х.	awuy^{d}	awöyd		
б.-рив.	awuy^{d}	awöyd		
р.	awuy^{d}	awäyd		

\bar{a} , а остальные языки и диалекты дают \bar{o} ($*\text{taxta-} >$ ш.-бдж., х.-б.-рив. töyd , р. täyd 'ушла').

§ 62. Основным источником распространения \bar{o} -огласовки в качестве приметы жен. рода в системе глагола является та же модель, которая представлена при именах (ср. ш.-бдж. vüyd , р. vuy^{d} 'злой дух', жен. ш.-бдж. vöyd , р. väyd 'ведьма', ш.-бдж.

rušt, х. rušt, р. rošt 'красный', жен. ш.-бдж., х. rōšt, р. rāšt 'красная'). Показательно то, что данная огласовка получила широкое словарное распространение, главным образом, в глаголах нугнанского языка.

Совпадение всех языков и диалектов (за исключением руманского) по корневому \bar{o} , как, впрочем, и \bar{u} можно в частности объяснить положением гласных (в данном случае $\bar{o} <^*a$) перед двумя согласными, где хуфский, бартангский, роморвский чаще отличаются от относительно близкого им руманского и приближат к нугнанскому. Подобное совпадение вышеуказанных языков и диалектов прослеживается также в сфере других разрядов лексики (ср. ш.-бдж., х., б.-рив. wūrj, р. wurj 'водка', ш.-бдж., б.-рив. wūr, р. wurj 'нитка'; ш.-бдж., б.-рив. vōrj, р.-х. vūrj 'жеребец', 'конь' и др.).

Поскольку \bar{o} -огласовка имеет широкое территориальное распространение и охватывает почти все языки и диалекты (кроме руманского), то ее не следует считать целиком результатом влияния нугнанского на те языки и диалекты, в которых также реализуется долгое \bar{o} (ср. Соколова, 1967, § 43, прим. 39). Нугнанское влияние можно рассматривать как усиливавший фактор, но не единственный источник распространения \bar{o} -огласовки.

Как следует из табл. 2I, глагол со значением 'встать' в руманском, бартангском и роморвском имеет лишь одну недифференцированную форму для обоих родов (ср. р. уā būtik indawd при м. уи ббrik andūyd 'этот мужчина встал' - р. уā ŷanak indawd при ж. уā ŷinik andōyd 'эта женщина встала'). В данном случае а-огласовка в руманском, бартангском и роморвском свидетельствует о сохранении формы женского рода и об утрате формы муж. рода.

Ко второму рассмотренному выше варианту родовой перелогласовки структурно относится нижеследующий глагол с неясной этимологией: ш.-бдж. riwūyd, б.-рив. rawūd, р. rawi(y)d, х. rawūd 'проголодался', 'истощал от голода', жен. ш.-бдж. riwōyd, б.-рив. rawōd, р. rawō(y)d, х. rawōd.

В целом для выражения каждого рода существуют соответственно две модели: муж. \bar{u} (ш.-бдж., б.-рив.), и (р.-х.), жен. \bar{o} (ш.-бдж., х., б.-рив.), \bar{a} (р.).

§ 63. Различающим род непереходным глаголам третьего типа (табл. 20, 2I) четко противопоставляются их каузативные пары (табл. 22). Каузативные формы также и здесь приводятся в нугнанском и баджувском вариантах (см. табл. 22); лишь при отсутствии в нугнанском и баджувском соответствующих каузативов привлекаются данные других языков и диалектов.

Отметим лишь некоторые отличающиеся факты. Дифференцированному по роду глаголу ш.-бдж., б.-рив. tūyd, р.-х. tuyd 'ушел', жен. ш.-бдж., х., б.-рив. tōyd, р. tayd 'ушла' только в хуфском имеется противопологающаяся каузативная форма, осложненная суффиксом $-\bar{e}n(t)$: tayēn : tayēnt 'унести', 'увести'. В других языках для создания сходной оппозиции привлекается глагол ш.-бдж. уōs : уōd, 3 л. ед. наст. уēst, р.-х. уōs : уūd, 3 ед. наст. уēst, б. ауōs : ауōd; 3 л. ед. наст. ауōst. Ср. х. wuħ tayēnt, ш. wuħ(//rēn) uēst, бдж. wuħ uēst 'с ума сводит', х. dōnd lap tīvd yast idi, wuħ tayēnt 'так много комаров, что с ума сводит'.

Дифференцированный по роду непереходный глагол ш. anjafc, бдж. injafc: ш. anjūvd, бдж. injūvd, 3 л. ед. наст. ш. anjafet, бдж. injafet, перф. муж. ш. anjūvj, бдж. injūvj, жен. ш. anjīvz, бдж. injīvz, инф. ш. anjafcōw, бдж. injafctōw 'начаться' не имеет соответствующей каузативной формы. Однако ему противопоставит нерасчлененный при основах прош. времени и перфекта переходный глагол ш. anjāv:anjūvd, бдж. injāv : injūvd, 3 л. ед. наст. ш. anjīvd, бдж. injīvd, перф. ш. anjūvj, бдж. injūvj, инф. ш. anjīvdōw, бдж. injīvdōw 'держать', 'захватить'.

Непереходному глаголу со значением 'спать' (р.-х. xūvd, б., аxōvd, ш.-бдж., рив. xōvd 'спал', жен. р.-х. xōvd, б. аxāvd, ш.-бдж., рив. xōvd) в баджувском противопоставит каузативная форма: б. xāfcēn : xāfcēnt 'укладывать спать'. В остальных языках и диалектах противопоставление этому изменяемому по роду глаголу осуществляется другими средствами: в нугнанском с помощью каузатива аўēn : аўēnd 'укладывать спать', который одновременно противопоставит также и своей непереходной паре аўas : аўīvd, жен. аўōyd 'лежать'; в руман-

Таблица 22

Основа прош.вр.		Каузативные основн наст.: прош.	Перевод каузатива
муж.	жен.		
и. andūvd бдж. indūvd	andōvd indōvd	andūz : andūzd indūz : indūzd	поднимать
и. aŷūvd бдж. awūvd	aŷōvd awōvd	aŷēz : aŷēzd awaysēn : awaysēnt	укладывать спать
и. anjūvd бдж. injūvd	anjōvd injōvd	anjāv : anjūvd injāv : injūvd	держатъ, захватитъ
и. biḡūvd бдж. biḡūvd	biḡōvd biḡāvd	biḡēmb : biḡēmt	закрывать
и. cirūvd бдж. cirūvd	cirōvd cirāvd	cirēmb : cirēmt	заставлять шипать, шипать
и. niḡūvd бдж. niḡūvd	niḡōvd niḡāvd	niḡēmb : niḡēmt	прилепляться, приклеивать
и. piḡūvd бдж. piḡūvd	piḡōvd piḡāvd	piḡēmb : piḡēmt	присоединять, прицеплять
и.-бдж. riwūvd бдж. rivūvd	riwōvd rivōd	бдж. riwaysēn : riwaysēnt rivēr : rivērt	заставлять голодать заставлять давать молоко
и. sitūvd бдж. sitūvd	sitōvd sitāvd	sitēb : sitērt	карить
и.-бдж. tūvd х. tuyd, и.- бдж. wirūvd и.-бдж. ḡōvd aḡōvd	tōvd tōvd wirōvd ḡōvd aḡāvd	х. tayēn : tayēnt wirēmb : wirēmt ḡafcēn : ḡafcēnt	увести, унести оставлять стоять укладывать спать

ском глаголу ḡūvd 'спал', жен. ḡōvd противопоставляется переходный глагол niway : niwid 'укладывать спать', а в бартагском injūv : injūvd, в баджувском injūv : injūvd (наряду с ḡafcēn : ḡafcēnt) с тем же переходным значением.

Различающийся по роду глагол и.-бдж., б. naḡtūvd, р.-х. niḡtūvd 'вышел', жен. и.-бдж., б. naḡtōvd, р.-х. niḡtōvd, х. также niḡtōvd 'вышла' не имеет соответствующей каузативной пары. Однако в качестве его переходного коррелята широко используется глагол и.-бдж. ziwēḡ : ziwōst, р.-х. ziwēḡ : ziwōst, б.-рив. ziwōḡ : ziwōst 'выводить', 'вытаскивать'.

Таким образом, всем непереходным изменяющимся по роду глаголам противостоят глаголы каузативного образования и переходного значения. При отсутствии у изменяющих род глаголов соответствующей каузативной пары для создания оппозиции по линии непереходность-переходность, родоизменяемость - неродоизменяемость используются также и нерасчлененные глагольные основы (см. §§ 100-104).

§ 64. Четвертый тип родовой перегласовки является общим для всех языков и диалектов. Глаголы муж. рода по всем языкам и диалектам имеют огласовку ū, а формы жен. рода -ō. Данная модель перегласовки распространяется только на четные глаголы (см. табл. 28 и след.).

В историческом плане этот тип перегласовки отражает *r и *ar.¹⁷ При этом все языки и диалекты по отражению исторического *rt делятся на две группы: а) в мугнанском и баджувском сочетании *rt > a; б) в остальных языках и диалектах *rt > g. Подобное расхождение имеет широкое словарное распространение: оно прослеживается и в глаголах и в именах, независимо от их родовой дифференциации (ср. ав. barēta > и.-бдж. vād, р.-х., б.-рив. vūg 'принес'; ав. perēta и.-бдж. pād, р.-х., б.-рив. pūg 'брод'; ав. karēta и.-бдж. ḡād,

¹⁷ Об отражении *r, *ar в иранских и памирских языках см.: Моргенштерне, 1970; Эдельман, 1963; Соколова, 1967, §§ 81-90, 141-147; Додикудов, 1962, 38-46.

Язык	Основа прож.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж. \bar{u}	жен. \bar{o}		
ш.-бдж. р.-х. б.-ршв.	mūd mūg	mōd mōg	умирать	*mrta-, $\sqrt{\text{mar}}$; ав. mīrya-:mərə- ta-
ш. бдж. р.-х., б. ршв.	pirmūd parmūd parmūg parmūg	pirmōd parmōd parmōg parmōg	взнуть	*pari-mrta-, $\sqrt{\text{mar}}$
ш.-бдж. р.-х., б. ршв.	rivūd ravūg ravūg	rivōd ravōg ravōg	литься вниз (о молоке при доении)	*fra-barya, *fra- bāraya-, $\sqrt{\text{bar}}$; ав. bairya-:berē- ta-

р.-х., б.-ршв. $\bar{ō}g$ 'нож' и т.п.).

Исторически нейтральное положение во всех языках дает одинаковому для муж. рода огласовку через долгое закрытое \bar{u} : *mrta- > ш.-бдж. mūd, р.-х., б.-ршв. mūg 'умер'. Положение а-умлаута также по всем языкам отражается одинаково, в суффиксальном виде через \bar{o} -огласовку: *mrta- > ш.-бдж. mōd, р.-х., б.-ршв. mōg 'умерла'.

К этому же типу структурно примыкает еще вспомогательный глагол со значением 'сделать(ся)': ш.-р. гр. kīn: ш.-бдж. būd, б.-ршв. būg, р.-х. муж. būg < *krtā-, ав. kərətā-, $\sqrt{\text{kar}}$, жен. р.-х. $\bar{ō}g$ < *krtā-.

Этот глагол, как известно, вообще принадлежит к классу переходных, однако употребляясь в качестве непереходного вспомогательного глагола ('делаться', 'становиться'), он в руманском и хуфском в составе именного сказуемого изменяется по роду. В остальных языках родового изменения не происходит. Ср. р. yā būrik mawz būg, ш. yū būrik māyūnī būd 'этот

мужчина проголодался' - р. yā ūanak mawz būg, ш. yā ūinik māyūnī būd 'та женщина проголодалась'.

При выражении переходных значений указанный глагол во всех языках, в том числе в руманском и его хуфском диалекте не имеет родового различия; ср. р. yā ūanak day būrj-i safēd būg, ш. yā ūinik di būrj-i safēd būd 'та женщина побелила эту стену' - р. yā būrik day būrj-i safēd būg, ш. yū būrik di būrj-i safēd būd 'этот мужчина побелил эту стену'.

В качестве особенности данной группы родолифференцированных глаголов можно отметить, что руманский в отличие от остальных языков в большинстве случаев не дает родовой дифференциации. Так, из четырех глаголов только в одном различается род (mūg 'умер', жен. mōg 'умерла').

§ 65. В специальном разъяснении нуждается родовая перегласовка муж. \bar{u} / жен. \bar{o} в руманском. При родовом чередовании в именах рассматриваемая здесь перегласовка в руманском, как правило, передается моделью и, о/ā (ср. р. turv 'светло-красный', жен. rārv при ш.-бдж., б.-ршв. rūrv, жен. rōrv; р. rōšt 'красный', жен. rāšt при ш.-бдж., х. rūšt, жен. rōšt). Тот же самый тип родового чередования мы находим и в глагольной основе: р. nost 'сидел', жен. nāst при ш.-бдж., х. nūst, жен. nōst; р. tuvd 'умел', жен. tāvd при ш.-бдж., б.-ршв. tūvd, жен. tōvd. Это свидетельствует о том, что родовая перегласовка \bar{u}/\bar{o} в целом не-общая для руманского языка. Возникновение огласовки муж. рода \bar{u} в руманском (как, впрочем, и в других языках) тесно связано с отражением исторических * \bar{u} и *ar. Огласовки * \bar{u} и *ar в подавляющем большинстве случаев дали по языкам одинаковые результаты. Как отмечает В.С.Сokolova, "первоначально это были дифтонгические сочетания типа $\bar{u}w$ и $\bar{e}u$, которые в сарыкольском языке сохранились в виде $\bar{e}w$ и $\bar{e}u$, а в остальных языках стали в соответствующие монофтонги" (Сokolova, 1967, § 85); ср. *karta- > ш.-бдж. būd, р.-х., б.-ршв. būg, срк. būwg 'делал'; ав. mərəta- > ш.-бдж. mūd, р.-х., б.-ршв. mūg, срк. mēwg 'умер'. Подобное совпадение языков и диалектов имеет место также и в нелифференцированных по роду словах типа ш.-бдж. vūd, р.-х., б.-ршв. vūg, срк. vēug 'привнес', ш.-бдж. rūd, р.-х., б.-ршв. rūg, срк. rēwg

'брод' и др.

Проникновение и усвоение огласовки жен. рода \bar{o} в руанском, очевидно, связано с влиянием окружающих языков - в первую очередь шугнанского, где \bar{o} -огласовка имеет широкое словарное распространение.

§ 66. Другая характерная черта рассматриваемой выше дифференцированной по роду группы глаголов в имен, несколько особом противопоставлении им не изменяющихся по роду переходных и каузативных коррелятов. Так, напр., глагол и.-р. kin: и.-бдж. $\bar{y}\bar{u}\bar{d}$, р.-х., б.-рив. $\bar{y}\bar{u}\bar{g}$, р.-х. жен. $\bar{y}\bar{u}\bar{g}$ 'делать(ся)' вовсе не имеет противопоставляющейся переходной каузативной формы. Это, по-видимому, связано с тем, что указанный глагол по своей семантике является переходным и ему самому противопоставит вспомогательный глагол исконно непереходного значения и.-р. sut 'стал', жен. sat (ср. и.-р. ijrō sitōw 'выполняться', и.-бдж. ijrō $\bar{y}\bar{t}\bar{a}\bar{d}\bar{w}$, р.-х., б.-рив. ijrō $\bar{y}\bar{t}\bar{g}\bar{w}$ 'выполнять' и т.д.).

Глагол и.-бдж. $\bar{m}\bar{u}\bar{d}$, р.-х., б.-рив. $\bar{m}\bar{u}\bar{g}$ 'умер', жен. и.-бдж. $\bar{m}\bar{o}\bar{d}$, р.-х., б.-рив. $\bar{m}\bar{o}\bar{g}$ только в бартагском имеет каузативное образование с помощью суффикса $-\bar{b}\bar{n}(t)$: б. $\bar{m}\bar{i}\bar{g}\bar{o}\bar{n}$: $\bar{m}\bar{i}\bar{g}\bar{o}\bar{n}t$. Данная форма истолковывается как непереходный глагол со значением 'притворяться мертвым', 'ленился' (Карамхудоев, 1973, 147). Однако здесь прежде всего важен сам факт формального противопоставления. Что касается семантической оппозиции, то нам представляется, что исходное значение вышеуказанной каузативной формы должно быть 'умерщвлять', 'убивать'. Но это значение не получило должного развития по той причине, что во всех языках глаголу и.-бдж. $\bar{m}\bar{u}\bar{d}$, р.-х., б.-рив. $\bar{m}\bar{u}\bar{g}$, жен. и.-бдж. $\bar{m}\bar{o}\bar{d}$, р.-х., б.-рив. $\bar{m}\bar{o}\bar{g}$ 'умирать' семантически противопоставит переходный глагол и.-бдж. $\bar{z}\bar{i}\bar{n}$: $\bar{z}\bar{i}\bar{d}$, р.-х. $\bar{z}\bar{a}\bar{n}$: $\bar{z}\bar{o}\bar{d}$; б.-рив. $\bar{z}\bar{a}\bar{n}$: $\bar{z}\bar{o}\bar{d}$ 'убивать', 'умерщвлять'. Поэтому не было необходимости образования и сопоставления реднеизменяемому глаголу $\bar{m}\bar{u}\bar{d}$, жен. $\bar{m}\bar{o}\bar{d}$ (и.-бдж.) каузативной пары.

Для двух родоразличенных глаголов со значением 'внзуть' (и. ривид, жен. ривид) 'лечь (о молоке)' (и.-бдж. $\bar{r}\bar{i}\bar{v}\bar{i}\bar{d}$, жен. $\bar{r}\bar{i}\bar{v}\bar{i}\bar{d}$) не засвидетельствованы каузативные пары.

§ 67. Пятый тип родовой перегласовки характерен не для всех языков и к тому же отличается от уже рассмотренных типов незначительным словарным распространением (засвидетельствовано всего три глагола). Шугнанский язык и его баджувский диалект по данному типу не имеет родовой противопоставления. В остальных языках представлена следующая родовая перегласовка:

	и.-бдж.	р.-х.	б.-рив.
муж.	\bar{o}	\bar{u}	\bar{o}
жен.	\bar{o}	\bar{o}	$\bar{a}(\bar{o})$

Глаголы с этим типом перегласовки даны в табл. 24.

Рассматриваемая родовая перегласовка исторически восходит к древнеиранскому * \bar{a} . Нейтральное положение дает огласовку муж. рода в руанском и хуфском в виде \bar{u} , а в бартагском \bar{o} ; ¹⁸ шугнанский, баджувский и роморвский имеют недифференцированную по роду \bar{o} -огласовку: * $\bar{d}\bar{a}\bar{t}\bar{a}$ -> р.-х. $\bar{d}\bar{u}\bar{d}$, б.-рив., и.-бдж. $\bar{d}\bar{o}\bar{d}$ 'падал', 'попал', * $\bar{z}\bar{b}\bar{a}\bar{t}\bar{a}$ - р.-х. $\bar{z}\bar{i}\bar{c}\bar{u}\bar{d}$, б.-рив., и.-бдж. $\bar{z}\bar{i}\bar{c}\bar{o}\bar{d}$ 'замерз'.

Положение а-умлаута реализуется в руанском и хуфском через \bar{o} , а в бартагском в двух глаголах - \bar{o} , в одном - \bar{a} . В остальных языках и диалектах используется та же недифференцированная \bar{o} -огласовка: * $\bar{d}\bar{a}\bar{t}\bar{a}$ -> р.-х., б.-рив., и.-бдж. $\bar{d}\bar{o}\bar{d}$ 'падала', 'очутилась', * $\bar{z}\bar{b}\bar{a}\bar{t}\bar{a}$ -> р.-х. $\bar{z}\bar{i}\bar{c}\bar{o}\bar{d}$, б. $\bar{z}\bar{i}\bar{c}\bar{a}\bar{d}$, рив., и.-бдж. $\bar{z}\bar{i}\bar{c}\bar{o}\bar{d}$ 'замерзла'.

Огласовка жен. рода \bar{a} в бартагском ($\bar{z}\bar{i}\bar{c}\bar{a}\bar{d}$ 'замерзла'), по-видимому, могла возникнуть по аналогии с формами типа р.-х., б.-рив. $\bar{p}\bar{a}\bar{w}\bar{z}\bar{a}\bar{d}$, и.-бдж. $\bar{p}\bar{a}\bar{w}\bar{z}\bar{a}\bar{d}$ 'проходила', б.-рив., р. $\bar{w}\bar{i}\bar{g}\bar{a}\bar{v}\bar{d}$ 'стояла' и т.д. ¹⁹

¹⁸ По такому же типу родовой перегласовки изменяется глагол р.-х. $\bar{x}\bar{i}\bar{v}\bar{a}\bar{d}$, б. $\bar{x}\bar{o}\bar{v}\bar{d}$ 'спал', жен. р.-х. $\bar{x}\bar{o}\bar{v}\bar{d}$, б. $\bar{a}\bar{x}\bar{v}\bar{a}\bar{d}$ (см. § 70).

¹⁹ Подобное мнение высказано В.С.Соколовой в отношении бартагской формы жен.рода $\bar{a}\bar{x}\bar{v}\bar{a}\bar{d}$ 'спала' (Соколова, 1967, 41, прим.60).

Таблица 24

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
р.-х.	δūā	δōā	падать, по- падать	*āāta-, √āā, ав. daya-
б.-ршв.	δōā	δōā		
ш.-бдж.	δōā	δōā		
р.-х.	ḫīcūā	ḫīcōā	замерзать	*šāāta-?
б.	ḫīcōā	ḫīcāā		
ршв.	ḫīcōā	ḫīcōā		
ш.-бдж.	ḫīcōā	ḫīcōā		
р.-х.	-	zōā	рожать, раз- решаться (от беременности)	*zāāta-, ав. zāya-:
б.-ршв.	-	zōā		
ш.-бдж.	-	zōā		

Из трех приведенных в табл. 24 глаголов двум противоплагаются переходные и каузативные формы (табл. 25). К глаголу со значением 'падать', 'попадать', который в рушанском и хуфском имеет родовое отличие, во всех языках и диалектах стоит в оппозиции переходный глагол с нерасчлененной основой прош. времени, а в бартагском помимо переходного глагола для него засвидетельствована также каузативная форма.

Поскольку переходный глагол со значением 'давать' по основам прошедшего времени и перфекта точно совпадает с основой муж. рода непереходного глагола 'падать' (р.-х. δūā, ш.-бдж., б. δōā 'давал'; 'падал') и к тому же родовая дифференциация основ прош. времени упомянутого непереходного глагола имеет место только в рушанском и хуфском, то для показа схождения и расхождения общей структуры рассматриваемых двух родоизменяемых непереходных глаголов и их переходных и каузативных пар в табл. 25 наряду с основой прош. времени даются также основа наст. времени, 3 л. ед.ч. и изменяющаяся во всех языках перфектная основа.

Таким образом, рушанский и его хуфский диалект при рассматриваемом типе родовой перегласовки выделяются среди

Таблица 25

непереходный		каузативный и переходный	
основы		основы	
наст.: прош.; перф.	3 л. ед.	наст.: прош.; перф.	3 л. ед.ч.
р.-х. δay:δūā, ж. δōā; м. δūj, ж. δēc	р. δayt х. δayd	δāc:δūā; δūj	р. δīδd х. δit
б. δī:δōā; м. δōj, ж. δēc	δit	δāc:δōā; δōj	δēd
ршв. δay:δōā; м. δōc, ж. δēc	δayt	δāc:δōā; δōc	δēd
ш.-бдж. δī:δōā; м. δōj, ж. δēc 'попадать', 'падать', 'идти' (об осадках)	δēd	δāc:δōā; δōj 'давать', 'бить', 'идти', 'падать' (об осадках)	δid δiyōnt
р.-х. ḫīcay:ḫīcūā, ḫī- cōā; м. ḫīcūj, ж. ḫīcēc	ḫīcayd	ḫīcēw:ḫīcēwt	ḫīcēwt
б. ḫīcī:ḫīcōā, ж. ḫīcāā; м. ḫīcōj, ж. ḫīcēc	ḫīcid	ḫīcawōn:ḫīcawōnt	ḫīcawōnt
ршв. ḫīcay:ḫīcōā; м. ḫī- cōc, ж. ḫīcēc	ḫīcayt		
ш.-бдж. ḫīcī:ḫīcōā; ḫī- cōj, ж. ḫīcēc 'замерзать'	ḫīcēd	ḫīcēw:ḫīcēwt 'морозить'	ḫīcēwt

остальных языков и диалектов более последовательным выражением муж. рода огласовкой ū, а женского - ō. Однако в перфекте, как явствует из табл. 25, рассматриваемые непереходные глаголы во всех языках имеют четкое родовое оформление.

§ 68. Разнообразные изменения и вариации исконных примет женского рода \bar{a} , а дают основание говорить о незавершившемся процессе развития а-огласовки. Для подтверждения подобного рассуждения можно привлечь данные экспериментального анализа длительности гласных. Так, на материале баджувского диалекта обнаруживается следующий любопытный факт: долгий \bar{a} и его краткая пара a выделяются среди прочих гласных различной изменчивостью и колебаниями в длительности. При противопоставлении их не только друг другу, но и всем остальным долгим и кратким гласным выявилась следующая отличительная особенность названных гласных (см. Карамшов, 1963, §§ 30, 40, 41, 49, 51; табл. I, 2, 4, 5, 6, II): в односложном слове и особенно перед двумя согласными гласные \bar{a} , a выделяются среди остальных гласных своей значительной длительностью. Так, например, типовая длительность для \bar{a} в звонком окружении перед двумя согласными составляла 27-31 сигму, а для остальных долгих - 22-25, в глухом окружении соответственно для \bar{a} -22-27, а для остальных долгих - 17-21. Показательно то, что гласные \bar{a} и a , попадая во второй слог (при наличии в первом слове долгого \bar{a}) обнаруживали тенденцию к сокращению. Для подтверждения этого наблюдения отдельно измерялась длительность последующих \bar{a} , а как при наличии в первом слове долгого \bar{a} , так и других гласных. Ниже приводим результаты кимографического измерения по длительности \bar{a} в исходном положении при наличии в первом слове того же долгого \bar{a} . Для сравнения рядом (в графе 2) указывается длительность исходного \bar{a} при наличии в первом слове других гласных (но не \bar{a}).

1) $k\bar{a}l-d\bar{a}r\bar{b}$ 'головная боль' 16,6 (4) ²⁰	2) $q\bar{i}\bar{c}-d\bar{a}r\bar{b}$ 'боль в животе' 21,4 (10)
--	---

²⁰ Длительность второго (исходного) дается здесь в следующем порядке: в первой строке столбца дана средняя длительность; в скобках указано число измерений, из которых вы-

-	23-22
18-16	24-17
1) $d\bar{a}k\bar{a}m$, 'дадим'	2) $\bar{a}i\bar{t}\bar{a}m$ 'мы ударили'
12,2 (14)	15,7 (15)
13-11	17-15
15-9	17-13

Последующий \bar{a} , как можно заметить из приведенных данных, в одном и том же согласном окружении дает разные показания. Следовательно, наличие в первом слове долгого \bar{a} является неблагоприятным условием для сохранения долготы последующего \bar{a} .

Для краткого a во втором слове воздействие долгого \bar{a} первого слога также вполне очевидно:

1) $q\bar{a}b\bar{a}r$ 'могила'	$r\bar{o}r-at$ ($\delta\bar{o}d$) '(тн) переправился'
8,0 (5)	14,0 (5)
-	-
12-8	15-14

Таким образом, сокращение в исходном слове гласных \bar{a} , a при наличии долгого \bar{a} в первом слове является закономерным и это лишний раз свидетельствует о неустойчивом характере рассматриваемых гласных. Неустойчивость \bar{a} и a более наглядно проявляется при словообразовании, в результате чего долгий \bar{a} замещается кратким (ср. ш.-бдж. $g\bar{a}n\bar{d}\bar{a}$ 'дурной' - $g\bar{a}n\bar{g}\bar{a}g\bar{i}$ 'дурость', $\bar{y}\bar{i}\bar{b}\bar{a}$ 'мальчик' - $\bar{y}\bar{i}\bar{b}\bar{a}y\bar{e}n$ 'мальчики', $d\bar{a}k\bar{t}$ 'степь' - $d\bar{a}k\bar{t}\bar{i}$ 'степной'), а краткий удлиняется (ср. ш.-бдж. $t\bar{a}m\bar{a}$ 'вы' - $t\bar{a}m\bar{a}-m$ $w\bar{i}nt$ 'я вас видел').

Итак, можно заключить, что именно на базе неустойчивости а-огласовки происходило не только количественное (\bar{a} — a ,

ведена средняя длительность; во второй строке дается типовая или нормальная длительность, в последней, третьей, строке указаны крайние пределы длительности.

а — а̄), но также и качественное изменение, что, в частности, выражалось в сужении а̄ > ȃ. Этот процесс своего рода умлаутизации привел к следующим двум взаимообусловленным результатам: а) к количественным колебаниям а-огласовки по длительности; б) к качественному изменению гласного (т.е. а̄ > ȃ).

С другой стороны, можно полагать, что ослабление родоразличительной значимости а̄ повлекло дальнейшее развитие и вместе с тем стандартизацию формы жен. рода с огласовкой а, ставшей общей для всех рассматриваемых языков и диалектов, а в рошорвском — доминирующим показателем жен. рода, вытесняя i-огласовку.

§ 69. Синхронный и исторический анализ соответствия др.-ир. *ā, *a огласовке ȃ в шугнано-рушанской группе, а также рушано-хуфскому ū позволяет разграничить и в какой-то мере уточнить двойное предназначение корневого ȃ, выступающего в одних случаях в качестве показателя женского рода, а в других случаях используемого как примета мужского рода. Сопоставление многочисленных данных — как глагольного, так и именного происхождения свидетельствует об омонимическом характере огласовки ȃ на современном этапе, что наиболее наглядно проявляется в шугнанском, баджувском и менее отчетливо — в хуфском, рошорвском и бартангском языках. Межязыковые линии соответствий позволяют говорить о двух ȃ в следующей последовательности.

I. ȃ — показатель женского рода. Основные источники этого ȃ — др.-ир. *ā, *r в положении а-умлаута и перед двумя согласными. Перед одним согласным др.-ир. *ā, *r во всех языках и диалектах подвергались сужению и в результате по всем языкам реализуется долгое ȃ: *dātā > ш.-р. dōd 'падала!'; *megtā > ш.-бдж. mōd, р.-х., б.-ршв. mōg 'умерла'. Огласовка ȃ как примета жен. рода утвердилась, видимо, относительно поздно. При этом поскольку рушанский в отражении др.-ир. *a, *ā проявляет известный консерватизм, то возникновение ȃ в рушанском можно считать результатом влияния окружающих языков и, в первую очередь, шугнанского.

Перед двумя согласными др.-ир. *a в положении а-умлаута в рушанском сохраняется в виде долгого ā, в остальных языках

также и здесь происходит сужение ā в ȃ: *taxtā-, *taydā- > р. tād, ш.-бдж., х., б.-ршв. tōd 'ушла!'; *raptā- > р. wī-ravd, ш.-бдж., б.-ршв. wīrōvd 'стояла!'.
В этом случае (т.е. в положении перед двумя согласными) можно говорить об архаичности рушанского языка, продолжающего отражать более древнюю форму с а-огласовкой.

2. ȃ — показатель мужского рода. Источником этого ȃ является также др.-ир. *ā, *a, но в нейтральном положении. В этом случае обособлению и выделению ȃ как показателя муж. рода наряду с историческими соответствиями легко способствует рушано-хуфская языковая среда, где др.-ир. *ā отразилось в виде ū (в остальных языках — ȃ). Ср. *dātā-, р.-х. dūd, ш.-бдж., б.-ршв. dōd 'падал', 'очутился', *kaptā- > р.-х. kūd, ш.-бдж., ршв. kōvd 'спал'. Соответствие др.-ир. *ā / р.-х. ū / ш.-р., б.-ршв. ȃ имеет место также и в словах именного происхождения: *bāraka- > р.-х. vūrj; ш.-бдж., б.-ршв. vōrj 'конь'; *nārat- > р.-х. nabūs, ш.-бдж. nibōs, б. nabōs 'внук!'; *kāra- > р.-х. kūr, ш.-бдж., б.-ршв. kōr 'муж' и др.

В целом омонимичность ȃ в каждом языке создает неблагоприятные условия для родового противопоставления. Сравнимые языки и диалекты с целью устранения омонимичности выдвигают различные способы, поэтому между языками и диалектами прослеживаются довольно заметные расхождения в использовании родовых показателей.

§ 70. Факты свидетельствуют о том, что на почве омонимического употребления огласовки ȃ почти в каждой языковой среде усовершенствовались и перестраивались некоторые родоизменяемые показатели, в целом сводящиеся к следующему.

I. В рушанском и хуфском огласовка ū получила широкое применение в качестве приметы муж. рода, а огласовка ȃ закрепились за словами жен. рода (ср. муж. р.-х. kūd 'спал', vūrj 'конь', kūr 'бревно' — жен. kōvd 'спала!').

2. В бартангском, наоборот, наблюдается тенденция использования огласовки ȃ в качестве приметы муж. рода и поэтому возникла необходимость в ряде случаев для перестройки

формы жен. рода с помощью традиционной а-образной огласовки (ср. муж. б. ах̄овд 'спал', жен. ах̄авд 'спала'). Однако подобное родоразличение наблюдается в единичных случаях и поэтому омонимичность \bar{o} все же сохраняется (ср. муж. ш.-бдж. б.-ршв. vōḡj̄ 'конь', δōrg 'бревно').

3. В шугнанском, баджувском и рошорвском отсутствует вовсе указанная выше родовая дифференциация и поэтому омонимичность \bar{o} полностью сохраняется (ср. ш.-бдж., ршв. х̄овд 'спал', 'спала').

Таким образом, огласовка \bar{o} в рунанском хотя и относится, очевидно, к новообразованиям (более древним показателем жен. рода является \bar{a} -огласовка), тем не менее с \bar{o} в рунанском ассоциируется примета жен. рода.

Закрепленность \bar{o} за словами жен. рода в рунанском и хуфском поддерживается противопоставлением огласовки муж. рода \bar{u} , которая в бартангском и рошорвском отсутствует вовсе, а в шугнанском и баджувском хотя и широко представлена, но не имеет родоразличительного свойства.²¹

Если учитывать соответствие ш.-бдж., б.-ршв. \bar{o} / р.-х. \bar{u} , то омонимичность и двусмысленность \bar{o} в какой-то степени устраняется и тем самым создаются косвенные предпосылки для выявления его родоразличительной способности, что конкретно выражается в следующем: \bar{o} в шугнанском, баджувском, бартангском и рошорвском при соответствии рунано-хуфскому \bar{u} реализуется в словах муж. рода. Это проявляется и при именах су-

²¹ Словарное распространение \bar{u} в рунанском и хуфском резко отличается от шугнанского и баджувского; ср. ш.-бдж. v̄ir, р.-х., б.-ршв. v̄ir 'бурный'; ш.-бдж. w̄ir, р. w̄awir, б.-ршв., х. w̄owir 'шерсть'; ш. m̄ir, бдж. m̄ir, р. m̄awir, б.-ршв., х. m̄owir 'яблоко'. Перед носовыми -m, -n также и в заимствованных словах в шугнанском и баджувском регулярно возникает \bar{u} : ш.-бдж. j̄ir, р.-х., б.-ршв. j̄ir 'душа', ш.-бдж. n̄ir, р.-х., б.-ршв. n̄ir 'имя'.

ществительных, как одушевленных (р.-х. v̄ir̄j̄, ш.-бдж., б.-ршв. v̄ōḡj̄ 'жеребец', р.-х. v̄ir̄, ш.-бдж., б.-ршв. v̄ōv̄ 'дед'), так и (а это очень важно) при неодушевленных (ср. имена муж. рода: р.-х. f̄ir̄k, ш.-бдж., б.-ршв. δōrg 'бревно', р.-х. p̄ir̄f, ш.-бдж., б.-ршв. p̄ōf 'пуля'). Все это свидетельствует о том, что огласовка \bar{u} в системе родового чередования играет большую родоразличительную роль в рунанском и его хуфском диалекте и вместе с тем является косвенным родоуточнителем для других языков. При этом следует отметить, что родовой закрепленности неодушевленных существительных с \bar{o} -огласовкой наряду с соответствием ш.-бдж., б.-ршв. \bar{o} / р.-х. \bar{u} способствует также семантическое и синонимическое поле, играющее большую роль в родовой соотнесенности имен.

§ 71. В связи с омонимическими свойствами огласовки \bar{o} возникает вопрос о том, можем ли мы недифференцированные по роду основы прош. времени с корневым \bar{o} считать остатками древнего причастия жен. рода? С самого начала здесь следует иметь в виду, что о сохранении форм женского рода с огласовкой \bar{o} можно судить только на примере глаголов непереходной семантики, так как родовое изменение касается этого класса.²²

В наших материалах недифференцированные по роду глаголы с огласовкой \bar{o} в основе прош. времени почти не зафиксированы. Единственным примером может служить глагол с неясной этимологией ш.-р. p̄al̄ov̄:p̄al̄ov̄at, перф.p̄al̄ov̄s̄, инф.p̄a-

²² Т.Н.Пахалина при исследовании ваханского языка (окончательно утратившего категорию рода) приходит к выводу, что "ваханские основы прошедшего времени с корневым гласным о (из др.-ир. *ā) продолжают пассивное причастие женского рода" (Пахалина, 1975, 69). Однако все приведенные 14 основ прош. времени представляют собой глаголы переходного значения и каузативные формы, поэтому данный вывод материалами языков и диалектов шугнано-рунанской группы не подтверждается.

lōystōw 'заниматься', 'работать'.²³ В этом глаголе, по-видимому, основа прош. времени не является продолжением древнего причастия жен. рода, а образована непосредственно от основы наст. времени, т.е. вторична.

Другие малочисленные основы непереходных глаголов с ̄-огласовкой (типа р.-х. ȡūd 'падал', жен. ȡōd), если и не во всех языках, то во всяком случае в каком-нибудь одном языке или диалекте имеют дифференцированные по роду формы.

В целом, сохранение основ непереходных глаголов прош. времени жен. рода с корневым ̄ не характерно для шугнано-руманской группы.

Что касается основ прош. времени переходных глаголов, то для них корневая огласовка ̄ является обычным явлением. Это в первую очередь касается шугнанского, баджувского, бартангского и роморвского, в которых огласовке ̄ в руманском и хуфском соответствует ū.

ш.-бдж., ̄.-ршв.	р.-х.	
birȡxt	birȡxt	пил(а)
zinōd	zinūd	мыл(а)
ziwōst	ziwūst	вынес(ла)
zȡxt	zȡxt	взял(а)
parȡōd	parȡūd	продал(а)
yōd	yūd	нес(ла)
ayōd	ayūd	
rimōd	rimūd	
ramōd	ramūd	послал(а)

В бартангском и роморвском корневое ̄ служит в качестве показателя каузатива. В шугнанском и баджувском ему соответствует огласовка ē, а в руманском и хуфском — ē. Ис-

²³ Этот глагол употребляется также в местных таджикских говорах, ср. бадахманско-тадж. p(ə)lovidan 'возиться', 'суетиться' (Розенфельд, 1971, 123). Общий для всех языков группы переходный глагол sipor:siport 'поручать', 'отдавать' (по-видимому, заимствованный из таджикского) также не может служить примером остатков жен. рода.

точником всех этих трех разновидностей является др.-ир. *a и древнеиранский каузативный суффикс -aya.²⁴ *ni-gāgaaya-> ̄.-ршв. niȡor:niȡort, бдж. niȡer:niȡert, ш. aȡer:aȡert; р.-х. niȡer:niȡert 'намачивать'; *ni-hādaaya-> ̄.-ршв. nōd:nōd, ш.-бдж. nēd:nēd, р.-х. nēb:nēb 'сахать'; *sāgaaya-> ̄.-ршв. sōr:sōrt, ш.-бдж. sēr:sert; р.-х. sōr:sērd 'выслеживать', 'следить'; *taȡaya-> ̄.-ршв. tōz:tōzd, ш.-бдж. tēz:tēzd; р.-х. tēz:tēzd 'цедить'; *wāzaaya-> ̄.-ршв. wōz:wōzd, ш.-бдж. wēz:wēzd, р.-х. wēz:wēzd 'купать' и т.д.

Огласовка ̄ широко представлена в основах переходных и каузативных глаголов и эти формы отнюдь не могут рассматриваться как остатки причастий жен. рода.

Следует иметь в виду еще и следующую общую тенденцию языков и диалектов шугнано-руманской группы: при ослаблении и утрате категории рода и разложении рододифференцирующих показателей формы муж. рода проявляют большую жизнеспособность и могут сохраняться, а родовые форманты жен. рода чаще выходят из употребления.

В качестве примера сохранения форм муж. рода (при потере форм жен. рода) можем указать на следующие непереходные глаголы с огласовкой, аналогичной муж. роду: ш.-бдж., ambūst, р. ambost, перф. ш.-бдж. ambūsȡ, р. ambosȡ 'разрушился', 'обвалился', 'разрушилась', 'обвалилась'; ш.-р. гр. wuzd, перф. wuzȡ 'шевелился', 'двигался', 'шевелилась', 'двигалась' (о насекомых); ш.-р. гр. wust, перф. wusȡ 'двигался', 'тронулся', 'двигалась', 'тронулась' и др.

От последнего глагола образована каузативная форма: wuscēn:wuscēt, перф. wuscēnȡ 'качать', 'двигать', 'шевелить'.

§ 72. Отношение языков и диалектов при родоизменении глагольной основы в общих чертах аналогично их отношению при родовой перегласовке в именах. Вместе с тем в родовой перегласовке глагольной основы прослеживаются некоторые спе-

²⁴ О каузативных формах в древнеиранских языках, см., в частности, Соколов, 1961, 86-87.

цифические, а в ряде случаев существенные отличия.

Главным отличием следует считать наличие *i*-образной огласовки жен. рода в некоторых именах существительных (типа *bis* 'детеныш-самка' к *bis* 'детеныш-самец', *kid* 'сука' к *kud* 'пес', ш.-бдж. *niḃēs*, р.-х., б. *naḃēs* 'внучка' к ш.-бдж. *niḃōs*, р.-х. *naḃūs*, б. *naḃōs* 'внук') и отсутствие указанной огласовки в основах прош. времени. Поэтому при имени родовая модель муж. и / жен. *i* выделяется в качестве отдельного типа. Таким образом, за счет участия кратких гласных в родовой дифференциации в именах наличествуют два типа родовой перегласовки (*u/a*, *u/i*), в то время как в глаголе представлена только одна модель (*u/a*). С другой стороны, в глаголе единая для всех языков и диалектов родовая модель муж. и / жен. *ō* выделяется как отдельный тип родовой перегласовки, однако она характерна только для шугнанского, баджувского и реже для хуфского. В остальных языках реализуются другие гласные (ср. ш.-бдж., х. *gōšt*, р. *rošt*, б.-рив. *gōšt* 'красный', жен. ш.-бдж., х. *gōšt*, р., б.-рив. *gāšt*). Исходя из подобного рода расхождений, при именах выделены и проанализированы четыре типа родовой перегласовки, а в глагольной основе — пять типов. По тем же принципам выделяются варианты при каждом типе.

Взаимотношение языков и диалектов по реализации родовых перегласовок в основе прош. времени иллюстрируется в сводной таблице (табл. 26), в которой суммируются все типы и варианты родовых моделей.

В верхней части таблицы даются соответствия родовых перегласовок по языкам, а в нижней половине таблицы — для каждого основного типа приводится по одному примеру. Во втором столбце указываются номера таблиц, в которых при рассмотрении каждого типа и варианта родовой перегласовки были приведены примеры с отражением родовых чередований.

§ 73. На основе приведенной сводной табл. 26 можно сделать следующие выводы:

1. Родовая перегласовка посредством кратких гласных как при имени, так и в глаголе является общим и объединяющим типом для всех языков и диалектов, при этом модель *u/a* следует

Таблица 26

Тип и вариант	Таблицы	Мужской род			Женский род		
		ш.-бдж.	р.-х.	б.-рив.	ш.-бдж.	р.-х.	б.-рив.
I	12, 14	u	u	u	a	a	a
II(I)	16	i	o	ō	ā	ā	ā
(2)	17	ū	o	ō	ō	р.ā, х.ō	ā
III(I)	20	ū	р.и, х.ū	ū	ō	ā(х.ō)	ā
(2)	21	ū	u	ū(u)	ō	р.ā, х.ō	ō
IV	23	ū	ū	ū	ō	ō	ō
У	24	ō	ū	ō	ō	ō	б. ā, рив. ō

Примеры

I	12	puḃ	puḃ	puḃ	paḃ	paḃ	paḃ
	14	viruḃt	viruḃt	viruḃt	viraiḃt	viraiḃt	viraiḃt
II(I)	16	sifā	sifod	sifōd	sifād	sifād	sifād
	(2) 17	nūst	р.nost, х.nūst	nōst	nōst	р.nāst, х.nōst	nāst
III(I)	20	wirūvd	wiruḃd, х.wirūvd	wirūyd	wirōvd	wirāvḃd, х.wirōvd	wirāvḃd
	(2) 21	tūyd	tuyd	tūyd	tōyd	р.tāyd, х.tōyd	tōyd
IV	23	mūḃ	mūg	mūg	mōḃ	mōg	mōg
У	24	ḃicōḃ	ḃicūḃ	ḃicōḃ	ḃicōḃ	ḃicōḃ	ḃicāḃ

считать среди всех остальных типов более универсальным и доминирующим средством родоразличения не только в глаголе, но также и в других частях речи (в прилагательных, звукоподражательных и изобразительных словах).

2. С участием в родо-дифференциации долгих гласных между языками и диалектами возникают значительные отличия. Вместе с тем все родовые соответствия с точки зрения исторического развития и в зависимости от влияния фонетических факторов носят закономерный характер.

3. Наиболее регулярным является соответствие огласовки муж. рода р.-х. \bar{o} / б.-ршв., \bar{o} / ш.-бдж. \bar{i} . Данное соответствие наряду с основной преш. времени имеет место также и в именах (см. второй тип в глаголе и третий тип в имени). Для этого типа соответствия показательно то, что форма муж. рода в шугнанском и баджувском выражается необычной для родоразличения огласовкой — долгим неогубленным гласным переднего ряда \bar{i} , который сам по себе не является приметой муж. рода. Этот гласный, однако, при соответствии рушано-хуфскому краткому огубленному \bar{o} и бартанго-рошорвскому долговому огубленному $\bar{\bar{o}}$ становится родовым формантом муж. рода. Указанное соответствие как в глаголе, так и в именах наблюдается в положении перед одним согласным (ср. ш.-бдж. $\bar{v}\bar{i}\bar{i}\bar{d}$, р.-х. $\bar{v}\bar{i}\bar{w}\bar{o}\bar{d}$, б.-ршв. $\bar{v}\bar{i}\bar{w}\bar{o}\bar{d}$ 'отказался', ш.-бдж. $\bar{x}\bar{i}\bar{y}$, р.-х. $\bar{x}\bar{o}\bar{y}$, б.-ршв. $\bar{x}\bar{o}\bar{y}$ 'сладкий'), в то время как соответствие ш.-бдж. \bar{u} , u / р.-х. \bar{o} / б.-ршв. $\bar{\bar{o}}$ не зависит от упомянутого положения и может реализовываться как перед одним согласным, так и перед двумя (ш.-бдж. $\bar{r}\bar{i}\bar{c}\bar{u}\bar{s}\bar{t}$, х. $\bar{r}\bar{a}\bar{c}\bar{u}\bar{s}\bar{t}$, р. $\bar{r}\bar{a}\bar{c}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$, б.-ршв. $\bar{r}\bar{a}\bar{c}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$ 'убежал', ш.-бдж., х. $\bar{r}\bar{u}\bar{s}\bar{t}$, р. $\bar{r}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$, б.-ршв. $\bar{r}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$ 'красный', ш.-бдж. $\bar{v}\bar{u}\bar{q}$, р.-х. $\bar{v}\bar{o}\bar{q}$, б.-ршв. $\bar{v}\bar{o}\bar{q}$ 'выпуклый').

4. Форма жен. рода при втором типе перегласовки в положении перед одним согласным по всем языкам совпадает (ш.-р. $\bar{v}\bar{i}\bar{w}\bar{a}\bar{d}$ 'отказалась'), что имеет место также и в именах (ш.-р. гр. $\bar{x}\bar{a}\bar{y}$ 'сладкая', $\bar{x}\bar{a}\bar{n}\bar{a}\bar{x}$ 'белоголовая', 'с белой отметиной на лбу'). Однако в положении перед двумя согласными рушанский вместе с бартангским и рошорвским сохраняют \bar{a} -огласовку, а в шугнанском, баджувском и хуфском возникает долгое \bar{o} , что прослеживается также и в именах (р., б.-ршв. $\bar{r}\bar{a}\bar{c}\bar{a}\bar{s}\bar{t}$, ш.-бдж. $\bar{r}\bar{i}\bar{c}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$, х. $\bar{r}\bar{a}\bar{c}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$ 'убежала', р., б.-ршв. $\bar{r}\bar{a}\bar{s}\bar{t}$, ш.-бдж., х. $\bar{r}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$ 'красная').

5. При третьем типе родовой перегласовки в глаголе отношение языков и диалектов в зависимости от фонетических ус-

ловий значительно меняется: перед сочетанием $-\bar{v}\bar{a}$ рушанский выделяется среди остальных языков и диалектов выражением мужского рода с помощью краткого u ; в остальных — долгое \bar{u} (р. $\bar{r}\bar{a}\bar{b}\bar{i}\bar{v}\bar{a}$, ш.-бдж., х. $\bar{r}\bar{i}\bar{b}\bar{i}\bar{v}\bar{a}$, б.-ршв. $\bar{r}\bar{a}\bar{b}\bar{i}\bar{v}\bar{a}$ 'прилип'). Форма жен. рода в этом положении почти во всех языках выражается через долгое \bar{a} , но в шугнанском происходит сужение $\bar{a} > \bar{o}$. При этом баджувский и хуфский в ряде случаев допускают ту и другую огласовку (примеры см. в табл. 20). В положении перед сочетанием $-\bar{v}\bar{a}$ форма мужского рода с огласовкой \bar{u} в шугнанском, баджувском и бартангском совпадает, в рушанском и хуфском реализуется и здесь краткое u (примеры см. в табл. 21). В женском же роде рушанский опять выделяется огласовкой \bar{a} и тем самым проявляет по сравнению с другими языками известную архаичность, так как в остальных языках и диалектах происходит сужение $\bar{a} > \bar{o}$, что следует считать относительно поздним явлением в родовом чередовании гласных.²⁵

6. Модель \bar{u}/\bar{o} выделяется среди остальных типов родовой перегласовки тем, что она объединяет все языки и диалекты (примеры см. в табл. 23). Эта модель свойственна также и именам, однако в этом случае между языками и диалектами возникают определенные закономерные расхождения (ср. в глаголе: ш.-бдж. $\bar{m}\bar{i}\bar{d}$, р.-х., б.-ршв. $\bar{m}\bar{i}\bar{g}$ 'умер', жен. ш.-бдж. $\bar{m}\bar{o}\bar{d}$, р.-х., б.-ршв. $\bar{m}\bar{o}\bar{g}$ 'умерла'; в именах: ш.-бдж., х. $\bar{r}\bar{u}\bar{s}\bar{t}$, р. $\bar{r}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$, б.-ршв. $\bar{r}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$ 'красный', жен. ш.-бдж., х. $\bar{r}\bar{o}\bar{s}\bar{t}$, р., б.-ршв. $\bar{r}\bar{a}\bar{s}\bar{t}$ 'красная'). Поэтому при анализе родовой перегласовки в глаголе модель \bar{u}/\bar{o} выделяется в качестве отдельного типа, а при именах — как вариант третьего типа (см. §§ 19, 64).

7. По последнему пятому типу родовой перегласовки в глаголе между языками и диалектами обнаруживаются следующие

²⁵ Соответствие ш.-бдж. \bar{o} /р.-х. \bar{a} , а наблюдается также и в других случаях: ш.-бдж. $\bar{t}\bar{o}\bar{e}\bar{s}$, р.-х. $\bar{t}\bar{a}\bar{s}$ 'деревянное блюдо', ш.-бдж. $\bar{y}\bar{o}\bar{r}\bar{j}$, р.-х. $\bar{y}\bar{a}\bar{r}\bar{j}$ 'льцерна', ш.-бдж. $\bar{y}\bar{o}\bar{y}\bar{j}$, р.-х. $\bar{y}\bar{a}\bar{y}\bar{j}$ 'мука', ш.-бдж. $\bar{x}\bar{u}\bar{i}\bar{g}\bar{o}\bar{w}$, р.-х. $\bar{x}\bar{a}\bar{i}\bar{g}\bar{o}\bar{w}$ 'як' и т.д.

расхождения: а) рушанский и его хуфский диалект характеризуются совпадением по перегласовке муж. \bar{u} /жен. \bar{o} ; б) бартангский при огласовке муж. рода \bar{o} для жен. рода развил \bar{a} -огласовку; в) в шугнанском, баджувском и рошорвском родового изменения не происходит (примеры см. в табл. 24). Показателен также факт совпадения глагольной огласовки муж. рода с огласовкой соответствующего рода в именах (ср. ш.-бдж., б. $\bar{x}i\bar{s}\bar{o}\bar{d}$, р.-х. $\bar{x}i\bar{s}\bar{u}\bar{d}$ 'замерз' - ш.-бдж., б.-ршв. $\bar{v}\bar{o}g\bar{j}$, р.-х. $\bar{v}\bar{u}g\bar{j}$ 'конь'). Причем в огласовке жен. рода между языками и диалектами обнаруживаются значительные отличия, что заключается, главным образом, в наличии i -образной огласовки в именах (ср. ш.-бдж. $\bar{v}\bar{e}g\bar{z}$, р.-х., б.-ршв. $\bar{v}\bar{e}g\bar{z}$ 'кобыла') и ее отсутствии в основе пром. времени у глагола.

Для иллюстрации родовых перегласовок как в глаголе, так и в именах приводится сводная таблица 27.

§ 74. На основании приведенной табл. 27 можно заключить следующее:

1. Как в именах, так и в глагольной основе пром. времени обнаруживается довольно стройная система родоразличения, что в целом заключается в закреплённости u -образной огласовки за формами мужского рода и закреплённости a - и i -образных огласовок за формами женского рода.

2. Собственно u -огласовка среди всех прочих корневых показателей муж. рода выделяется широким словарным распространением (она представлена во всех изменяющихся по роду частях речи) и совпадением по всем языкам и диалектам. По реализации остальных показателей муж. рода \bar{u} , \bar{u} , \bar{o} , \bar{i} , \bar{e} между языками и диалектами обнаруживаются определенные расхождения, которые, однако, являются закономерными.

3. Характерная черта изменяющихся по роду корневых показателей муж. рода заключается в их огубленности. Исключением является шугнано-баджувские неогубленные \bar{i} , \bar{e} , которым, однако, в остальных языках регулярно соответствуют опять-таки огубленные \bar{o} (р.-х.), $\bar{ö}$ (б.-ршв.). Поэтому в целом мы имеем основание говорить об единой u -образной огубленной огласовке как об основной и универсальной примете муж. рода.

	Муж. род				Жен. род			
	ш.-бдж.	б.-ршв.	х.	р.	ш.-бдж.	б.-ршв.	х.	р.
В именах	и	и	и	и	а	а	а	а
	\bar{i}	\bar{i}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{i}	\bar{i}	\bar{i}	\bar{i}
	u	u	o	o	\bar{a}	\bar{a}	\bar{a}	\bar{a}
	\bar{u}	\bar{u}	\bar{r}	\bar{r}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}
В глаголе	и	и	и	и	а	а	а	а
	\bar{i}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{a}	\bar{a}	\bar{a}	\bar{a}
	\bar{u}	\bar{u}	\bar{u}	\bar{u}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}
	\bar{o}	\bar{o}	\bar{r}	\bar{r}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}	\bar{o}

4. Главными приметами форм жен. рода являются a -образная и i -образная огласовки; i -образная огласовка (в виде ш.-р. \bar{i} , ш.-бдж. \bar{e} , р.-х., б.-ршв. \bar{e}) представлена только в нескольких именах существительных. Все языки и диалекты по использованию собственно i -огласовки точно совпадают (ср. ш.-р. гр. $gi\bar{j}$ 'козочка' и $gu\bar{j}$ 'козленок').

5. На почве положения a -умлаута образовались и получили развитие следующие три корневых показателя жен. рода - \bar{a} , \bar{a} , \bar{o} . Огласовка \bar{a} как отражение древнего показателя жен. рода ныне остается наиболее характерной и употребительной для рушанского языка. Огласовка \bar{a} как основной и доминирующий показатель жен. рода по своей родоразличающей значимости со-

ставляет равноправную оппозиционную пару к огласовке муж. рода и, что объясняется и широкой словарной употребительностью а (применяется во всех родоразличаемых разрядах слов), и ее универсальностью (все языки и диалекты по использованию а объединяются).

6. Огласовка \bar{o} в системе родовых показателей выделяется омофоническим употреблением и как показатель муж., и как примета жен. рода, что особенно характерно для дугманского, баджувского, бартангского и рошорвского. Однако при соответствии указанной огласовки румано-хуфскому \bar{u} двусмысленность \bar{o} устраняется. Образование и утверждение огласовки \bar{o} в качестве показателя жен. рода происходило за счет сужения \bar{a} , поэтому данное явление следует, видимо, считать новообразованием. При этом типе огласовки взаимоотношение языков и диалектов резко меняется, а именно: хуфский, бартангский и рошорвский отделяются от относительно близкого им руманского и примыкают к дугманскому и баджувскому. Руманский проявляет известный консерватизм, так как в большинстве случаев сохраняет родовую форму с \bar{a} -огласовкой.

Выражение категории рода в основе перфекта

§ 75. Большая группа непереходных глаголов различает род в перфекте. В количественном отношении различающих род форм в перфекте значительно больше, чем при основе прош. времени, что объясняется следующими двумя факторами. Во-первых, все глаголы, изменяющиеся по родам при основе прош. времени, полностью сохраняют родовую дифференциацию также и при перфекте. Во-вторых, число различающих род форм в перфекте увеличивается за счет ряда других не дифференцированных по роду основ прош. времени (ср. перфект - от глагола со значением 'разбухать': муж. ш. $bi\bar{u}\bar{e}\bar{o}\bar{j}$, бдж. $bi\bar{w}\bar{e}\bar{o}\bar{j}$, р. $bu\bar{w}au\bar{j}$, х. $bu\bar{w}\bar{i}\bar{j}$, б. $bi\bar{w}\bar{i}\bar{j}$, рив. $bu\bar{w}\bar{i}\bar{j}$, жен. ш. $bi\bar{u}\bar{e}\bar{s}$, бдж. $bi\bar{w}\bar{e}\bar{s}$, р.-х. $bu\bar{w}au\bar{s}$, б. $bi\bar{w}\bar{i}\bar{s}$, рив. $bu\bar{w}\bar{i}\bar{s}$ - при основе прош. ш. $bi\bar{u}\bar{e}\bar{d}$, бдж. $bi\bar{w}\bar{e}\bar{d}$, р. $bu\bar{w}au\bar{d}$, х. $bu\bar{w}\bar{i}\bar{d}$, б. $bi\bar{w}\bar{i}\bar{d}$, рив. $bu\bar{w}\bar{i}\bar{d}$; перфект от глагола со значением 'загораться': муж. ш.-бдж. $ri\bar{b}\bar{i}\bar{o}\bar{j}$, р.-х., б.-рив. $ra\bar{b}\bar{i}\bar{j}$, жен. ш.-бдж. $ri\bar{b}\bar{i}\bar{s}$, р.-х., б. $ra\bar{b}\bar{i}\bar{s}$, рив.

IIA

$ra\bar{b}\bar{i}\bar{s}$, $ra\bar{b}\bar{i}\bar{t}$, при основе прош. ш.-бдж. $ri\bar{b}\bar{i}\bar{d}$, р.-х., б.-рив. $ra\bar{b}\bar{i}\bar{d}$ и т.д.).

§ 76. С формальной стороны между основами прош. времени и перфекта в синхронном плане выявляются следующие расхождения:

1. В перфекте в родовой дифференциации наряду с внутренней перегласовкой (что является для основы прош. времени единственным родоразличающим средством) участвуют также и исходные согласные $-\bar{t}$, $-\bar{j}$ - для мужского рода и $-\bar{s}$, $-\bar{z}$ - для женского (ш.-бдж. $t\bar{u}\bar{y}\bar{j}$ 'ушел', жен. $t\bar{i}\bar{s}$ 'ушла' при основе прош. времени $t\bar{u}\bar{y}\bar{d}$, жен. $t\bar{o}\bar{y}\bar{d}$).

2. В перфекте различающие род глаголы в отличие от основы прош. времени имеют специальную форму для множественного числа (ср. перф. муж. $vi\bar{r}u\bar{x}\bar{t}$, жен. и мн. $vi\bar{r}i\bar{x}\bar{s}$, особое мн.ч. $vi\bar{r}a\bar{x}\bar{t}$ - при основе прош. времени муж. $vi\bar{r}u\bar{x}\bar{t}$, жен. и мн. $vi\bar{r}a\bar{x}\bar{t}$). При этом форма жен. рода основ прош. времени и перфекта, как правило, употребляется также и при мн. числе. Ср. ш.-бдж. $\bar{c}\bar{i}\bar{n}\bar{i}$ $vi\bar{r}a\bar{x}\bar{t}$ ($vi\bar{r}i\bar{x}\bar{s}$) 'шала разбилась' - $\bar{c}\bar{i}\bar{n}\bar{i}\bar{y}\bar{e}\bar{n}\bar{e}\bar{n}$ $vi\bar{r}a\bar{x}\bar{t}$ ($vi\bar{r}i\bar{x}\bar{s}$) 'шалы разбились'. Однако специальная перфектная форма мн. числа не может употребляться при ед. числе и поэтому она нейтральна к различению рода;¹ ср. ш.-бдж.

¹ В связи с этим не вполне ясным и убедительным представляется анализ различающих род перфектов бартангского языка в работе Карамхудоева, когда автор, в частности, пишет: "Во множественном числе, так же как и в единственном, различаются формы мужского и женского рода; ср. $zi\bar{d}a\bar{x}\bar{t}\bar{e}\bar{a}\bar{n}$ (м.р.) - $zi\bar{d}\bar{i}\bar{x}\bar{s}\bar{e}\bar{a}\bar{n}$ (ж.р.)"; см. Карамхудоев, 1973, 168-169). Вышеприведенные автором перфекты с пометой муж. рода ($zi\bar{d}a\bar{x}\bar{t}\bar{e}\bar{a}\bar{n}$ 'оторвались', $sa\bar{c}\bar{e}\bar{a}\bar{n}$ 'умли', $pa\bar{s}\bar{c}\bar{e}\bar{a}\bar{n}$ 'сели'), являясь формами мн. числа, вовсе не закреплены за какими бы то ни было родом (см. также Соколова, 1967, § 44). Поэтому они свободно употребляются не только при мн. числе подлежащего муж. рода, но также и женского; ср.: ш. $wa\bar{b}$ $vi\bar{r}a\bar{d}\bar{a}\bar{r}\bar{e}\bar{n}$ $sa\bar{c}\bar{j}$ tar $bo\bar{y}$; б. $wa\bar{b}$ $vi\bar{r}a\bar{d}\bar{a}\bar{r}\bar{e}\bar{n}$ $sa\bar{c}$ tar $bo\bar{y}$ 'те братья умли в сад' - ш. $wa\bar{b}$

II B

điniyēn-ēn viḡaxč 'пиалы разбились' (đini 'пиала' - жен. рода); ш.-бдж. wūwēn-ēn viḡaxč 'балки поломались' (wūs 'балка' - муж. р.).

3. Огласовка жен. рода в перфекте отличается от огласовки жен. рода основы прог. времени. Что касается огласовки муж. рода в основах прог. времени и перфекта, то в этом случае обнаруживаются большие сходства. Поэтому приведенный выше разбор различных типов огласовки муж. рода основы прог. времени (см. §§ 41-74) в известной мере относится также и к огласовке основы муж. рода перфекта. В связи с этим при дальнейшем изложении основное внимание будет уделено рассмотрению огласовки жен. рода и разъяснению специфических черт, различающих род форм перфекта в сравнении с основой прог. времени.

§ 77. В историческом плане перфектная основа в языках и диалектах иугнано-руманской группы, как и в остальных памирских языках, продолжает старое вторичное причастие, осложненное суффиксами *-ка- для муж. рода и *-đī- для женского. Эти суффиксы в сравниваемых языках и диалектах соответственно отразились следующим образом: *-ка- дал -č, -j - универсальный показатель перфектов и дифференцированных и недифференцированных по роду форм, а *đī- дал показатель жен. рода в виде -с, -з; например, *raxt(a)ka- > р.-х. roxč, б. roxč 'поспел', 'сварился' - жен. *raxt(a)đī- > р., б. rēxs, х. rəxs 'поспела', 'сварилась'. Суффиксальный элемент *-ка- в результате смягчения (палатализации) дал -č, -j, а *-t (из *-ta-) ассимилировался с образовавшимися аффрикатами -с, -č, -з, -j (Сохолова, 1967, §§ 35, 44, 59; 1973, §§ 131-150).

Форманты муж. рода -č, -j из *-ка- < *-така- и жен. -с, -з из *-đī- < *-таđī- вместе с внутренней родовой огласовкой стали основными средствами различения рода для перфектных форм с непереходным значением.

uaxziṇēn-ēn zəđj tar bōy, б. wāđ uaxzōn-an sač tar bōy 'сестры ушли в сад'.

§ 78. В целом в перфектных формах представлено три вида огласовки, исторически связанных с тремя положениями, а именно: форма мужского рода отражает огласовку нейтрального положения, форма женского рода - огласовку i-умлаута, а форма мн. числа перфекта - а-умлаута. Отклонения от вышеуказанных видов огласовки невелики и они касаются, главным образом, рошорвского языка, где в перфектных формах жен. рода а-огласовка преобладает над огласовкой i.

В отличие от основы прог. времени, где форма жен. рода полностью совпала с формой мн. числа, в перфекте различающие род глаголы сохранили форму мн. числа, исторически восходящую к форме мн. числа причастий, осложненных суффиксом *-ка- (по типу *raxt(a)kā- > rāxč). Для сравнения ниже наряду с различающими род формами перфекта приводятся также основы множественного числа перфекта и дифференцированные по роду основы прог. времени.

Выделение и анализ типов родовой перегласовки в перфекте осуществляется в основном по тем же принципам, которые применялись при рассмотрении родовой перегласовки в именах и в основах прог. времени.

§ 79. Первый тип муж. и/жен. i. Этот тип родовой перегласовки является наиболее распространенным и доминирующим. Отличительная черта рассматриваемой модели заключается еще в том, что все языки и диалекты сближаются, а во многих случаях совпадают по реализации родовой чередования указанного типа. С точки зрения проявления огласовки и согласного сочетания в перфекте выделяются два варианта.

Первый вариант единой для всех языков и диалектов родовой перегласовкой муж. и/жен. i включает те изменяющиеся по роду глаголы, в которых исторические сочетания *rt, *rd перед *t дало ħ. "В этом положении гласный из *r (или *ar?) никогда не растягивается и всегда представлен как краткий гласный" (Сохолова, 1967, 60). Лишь в двух формах перфекта в бартангском и рошорвском возникает гласный ō (б.-ршв. aḡōxč при ш.-бдж., р.-х. aḡōxč 'прыгнул'; б.-ршв. rawōxč при ш.-бдж. riwōxč, р.-х. rawōxč 'летел').

По согласным исходам муж. -ѣ / жен. -с все языки и диалекты совпадают (примеры см. в табл. 28).

Форма муж. рода в перфекте весьма близка соответствующей форме муж. рода основы прош. времени: огласовка и в том и другом случае является результатом нейтрального положения, и, таким образом, обе основы отличаются друг от друга лишь исходным согласным (перф. *viruxĕ* - основа прош. *viruxĭt* 'сло-мался'). Однако формы жен. рода перфекта и основы прош. времени наряду с расхождением исходных согласных (-ѣ вместо -t) отличаются одна от другой также образованием различной родовой огласовки: вместо а-образной огласовки основы прош. времени в перфекте представлена і-образная огласовка (*viraxĭt* - *virixĭc* 'сло-малась'). Форма множественного числа перфекта по огласовке совпадает с формой жен. рода основы прош. времени и отличается от нее только исходным согласным -ѣ вместо -t (*viraxĕ* 'сло-мались' - *viraxĭt* 'сло-малась').

§ 80. В т о р о й в а р и а н т включает формы (см. табл. 29), огласовка которых в баджувском диалекте имеет закономерное отличие от всех остальных языков и диалектов, а именно: в баджувском в перфекте муж. рода и мн. числа соответственно представлены долгие *ū*, *ō*, в остальных языках растяжения гласных не происходит и употребляются соответственно *u*, *a* (ср. муж. бдж. *sūđj* при ш. *suđj*, р. *suĭ*, *suĕ*, х. *suĭ*, б. *suĭ*, рив. *suĕ* 'ушел'; мн. число бдж. *sōđj* при ш. *sađj*, р.-х. *saĭ*, *saĕ*, б.-рив. *saĭ*, *saĕ* 'ушли').

§ 81. По данным табл. 29 можно отметить, что суффиксальные элементы перфекта отличаются по языкам и диалектам следующим образом: в шугнанском и баджувском исходный согласный -а- основы прош. времени в перфекте муж. рода и мн. числа сохраняется в спирантизированном виде (-ѣ-), в остальных языках и диалектах -а- выпадает (примеры см. табл. 29). В бартангском лишь в одном перфекте муж. рода наряду с *viđj* 'был' параллельно засвидетельствована форма *viđĕ*, где происходит оглушение -đj → -ѣ. В хуфском диалекте в одном случае представлена форма с -g- (*wizugĭj* 'погас'), что может быть объяснено влиянием аналогии (ср. х.: *đugĭj* 'делался' при ш.-бдж. *đuĭj*, р., б. *đūj*, рив. *đūj*, *đūĕ*; х. *mugĭj* 'умер' при ш.-

Языки	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
ш-р. гр.	<i>viruxĕ</i>	<i>virixĕ</i>	<i>viraxĕ</i>	<i>viruxĭt</i>	<i>viraxĭt</i>	разбивать- ся, ломать- ся
ш-р. гр.	<i>ziduxĕ</i>	<i>zidixĕ</i>	<i>zidaĕ</i>	<i>ziduxĭt</i>	<i>zidaĭt</i>	
ш-р. гр.	<i>ziyuxĕ</i>	<i>ziyixĕ</i>	<i>ziyaĕ</i>	<i>ziyuxĭt</i>	<i>ziyaĭt</i>	оторваться, разрваться высыхать (о посевах)
ш. бдж.	<i>piruxĕ</i>	<i>pirixĕ</i>	<i>piraĕ</i>	<i>piruxĭt</i>	<i>piraĭt</i>	
р.-х. б.	<i>paraxuxĕ</i>	<i>paraxixĕ</i>	<i>paraĕ</i>	<i>paraxuxĭt</i>	<i>paraĕ</i>	заболеть (снова)
рив.	<i>paraxuxĕ</i>	<i>paraxixĕ</i> , <i>paraxixĕ</i>	<i>paraĕ</i>	<i>paraxuxĭt</i>	<i>paraĕ</i>	
ш- бдж.	<i>aruxĕ</i>	<i>arixĕ</i>	<i>araĕ</i>	<i>aruxĭt</i>	<i>araĭt</i>	прыгать, вставать на дыбы
р.-х. б.	<i>aruxĕ</i>	<i>arixĕ</i>	<i>araĕ</i>	<i>aroxĭt</i>	<i>araĭt</i>	
рив.	<i>aroxĕ</i>	<i>aroxĕ</i>	<i>araĕ</i>	<i>aroxĭt</i>	<i>araĭt</i>	драться
ш-р. гр.	<i>tuĕ</i>	<i>tiĕ</i>	<i>taĕ</i>	<i>tuĭt</i>	<i>taĭt</i>	
ш. бдж.	<i>nixuxĕ</i>	<i>nixixĕ</i>	<i>nixaĕ</i>	<i>nixuxĭt</i>	<i>nixaĭt</i>	обвалиться, разрушать- ся
х. р.	<i>nixuxĕ</i>	<i>nixixĕ</i>	<i>nixaĕ</i>	<i>nixuxĭt</i>	<i>nixaĭt</i>	
б. рив.	<i>raxuxĕ</i>	<i>raxixĕ</i>	<i>raxaĕ</i>	<i>raxuxĭt</i>	<i>raxaĭt</i>	летать
ш- бдж.	<i>riwuxĕ</i>	<i>riwixĕ</i>	<i>riwaĕ</i>	<i>riwuxĭt</i>	<i>riwaĭt</i>	
р.-х. б.	<i>rawuxĕ</i>	<i>rawixĕ</i>	<i>rawaĕ</i>	<i>rawuxĭt</i>	<i>rawaĭt</i>	
рив.	<i>rawoxĕ</i>	<i>rawoxĕ</i>	<i>rawaĕ</i>	<i>rawoxĭt</i>	<i>rawaĭt</i>	

Таблица 29

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.		
I	2	3	4	5	6	7	
и.	vuδj	vic	vaδj	vud	vad	быть, на- ходиться	
бдж.	vūδj	vic	vōδj	vud	vad		
р.	viḷ	vic, viḷ	vaḷ, viḷ	vid	vid		
х.	vuḷ	vic	vaḷ	vud	vad		
б.	vuḷ, vuδc	vic, vicc	vaḷ, vac	vud	vad		
рив.	vuḷ, vuḷ	vac, vaḷ	vaḷ, vaḷ	vud	vad		
и.	wizudj	wizic	wizaδj	wizud	wizad	потухать, гаснуть	
бдж.	wizūδj	wizic	wizōδj	wizud	wizad		
р.	wizuḷ	wizic	wizaḷ	wizud	wizad		
х.	wizugj	wizic	wizaḷ	wizud	wizad		
б.	wizuḷ	wizic	wizaḷ	wizud	wizad		
рив.	wizud	wizaḷ	wizaḷ	wizud	wizad		
и.	ɕuθj	ɕic	ɕaδj	ɕud	ɕad	гореть, сгорать	
бдж.	ɕūδj	ɕic	ɕōδj	ɕud	ɕad		
р-х.	ɕuḷ	ɕic, ɕiwc	ɕaḷ	ɕud	ɕad		
б.	ɕuḷ	ɕic	ɕaḷ	ɕud	ɕad		
рив.	ɕuḷ, ɕuḷ	ɕaḷ, ɕaḷ	ɕaḷ, ɕaḷ	ɕud	ɕad		
и.	zibuδj	zibic	zibaδj	zibud	zibad		прыгать
бдж.	zibūδj	zibic	zibōδj	zibud	zibad		
р-х.	zibuḷ	zibic	zibaḷ	zibud	zibad		
рив.	zibuḷ, zibuḷ	zibaḷ, zibaḷ	zibaḷ, zibaḷ	zibud	zibad		
и.	siruδj	siric	siraδj	sirud	sirad	отделять- ся выделять- ся	
бдж.	sirūδj	siric	sirōδj	sirud	sirad		
р-х.	siruḷ	siric	siraḷ	sirud	sirad		
б.	siruḷ	siric	siraḷ	sirud	sirad		
рив.	siruḷ	siric, siraḷ	siraḷ, sirayḷ	sirud	sirad		

Продолжение табл.29

I	2	3	4	5	6	7
и.	suδj	sic	saδj	sut	sat	идти, хо- дить, ста- новиться
б.	sūδj	sic	sōδj	sut	sat	
р.	suḷ, suḷ	sic	saḷ, saḷ	sut	sat	
х.	suḷ	sic	saḷ, saḷ	sut	sat	
б.	suḷ, suḷ	sic	saḷ, saḷ	sut, sud	sat, sad	
рив.	suḷ	saḷ, saḷ	saḷ, saḷ	sut	sat	
и.	firuδj	firic	firaδj	firud	firad	поло- скаться
бдж.	firūδj	firic	firōδj	firud	firad	
р.	firuḷ	firic, firicw	firaḷ	firud	firad	
х.	firuḷ	firic	firaḷ	firud	firad	
б.	firuḷ, firuḷ	firaḷ, firaḷ	firaḷ, firaḷ	firud	firad	

бдж. mīḷj, р., б. mīḷ, рив. mīḷ, mīḷ).

Роморвский в большинстве случаев при формах перфекта муж. рода и мн.ч. дает оглушенный δ (вместо j), что в редких случаях наблюдается также и в бартангском, и в рушанском. В шугнанском, баджувском и хуфском оглушения не происходит. Роморвский в отличие от всех остальных языков и диалектов допускает примету муж. рода ḷ вместо c также в формах перфекта жен. рода. При этом в ряде случаев в формах перфекта жен. рода представлена огласовка а и, таким образом, указанная форма совпадает с формой мн.ч. числа (ср. рив. wizaḷ 'потухла', 'потухли' при и.-бдж., р.-х., б. wizic 'потухла', мн.ч. и. wizaδj, бдж. wizōδj, р.-х.; б. wizaḷ 'потухли'). Это свидетельствует о выравнивании и изменяющихся по роду перфектных основ по типу основы прош. времени с той разницей, что формальное совпадение жен. рода и мн. числа при основе прош. времени характерно

для всех языков и диалектов, а в перфекте подобное совпадение стало присущим только рошорвскому.

В целом родовую перегласовку рассматриваемого варианта можно представить в виде отдельной таблицы (табл. 30).

Таблица 30

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш.	u	i	a	u	a
р.-х.	u	i	a	u	a
б.	u	i	a	u	a
ршв.	u	i, a	a	u	a
бдж.	ū	i	ō	u	a

Как явствует из табл. 30, в перфектных основах представлены три вида огласовки. В диахронном плане историческое *а в нейтральном положении дает огласовку муж. рода в ш., р.-х., б.-ршв. и, бдж. ū, в положении i-умлаута — огласовку для жен. рода краткое i, а в положении а-умлаута отражается во мн. ч. в форме краткого а, однако в баджувском диалекте и в этом случае реализуется долгое ō (примеры см. табл. 29).

§ 82. Второй тип перегласовки в зависимости от взаимоотношения языков и диалектов включает два варианта. Оба варианта в целом характеризуются совпадением перфектной родовой перегласовки в шугнанском и ее резким расхождением в остальных языках и диалектах.

Первый вариант родовой перегласовки с соответствующими расхождениями по языкам и диалектам показан в табл. 31, а примеры для рассматриваемого варианта даны в табл. 32.

Таблица 31

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш-бдж.	ū	ī	ō	ū	ō
р.	u, ū	i, ī, a, ē	ā, a, ō	u, ū	ā, a, ō
х.	u, ū	i, ī	ō, a, ā	u, ū	ō
б.	ū	i, ī, a, ē	ō, a, ā	ū, u	ō
ршв.	ū, u	a, ō	ō, a	ū, u	ō

Таблица 32

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Пере-вод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
ш.	ažūyʃ	ažīyʃ	ažōyʃ	ažūd	ažōd	нама- кать, промо- кать
бдж.	nižūyʃ	nižīyʃ	nižōyʃ	nižūd	nižōd	
х.	nižugʃ	nižigʃ	nižogʃ	nižūg	nižōg	
б.	nižūjʃ	nižēc	nižōjʃ	nižūg	nižōg	
ршв.	nižūjʃ	nižūjʃ	nižōjʃ	nižūg	nižōg	
ш.	andūyʃ	andīc	andōyʃ	andūyd	andōyd	вста- вать
бдж.	indūyʃ	indīc	indōyʃ	indūyd	indōyd	
р.	indawʃ	indīwc, indiwc	indawʃ	indawd	indawd	
х.	indawʃ, induyʃ	indīwc, indiwc	indawʃ	indawd	indōyd	
б.	indawʃ	indiwc	indawʃ	induyd	indōyd	
ршв.	indawʃ, indawč	indawʃ, indawč	indawʃ indawč	indawd	indawd	

Продолжение табл. 32

I	2	3	4	5	6	7
и.	aŷyŷj	aŷic	aŷōyŷj	aŷūyd	aŷōyd	лежать, ложиться
бдж.	awūyŷj	awic	awōyŷj	awūyd	awōyd	
р.	awuyŷj	awic	awāyŷj	awuyd	awāyd	
х.	awuyŷj	awiyɛ	awōyŷj	awuyd	awōyd	
б.	awūyŷj	awayɛ	awāyŷj	awūyd	awōyd	
рив.	awūyŷj	awayɛ	awōyŷj	awūyd	awōyd	
и.- бдж.	tūyŷj	tic	tōyŷj	tūyd	tōyd	уходить
р.	tuyŷj	tiyɛ, tayɛ	tāyŷj	tuyd	tāyd	
х.	tuyŷj	tiyɛ	tōyŷj	tuyd	tōyd	
б.	tūyŷj	tayɛ	tōyŷj	tūyd	tōyd	
рив.	tūyŷj	tōyŷj, tōyɛ	tōyŷj, tōyɛ	tūyd	tōyd	
и.- бдж.	naŷtūyŷj	naŷtic	naŷtōyŷj	naŷtūyd	naŷtōyd	выхо- дить
р.	niŷtuyŷj	niŷtayɛ, niŷtɛɛ	niŷtāyŷj	niŷtuyd	niŷtāyd	
х.	naŷtuyŷj	naŷtiyɛ, naŷtiyɜ	naŷtōyŷj	naŷtuyd	naŷtōyd	
б.	naŷtūyŷj	naŷtayɛ	naŷtōyŷj	naŷtūyd	naŷtōyd	
рив.	naŷtuyŷj, naŷtuyɛ	naŷtōyŷj, naŷtōɛ	naŷtōyŷj, naŷtōyɛ	naŷtuyd	naŷtōyd	
и.- бдж.	mūŷj	mīŷɜ	mōŷj	mūd	mōd	умирать
р.	mūŷj	mīwɛ	mōŷj	mūg	mōg	
х.	mugŷj	migɜ	mōgŷj	mūg	mōg	
б.	mūŷj	mīwɛ	mōŷj	mūg	mōg	
рив.	mūɛ, mūŷj	mōɛ, mōŷj	mōɛ, mōŷj	mūg mūg	mōg mōg	

Как явствует из табл. 31 и 32, в шугнанском и его баджувском диалекте при всех формах перфекта и основы прош. времени представлены долгие гласные, в остальных же языках и диалектах наряду с долгими употребительны также и краткие гласные. Шугнанский с баджувским диалектом выделяется среди прочих языков и диалектов постоянным соответствием огласовки муж. рода ū / жен. ī. Остальные языки обнаруживают разноречие и различные отклонения в реализации родовой перегласовки рассматриваемого варианта.

Для руманского в целом не характерно растяжение гласных. Словарное распространение родовой перегласовки с краткими гласными u / i преобладает над долгими ū / ī. Аналогичное явление в изменяющихся по роду формах перфекта прослеживается также и в хуфском диалекте. Однако во мн. числе перфекта хуфский, впрочем как и бартангский и роморвский, по реализации огласовки ō отличается от руманского и сближается с шугнанским (примеры см. табл. 20). В бартангском, как и в шугнанском и баджувском, во всех формах муж. рода перфекта представлена долгая фонема ū. В роморвском наряду с ū в редких случаях допускается краткая огласовка (u).

Почти такое же соотношение языков и диалектов в реализации долгих и кратких гласных наблюдается и в огласовке перфектных форм жен. рода, а именно: в шугнанском и баджувском во всех формах употребляется лишь одна огласовка жен. рода ī, в остальных языках (за исключением роморвского) используются обе огласовки i, ī. Причем форма с кратким i засвидетельствована чаще, чем с долгим ī. В бартангском и руманском соответственно в двух перфектных основах представлена огласовка ē (б. niŷɛɛ, при и. aŷiŷɜ, бдж. niŷiŷɜ, х. niŷigɜ 'намокла'; р. niŷtɛɛ (параллельно с niŷtayɛ), и.-бдж. naŷtic, х. naŷtiyɛ, б. naŷtayɛ 'вышла'). При этом важно еще то, что бартангский и руманский в ряде случаев в перфектной основе жен. рода наряду с i, ī допускают а-огласовку (б. tayɛ, р. tayɛ//tiyɛ при и.-бдж. tic, х. tiyɛ, tic, рив. tōyŷj, tōyɛ 'ушла'). Это может свидетельствовать о намечающейся для названных языков тенденции выравнивания перфектной огласовки жен. рода по модели основы прош. времени того же рода через

а-огласовку (ср. перфект жен. р., б. *niḫtauc* - основа прои. р. *niḫtaud*, б. *niḫtōud* 'вышла' при ш.-бдж. *niḫtīc*, х. *niḫti-uc*, *niḫtiuz*, рив. *niḫtōuj* - основа прои. ш.-бдж., х., рив. *niḫtōud*). Подобное явление для рошорвского языка уже давно стало доминирующим, так как в рошорвском а-огласовка выступает в качестве основной приметы жен. рода, а общая для остальных языков огласовка *i* вовсе не прослеживается. К тому же из шести глаголов в трех перфектных основах представлена форма с *ō*-огласовкой и тем самым мы встречаемся с фактом совпадения основы жен. рода с формой мн. числа в рошорвском (ср. рив. жен. и мн.ч. *tōuj* 'ушла', 'ушли' при формах жен.р. ш.-бдж. *tīc*, р. *tīuc*, *tauc*, х. *tīuc*, б. *tauc* 'ушла' и мн. ч. ш.-бдж., х., б. *tōuj*, р. *tāuj* 'ушли'; рив. жен. и мн. *mōj* 'умерла', 'умерли' при ш.-бдж. жен. *miḫz*, р., б. *miḫc*, х. *miḫz* 'умерла' и мн.ч. ш.-бдж. *mōj*, р., б. *mōj*, х. *mōg* 'умерли'; рив. жен. и мн. *niḫtōuj* 'вышла', 'вышли' при жен. ш.-бдж. *niḫtīc*, р. *niḫtauc*, *niḫtēs*, х. *niḫtiuc*, б. *niḫtauc*, мн. ш.-бдж., х., б. *niḫtōuj*, р. *niḫtāuj* 'вышли').

Глагол со значением 'вставать' в рушанском и рошорвском при основе прои. времени не различает рода (ср. р., рив. *indawd* 'встал(а)' при ш. *andūyd*, бдж. *indūyd*, х. *indawd*, б. *indūyd* 'встал', жен. ш. *andōyd*, бдж., х., б. *indōyd* 'встала'). В перфекте муж. рода в рушанском, бартагском и рошорвском не дифференцированная по роду основа прои. времени *indawd* сохраняется в форме р., б. *indawj*, рив. *indawj*, *indawč* 'встал' при ш. *andūyj*, бдж. *indūyj*, х. *indūyj* 'встал'.

Форма жен. рода перфекта, как по внутренней огласовке, так и по согласному окончанию, содержит приметы жен. рода. Лишь в рошорвском языке представлена форма, не имеющая родовой дифференциации (ср. р. *indīwc*, *indīwc*, б. *indīwc*, ш. *andīc*, бдж. *indīc*, х. *indīwc*, *indīwc*, б. *indīwc* 'встала' при рив. *indawj*, *indawč* 'встал(а)', 'встали').

По реализации исходных окончаний и согласных звуков перфектные формы сравниваемых языков и диалектов также обнаруживают ряд расхождений (см. табл. 30). Так, например, шугано-баджувские звуковые сочетания *-j*, *-z* в остальных языках передаются соответственно в формах *-j* и *-wc* (ср. перф. муж.

ш.-бдж. *miḫz*, р., б., рив. *miḫj*, рив. тж. *mič* 'умер', жен.ш.-бдж. *miḫz*, р., б. *miḫc* 'умерла').

Для рошорвского характерно оглушение звонких *-j* и *-z* соответственно в *-č* и *-c*. При этом в ряде случаев допускается параллельное употребление форм с теми и другими исходами (ср. рив. *tōuj*/*tōuč* 'ушла', 'ушли', *mōč*/*mōj* 'умерла', 'умерли', *niḫtōuj*/*niḫtōuč* 'вышла', 'вышли' и т.д.).

§ 83. Второй вариант отражает родовую огласовку перед *-v* (табл. 33, 34). В этом случае различение рода в шуганском и баджувском, так же как и при первом варианте, осуществляется с помощью перегласовки муж. *ū* / жен. *ī*. По огласовке муж. рода хуфский, бартагский и рошорвский совпадают с шуганским и баджувским. Огласовка женского рода в хуфском и бартагском также близка шуганской и баджувской; отклонения касаются проявления в хуфском и бартагском краткого *i*, что можно считать результатом влияния рушанского языка. В рушанском положение перед *-v* в целом не благоприятствует четкому различению рода, так как в подавляющем большинстве случаев форма перфекта муж. рода имеет а-огласовку и совпадает с формой мн. числа. Причем форма жен. рода в этом случае выделяется огласовкой *ē* и исходным согласным окончанием *-z* (ср. р. перф. муж. и мн. *raḫavj*, жен. *raḫēvz* 'прицепляться'; муж. и мн. *niḫāvj*, жен. *niḫēvz* 'приставать', 'прилепляться').

Таблица 33

Язык	В основе перфекта			В основе прои.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш.	ū	ī	ō	ū	ō
бдж.	ū	ī	ā,ō	ū	ā,ō
р.	u,ā	ē,i,ā	ā	u	ā
х.	ū	ī,i,ā	ā	ū	ā,ō
б.	ū	ī,i,ā	ā	ū	ā
рив.	ū,u	ā	ā	ū	ā

Язык	Перфект			Основа прош.		Пере- вод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
ш.	anʃuvʃ	anʃivʒ	anʃovʃ	anʃuvd	anʃovd	начать- ся (о родовых схват- ках)
бдж.	inʃuvʃ	inʃivʒ	inʃovʃ	inʃuvd	inʃovd	
р.	inʃivʃ	inʃivʒ	inʃivʃ	inʃivd	inʃivd	
х.	inʃuvʃ	inʃivʒ	inʃuvʃ, inʃivʒ	inʃuvd	inʃovd	
б.	inʃuvʃ	inʃuvʃ	inʃuvʃ	inʃivd	inʃivd	
ш.	biδuvʃ	biδivʒ	biδovʃ	biδuvd	biδovd	закрн- ваться (о гла- зах, рте)
бдж.	biδuvʃ	biδivʒ	biδavʃ	biδuvd	biδavd	
р.	biδavʃ	biδevʒ	biδavʃ	biδavd	biδavd	
х.	biδuvʃ	biδavʒ	biδavʃ	biδuvd	biδavd	
б-ршв.	biδuvʃ	biδavʒ	biδavʃ	biδuvd	biδavd	
ш.	ciruvʃ	virivʒ	cirovʃ	ciruvd	cirovd	сидеть, гореть
бдж.	ciruvʃ	cirivʒ	ciravʃ, cirovʃ	ciruvd	ciravd, cirovd	
р.	ciruvʃ	ciravʃ, cirivʒ	ciravʃ	ciruvd	ciravd	
х.	ciruvʃ	cirivʒ	ciravʃ	ciruvd	ciravd	
б.	ciravʃ	ciravʃ	ciravʃ	ciravd	ciravd	
ршв.	ciruvʃ, ciruvč	ciravʃ, ciravč	ciravʃ, ciravč	ciruvd	ciravd	
ш.	niδuvʃ	niδivʒ	niδovʃ	niδuvd	niδovd	при- дол- жаться
бдж.	niδuvʃ	niδivʒ	niδavʃ, niδovʃ	niδuvd	niδavd, niδovd	
р.	niδavʃ	niδevʒ	niδavʃ	niδuvd	niδavd	
х.	niδuvʃ	niδivʒ	niδavʃ	niδuvd	niδavd, niδovd	
б.	niδuvʃ	niδevʒ	niδavʃ	niδuvd	niδavd	
ршв.	niδuvʃ, niδuvč	niδavʃ, niδavč	niδavʃ, niδavč	niδuvd	niδavd	

I	2	3	4	5	6	7
ш.	piδuvʃ	piδivʒ	piδovʃ	piδuvd	piδovd	прицеп- ляться, присста- вать, зара- жаться
бдж.	piδuvʃ	piδivʒ	piδavʃ	piδuvd	piδavd, piδovd	
р.	paδavʃ	paδevʒ	paδavʃ	paδuvd	paδavd	
х.	piδuvʃ	piδevʒ, piδivʒ	paδavʃ	paδuvd	paδavd	
б.	paδuvʃ	paδevʒ	paδavʃ	paδuvd	paδavd	
ршв.	paδuvʃ, paδuvč	paδavʃ, paδavč	paδavʃ, paδavč	paδuvd	paδavd	
ш.	situvʃ	sitivʒ	sitovʃ	situvd	sitovd	жарить- ся, горе- вать
бдж.	situvʃ	sitivʒ	sitavʃ, sitovʃ	situvd	sitavd, sitovd	
р.	sitavʃ	sitevʒ	sitavʃ	sitavd	sitavd	
х.	situvʃ	sitivʒ	sitavʃ	situvd	sitavd	
б.	situvʃ	sitavʒ	sitavʃ	situvd	sitavd	
ршв.	situvʃ, situvč	sitavʃ, sitavč	sitavʃ, sitavč	situvd	sitavd	

Роморвский отличается от всех остальных языков и диалектов регулярным проявлением огласовки жен. рода \bar{a} и ее соответствием в других языках огласовке \bar{i} , \bar{i} (в ряде случаев \bar{a} -огласовка в формах перфекта жен. рода возникает также и в бартангском и хуфском). Это свидетельствует о выравнивании перфектной формы жен. рода с формой мн. числа, что для роморвского языка является нормой, а для хуфского и бартангского намечающейся тенденцией.

§ 84. Особое соотношение между языками выявляется в огласовке мн. числа перфекта, где все языки и диалекты делятся по реализации огласовки на две группы: шугнанский с \bar{o} -огласовкой и все остальные с \bar{a} -огласовкой (см. табл. 33). При этом в баджувском в редких случаях возникает огласовка \bar{o} , что связано с влиянием шугнанского. Подобное соотношение между

рассматриваемыми языками обнаруживается также при огласовке жен. рода основы прош. времени обоих указанных вариантов (примеры см. табл. 32, 34).

Благодаря сохранившемуся во всех языках и диалектах звонкому -v в окончаниях всех перфектных основ представлены звонкие -j и -z. Исключением является рошорвский, для которого даже и в этом положении прослеживается оглушение исходных звонких -j, -z в -č, -c. Параллельное употребление форм с -j/-č свидетельствует о том, что в рошорвском языке продолжается сосуществование двух моделей (с -j и -č), из которых, однако, форма с -č в дальнейшем может вытеснить форму с -j.

§ 85. Третий тип родовой перегласовки в перфекте в зависимости от расхождения языков и диалектов характеризуется наличием четырех вариантов. Огласовка рассматриваемых ниже разновидностей в целом совпадает с аналогичной родовой перегласовкой в именах и основах прош. времени.

Первый вариант родовой перегласовки в перфектной основе представлен в табл. 35, а примеры для этого варианта приводятся в табл. 36.

Таблица 35

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш-бдж.	ī	ī	ā, ō	ī	ā
р.	o	ē	ā	o	ā
х.	o	æ	ā	o	ā
б.	o	ē	ā	o	ā
рив.	o	ā, ē	ā	o	ā

По данным таблиц 35 и 36 можно отметить следующее: в мугнанском и баджувском перфект муж. рода по ī-огласовке со-

впадает с формой жен. рода и тем самым род различается только исходными согласными.

Таблица 36

Язык	Основа перфекта			Основа прош. вр.		Перевод
	муж.	жен.	мн.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
ш.	naɪfīōj, niɪfīōj	naɪfīc, niɪfīc	naɪfāōj, niɪfāōj	naɪfīd, niɪfīd	naɪfād, niɪfād	ВЫБИХАТЬСЯ, ВЫДЕРГИВАТЬСЯ
бдж.	naɪfīōj, naɪfīōj	naɪfīc, naɪfīc	naɪfāōj, naɪfāōj	naɪfīd, naɪfīd	naɪfād, naɪfād	
р.	nawfoj	nawfēc	nawfāj	nawfod	nawfād	
х.	nawfoj	nawfæc	nawfāj	nawfod	nawfād	
б.	nawfōj	nawfēc	nawfāj	nawfōd	nawfād	
рив.	nawfōj	nawfāj	nawfāj	nawfōd	nawfād	
ш.-бдж.	naɪʃjīōj	naɪʃjīc	naɪʃjāōj	naɪʃjīd	naɪʃjād	переходить, переезжать
р.	nawzōj	nawzēc	nawzāj	nawzod	nawzād	
х.	nawzōj	nawzæc	nawzāj	nawzod	nawzād	
б.	nawzōj	nawzēc	nawzāj	nawzōd	nawzād	
рив.	nawzōj, nawzōč	nawzāj, nawzāč, nawzēc	nawzāj, nawzāč	nawzōd	nawzād	
ш.-бдж.	sifīōj	sifīc	sifāōj, sifōōj	sifīd	sifād	
р.	sifoj	sifēc	sifāj	sifod	sifād	ПОДНИМАТЬСЯ
х.	sifoj	sifæc	sifāj	sifod	sifād	
б.	sifōj	sifēc	sifāj	sifōd	sifād	
рив.	sifōč; sifōj	sifāč, sifāj	sifāj	sifōd	sifād	
бдж.	viwīōj	viwīc	viwāōj, viwōōj	viwīd	viwād ²	

² В мугнанском и рошорвском этот глагол не засвидетельствован.

I	2	3	4	5	6	7
р.	viwoj̄	viwēs	viwāj̄	viwod	viwād	отка- заться, обихать- ся
х.	viwoj̄	viwæs	viwāj̄	viwod	viwād	
б.	viwōj̄	viwēs	viwāj̄	viwōd	viwād	

Поскольку i-огласовка является признаком жен. рода вообще, а перфектной формы жен. рода в особенности, то указанное совпадение родовой огласовки в перфекте (как и при именах) создает омонимию долгого ī. Причем в основах прош. времени подобное совпадение родовой огласовки исключается, так как форма жен. рода отражает а-умлаченную огласовку (ср. муж. ш.-бдж. sifīd, р.-х. sifod, б.-рив. sifōd 'поднимался' - жен. ш.-бдж., р.-х., б.-рив. sifād 'поднималась'). Однако если учесть закономерное соответствие огласовки муж. рода по языкам (ш.-бдж. ī / р.-х. o / б.-рив. ō), то можно говорить о четком выражении рода не только перфектными согласными окончаниями, но также и посредством внутренней огласовки даже в шугнанском и баджувском. Следовательно, огласовка ī вне этого соответствия закреплена за формами жен. рода, а при соответствии р.-х., о, б.-рив. ō она как в именах, так и в перфекте выступает в качестве показателя муж. рода. В остальных языках и диалектах различение рода осуществляется двумя способами - огласовкой и перфектными окончаниями (ср. муж. ш.-бдж. sifīd̄j̄, р.-х. sifod̄j̄, б.-рив. sifōd̄j̄ 'поднимался', жен. ш.-бдж. sifīc, р. sifēs, х. sifæs, рив. sifāc, sifāj̄).

Огласовка жен. рода имеет по языкам четкое соответствие: ш.-бдж. ī / р., б. ē / х. æ, рив. ā, ē. Руманский и бартангский, как это можно заметить, объединяются, хуфский отделяется от руманского и выявляет собственную специфику (в четырех перфектных основах в хуфском представлена огласовка æ). В рошорвском в большинстве случаев, как и в предыдущих тинах, реализуется ā-огласовка, и в результате форма перфек-

та жен. рода совпадает с формой мн. числа (примеры см. табл. 36).

§ 86. Второй вариант отличается от рассмотренного выше по огласовке муж. рода, в котором в шугнанском и баджувском реализуется ū, а в руманском, бартангском и рошорвском языках изменений не происходит, хуфский же в двух случаях совпадает с шугнанским. Огласовка жен. рода в перфекте аналогична предыдущей (т.е. ш.-бдж. ī, р.-х., б.-рив. ē) и отличается лишь тем, что хуфский в перфекте совпадает с руманским и бартангским, причем по огласовке основы прош. времени хуфский примыкает к шугнанскому и баджувскому. Для этого варианта родовой перегласовки зафиксировано три глагола (табл. 38). Соответствие родовой перегласовки по языкам дается в табл. 37. Из табл. 37 и 38 видно, что рошорвский по огласовке муж. рода совпадает с бартангским, однако в форме жен. рода в перфекте наряду с ē допускает также и ā (рив. pāšc, pāsc 'села', pācēc 'порвалась').

Таблица 37

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш.-бдж.	ū	ī	ō	ū	ō
р.	o	ē	ā	o	ā
х.	o, ū	e	ō	o, ū	ō
б.	ō	ē	ā	ō	ā
рив.	ō	ē, ā	ā	ō, ū	ā

§ 87. Третий вариант представлен одним глаголом со значением 'печься', 'вариться', 'поспевать'. Этот вариант выделяется тем, что в шугнанском, баджувском и рошорвском этот глагол по роду не меняется, а в остальных языках и диалектах родовая огласовка совпадает с огласовкой первого

Таблица 38

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
ш-бдж.	nūsč, nūsč	nīsc	nōsč	nūst	nōst	сидеть
р.	nosč, nosč	nēsc	nāsč, nāsč	nost	nāst	
х.	nūsč, nūsč	nēsc	nōsč, nōsč	nūst	nōst	
б.	nōsč, nōsč	nēsc	nāsč, nāsč	nōst	nāst	
ршв.	nōsč, nōsč	nāsč, nāsč	nāsč, nāsč	nōst	nāst	
ш-бдж.	pirūsč, pirūsč	pirīsc	pirōsč	pirūst	pirōst	порваться, разорваться
р.	parosč	parēsc	parāsč	parost	parāst	
х.	parosč	parēsc	parāsč	parost	parāst	
б.	parosč	parēsc	parāsč	parost	parāst	
ршв.	parosč	parēsč	parāsč	parost	parāst	
ш-бдж.	ricūsč, racūsč	ricīsc, racīsc	ricōsč, racōsč	ricūst	ricōst	убе- жать ³
р.	racosč, racosč	racēsc	racāsč, racāsč	racost	racāst	
х.	racūsč, racūsč	racēsc	racōsč, racōsč	racūst	racōst	
б.	racosč, racosč	racēsc	racāsč, racāsč	racost	racāst	

³ В рошорвском этот глагол не отмечен.

варианта: перф. муж. р.-х. roxč, б. rōxč 'сварился', 'поспел', жен.р., б. rēxc, х. rēxc 'сварилась', 'поспела'; мн.ч. р.-х., б. rāxč 'сварились', 'поспели' при одной форме ш.-бдж. rēxč, ршв. rōxč. Нетрудно заметить, что в последних языках сохранилась форма муж. рода.

§ 88. Четвертый тип родовой перегласовки имеет ограниченное словарное распространение (засвидетельствовано три глагола). Данный тип перегласовки представлен в табл. 39, а примеры даны в табл. 40. По этим таблицам можно заключить следующее:

1) Перфектная основа во всех языках и диалектах как по огласовке, так и по согласным окончаниям дифференцируется по роду, однако родовое изменение в основе прош. времени касается только рушанского и его хуфского диалекта. В бартангском языке лишь в одном глаголе содержится родовое различие (ср.б. aḫōvd, р.-х. ḫōvd 'спал', жен. б. aḫāvd, р.-х. ḫōvd 'спала' при ш.-бдж. ḫōvd, ршв. (a)ḫōvd 'спал', 'спала').

2) В отличие от вышерассмотренных типов огласовка \bar{o} , в целом характерная для жен. рода, в шугнанском, баджувском, бартангском и рошорвском при данном типе выступает в качестве показателя муж. рода. Однако если принимать во внимание историческое развитие указанной огласовки и соответствие ш.-бдж., б.-ршв. \bar{o} /р.-х. \bar{u} , то омонимичность легко устраняется (см. §§ 68-70).

3) Форма мн. числа перфекта во всех языках и диалектах имеет \bar{o} -огласовку и в подавляющем большинстве языков (ш.-бдж., б., ршв.) совпадает с формой муж. рода. Лишь в рушанском языке и его хуфском диалекте подобное совпадение не обнаруживается, поскольку форма муж. рода имеет огласовку \bar{u} .

§ 89. Особую группу составляют перфектные формы, в которых различение рода осуществляется только с помощью исходных согласных: для муж. рода -č, -j, для жен. -c, -z (см. табл. 41). В этих формах основа прош. времени, как правило, не знает родовой дифференциации (за исключением ршв. zikixt 'удедел', жен. zikaxt 'удедела', что, по-видимому, является новообразованием). Другая особенность рассматриваемой группы

Таблица 39

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш-бдж.	ō	ē	ō	io	ō
р-х.	u	e	ō	iu	ō
б.	ō	e	ō	io	ō, a
ршв.	ō	e	ō	io	ō

Таблица 40

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
ш-бдж.	δōδj	δēc	δōδj	δōd	δōa	попадать, падать, идти (об осадках)
р-х.	δūj	δēc	δōj	δūd	δōa	
б.	δōj	δēc	δōj	δōd	δōa	
ршв.	δōč	δēc	δōj,	δōd	δōd	
ш-бдж.	xicōδj	xiēc	xicōδj	xicōd	xicōa	замер- зать
р-х.	xicūj	xicēc	xicōj	xicūd	xicōa	
б.	xicōj	xicēc	xicōj	xicōd	xicōa	
ршв.	xicōj,	xicēc	xicōj,	xicōd	xicōa	
	xicōč		xicōč			
ш-бдж.	xōv̄j	xēv̄z	xōv̄j	xōvd	xōvd	спать
р-х.	xūv̄j	xēv̄z	xōv̄j	xūvd	xōvd	
б.	axōv̄j	axēfc,	axōv̄j	axōvd	axāvd	
		axēv̄z				
ршв.	(a)xōv̄j,	(a)xēfc	(a)xōv̄j,	(a)xōvd	(a)xōvd	
	(a)xōv̄č		(a)xōv̄č			

Таблица 41

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
бдж.	ingixč	ingixc	ingixč	ingixt	ingixt	застре- вать, по- пасться
р-х.	ingixč	ingixc	ingixč	ingixt	ingixt	
б-ршв.	ingixč	ingixc	ingixč	ingixt	ingixt	
ш.	angixč	angixč	angixč	angixt,	angixt,	
				angaxt	angaxt	
б-ршв.	binīj	binīc	binīj	binīd	binīd	потерять- ся, про- пасть
р-х.	binīj	binīj	binīj	binīd	binīd	
ш-бдж.	bēδj	bēδj	bēδj	bēd	bēd	
ш.	biyēδj	biyēc	biyēδj	biyēd	biyēd	разбу- хать
бдж.	biwēδj	biwēc	biwēδj	biwēd	biwēd	
р.	buwayj	buwayc	buwayj	buwayd	buwayd	
х.	buwīj	buwayc	buwīj,	buwīd	buwīd	
			buwayj			
б-ршв.	buwīj	buwīc	buwīj	buwīd	buwīd	попа- дать
р.	wēxč	wēxc	wēxč	wēxt	wēxt	
б.	wēxč	wēxc	wēxč	wēxt	wēxt	
ршв.	wēxč	wēxč,	wēxč	wēxt	wēxt	
		wēxc				
х.	wēxč	wēxc	wēxč	wēxt	wēxt	входить
ш-бдж.	wēxč	wēxc	wēxč	wēxt	wēxt	
р.	indayj	indayc,	indayj	indayd	indayd	
		indayj				
х.	indīj	indīc	indīj	indīd	indīd	
б.	indīδj	indīc	indīδj	indīd	indīd	
ршв.	indīδj,	indīc,	indīδj,	indīd	indīd	
	indīc	indīc	indīc			
ш-бдж.	dēδj	dēδj	dēδj	dēa	dēa	

I	2	3	4	5	6	7
ш-бдж. р-х. б. ршв.	piδiδj paδij paδij paδij, paδič	piδic paδic paδic paδic	piδiδj paδic paδij paδič	piδid paδid paδid paδid	piδid paδid paδid paδid	зажигать- ся, заго- раться
ш-бдж. р-х. ршв.	sikixč sikixč sikixč	sikixc sikixc sikaxč	sikixč sikixč sikixč	sikixt sikixt sikixt	sikixt sikixt sikaxt	уцелеть, выздоров- ливать
ш-р-гр.	tixč	tixc	tixč, taxč	tixt	tixt	вонять
б-ршв. р. х. ш-бдж.	xičēfč xičēfč xičīfč xičīfč	xičēfc xičēfč xičīfč xičīfč	xičēfč xičēfč xičīfč xičīfč	xičēft xičēft xičīft xičīft	xičēft xičēft xičīft xičīft	лопнуть, трескаться

заклывается в том, что перфектная форма муж. рода совпадает с формой мн. числа (см. табл. 4I). Кроме того, между языками обнаруживается следующее расхождение: различению рода в шугнанском и баджувском подвергается лишь одна половина перфектных форм, приведенных в табл. 4I.

§ 90. На основе анализа выражения категории рода в перфектных основах можно сделать следующие выводы.

I. Двойное выражение категории рода (огласовкой и исходными согласными) составляет специфическую черту различения рода в перфекте. Типы огласовки мужского рода перфектной основы совпадают с типами огласовки мужского рода в основе прош. времени и именных частей речи (существительных, прилагательных и звукоподражательных слов).

I38

2. Перфектная основа жен. рода в отличие от основы прош. времени жен. рода (где отражается а-образная огласовка) имеет i-образную огласовку и тем самым сближается и даже совпадает с моделью жен. рода имени, что особенно характерно для шугнанского и баджувского (ср. перфект жен. ш.-бдж. tīc, р. tiyc// tauc, б. tauc 'ушла' и имя жен. рода ш.-р. гр. giĵ 'козочка' к муж. guĵ 'козленок').

3. Родовое чередование исходных согласных муж. -č, -ĵ / жен. -c, -z является добавочным средством различения рода в перфекте. Показатели -č, -ĵ наряду с формами муж. рода являются универсальными формантами всех остальных перфектов, безразличных к родовому изменению (ср. ш.-бдж. перфект муж. рода tūĵ 'ушел', мн.ч. tōĵ 'ушли', qīwč 'позвал(а)', 'позвали', vūĵ 'принесл(а)', 'принесли').

4. При отсутствии родового чередования гласных различение рода осуществляется только исходными согласными (примеры см. в табл. 4I). Следовательно, наличие или отсутствие одного родового показателя в перфекте, по существу, не влияет на отнесение формы к тому или иному роду, иначе говоря, из двух различающих род формантов (огласовка и суффиксальный элемент в виде исходного согласного) присутствие какого-либо одного показателя вполне достаточно для различения категории рода.

§ 91. В связи с последним выводом следует специально остановиться на отличии изменяющихся по роду перфектных основ в рошорвском языке. Как явствует из вышеприведенных таблиц 28-4I и ранее опубликованных материалов (Зарубин, 1930, 105-107; Курбанов, 1976, 124-125), рошорвский язык в реализации родовых формантов перфекта отличается от остальных языков и диалектов рассматриваемой группы и проявляет своего рода автономность. Отличительные особенности рошорвского языка в различающихся по роду перфектах сводятся, в основном, к следующему:

I. Выражение рода конечными согласными окончаниями перфекта для рошорвского не является постоянным и универсальным. Различение рода с помощью исходных согласных муж. рода -ĵ, -č / жен. -c, -z характерно лишь для незначитель-

ного количества перфектов (типа ршв. awūj 'лежал', жен. awa-yc). Поэтому родовое противопоставление по конечным согласным весьма ослаблено, так как в подавляющем большинстве случаев формы с -j и -č употребляются и при муж. роде и при форме жен. рода (ср. ршв. sifōč, sifōj 'поднялся', жен. sifāč, sifāj при ш.-бдж. sifīčj, р.-х. sifoč, б. sifōč, жен. ш.-бдж. sifīc, р., б. sifēc). Согласные форманты жен. рода -c, -z в рошорвских перфектах уступили место универсальным показателям (они же показатели муж. рода у дифференцированных по роду перфектов) -j, -č и, таким образом, проявляется безразличие к родовой дифференциации. Однако процесс замены -c, -z исходными -č, -j еще не завершен. В ряде случаев фиксируется параллельное употребление перфектов жен. рода с -č, -j и -c (ср. ршв. zīyačč / zīyīc 'засохла', 'завяла', pawžāj / pawžēc 'проходила', sirač / siric 'отделилась' и т.д.).

Если исходить только из разрушения перфектных различающих род согласных окончаний и не принимать во внимание наличия внутренней родовой огласовки, то можно прийти к заключению об исчезновении родовой дифференциации в перфекте рошорвского языка. Однако, как уже было сказано, наличие одного показателя вполне достаточно для закрепления и осмысления категории рода. В пользу этого рассуждения свидетельствует еще тот факт, что выражение рода в основе прош. времени хотя и осуществляется лишь одним способом - чередованием гласных (типа ш.-р.гр. sut 'ушел', жен. sat 'ушла'), однако значение родовой закрепленности здесь, по существу, такое же, какое оно выявляется в перфекте при наличии двух способов - огласовки и конечных согласных (типа ш. sučj, бдж. sūčj, р.-х., б.-ршв. suj 'ушел', жен. ш.-бдж., р.-х., б. sic, ршв. saj, sač, sic 'ушла'). Следовательно, мы имеем основание говорить только о разрушении родовой модели в рошорвском языке за счет исходных согласных, но не об утрате рода в тех перфектах, где конечные согласные перестали различать род, так как внутренняя родовая перегласовка в достаточной мере обеспечивает родовую дифференциацию.

2. Рошорвский язык самостоятельно развил также и отражение i-огласовки. Во всех рассматриваемых языках и диалек-

тах в перфекте, как известно, представлена i-огласовка, однако в рошорвском только небольшая часть перфектов продолжает отражать i-огласовку (напр. ршв. rabic 'стореда', virīc 'сломалась'). Для подавляющего большинства перфектов жен. рода в отличие от остальных языков и диалектов характерна a-огласовка (ср. ршв. sifāč, sifāj 'поднялась' при ш.-бдж. sifīc, х. sifēc, р., б. sifēc; ршв. sitāvč, sitāvč 'сжарилась' при ш.-бдж.; х. sitivz, р. sitivz, sitēvz; ршв. žikafč 'расцвела' при ш.-бдж., р.-х., б. žikifc и т.д.).

3. Рошорвская перфектная форма жен. рода с a-огласовкой возникла на исконной почве, но по аналогии с моделью жен. рода основы прош. времени. Поскольку основа жен. рода прош. времени точно совпадает с формой мн. числа, то подобное совпадение для рошорвского сохраняется также и в перфекте.

Перф. жен. / мн.ч.	Основа прош.жен.и мн.ч.
vač, vaj / vač, vaj	vad 'была', 'были'
wizač / wizač	wizad 'потухла', 'потухли'
wirāvč / wirāvč	wirāvad 'стояла', 'стояли'
žaj, žač / žaj, žač	žad 'стореда', 'сторели'
zibač / zibač,	zibad 'прыгнула', 'прыгнули'
zibaj zibaj	'оторвалась', 'ото-
zidačč / zidačč	zidačt рвались' и т.д.

Влияние модели основы прош. времени жен. рода на формирование перфектной огласовки жен. рода в рошорвском проследивается также и в тех случаях, когда в основе прош. времени происходит сужение а, ā > ǫ.

Перф. жен./мн.ч.	Основа прош.жен.и мн.ч.
ршв. mōč / mōj	mōg 'умерла', 'умерли'
nahtōyč / nahtōyč	nahtōyad 'вышла', 'вышли'
tōyč / tōyč	tōyad 'ушла', 'ушли'

В этой связи можно заключить, что в рошорвском языке происходила и в настоящее время продолжает происходить стандартизация перфектной основы жен. рода по модели формы жен.

рода основы прош. времени. Таким образом, генерализация а-огласовки в перфектах жен. рода и проникновение в основу жен. рода модели основы прош. времени того же рода составляет специфику рошорвского языка.

4. В рошорвском языке в отличие от других рассматриваемых языков и диалектов конечные согласные основы перфекта оглушаются даже в благоприятных для сохранения -j и -z позициях.

В ряде случаев зафиксировано параллельное использование форм как с оглушенными, так и со звонкими согласными (типа перф. муж. рода ршв. *ciṛūwč / ciṛūvǰ* при ш.-бдж., х. *ciṛūvǰ*, р. *ciṛuvǰ* 'саднил', жен. ршв. *ciṛāwč, ciṛāvǰ* при ш.-бдж. *ciṛīvz*, р.-х. *ciṛivz*). Это также свидетельствует о структурном развитии перфектной основы в рошорвском языке.

5. Эволюция в системе различающих род перфектных форм в рошорвском языке во временном отношении, по-видимому, началась, относительно недавно (примерно с конца прошлого века). Об этом, в частности, свидетельствует совпадение рошорвских дифференцированных по роду перфектных основ с аналогичными формами в других языках и диалектах рассматриваемой группы по материалам, собранным в 1914-1915 гг. проф. И.И. Зарубиным в самой рошорвской среде и опубликованным в '30-х гг. (Зарубин, 1930, 105-107).

Родовые формы перфекта при образовании пассивной конструкции

§ 92. Различающие род формы перфекта, имеющие непереходное значение, сохраняют родовую дифференциацию при образовании причастия прошедшего времени, осложненного суффиксом ш.-бдж., ршв. -in, р.-х., б. -īn. Все дифференцированные по роду перфектные формы с суффиксом -in, -īn при отсутствии объектного согласованного слова (т.е. прямого дополнения) сохраняют родовое различие. Наряду с формами муж. и жен. рода различается также и форма мн. числа (табл. 42).

Поскольку сфера применения причастия прош. времени значительно шире, чем, например, причастия настоящего времени, то

это означает, что рассматриваемая форма играет большую синтаксическую роль в уточнении категории рода имен. Причастие прош. времени получает родовое согласование при употреблении его в функции определения (ш. *tūjīn ḍōrik* 'уехавший мужчина', *tīcin ŷinik* 'уехавшая женщина'), сказуемого или его именной части (ш. *yā dēk viṛiḥcin* 'тот котел - треснутый', ш. *yā dēk viṛiḥcin vad* 'тот котел был треснутым'; *dēk* 'котел' - жен.), а также подлежащего (ш. *tūjīn-at mūjīn-ēn* *yīwə* 'уехавший и умерший - одно' - поговорка).

Наиболее распространенным является использование причастия в качестве определения. В этой функции оно выполняет ту же роль, что и прилагательное. По способу связи причастие также не отличается от прилагательного, т.е. всегда предшествует определяемому. При существительных (определяемых) мужского рода употребляются причастия муж. рода (ш. *ḥiḍjīn gaḥ-ḍā* 'обгоревшая лепешка', *riṛmūjīn gul* 'увядший цветок'), а существительным жен. рода предшествуют соответствующие формы жен. рода (ш. *ḥicīn rakḍī* 'обгоревшая тряпечка', ш. *riṛmūjīn ḥitōṛək* 'увядший ремень').

При этом следует иметь в виду, что причастие нерасчлененных в залоговом отношении глаголов⁴ вне распространенного контекста двусмысленно, а именно: ш. *viṛiḥcin ḍōṛg* 'сломавшаяся (сам по себе) бревно' - 'сломанное (кем-то) бревно' (*ḍōṛg* - муж. род), ш. *viṛiḥcin ḥīni* 'поломавшаяся (сама по себе) пила' - 'поломанная (кем-то) пила' (*ḥīni* - жен. род).

В связи с этим в литературе по шугнано-рушанской группе иногда допускались искажения смысла фраз. Так, например, сочетание *viṛiḥcin sōat* 'сломавшиеся часы' переведено как 'сломаннные часы' (Файзов, 1966, 127). В результате создалось впечатление, что различение рода характерно также и для причастия переходных глаголов (Соколова, 1973, 155).

⁴ О нерасчлененных глагольных основах см. §§ 100-105 данной работы, а также: Соколова, 1973, § 126.

Таблица 42

Язык	Муж. род	Перевод	Жен. род	Мн. ч.	
ш.-бдж. р.	tūyjin tuujin	ушедший	tīcin taycīn, tiycīn	tōyjin tāyjin	
х.	tuujin		taycīn, tiycīn	tōyjin	
б. ршв.	tūyjin tūyjin		taycīn tōyjin	tōyjin tōyjin	
ш.-бдж. р. х. б. ршв.	nūsćin nosćin nosćin nōsćin nōsćin	сидевший	nīscin nēscīn nēscīn nēscīn nāsćin	nōsćin nāsćin nōsćin nāsćin nāsćin	
ш. бдж. р-х., б. ршв.	əuǎjin əuǎjin əujin əuǎin		šicīn šicīn šicīn šaćin	əaǎjin əǎǎjin əajin əaćin	
ш.-бдж. р., б. х. ршв.	mūyjin mūjin mugjin mūcin, mūjin		умерший	mīyjin mīwcīn migjin mōćin	mōyjin mōjin mōgjin mōćin
ш.-бдж. р-х., б. ршв.	viruǎćin viruǎćin viruǎćin			треснутый	virīćin virīćin virīćin

§ 93. Анализ различавшихся по роду причастных форм показывает, что родовое изменение распространяется только на причастия непереходного значения. Переходные причастия, как

и их исходные основы прош. времени и перфекта, не различают рода. У нерасчлененных причастий (как, впрочем, и при основах прош. времени и перфекте) для выражения переходного действия субъекта (как муж., так и жен. рода и пола) реализуется лишь одна родовая модель в форме муж. рода, что можно проиллюстрировать следующей фразой: ш. *dam yi piyǎla-yi mu yax viruǎć-at mam yiw-i mu virǒ viruǎć, wǎz-ta wam xi yax viruǎćin ǎst kinum, at mu virǒ lǎk wam xi viruǎćin piyǎla xǎbaǎ sǒz kiǎt* 'одну пиалу разбила моя сестра, а ту другую разбил мой брат. Я починю только разбитую моей сестрой пиалу, а мой брат пусть сам починит разбитую им самим пиалу'.

§ 94. Дифференцированные по роду формы перфекта в составе причастия прош. времени используются в пассивной конструкции с вспомогательным глаголом 'быть' муж.: ш.-бдж., х., б.-ршв. *vud*, р. *vid*, перф. ш. *vudǎ*, бдж. *vǎǎǎ*, х. *vuǎ*, б. *vuǎ*, *vudǎ*, ршв. *vuǎ*, *vudǎ*, р. *viǎ*, жен. ш.-бдж., х., б.-ршв. *vad*, р. *vid*, перф. ш.-бдж., р.-х. *vic*, б. *vic*, *viǎc*, ршв. *vaǎ*, *vaǎ*.

В этом случае родоразличение осуществляется одновременно и причастной (перфектной) формой и упомянутым здесь вспомогательным глаголом по следующей модели: ш. муж. *viruǎćin vud* (*vudǎ*) 'был сломанным'; ш. жен. *viruǎćin vad* (*vic*) 'была сломанной'; мн. *viruǎćin(-en) vad* (*vaǎǎ*, *vic*) 'были сломанными'.

Каждая из этих форм употребляется при соответствующем по роду и числу подлежащем; ср. ш. *yu wǎyǎ zidǎćin vud* 'нитка была оборвана' (*wǎyǎ* - муж.р.), ш. *wi tukǎ zidǎćin vad* 'его пуговица была оборвана' (*tukǎ* - жен.род); ш. *wǎǎ vǎǎǎ-en zidǎćin* (// *zidǎćin*) *vad* 'веревки были оторваны' (*vǎǎǎ* - мн.ч.).

§ 95. Свообразное проявление различавшейся по роду основы перфекта наблюдается при употреблении ее в составе преждепрошедшего времени, образующегося от перфектной основы с помощью суффикса ш.-бдж. *-at*, шх., р.-х. *-it* типа: муж. ш.-бдж. *tūyǎt*, шх. *tūyǎit*, р.-х. *tūyǎit* 'давно ушел', жен. ш.-бдж. *tīcat*, шх. *tīcit*, р. *tāycit*, *tīycit*, х. *tīycit*, *tīcit* 'давно ушла'.

В бартангском и рошорвском языках подобная форма образуется аналитически - сочетанием перфектной формы с вспомогательным глаголом прошедшей основы *vud* 'был', жен. *vad* 'была' типа: муж. б.-ршв. *tūj vud* 'давно ушел', жен. б. *tauc vad*, ршв. *tōj vad* 'давно ушла'.

Таким образом, сохранение изменяющихся по роду перфектных форм в бартангском и рошорвском сопровождается еще употреблением родоизменяемого вспомогательного глагола *vud* 'был', жен. *vad*. Обе вышеуказанные разновидности имеют одинаковый смысл и в предложении, выступая в качестве сказуемого, являются уточнителями категории рода подлежащего; ср. муж. род: ш. *yu ar tagōv suġat* (бдж. *sūġat*), р. *yā ar tagōv suġit*, б. *yā ar tagōv suġ vad* 'он давно вниз пошел'; жен. род: ш.-бдж. *yam ar tagōv sicat*, р. *yim ar tagōv sicit*, б. *yim ar tagōv sic vad* 'она давно вниз пошла'.

§ 96. В сочетании с вспомогательным глаголом *sut* 'стал', 'пошел' (жен. *sat*, перф. муж. ш. *suġj*, бдж. *sūġj*, х. *suġj*, р., б.-ршв. *suġj*, *suġ*, жен. ш.-бдж., р.-х., б. *sic*, ршв. *saġ*, *saġj*, *sic*) проявляется следующая особенность перфекта: род подлежащего выражается только этим вспомогательным глаголом. Перфектная основа, как правило, употребляется в форме муж. рода и осложняется суффиксом *-ak*: ш. *yu uoc wizuġjak sut* 'огонь потух' (*uoc* - муж. род); ш. *yā cirōw wizuġjak sat* 'лампа потухла' (*cirōw* - жен. род); ш. *yu rūstīn wirūġjak sut* 'шуба распоролась' (*rūstīn* - муж. род); ш. *yā gilīm wirūġjak sat* 'суконный халат распоролся' (*gilīm* - жен. род).

В редких случаях при жен. роде подлежащего допускается осложненная суффиксом *-ak* форма мн. числа перфекта: ш. *yā yēd nōsīak sat* 'мост опустился' (*yēd* - жен. род).

При отсутствии форманта *-ak* перфектная форма жен. рода может употребляться при подлежащем того же рода, ср. бдж. *wi ūčv ācaz biġivz nā-sat* 'его рот вовсе не закрылся' (*ūčv* - жен. р.). По этим данным можно заключить, что перфектная форма муж. рода при словообразовании проявляет активность в употреблении и не зависит от категории рода подлежащего. Родовое различие подлежащего, тем не менее, благодаря вспомогательному глаголу, все же сохраняется.

ВЗАИМОТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА С КАТЕГОРИЕЙ ПЕРЕХОДНОСТИ/НЕПЕРЕХОДНОСТИ

§ 97. Поскольку изменение по роду в языках шугнано-рушанской группы пронизывает только систему непереходных глаголов, а переходные глаголы выявляют безразличие к различию рода, представляется весьма важным выяснить взаимоотношение и взаимообусловленность категории переходности/непереходности с категорией рода.

Анализ языковых данных свидетельствует о том, что противопоставление родовых глаголов непереходной семантики и безотносительных к изменению рода переходных и каузативных форм как семантически, так и в морфологическом отношении является закономерным. Наряду с этим сохраняется довольно большое количество нерасчлененных основ прош. времени переходных (неразличающих род) и непереходных (различающих род) глаголов, описание которых дается ниже.

Проблема становления и развития переходных и непереходных глаголов была специально затронута В.С.Соколовой в связи с определением генетических отношений мунджанского языка и языков шугнано-рушано-язгулямской группы (Соколова, 1973, §§ 46-155). Что касается выявления взаимоотношения категорий рода и переходности/непереходности глаголов, то этот вопрос впервые стал объектом рассмотрения при описании баджувского диалекта (Карамшов, 1963, §§ 124, 250, 268, 269). В частности было установлено, что родовое изменение характерно только для глаголов непереходного значения. Указанный вопрос позже был затронут также Н.Карамхудоевым при разборе переходных и непереходных глаголов бартангского языка (Карамхудоев, 1973, 142-147). Накопленный материал (как опубликованный, так и специально собранный по разрабатываемой теме) позволяет в более широком контексте рассмотреть взаимосвязь грамматических категорий рода и переходности/непереходности и тем самым выявить взаимообусловленность этих категорий.

В предыдущих разделах, при рассмотрении каждого типа и варианта родовой перегласовки в глагольных основах прош.вре-

мени была предпринята попытка сопоставить с различающимися род глаголами их каузативные и переходные пары, с тем, чтобы показать оппозицию двух классов глаголов — дифференцированных по роду переходных и противопологающихся им каузативных форм, безразличных к родовому изменению (§§ 45-68).

Спорным остается вопрос о том, различали ли в диахронном плане переходные глаголы категорию рода в памирских языках вообще, а в шугнано-рушанской группе — в особенности. Этот вопрос хотя специально и в таком плане еще не ставился, однако исследователи памирских языков касались его в связи с анализом других проблем (историческое развитие гласных, классификация и установление генетических отношений памирских языков и т.д.). В целом вырисовываются следующие две противоречивые точки зрения.

1. Различение рода в глагольной системе шугнано-рушанской группы, присущее ныне переходным глаголам, в историческом плане считается характерным также и для переходных глаголов. Эта точка зрения была высказана в работе Д.И. Эдельман, посвященной исследованию и установлению хронологии ряда фонетических и морфологических явлений в шугнано-рушанской группе и язгулямском языке (Эдельман, 1973, 177-178).

Аналогичная мысль вытекает и из того раздела монографии Т.Н. Пахалиной, где автором впервые предпринята попытка установить историческую родовую принадлежность глагольных основ прош. времени ваханского языка, утратившего категорию рода. Поскольку все приведенные Т.Н. Пахалиной глаголы под рубриками "основы женского рода" // "основы мужского рода" являются по семантике переходными, то это означает признание автором различения рода в системе переходных глаголов (Пахалина, 1975, 70).

2. Различение рода в глагольной системе шугнано-рушанской группы как синхронно, так и исторически считается неотъемлемой частью переходных глаголов. Эта точка зрения явствует из исследования В.С. Соколовой о переходных и переходных глаголах шугнано-рушанской группы (см. Соко-

лова, 1973, §§ 121-130).

Проведенный нами анализ языковых данных свидетельствует о правомерности второй точки зрения.

§ 98. Сравнительно-историческое исследование данного вопроса свидетельствует о том, что развитие переходных и переходных глаголов, их структурная и семантическая оппозиция во всех современных иранских языках, в том числе и в памирских, с точки зрения диахронии в известном смысле слова представляет собой инновацию. По признанию Л.А. Пирейко: "Категория переходности /непереходности не имела цельного морфологического выражения в древнеиранских языках" (Пирейко, 1975, 305). Можно согласиться с выводом о том, что "именно с развитием синтаксических оборотов на основе главным образом совершенных причастий и образованием из них аналитических глагольных форм в дальнейшей истории иранских языков связано становление морфолого-синтаксических признаков глагольной категории переходности /непереходности, имеющей вообще в индоевропейских языках статус лексико-синтаксических категорий" (Пирейко, 1975, 312).

§ 99. В памирских языках категория переходности /непереходности приобретала важное грамматическое назначение как по отношению к эргативной конструкции в ряде языков, так и в становлении оппозиции различающихся и неразличающихся по роду глаголов. Формальное противопоставление переходности /непереходности для глагольных форм настоящего времени связано с древними формами презенса (в частности *-aya- — формант переходных и каузативных, *-ya-, *-s- — приметы переходных). В языках и диалектах шугнано-рушанской группы представлено довольно большое количество переходных глагольных основ настоящего времени на -s и переходных на -n(d), -m(b), а также с каузативной огласовкой, восходящей к *-aya- (см. Соколова, 1973, §§ 92-131).

Становление родовых форм и противопоставление переходных и переходных глаголов в прошедшем времени связано с их возникновением из именных конструкций — из сочетаний отглагольных имен — причастия на *-ta-, *-taka- (для муж. рода) и *-tā-, *-taṣī- (для жен. рода) со связкой или энклитическими

местоимениями. Дальнейшее развитие формального противопоставления основ прошедшего времени по переходности / непереходности можно охарактеризовать, с одной стороны, закреплением унаследованных от древности форм, а с другой – образованием и активизацией новых средств для выражения переходности. Дополнительным признаком противопоставления глаголов по переходности / непереходности является родоразличение в системе непереходных глаголов и его отсутствие для переходных. Иначе говоря, изменение по роду непереходных глаголов стало непосредственным морфологическим средством категории непереходности, а отсутствие родового изменения является опосредствованным, косвенным, но "значимым формальным признаком переходности, а вместе с тем и дополнительным способом (наряду с контекстом) активизации переходных глаголов" (Соколова, 1973, § 128).

Противопоставление различающихся по роду непереходных и неразличающихся род переходных глаголов осуществляется относительно последовательно. Об этом свидетельствует взаимообусловленность безотносительных к роду каузативных форм и их дифференцированных по роду непереходных пар (§§ 45–68), а также ниже рассматриваемые переходные и непереходные глаголы с нерасчлененными в залоговом отношении основами прошедшего времени.

Переходные и непереходные глаголы с нерасчлененными основами прошедшего времени.

§ 100. Поскольку образование и становление переходных и непереходных глагольных форм прошедшего времени является относительно поздним явлением, то нерасчлененные основы прошедшего времени переходных и непереходных глаголов нужно рассматривать как грамматический архаизм. Сохранение группы переходных и непереходных глаголов с идентичной основой прошедшего времени (равно как перфекта и инфинитива) представляет собой особый интерес с точки зрения функционирования грамматического рода, поскольку проявление рода в глаголе тесно переплетается с категориями залога, переходности и непереходности. Подробный анализ названной группы глаголов в известной мере может способствовать решению ряда других вопросов не только на морфологическом уровне (взаимодействие и взаимообу-

словленность категорий рода, переходности, непереходности и способы их выражения), но также и на синтаксическом (выражение рода подлежащего и его согласование со сказуемым, наличие или отсутствие объектного управления).

§ 101. Засвидетельствовано около двадцати различающихся род непереходных и не изменяющихся по роду переходных пар с одинаковой основой прошедшего времени (табл. 43).

Как явствует из этой таблицы, у непереходных, различающихся род глаголов, основа прош. времени муж. рода (как впрочем и перфект муж. рода) совпадает с основой того же времени переходных глаголов.

Переходные и непереходные глаголы рассматриваемой группы с формальной стороны характеризуются как совпадением, так и расхождением основ. Совпадают, как правило, переходные и непереходные глаголы при основах прош. времени, перфекте и инфинитиве, что вне контекста влечет за собой двусмысленность:^I

Проп.	Перф.	Инф.
ш.-р. гр. <i>viruxt</i>	<i>viruxč</i>	<i>virixtōw</i>
'сломал(а) - 'сломался'		'сломать' - 'сломаться'
ш.-р. <i>ziduxt</i>	<i>ziduxč</i>	<i>zidixtōw</i>
'оторвал(а)' - 'оторвался'		'оторвать' - 'оторваться'
ш. <i>firud</i>	<i>firuδj</i>	<i>firidōw</i>
бдж. <i>firud</i>	<i>firūδj</i>	<i>firidōw</i>
р.-х. <i>firud</i> ,	<i>firuǰ</i>	<i>firidōw</i>
'полоскал(а)' - 'полоскался',		'полоскать' - 'полоскаться' и
		пр.

^I В опубликованных словарях по языкам и диалектам шугнано-руманской группы не всегда удавалось уловить эту особенность и должным образом разграничить подобную двусмысленность. В ряде случаев нерасчлененные глаголы были рассмотрены и истолкованы либо как переходные, либо – только непереходные; см. к примеру Зарубин, 1960, 284: *zidarδ:ziduxt* 'рваться', 'ломаться', а для переходного значения приводится только каузатив: *zidarδbēn:zidarδbēnt* 'рвать', 'разрывать', в то время как первая – некаузативная форма применяется также и в переход-

ЯЗЫК	Основы непереходных пар			Основы переходных пар			
	прош.		наст.	Пере- вод	прош.	наст.	Пере- вод
	муж.	жен.					
1	2	3	4	5	6	7	8
ш.	anjūvd	anjōvd	anjafc	начать-	anjūvd	anjāv	держать, схва- тить, захва- тить
бдл.	injūvd	injōvd	injafc	ся (о	injūvd	injāv	
х.	injūvd	injōvd	injafc	болез-	injūvd	injāv	
р.	injīvd	injīvd	injafc	нях), букв.	injīvd	injāv	
б-ршв.	injīvd	anjīvd	injafc	'схва- титься)	injūvd	injāv	
ш.	viruḡt	viraxḡt	viray	ломать-	viruḡt	viray	ломать, раз- бить, обламь- вать.
бдл.	viruḡt	viraxḡt	viraw	ся, раз-	viruḡt	viraw	
р-х.	viruḡt	viraxḡt	viraw	бивать-	viruḡt	viraw	
б-ршв.	viruḡt	viraxḡt	viraw	ся	viraw	viraw	
р-х.	ḡud	ḡōd	ḡay	падать, попа-	ḡud	ḡāḡ	давать, уда- рать
ш-бдл.	ḡōd	ḡōd	ḡi(y)	дать	ḡōd	ḡāḡ	
б.	ḡōd	ḡōd	ḡī		ḡōd	ḡāḡ	
ршв.	ḡōd	ḡōd	ḡay		ḡōd	ḡāḡ	
р-х.	poxt	paxḡt	pis	варить-	poxt	pēz	варить, печь
б-ршв.	pōxt	paxḡt	pis	ся, печь-	pōxt	pēz	
ш-бдл.	pēxt	pēxt	pis	ся, по- спевать	pēxt	pīz	
ш-бдл.	ziduḡt	zidaḡt	zidarḡ	ото-	ziduḡt	zidērḡ, zidarḡ (en)	ото- рвать, разры- вать, обо- рвать
				рваться, разры-	ziduḡt	zidarḡ (en)	
р-х.	ziduḡt	zidaḡt	zidarḡ	ваться, обо-	ziduḡt	zidarḡ on	
б-ршв.	ziduḡt	zidaḡt	zidarḡ	рваться	ziduḡt		

ном значении: ш. tu-t di wūrḡ ziduḡt 'ты разрывал нитку'. При-
чем в 3 л. ед.ч. наст. времени оба глагола дифференцированы:
ш.-бдл. zidērḡd 'отрывается' - zidārḡd 'отрывает' и т.д.

	1	2	3	4	5	6	7	8
ш.	ziyuḡt	ziyaḡt	ziyaḡ	засы-	ziyuḡt	ziyēḡ	засы- вать, вянуть	засы- шивать
бдл.	ziyuḡt	ziyaḡt	ziyaw	кать,	ziyuḡt	ziyēw,		
р-х.	ziyuḡt	ziyaḡt	ziyaw		ziyuḡt	ziyaw		
б.	ziyuḡt	ziyaḡt	ziyū(y)		ziyuḡt	ziyawōn		
ш-бдл.	ḡud	ḡad	ḡāw	гореть,	ḡud	ḡēw	жечь, сжигать	
р-х.	ḡud	ḡad	ḡīw	сгорать, зажи-	ḡud	ḡēw		
б-ршв.	ḡud	ḡad	ḡīw	гаться	ḡud	ḡāw		
ш-бдл.	wizud	wizad	wizāw	гаснуть,	wizud	wizēw	гасить, тушить	
р-х.	wizud	wizad	wizīw	поту-	wizud	wizēw		
б-ршв.	wizud	wizad	wizīw	хатъ	wizud	wizāw		
ш-бдл.	firud	firad	firāw		firud	firēw	полос- кать	
р-х.	firud	firad	firīw	полос-	firud	firēw		
б-ршв.	firud	firad	firīw	каться	firud	firāw		
ш-бдл.	piḡud	piḡad	piḡāw	развле-	piḡud	piḡēw	развле- кать, уте- шать	
р-х.	piḡud	piḡad	piḡīw	каться, уте-	piḡud	piḡēw		
б-ршв.	piḡud	piḡad	piḡīw	шаться	piḡud	piḡāw		
ш-бдл.	sirud	sirad	sirāw	отде-	sirud	sirēw	отде- лять, отби- рать, отри- вать (ребен- ка от груди)	
р-х.	sirud	sirad	sirīw	ляться, выде-	sirud	sirēw		
б.	sirud	sirad	sirīw	ляться, отде-	sirud	sirāw		
ш.	birud	birad	birāw	ляться (от груди; о ре- бенке)	birud	birēw		
ш-бдл.	wirūyd	wirōyd	wirāws, wirīws	распа-	wirūyd	wirūz	распа- рывать	
р-х.	wirāwd	wirāwd	wirāws	рывать-	wirāwd	wirūz		

I	2	3	4	5	6	7	8
б.-ршв.	wirūyd	wirāwd	wirīws		wirāwd	wirūz	
ш.-бдж.	wižīvd	wižīvd	wižīfc	возвращаться, вернуться	wižīvd	wižēb	возвращать, вернуть
р.	wižīvd	wižāvd	wižāfs		wižīvd	wižīb	
х.	wižīvd	wižāvd, wižōvd	wižāfs		wižīvd	wižīb	
б.	wižīvd	wižāvd	wižāfs		wižīpt	wižīb	
ршв.	wižīvd	wižīvd	wižāfs		wižīvd	wižīb	
ш.	nixuht	nixaht	nixarə	разрушаться, обрушиться, обваливаться	nixuht	nixēgə, nixēx	разрушать, обрушивать, обваливать
бдж.	rixuht	rixaht	rixarə		rixuht	rixēgə, rixēx	
р.	raxuht	raxaht	raxarə		raxuht	raxēx	
х.	raxuht	raxaht	raxarə		raxuht	raxēx	
б.-ршв.	raxuht	raxaht	raxarə		raxuht	raxēx	

Среди засвидетельствованных глаголов одна пара в большинстве языков и диалектов располагает идентичной нерасчлененной формой также и при основе настоящего времени: ш. *vi-gaŷ*, бдж. *vi-gaw*, б.-ршв. *vi-gāw* 'разбейся', 'ломайся' - 'разбей', 'ломай'. Причем в руманском и его хуфском диалекте в данном случае имеем дифференцированную основу: в непереходном значении *vi-gaw* 'разбейся', 'ломайся' - в переходном *vi-gand*² 'разбей!', 'ломай!'.

Однако в целом мы имеем достаточные основания говорить о двух противопоставляющихся друг другу классах глаголов - безотносительно к роду переходных и различающих род - непе-

² О форманте *-n(a)*, а также других показателях переходности см. Соколова, 1973, §§ 98-114, 151-153.

реходных.

§ 102. Морфологическое противопоставление рассматриваемой группы переходных и различающих род непереходных глаголов выражается весьма последовательно. В качестве противопоставляющихся признаков переходных и непереходных глаголов можно назвать следующие:

1. Непереходные глаголы при основах прош. и перфекта изменяются по роду, однако их соответствующие переходные пары нейтральны к родовому изменению. При этом основы переходных глаголов прошедшего времени точно совпадают с формами муж. рода основ прошедшего времени и перфекта; идентична для обоих классов глагола также форма инфинитива, ср. непереходный ш.-р.гр. *viruht*, перф. *viruħč* 'разбился', жен. *viraxht*, перф. *virixč* 'разбилась', инф. *virixtōw* 'разбиться' при переходном ш.-р.гр. *viruht*, перф. *viruħč* 'разбил(а)', инф. *virixtōw* 'разбить'; непереходный ш.-р.гр. *wizud*, перф. ш. *wizūčj*, бдж. *wizūčj*, р.-х., б.-ршв. *wizuŷ* 'потух', 'погас', жен. ш.-р.гр. *wizad*, перф. *wizic* 'потухла', 'погасла', инф. ш.-р.гр. *wizidōw* 'потухать', 'гаснуть' при переходном ш.-р.гр. *wizud*, ш. *wizūčj*, бдж. *wizūčj*, р.-х., б.-ршв. *wizuŷ* 'гасил(а)', 'тушил(а)', инф. *wizidōw* 'гасить', 'тушить' и т.д.

2. Основа наст. времени как у переходных, так и у непереходных глаголов дифференцируется посредством корневого гласного (см. табл. 43). При этом основа различающих род непереходных глаголов в переходных парах противопоставляется основе с сильной и каузативной огласовкой: ш.-р.гр. *riw* 'варись' - ш.-бдж. *rīz*, р.-х., б.-ршв. *rēz* '(с)вари'; ш.-бдж. *wizāw*, р.-х., б.-ршв. *wizīw* 'гасни' - ш.-бдж. *wizēw*, р.-х., б.-ршв. *wizēw*, *wizāw* 'гасни' - ш.-бдж. *wizēw*, р.-х. *wizēw*, б.-ршв. *wizāw* 'гаси'. Кроме того, из всех засвидетельствованных форм пяти различающих род глаголам противостоят переходные пары с различной некаузативной огласовкой в основе наст. времени (типа: ш. *anŷāv* 'держи', *vi-gaŷ* 'разбей', *ḡāḡ* 'дай', *rīz* 'вари', *wi-gūz* 'распори'). Остальным родовым непереходным глаголам при их переходных парах противопоставляется каузативная основа наст. времени с различающейся по языкам корневой огласовкой: ш.-бдж. *ē*, р.-х. *ē*, б.-ршв. *ā* (типа ш.-бдж. *wizēw*, р.-х. *wi-*

zēw, б.-ршв., wizāw 'туши', 'гаси'). В целом это означает, что формальное размежевание в основах наст. времени произошло значительно раньше, чем в основах прош. времени, так как в последнем случае нерасчлененные основы полностью сохранились (wizūd 'погас', 'потух' - 'погасил', 'потушил', см. табл. 43).

3. Переходные и непереходные глаголы отличаются основной в 3 л. ед.ч. наст. времени, ср., например, ш.-бдж. virōyd, р.-х., б.-ршв. virāwt '(с)ломается' - ш.-бдж. virīyd, р. virīnt, х. virīnt, б.-ршв. virāwd 'сломает', 'разбивает'; ш.-бдж. wizūd, р.-х., б.-ршв. wizīwt '(по)гаснет' - ш.-бдж. wizēwt, р.-х. wizēwt, б.-ршв. wizāwd 'потушит', 'погасит' и т.д.

К приведенной выше группе примыкает еще одна пара, которая отличается родовой неизменяемостью в прошедшей основе, однако в перфекте, как и все рассматриваемые глаголы, дифференцируется по роду. Ниже перечисляем все формы этой пары - непереходный 'загораться', 'зажигаться', 'гореть': ш.-бдж. rābis:rābid, р.-х. rābaus:rābid, б. rābis, rābīs:rābid;³ 3 л. ед. наст. ш.-бдж. rābist, р.-х. rābaust, б. rābist, rābīst; перф. муж. ш. rābīdǰ, бдж. rābīdǰ, р.-х., б. rābīǰ, жен. ш.-бдж. rābic, р.-х., б. rābic; инф. ш.-бдж. rābidōw, р.-х., б. rābidōw. Переходный 'зажигать', 'поджигать', 'разжигать': ш.-бдж. rābin:rābid; р.-х., б. rābin:rābid; 3 л. ед. наст. ш.-бдж. rābīnt, р. rābīnt, х., б. rābīnt; перф. ш. rābīdǰ, бдж. rābīdǰ, р.-х., б. rābīǰ, инф. ш.-бдж. rābidōw, р.-х., б. rābidōw.

§ 103. Формальные признаки, отличавшие переходные глаголы от непереходных, оказались недостаточными для создания противопоставления и грамматической оппозиции между переходными (неродовыми) и непереходными (родовыми) парами. Несосто-

³ форма rābīs, по свидетельству Н. Карамхудоева, свойственна говору сел. Равмид (Карамхудоев, 1973, 146).

тельность противопоставления можно объяснить прежде всего нерасчлененностью основ прош. времени и перфекта, что в свою очередь породило омонимию (основы прош. и перф. zīdūxt, zīdūxt означали не только 'оборвался', но также и 'оборвал', 'оборвала', р.-х. roxt, б.-ршв. rōxt - не только 'сварился', но также и 'сварил', 'сварила'). Перестройка нерасчлененных основ стала необходимой и даже неминуемой еще потому, что сам процесс развития переходных и различающих род непереходных глаголов требовал полной морфологизации нерасчлененных непереходных глаголов, так как почти всем остальным различающим род непереходным глаголам уже противостояли каузативные пары. Это не могло не ускорить процесса дифференциации нерасчлененных основ переходных и непереходных глаголов.

§ 104. Поскольку противопоставление дифференцированных по роду непереходных глаголов и безразличных к родовому изменению их переходных и каузативных пар носит закономерный характер, то и в данном случае с целью создания более последовательной морфологической оппозиции и устранения двусмысленности на базе глаголов с нерасчлененными при прош. времени, перфекте и инфинитиве основами были образованы каузативные формы. Реализация каузативных форм осуществляется параллельно с нерасчлененными основами переходных глаголов. Таким образом, если раньше для выражения переходности/непереходности и мужского рода использовалась лишь одна форма, то в настоящее время для выражения каждой из названных категорий применяются две формы - старые нерасчлененные основы и новые каузативные глаголы (см. табл. 44).

Поскольку в предыдущей табл. 43 была указана также и основа наст. времени, то в табл. 44 приводятся только основы прош. времени. С целью показа "сосуществования" двух форм для выражения одного только переходного значения даются друг за другом обычные нерасчлененные основы переходных глаголов (они же и формы муж. рода для непереходных глаголов) и каузативные формы. Каузативная основа прош. времени одновременно употребляется также и в значении 3 л. ед.ч. настоящего времени, ср. ш.-бдж. zīdērd, р.-х. zīdarbēnt, б.-ршв.

Таблица 44

Язык	Непереходные пары			Переходные каузат. пары		
	муж.	жен.	перевод	обычные	каузат.	перевод
ш.-бдж.	ziduɣt	zidaɣt	оторваться, разрываться, оторваться	ziduɣt	zidārōd, zidarōent	оторвать, разрывать
р.-х.	ziduɣt	zidaɣt		ziduɣt	zidar- ō(ēnt)	
б.-ршв.	ziduɣt	zidaɣt		ziduɣt	zidarōont	
ш.-бдж.	ziyuɣt	ziyaɣt	засыхать, вянуть	ziyuɣt	ziyēyd, ziyēwt	засушивать, заставить засыхать, сушить
бдж.	ziyuɣt	ziyaɣt		ziyuɣt	ziyēwt, ziyawēnt	
р.-х.	ziyuɣt	ziyaɣt		ziyuɣt	ziyāwōnt	
б.-ршв.	ziyuɣt	ziyaɣt		ziyuɣt	ziyāwōnt	
ш.-бдж.	əud	əad	сгорать, зажигаться	əud	əēwd	жечь, сжигать
р.-х.	əud	əad		əud	əēwt	
б.-ршв.	əud	əad		əud	əāwd, əāwōnt	
ш.-бдж.	wizud	wizad	гаснуть, потухать	wizud	wizēwd	тушить
р.-х.	wizud	wizad		wizud	wizēwd	
б.-ршв.	wizud	wizad		wizud	wizāwd	
ш.-бдж.	pišud	pišad	развлекаться, утешаться	pišud,	pišēwd	развлекать, утешать
р.-х.	pišud	pišad		pišud	pišēwd	
б.-ршв.	pišud	pišad		pišud	pišāwd	
ш.-бдж.	firud	firad	полоскаться	firud	firēwd	полоскать
р.-х.	firud	firad		firud	firēwd	
б.-ршв.	firud	firad		firud	firāwd	
ш.-бдж.	sirud	sirad	отделяться, выделяться	sirud	sirēwd	отделять, выделять
р.-х.	sirud	sirad		sirud	sirēwd	
б.-ршв.	sirud	sirad		sirud	sirāwd	

zidarōont 'отрывал(а)' - 'отрывает', ш.-бдж. wizēwd, р.-х. wizēwt, б.-ршв. wizāwd 'тушил(а)' - 'тушит' и др.

§ 105. На основе анализа глаголов, помещенных в табл. 43 и 44, можно заключить следующее:

1. Нерасчлененные основы прош. времени, перфекта и инфинитива обслуживали как переходные, так и непереходные глаголы и поэтому вне контекста возникает дву- и даже трехмысленность каждой формы (ср. основы прош. ш.-р.гр. pišud, перф. ш. pišūōj, бдж. pišūōj, р.-х., б.-ршв. pišuj 'развлекал', 'развлекала', 'развлекался', инф. ш.-р.гр. pišidōw 'развлекать', 'развлекаться'). При этом для выражения переходности одновременно применяется также и безразличная к родовому изменению каузативная форма (ш.-бдж. pišēwd, pišēwj, р.-х. pišēwd, pišēwj, б.-ршв. pišāwd, pišāwj⁴ 'развлекал', 'развлекала'). Параллельное употребление нерасчлененных форм наряду с каузативными формами свидетельствует о незавершившемся процессе развития вышеназванных двух классов глаголов.

2. Главной линией взаимообусловленности категорий переходность/непереходность, родоизменяемость/неродоизменяемость является оформление глаголов переходной семантики каузативными формантами и противопоставление названного класса глаголов различающим род непереходным формам. Нетрудно предвидеть дальнейшую активизацию каузативных пар и в конечном итоге замену ими нерасчлененных основ переходных глаголов, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что у подавляющего большинства нерасчлененных глаголов при основе настоящего времени каузативная форма уже вытеснила обычную и является единственной основой (см. табл. 43).

⁴ Глагольные основы əāwd, wizāwd, pišāwd в монографии Н. Карамхудоева даны с кратким а (Карамхудоев, 1973, 146), что по-видимому, является случайным. О соответствии ш.-бдж. ē / р.-х. ē / б. ā, см. Соколова, 1973, §§ 101, 115.

§ 106. Как явствует из описания различающих род переходных глаголов, а также их переходных и каузативных пар и как свидетельствует анализ нерасчлененных основ, функционирование категории рода в глагольной системе тесно связано с категориями залога, переходности и непереходности. Поскольку родовому изменению подвергаются только глаголы с непереходной семантикой, то это способствует взаимопроникновению двух категорий - непереходности и грамматического рода и тем самым обеспечивает их единство по отношению к категории переходности. Поэтому в целом можно говорить о противопоставлении двух категорий - грамматического рода и непереходности одной категории переходности.

§ 107. Противопоставление изменяющихся по роду переходных глаголов и их не изменяющих род переходных пар характеризуется взаимодействием названных выше двух классов глаголов, что в данном случае означает регулярное развитие каузативных и переходных глаголов на основе различающих род непереходных форм. В результате взаимообусловленности категорий рода, непереходности и переходности происходила и происходит формализация переходных глаголов. Развитие каузативных форм теснейшим образом связано с различающими род непереходными глаголами. Различающие род формы в известной мере способствуют дифференциации глаголов не только семантически, но также и грамматически. При этом четкая и последовательная формализация происходит и в системе переходных глаголов. Об этом свидетельствует, во-первых, морфологическая обособленность каузативных форм и их регулярное противопоставление непереходным парам; во-вторых, дифференциация нерасчлененных основ переходных и непереходных глаголов посредством использования каузативных форм для выражения переходности, и, следовательно, создания оппозиции различающим род непереходным глаголам.

§ 108. На основе анализа взаимодействия категории переходности с категориями непереходности и грамматического рода в глагольной системе шугнано-рушанской группы представляется возможным затронуть и в какой-то степени выяснить вопрос неравномерного развития системы каузативных и переходных гла-

голов в других памирских языках. Факты дают основания полагать, что семантическое и формальное развитие переходных и особенно каузативных форм обеспечивается их противопоставлением и оппозицией различающим род непереходным глаголам. Это означает, что развитие категории переходности в известной мере зависит от жизнеспособности категории рода.

§ 109. Материалы других памирских языков также могут свидетельствовать о взаимообусловленности формального развития переходных (каузативных) глаголов и категории рода. В этой связи особый интерес представляет неравномерное, а порою автономное развитие каузативных форм в других памирских языках с точки зрения отсутствия или наличия в них категории рода. Обращает на себя внимание тот факт, что разрушение родовых форм и окончательная утрата категории рода является неблагоприятным фактом для существования категории переходности и формальной организации каузативных форм. Наглядными примерами могут служить данные сарыкольского, язгулямского и Идига. Так, в сарыкольском языке, который входит в шугнано-рушанскую группу, в результате разрушения родовых моделей грамматический род окончательно элиминирован.⁵ Одновременно сарыкольский выделяется среди остальных языков группы отсутствием четкого морфологического противопоставления переходных (каузативных) и непереходных глаголов, так как переходные глаголы утратили свои старые приметы (Соколова, 1973, § II9).

В язгулямском языке глагол также не различает категории рода (родовые модели сохраняются преимущественно в формах косвенного падежа указательных местоимений). В то же время язгулямский язык характеризуется разрушением старых морфологических примет переходности и каузативности, так как "для

⁵ Утрате категории рода в сарыкольском наряду с внутренними факторами способствовали также и внешние - изолированность и оторванность от основного шугнано-рушанского языкового массива, иноязычное окружение и влияние не имеющего категории рода уйгурского языка (Карамшоев, 1976, 221-222).

сарыкольского и язгулямского языков, где каузативная огласовка в конечном счете совпала со средней а-огласовкой, вообще едва ли можно говорить о выделении каузативных глаголов" (Соколова, 1973, § 101).

В йидга, по свидетельству Г.Моргенштерне, переходное и непереходное спряжение в настоящем времени уже перестали противопоставляться друг другу, косвенный падеж подлежащего при переходных глаголах в прошедшем времени практически не является нормой, а различие в окончаниях между переходными и непереходными глаголами в прошедшем времени вообще утрачено. Вместе с тем для языка йидга (в отличие от близкого ему мунджанского) в настоящее время уже не характерна и категория рода (Моргенштерне, 1938, 110-121; Соколова, 1973, §§ 58, 92).

На примере сарыкольского, язгулямского и йидга можно заключить, что утрата категории рода влечет за собой ослабление и разрушение старых формальных признаков переходности в прошедшем времени; тем самым ослабляется морфологическое противопоставление глаголов по признаку переходность/непереходность. Причина подобной взаимообусловленности категории рода и категории переходности, как нам представляется, кроется в особом оппозиционном характере двух классов глагола — различающих род непереходных и не различающих род переходных.

Что касается ишканинского и ваханского языков, не имеющих категории рода, то в них при глаголах прошедшего времени система переходных и каузативных форм малоразвита и не имеет четкого морфологического оформления (см. Пахалина, 1959; 1975; Гринберг, Стеблин-Каменский, 1976, 593, 615-618).

С точки зрения различения рода в глагольной системе особняком стоит мунджанский язык: личные глагольные формы, в частности основы прош. времени, не различают рода, но зато именные разряды слов (существительные, прилагательные, местоимения, причастия, числительные) имеют четкую и последовательную родовую дифференциацию с помощью родовых окончаний и суффиксов (см. Гринберг, 1972, §§ 14-15, 17, 19-20, 31, 40, 45, 134). В этой связи можно предполагать, что поскольку выраже-

ние категории рода регулярно и последовательно выражается в самих именах, то не возникла необходимость в распространении родовых моделей на личные глагольные основы. Показателем, однако, тот факт, что мунджанский, располагая богатыми и четкими морфологическими средствами для родовой дифференциации имен, одновременно выделяется развитой системой переходных и каузативных форм и их противопоставлением непереходным основам в прошедшем времени. "Более полная и последовательная унификация каузативных глаголов в один грамматический класс в мунджанском при большей их стойкости обусловлена тем обстоятельством, что они получили здесь свое особое спряжение (спряжение I), развившееся в противоположении другому спряжению — непереходному (спряжение II)" (Соколова, 1973, § 103).

§ 110. В связи с анализом переходности/непереходности особый интерес представляет вопрос о взаимосвязи категории рода с так называемой эргативной (косвенной) конструкцией в рушанском, хуфском и бартангском, где при не дифференцированных по роду переходных глаголах косвенными формами указательных местоимений выражается род подлежащего (ср. р. *day mi ná-wzēnt* 'он меня не узнал', *dum mi ná-wzēnt* 'она меня не узнала'). В шугнанском, баджувском и рошорвском указанная выше косвенная (эргативная) конструкция подлежащего с переходным глаголом не сохранилась и поэтому подлежащее во всех случаях (и при переходных, и непереходных глаголах) употребляется в прямом падеже (ср. ш. *uid mi ná-wzēnt* 'он меня не узнал', 'она меня не узнала'). Таким образом, благодаря сохранению эргативной конструкции рушанский, хуфский и бартангский располагают дополнительным средством выражения рода субъекта — косвенными формами указательных местоимений при переходных не различающих рода глаголах (наряду с общим для всех языков группы средством выражения рода подлежащего непереходными родовыми глаголами). Поэтому наличие косвенной (эргативной) конструкции в рушанском, хуфском и бартангском можно рассматривать как фактор, способствующий упрочнению и сохранению категории рода в назван-

ных языках,⁶ а отсутствие указанной конструкции в других языках (жугнанском, баджувском, рошорвском) — как неблагоприятный фактор для функционирования грамматического рода.

§ III. Подобное заключение в известной степени подтверждается материалами сравниваемых языков. Из предыдущих разделов видно, что рушанский, хуфский, бартангский сохранили косвенную конструкцию подлежащего и одновременно они же в большей степени обладают различающими род формантами, чем жугнанский, баджувский и рошорвский. При этом обращает на себя внимание тот факт, что рошорвский язык весьма близок бартангскому⁷ и отличается от него главным образом отсутствием эргативной конструкции. Вместе с тем в рошорвском, в отличие от бартангского, прослеживается слабое родовое противопоставление, что проявляется не только в бедности грамматических средств различения рода, но также и в неустойчивой родовой закреплённости предметных имен.⁸ Что касается жугнанского языка и его

⁶ Нестойкость категории рода в язгулямском при наличии в нем эргативной конструкции, очевидно, является результатом разрушения родовых огласовок и особенно влияния таджикоязычной среды (Карамшоев, 1975б). При всем этом показательно в язгулямском то, что из всех частей речи только косвенные формы указательных местоимений сохранили регулярное родовое противопоставление (ср. муж. *day, way*, жен. *im, dim*).

⁷ Исходя из общности фонетического и грамматического строя бартангского и рошорвского, последний в ряде памироведческих работ рассматривается как диалект бартангского языка (см. в частности Соколова, 1967, 41).

⁸ О колебании в родовой принадлежности неодушевленных имен в рошорвском см. Курбанов, 1976, 62.

баджувского диалекта, то они по сравнению с рушанским, хуфским и бартангским располагают меньшим количеством морфологических родовых формантов, что особенно заметно выявляется в системе различающихся по роду первичных суффиксов.

Следует отметить относительно большую синтаксическую возможность различения рода подлежащего с помощью прямой формы лично-указательного местоимения 3 л. ед.ч. дальней степени в жугнанском и баджувском (*yu 'он', 'тот', ya 'она', 'та'*) и отсутствие подобной родовой дифференциации в остальных языках рассматриваемой группы (ср. р.-х., б.-ршв. *ya 'он', 'она', 'тот', 'та'*). При этом в рушанском, хуфском и бартангском, как уже было отмечено, в отличие от остальных языков и диалектов группы при не различающих род переходных глаголах-сказуемых посредством косвенных форм указательных местоимений ед.ч. выражается категория рода подлежащего (ср. р. *way az mi rawst 'он спросил меня'; um az mi rawst 'она спросила меня'*). Лишь один рошорвский не сохранил различения рода подлежащего ни с помощью прямых, ни с помощью косвенных форм указательных местоимений.

Таким образом, функционирование грамматического рода теснейшим образом связано не только с переходными и каузативными формами, но также и с косвенной (эргативной) конструкцией.

§ II2. На основе анализа особой взаимосвязи различающихся по роду непереходных и безразличных к родовому изменению переходных глаголов представляется целесообразным снова вернуться к поставленному в начале данного раздела вопросу о том, изменялись ли в прошлом переходные глаголы по роду? Сам факт четкого и последовательного противопоставления переходных (не дифференцированных по роду) и непереходных (изменяющих род) глаголов дает отрицательный ответ на этот вопрос. Если допустить для переходных глаголов в историческом аспекте родовое изменение, то это означало бы отсутствие оппозиции и, следовательно, ликвидацию различий рода в системе непереходных глаголов. Характер проявления категории переходности/непереходности, по-видимому, с самого начала процесса проникновения в глагольные основы родовых моделей

препятствовал распространению родовых моделей в систему переходных глаголов. Кроме того, если бы родовое изменение исторически было характерно и для переходных глаголов, то оно в реликтовом виде могло бы сохраниться в этих глаголах. Даже переходные по своему происхождению глаголы (типа ш.-бдж. kin: čūā, р.-х. kin: čūg 'делать') в случае весьма редкого изменения по роду становятся непереходными (ср. р. māwz čūg 'проголодался', māwz čūg 'проголодалась'). Таким образом, родовое изменение было и остается характерным только для непереходных глаголов.

При всем этом следует отметить, что вопрос проявления грамматического рода в глагольной системе с точки зрения переходности/непереходности требует дальнейшего специального изучения в более широком плане. Окончательное решение данного вопроса можно получить при сравнительном анализе материалов других иранских языков, обладающих категорией рода. В качестве примера можно напомнить, что в согдийском языке категория рода в аналитических глагольных формах активного залога проявляется лишь у непереходных глаголов — прежде всего это формы непереходного перфекта, образованные по модели причастия с суффиксом -te- (из др.-ир. *-taka-) и глагольные основы прошедшего времени (Исхаков, 1972, 24). В остальных современных иранских языках (диалекты курдского языка, афганский и др.), по-видимому, не прослеживается обусловленность изменяющихся по роду глаголов от их переходной и непереходной семантики (см. Курдоев, 1957, 44-51; Бакаев, 1973, 93-103; Дворянков, 1960, 47-49; Ефимов, 1975, 452-456).

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА В ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВАХ

§ 113. Родовое изменение звукоподражательных и изобразительных по облику и происхождению слов представляет собой особый интерес (поскольку это языковое явление составляет, по-видимому, специфику языков и диалектов шугнано-руманской группы) и заслуживает всестороннего и детального анализа, тем

не менее вопрос этот до сего времени остается почти неизученным.

Выражение категории рода в звукоподражательных словах впервые было установлено при описании баджувского диалекта. Однако в последующих монографических описаниях языков и диалектов шугнано-руманской группы этому вопросу уделялось недостаточное внимание. Собранные нами новые материалы позволяют более подробно проанализировать различные группы слов звукоподражательного характера. Особый интерес представляет родовое изменение звукоподражательных глаголов, прежде не привлекавшее внимания исследователей. Изменение по роду звукоподражательных слов, насколько известно, не имеет себе прямых аналогий ни в древних языках, ни в живых современных, как иранских, так и индоевропейских, и поэтому изменение рода в названном разряде слов следует, видимо, считать памирской инновацией, возникшей на почве внутренних законов развития сравниваемых языков и диалектов.

Проникновение и распространение родовой перегласовки на указанную группу слов не имеет давней традиции и находится в процессе развития. Родовое противопоставление в звукоподражательных словах проявляется несколько иначе, чем в изменяющихся по роду именах и глаголах, создавая более унифицированную модель различающих род звуковых чередований. Модели перегласовок для звукоподражательных слов и звукоподражательных глаголов и описание их дается ниже с соответствующими подразделениями. Звукоподражательные и изобразительные слова, различающиеся по роду, структурно распадаются на две следующие большие группы:

I) слова, образующиеся с помощью суффиксов -ast,¹ -at; причем указанные суффиксы в ряде случаев могут заменять друг друга (ш.-бдж. furk^hast, furk^hat, хен.far^hast, far^hat 'мгновен-

¹ О функции и этимологии этого суффикса в других иранских языках см. Абаев, 1958, 91; Розенфельд, 1971, 28, 80; Фазылов, 1958, 39-40.

но', 'быстро');

2) слова, образующиеся путем повтора одной и той же основы. В рушанском, хуфском и бартангском подобное повторение часто может осуществляться еще при помощи связывающего элемента -а- (ш.-бдж. čul-čul, р.-х. čol-a-čol, жен. ш.-р.гр.čal-čal, р.-х. также čal-a-čal 'журчанье').

Родовое чередование в звукоподражательных и изобразительных словах в основном аналогично модели родовой перегласовки в других разрядах слов (в именах и глаголах).

§ II4. Перегласовка по модели муж. и / жен. а в подавляющем большинстве случаев является общей для всех языков и диалектов. Однако в рушанском и хуфском форма муж. рода ряда слов содержит в основе краткое о. Кроме того, при повторении изменяемых по роду основ в рушанском, хуфском и бартангском, как уже было отмечено, между компонентами используется соединяющий элемент -а-.

Родовая перегласовка муж. и / жен. а (р.-х. также о/а) реализуется как в словах, осложненных суффиксами -ast, -at, так и при повторе основ.

В подавляющем большинстве случаев одни и те же звукоподражательные и изобразительные слова одновременно сочетаются и с указанными суффиксами и в то же время могут входить в состав модели с повтором основ. В том и другом случае звукоподражательное слово в основном выражает одно и то же значение, оттенки значения уточняются контекстом.

В синтаксическом плане рассматриваемые звукоподражательные и изобразительные слова употребляются чаще всего в адвербиальной функции в качестве обстоятельства: ш. furkast sut tar bōy 'он быстро пошел в сад'; р. uā kiyoŋ tat-tar wōxt 'та груша со стуком падает' (Жайзов, 1966, 19).

Употребление звукоподражательных слов в функции других членов предложения (подлежащего, дополнения, определения, в составе сказуемого) является обычным явлением: ср.ш. čas čal-čal wēv tar yūy yat 'до их слуха донеслось журчанье воды'; р. um mōšīn rās-rās čo xo, wīzad 'машина тарахтела, тарахтела и заглохла' (Жайзов, 1966, 19).

Поскольку звукоподражательные слова используются как наречия (обстоятельства) и в то же время могут субстантивироваться, то при переводе на первом месте дается их адвербиальное значение - как более распространенное, а на втором месте - предметное. Кроме того, следует подчеркнуть следующую их специфику: формы с суффиксом -ast (реже -at) по значению совпадают или же сближаются с формами при повторе основ. В этом случае обе формы (с суффиксами и при повторе компонентов) снабжаются одним переводом. При семантическом расхождении к каждому слову дается отдельный перевод.

§ II5. Первый тип родовой перегласовки имеет следующий вид: муж. ш.-бдж. и, р.-х. и, о, ū / жен. ш.-бдж., р.-х. а. Примеры данного типа даны в табл. 45.

§ II6. Второй тип родовой перегласовки с моделью муж. ш.-бдж. ū, р.-х. ū, ū / жен. ш.-бдж., р.-х. ā, а имеет незначительное словарное распространение (см. табл. 46).

§ II7. В ряде слов шугнанский, баджувский, рушанский и хуфский совпадают по родовой перегласовке: муж. ū / жен. а (см. табл. 47).

§ II8. Показателен тот факт, что в ряде случаев между формами мужского рода и соответствующими формами женского рода прослеживается семантическое расхождение, в результате чего родовое противопоставление выражается слабо, а иногда даже и исчезает. В данном случае каждая единица снабжается соответствующим переводом (примеры см. в табл. 48).

Подобное семантическое расхождение родовых коррелятов прослеживается также при звукоподражательных глаголах (см. §§ 121-128). В целом расхождение в семантике изменяемых по роду коррелятов служит фактором ослабления, а порою и утраты родового противопоставления.

Таблица 45

Продолжение табл.45

Язык	Муж.	Жен.	Перевод
I	2	3	4
ш-бдж.	curast, curat	carast, carat	с шорохом, с шелестом
р-х.	cur-cur	car-car	
ш-бдж.	corast, cor(a)-cor	carast, car(a)-car	шорох, шелест, с треском, треск; немедленно, быстро
р-х.	corxast, corxat, corx-curx	carxast, carxat, carx-carx	
ш-бдж.	čulast, čul-čul	čalast, čal-čal	с бульканьем, с журчанием, булькая, журча; бульканье, журчанье
р-х.	čolast, čol(a)-čol	čalast, čal(a)-čal	
ш-бдж.	dungast, dung-dung	dangast, dang-dang	с дрожью, дрожа; дрожь
р-х.	dongast, dong(a)-dond	dangast, dang(a)-dang	
ш-бдж.	buyast, buy-buy	bayast, bay-bay	с жужжанием; жужжание
ш-бдж.	furast, furat	farast, farat	беспрерывно; кружение
р-х.	forast	farast	
ш-бдж.	furxast, furxat, furx-furx	farxast, farxat, farx-farx	мгновение; немедленно, быстро-быстро
р-х.	forxast, forx(a)-forx	farxast, farx(a)-farx	
ш-бдж.	fuḡast, fuḡ-fuḡ	faḡast, faḡ-faḡ	со вздохом; беспрерывный вздох; быстро-быстро
р-х.	foḡast, foḡ(a)-foḡ	faḡast, faḡ(a)-faḡ	

I	2	3	4
ш-бдж.	gurast, gurat	garast, garat	быстро, беспрерывно, друг за другом
р-х.	gur-gur	gar-gar	
ш-бдж.	gorast, gor(a)-gor	garast, gar(a)-gar	с грохотом, грохоча; грохот
р-х.	gorast, gor(a)-gor	garast, gar(a)-gar	
ш-бдж.	purast, pur-pur	parast, par-par	с шумом, с шелестом; шум крыльев птиц и т.п.
р-х.	purast, pur(a)-pur	parast, par(a)-par	
ш-бдж.	purəast, purə-purə	parəast, parə-parə	с шумом, с шелестом; шум крыльев птиц и т.п.
р-х.	šipurəast, šipurə-šipurə	šiparəast, šiparə-šiparə	
ш-бдж.	porəast, porə(a)-porə	parəast, parə(a)-parə	шепст, шепотом
р-х.	šiporəast, šiporə-šiporə	šiparəast, šiparə-šiparə	
ш-бдж.	putast, put-put	patast, pat-pat	шепст, шепотом
р-х.	potast, pot(a)-pot	patast, pat(a)-pat	
ш-бдж.	qutast, qut-qut	qatast, qat-qat	кудахтанье
р-х.	qotast, qot(a)-qot	qatast, qat(a)-qat	
ш-бдж.	qumbast, qumb-qumb	qambast, qamb-qamb	с бульканьем, булькая
р-х.	qumbast, qumb(a)-qumb	qambast, qamb(a)-qamb	
ш-бдж.	šitupast, šitup-šitup	šitarast, šitar-šitar	с шумом, с грохотом; шум, грохот (от падения)
р-х.	šitopast, šitop(a)-šitop	šitarast, šitar-šitar	
ш-бдж.	šiqutast, šiqut-šiqut	šiqatast, šiqat-šiqat	с шумом, со свистом; шум, свист (от глотания чего-л.)
р-х.	šiqutast, šiqut(a)-šiqut	šiqatast, šiqat-šiqat	

I	2	3	4
ш-бдж. р-х.	ɕapast, ɕap-ɕap ɕopast, ɕop(a)-ɕop	ɕapast, ɕap-ɕap ɕapast, ɕap(a)-ɕap	шум (от быстрого движения)
бдж. р-х.	ɕuwast, ɕuw-ɕuw ɕuwast	ɕawast, ɕaw-ɕaw ɕawast	немедленно, моментально, быстро-быстро

Таблица 46

Язык	Муж. род	Жен. род	Перевод
ш-бдж. р-х.	^o būyast, būy-būy ^e būyast, būy-būy, ^o būya-būy	bāyast, bāy-bāy bāyast, bāy-bāy, bāya-bāy, bayast	блеяние, мычание
ш-бдж. р-х.	^o wūyast, wūy-wūy -wūyast, wūy(a)- wūy	wāyast, wāy-wāy wāyast, wāy(a)- wāy, way(a)-way	мычание; рыдание
ш-бдж. р-х.	ɕipūxast, ɕipūx-ɕipūx ɕipūxast, ɕipūx- (a)-ɕipūx	ɕipaxast, ɕipax- ɕipax ɕipaxast, ɕipax- (a)-ɕipax	с грохотом, грохот (выстрела)

Язык	Муж.	Жен.	Перевод
ш-бдж. р-х.	^o dungast, dūng-dūng dongast, dong(a)- dong	dangast, dang-dang dangast, dang(a)- dang	с грохотом, с топотом; грохот, топот
ш-бдж. р-х.	^o qumbast, qūmb-qūmb qūmbast, qūmb(a)- qūmb	qambast, qamb-qamb qambast, qamb(a)- qamb	
ш-бдж. р-х.	ɕiqūmbast, ɕiqūmb- ɕiqūmb ɕiqūmbast, ɕiqūmb (a)-ɕiqūmb	ɕiqambast, ɕiqamb- ɕiqamb ɕiqāmbast, ɕi- qamb(a)-ɕiqamb	с грохотом, грохот (от стрельбы или взрыва)

Таблица 48

Язык	Муж. (жен.)	Жен. (муж.)
ш-бдж. р-х.	wūyast, wūy-wūy wūyast, wūy(a)-wūy 'мычание' (крупного рога- того скота)	wāyast, wāy-wāy wāyast, wāy(a)-wāy 'крик, плач' (от испуга)
ш-бдж. р-х.	būyast, būy-būy būyast, būy(a)-būy 'мычание' (крупного рога- того скота)	bāyast, bāy-bāy bāyast, bāy(a)-bāy 'блеяние' (овцы)
ш-бдж. р-х.	pulast, pul-pul polast, pol(a)-pol 'горение' (огня)	palas, pal-pal palast, pal(a)-pal 'блеск', 'сверканье' (чего-л.)

Особенности выражения рода в звукоподражательных глаголах

§ 119. На основе внутренней огласовки легко можно узнать и установить родовую принадлежность большого количества звукоподражательных и изобразительных глаголов. Однако основной целью данного раздела является не уточнение и определение родовой принадлежности звукоподражательных глаголов, а анализ родового противопоставления каждой пары. Вопрос о родовом изменении звукоподражательных глаголов до сих пор оставался вне поля зрения специалистов. В научной литературе было зафиксировано лишь незначительное число звукоподражательных глаголов, без какого-либо указания на их родовую принадлежность. Так, например, в работе И.И. Зарубина "Шугнанские тексты и словарь" (1960), содержащей наиболее полный словарь, количество звукоподражательных глаголов рассматриваемого типа не превышает одного десятка. В этой работе зафиксировано лишь четыре пары, т.е. восемь глаголов. Ниже приведем их в том виде, в каком они были интерпретированы самим автором.

1) farx:farxt 'хрипеть', 'храпеть'; 3 ед. farxt; прич. farxč; инф. farxtōw (ШТС, I40);

fuxx:fuxxt 'хрипеть', 'храпеть'; ср. farx:farxt (ШТС, I43);

2) faḥ:faḥt 'тяжело дышать', 'задышаться'; ср. fuḥ:fuḥt (ШТС I41);

fuḥ:fuḥt 'тяжело дышать'; ср. faḥ:faḥt (ШТС, I43).

3) fas:fast 'сморкаться'; 3 ед. fast; прич. fasč; инф. fastōw (ШТС, I41);

fus:fust 'втягивать носом, вдыхать носом'; 3 ед. fust, прич. fusč; инф. fustōw (ШТС, I43).

4) taq:taqt 'стучать', 'постукивать'; 3 ед. taqt; прич. taqč; инф. taqtōw; ср. tuq:tuqt (ШТС, 239); tuq:tuqt 'стучать', 'постукивать'; ср. taq:taqt (ШТС, 249).

Вопрос о родовой соотнесенности звукоподражательных глаголов не был затронут также при монографическом описании языков и диалектов шугнано-руманской группы. При сборе материалов нами было зафиксировано около 40 пар звукоподражатель-

ных глаголов. Каждая пара состоит из двух форм, отличающихся друг от друга внутренней перегласовкой, а в ряде случаев также и семантикой. В общей сложности мы располагаем 80 глаголами звукоподражательного и изобразительного типа, которые так или иначе отражают родовую перегласовку и на этом основании могут быть разделены на формы мужского и женского рода.

§ 120. Звукоподражательные и изобразительные изменяющиеся по роду глаголы выделяются среди других различающихся по роду глаголов следующими особенностями:

1. Родовое изменение происходит не только в основах прош. времени и перфекта (как у обычных глаголов), но также и в формах настоящего времени и в инфинитиве, что способствует расширению согласовательных связей не только подлежащего, но также и других членов предложения - дополнения и определения. Ср. ш. wūz-um ḥas čaltōw žīwǰ 'я люблю журчанье (ж.) воды'; р. ḥuvd sa čolt, az-ta ḥánuš 'если молоко забублькает (м.), я слышу' (ḥas 'вода' - жен.род, ḥuvd 'молоко' - муж.).

2. Родовые варианты звукоподражательных глаголов в ряде случаев обнаруживают семантическое расхождение, что приводит к ослаблению родового противопоставления.

3. В звукоподражательных глаголах часто наблюдается колебание в использовании родовых форм, что выражается в следующем: формы муж. рода могут параллельно употребляться при именах (подлежащих) женского рода, а формы жен. рода - с именами мужского: ш. уи kid ɣarət (// ɣarət) 'пес лает' - уā kid ɣarət (// ɣarət) 'сука лает'. Подобное отклонение обнаруживается в быстрой и небрежной речи. При нормальном стиле речи родовое согласование глагола и имени восстанавливается (ш. уи kid ɣarət 'пес лает' - уā kid ɣarət 'сука лает').

§ 121. С точки зрения структуры родовых моделей в основном различаются два типа перегласовок.

Первый тип характеризуется реализацией кратких гласных: для муж. рода ш.-бдж. и, р.-х. о, для жен. а. Этот тип родовой перегласовки имеет широкое словарное распространение. Родовое противопоставление при данном типе перегласовки вы-

рахається довольно четко и последовательно, расхождения между родовыми коррелятами здесь, как правило, не обнаруживаются. Ниже без особого объяснения перечисляются изменяющиеся по роду глагольные формы в следующей последовательности: на первом месте дается основа настоящего времени, а затем друг за другом располагаются основы прош. времени, перфекта и форма инфинитива. Поскольку форма жен. рода в рассматриваемых языках совпадает, перед примерами не ставится помета, указывающая на принадлежность формы какому-л. языку или диалекту.

муж.ш-бдж.	cur: curt; curċ; curtōw	'шелестеть';
Р-Х.	cor: cort; corċ; cortōw	'моросить'
жен.	car: cart; carċ; cartōw	
муж.ш-бдж.	ċul: cult; ċulċ: ċultōw	'журчать', 'буль-
Р-Х.	ċol: colt; ċolċ; coltōw	кать'
жен.	ċal: calt; ċalċ; caltōw	
муж.ш-бдж.	zung: zungt; zungċ; zungtōw	
Р-Х.	zong: zongt; zongċ; zongtōw	'щелкать'
жен.	zang: zangt; zangċ; zangtōw	
муж.ш-бдж.	zur: zurt; zurċ; zurtōw	'испускать (ветры
Р-Х.	zor: zort; zorċ; zortōw	со свистом)'
жен.	zar: zart; zarċ; zartōw	
муж.ш-бдж.	duq: duqt; duqċ; duqtōw	'дрожать', 'ка-
Р-Х.	doq: doqt; doqċ; doqtōw	чаться', 'бежать
жен.	daq: daqt; daqċ; daqtōw	рысью'
муж.ш-бдж.	duqēn: duqēnt; duqēnċ; duqēntōw	'качать', 'приво-
Р-Х.	doqēn: doqēnt; doqēnċ; doqēntōw	дить в дрожь'
жен.	daqēn: daqēnt; daqēnċ; daqēntōw	
муж.ш-бдж.	γurθ: γurθt; γurθċ; γurθtōw	е
Р-Х.	γorθ: γorθt; γorθċ; γorθtōw	'давать'
жен.	γarθ: γarθt; γarθċ; γarθtōw	

муж.ш-бдж.	γur: γurt; γurċ; γurtōw	'грохотать', 'та-
Р-Х.	γor: γort; γorċ; γortōw	рахтеть', 'ворчать'
жен.	γar: γart; γarċ; γartōw	
муж.ш-бдж.	qut: qat(t); qutċ; qut(t)ōw	'кудахтать'
Р-Х.	qot: qot(t); qotċ; qot(t)ōw	
жен.	qat: qat(t); qatċ; qat(t)ōw	
муж.ш-бдж.	fug: fuqt; fugċ; fuqtōw	'хрюкать', 'всхли-
Р-Х.	foq: foqt; foqċ; foqtōw	пывать'
жен.	faq: faqt; faqċ; faqtōw	
муж.ш-бдж.	fut: fut(t); futċ; fut(t)ōw	
Р-Х.	fot: fot(t); fotċ; fot(t)ōw	'шептать'
жен.	fat: fat(t); fatċ; fatōw	
муж.ш-бдж.	fui: fuīt; fuiċ; fuītōw	'дышать', 'взды-
Р-Х.	foi: foīt; foiċ; foītōw	хать' (глубоко и
жен.	faī: faīt; faīċ; faītōw	беспрерывно)
муж.ш-бдж.	kur: kurt; kurċ; kurtōw	
Р-Х.	kor: kort; korċ; kortōw	'тарактеть'
жен.	kar: kart; karċ; kartōw	
муж.ш-бдж.	luc: luct; lucċ; luctōw	'болтаться', 'тряс-
Р-Х.	loc: loct; locċ; loctōw	тись' (от уштанно-
жен.	lac: lact; lacċ; lactōw	сти)
муж.ш-бдж.	pul: pult; pulċ; pultōw	'гореть' (тускло,
Р-Х.	pol: polt; polċ; poltōw	незаметно)
жен.	pāl: palt; pālċ; paltōw	
муж.ш-бдж.	purx: purxt; purxċ; purxtōw	'брызгать' (воду
Р-Х.	porx: porxt; porxċ; porxtōw	ртом)
жен.	parx: parxt; parxċ; parxtōw	

муж.-ш.-бдж.	tung:tungt; tungċ; tungtōw	'звенеть', 'бить'
р-х.	tong:tongt; tongċ; tongtōw	(по металлическому
жен.	tang:tangt; tangċ; tangtōw	предмету)
муж.-ш.-бдж.	tuq:tuqt; tuqċ; tuqtōw	
р-х.	toq:toqt; toqċ; toqtōw	'стучать'
жен.	taq:taqt; taqċ; taqtōw	
муж.-ш.-бдж.	tur:turt; turċ; turtōw	
р-х.	tor:tort; torċ; tortōw	'таракать', 'тре-
жен.	tar:tart; tarċ; tartōw	щать'
муж.-ш.-бдж.	tup:tupt; tupċ; tuptōw	
р-х.	top:topt; topċ; toptōw	'топтать'
жен.	tap:tapt; tapċ; taptōw	
муж.-ш.-бдж.	ẏiwul:ẏiwult; ẏiwulċ; ẏiwultōw	'блестеть', 'свер-
р-х.	ẏiwol:ẏiwolt; ẏiwolċ; ẏiwoltōw	кать'
жен.	ẏiwal:ẏiwalt; ẏiwalċ; ẏiwaltōw	

§ 122. По поводу приведенных выше форм можно отметить следующее:

1. Большинство изменяющихся по роду звукоподражательных глаголов выражает действие или состояние одушевленных имен мужского и женского рода: ш. уи ẏiċ lar faċt букв. 'бык сильно дышит'; ш. уа ẏōw lar faċt букв. 'корова сильно дышит' (т.е. 'дышит часто и громко').

2. Ряд звукоподражательных глаголов употребляется при неодушевленных именах, что свидетельствует о сугубо грамматическом предназначении различающихся по роду форм. Благодаря сочетаемости звукоподражательных глаголов с предметными (неодушевленными) именами, последние получают синтаксическое родовое оформление (уточнение родовой принадлежности одушевленных имен не представляет особых трудностей, поскольку сама семантика имен тому способствует). Для выражения действий неодушевленных имен чаще всего употребляются такие глаголы, как ẏiwul:ẏiwult, жен. ẏiwal:ẏiwalt (ш.-бдж.) 'блестеть';

pul:pult, жен. pal:palt (ш.-бдж.) 'гореть' (тускло, незаметно), ẏul:ẏult, жен. ẏal:ẏalt (ш.-бдж.) 'журчать'. Примеры: ш. уōс рult 'огонь еле-еле горит'; р. uf уōс рoltōw аs бāг-аē diviċt 'горение огня было видно издали' (ш. уōс, р.уōс 'огонь' - муж.род); бдж. wim ẏiċ-ti xīg ẏēd-at, уā рalt 'на камень падает солнце и он (камень) сверкает' (ш.-бдж. ẏiċ, р., б.-рив. ẏēg, х. ẏæg 'камень' - жен.род).

3. В редких случаях родовое изменение распространяется также на переходные и даже каузативные глаголы: рих:рихт, жен. рагх:рагхт 'брызгать'; дақēн:дақēнт, жен. дақēн : дақēнт 'качать', 'приводить в дрожь'. Примеры: ш. му бōб руст-агд гūап рихт 'мой дед обрызгал шкуру маслом'; ш. а уās, ẏас му-рд мā-рагх 'девочка, не обрызгай меня водой'; ш. вōгċ wi lāp-i дақēнт хи, уи мōт sut 'конь сильно его укачивал, и он устал', ш. wi нāп lūd : wūz-ta tu ris ху-уаē нā-дақēнш 'его мать сказала: я не стану тебя с собой таскать'.

Это явление можно считать инновацией в системе личных родовых глагольных форм рассматриваемых языков.

Вышеприведенные факты не могут служить основанием для утверждения о родоизменяемости переходных глаголов, поэтому сделанные нами в предыдущем разделе выводы об отсутствии родоразличения для переходных глаголов (как в историческом, так и в синхронном плане) остаются в силе (см. §§ 97-112).

§ 123. Второй тип наряду с расхождением языков в реализации перегласовки отличается от уже рассмотренного выше слабый и непоследовательным выражением родового противопоставления мужской и женской формы по смыслу. Поэтому форма мужского рода параллельно используется и при именах женского рода, а форма женского рода - с именами мужского.

Однако в целом можно констатировать, что формы с и-образной огласовкой согласуются с именами муж. рода, а корреляты с а-огласовкой - с именами жен. рода.

Этот тип родовой перегласовки имеет два варианта.

§ 124. Первый вариант имеет следующую модель:

	ш.-бдж.	р.-х., б.-рив.
муж.	и	и
жен.	а	а

В связи с тем, что для этой группы характерны колебания родовых форм, то при формах мужского рода наряду с пометой муж. в скобке дается еще помета жен., а формы женского рода соответственным образом снабжаются пометами жен. (муж.), что означает факультативное употребление одной и той же формы при именах как мужского рода, так и женского:

муж. (жен.):
ш-бдж. fūq:fūqt; fūqč; fūqtōw
р., б-рив. fūq:fūqt; fūqč; fūqtōw
х. foq:foqt; foqč; foqtōw
'фыркать, хр-
кать' (о яке)

жен. (муж.):
ш-бдж. faq:faqt; faqč; faqtōw
р. fiq:fiqt; fiqč; fiqtōw
'фыркать', 'тихо
плакать'

муж. (жен.):
ш-бдж. xīrūx:xīrūxt; xīrūxč; xīrūxtōw
р., б-рив. xīrūx:xīrūxt; xīrūxč; xīrūxtōw
х. xīrox:xīroxt; xīroxč; xīroxtōw
'грохотать',
'тарахтеть'

жен. (муж.):
ш-р-гр. xīrax:xīraxt; xīraxč; xīraxtōw
'грохотать',
'тарахтеть'

муж. (жен.):
ш-бдж. yūr:yūrt; yūrč; yūrtōw
р., б-рив. yūr:yūrt; yūrč; yūrtōw
х. yor:yort; yorč; yortōw
'грохотать',
'стрелять с
грохотом'

жен. (муж.):
ш-р-гр. yar:yart; yarč; yartōw
'лаять'

муж. (жен.):
ш-бдж. qūrš:qūršt; qūršč; qūrštōw
р-х., б-рив. qūrš:qūršt; qūršč; qūrštōw
жен. (муж.):
ш-р-гр. qarš:qaršt; qaršč; qarštōw
'храпеть'

§125. Как явствует из приведенных данных, расхождение между языками обнаруживается только в огласовке муж. рода, при которой все языки и диалекты делятся на три группы: рушанский, бартангский и рошорвский совпадают, имея огласовку ū, в хуфском реализуется краткое о, а в шугнанском и баджувском им соответствует открытое ū. В одном случае для формы жен. рода наряду с а представлена i-огласовка (fiq:fiqt; fiqč; fiqtōw). В связи с этим можно заключить, что рассматриваемые огласовки муж. рода ū, ū, о в звукоподражательных глаголах могли возникнуть и утвердиться по аналогии с именным родовым чередованием ш.-бдж. ū / р.-х. ū, о / б.-рив. ū на почве обычных родовых моделей с u-образной огласовкой. Вместе с этим можно полагать, что широкому применению огласовок u, ū, ū, о в качестве примет муж. рода в звукоподражательных словах (может быть также и в других разрядах слов) мог способствовать еще и признанный многими лингвистами следующий естественный факт: u-образный звук в ряде языков (в частности в семитских) отражает символику низкого голоса представителя мужского пола (чаще, однако, животных и птиц) и вместе с тем используется в словах мужского рода, обозначающих предметы большого размера (об этом см. в частности: Есперсен 1922, I; Пизани 1956, 95; Абаев 1958, 269 и др.).

§ 126. В т о р о й в а р и а н т имеет следующую модель:

	ш-бдж.	р-х.	б-рив.
муж.	ū	ū	o
жен.	ā	ā	ā

Этот вариант, как видно из схемы перегласовки, отличается от первого двумя особенностями: а) при форме муж. рода в бартангском и рошорвском возникает специфический для этих языков гласный ū; б) форма жен. рода имеет долгое корневое ā. По совпадению языков и диалектов в огласовке женского рода рассматриваемый вариант аналогичен первому, но с той разницей, что в первом варианте реализуется краткое а, а здесь долгое ā. Кроме того, шугнанский и баджувский при форме жен. рода допускают i-образную огласовку в виде ē. В качестве примеров приводим следующие глаголы:

муж. (жен.):
 ш-бдж. būy:būyd; būyĵ; būydōw 'мычать', 'реветь'
 р-х. būy:būyd; būyĵ; būydōw (чаще о быке), 'орать'
 б-ршв. būy:būyd; būyĵ; būydōw

жен. (муж.):
 ш-р. гр. bāy:bāyd; bāyĵ; bāydōw 'блеять', 'мычать'
 ш-бдж. тж. bēy:bēyd; bēyĵ; bēydōw (чаще об овце)

муж. (жен.):
 ш-бдж. wūy:wūyd; wūyĵ; wūydōw 'мычать', 'реветь'
 р-х. wūy:wūyd; wūyĵ; wūydōw (чаще о крупном скоте); 'орать'
 б-ршв. wōy:wōyd; wōyĵ; wōydōw

жен. (муж.):
 ш-р. гр. wāy:wāyd; wāyĵ; wāydōw 'рыдать', 'плакать',
 'орать'

§ 127. Как явствует из приведенных примеров, семантическое расхождение родовых коррелятов каждого глагола выражается довольно отчетливо. Так, например, форма būy:būyd (ш-бдж.) 'мычать', 'реветь' в основном употребляется по отношению к крупному рогатому скоту, а в переносном значении используется еще в смысле 'рыдать', 'орать', 'плакать' (ш. á-ba bās būy! 'хватит тебе, мальчик, орать!'). Семантическое поле его женского коррелята в форме bāy:bāyd (ш-р.гр.) 'блеять', 'мычать' весьма узкое, т.к. этот глагол употребляется исключительно по отношению к овце (ш. ya maŷ bāyd 'овца блеет'). То же самое можно сказать и о глаголе wūy:wūyd (ш-бдж.), который внешне по происхождению и по смыслу идентичен вышерассмотренному (форма мужского рода по значению у обоих глаголов совпадает). Формы этих глаголов по линии жен. рода выражают различные значения, ср.: bāy:bāyd 'блеять', 'мычать' (об овце) и wāy:wāyd 'рыдать', 'плакать', 'орать' (о человеке). В эту же группу можно включить другой глагол, который содержит по языкам и диалектам следующую огласовку: ш-бдж. ū, р-х. ū, о, б-ршв. u; форма жен. рода во всех языках имеет а-огласовку:

муж. (жен.):
 ш-бдж. luq:luqt; luqč; luqtōw 'чирикать', 'петь'
 р. luq:luqt; luqč; luqtōw (напр., о куро-
 патке)
 х. loq:loqt; loqč; loqtōw
 б-ршв. luq:luqt; luqč; luqtōw 'бурчать', 'свистеть'

жен. (муж.) laq:laqt; laqč; laqtōw 'волочиться', 'качаться'; 'шататься'.

Расхождение родовых коррелятов по семантике наблюдается также и в следующем глаголе:

муж. (жен.):
 ш-бдж. fus:fust; fusč; fustōw 'шмыгать', 'дышать носом'
 р-х. fos:fost; fosč; fostōw

жен. (муж.):
 ш-бдж., р-х. fas:fast; fasč; fastōw 'сморкаться', 'чихать'.

§ 128. В целом по двувариантному типу родовой перегласовки можно сделать следующий вывод:

ослабление родовой закреплённости одновременно влечет за собой и расхождение родовых коррелятов по их семантике, что в конечном счете может привести к образованию новых глаголов, безотносительных к родовому противопоставлению. Иначе говоря, при ослаблении родовой закреплённости глаголов происходит лексикализация родовых коррелятов. Подобное явление имеет место и в именах, где также родовое противопоставление для ряда слов уже стерто и родовую принадлежность можно установить только синтаксически (а не противопоставлением коррелятов), ср. ш.-р.гр. муж. ŷas 'бульон', 'жидкий' - жен. ŷas 'вода'.

Таким образом, родовое противопоставление коррелятов тесно связано с их семантикой. Отсутствие семантического расхождения между родовыми формами одного и того же слова

означает прочность родового противопоставления родовых коррелятов и в известной мере способствует нормальному функционированию самой категории рода.

§ 129. При отсутствии родового чередования и противопоставлявшихся друг другу по роду коррелятов в ряде случаев, главным образом, на основе типа огласовки, представляется возможным определять принадлежность глаголов к тому или другому роду.

Языковые факты свидетельствуют о том, что при разложении формального родового противопоставления корреляты муж. рода выявляют способность к дальнейшему существованию и сохранению, а формы жен. рода утрачивают активность и постепенно выходят из употребления. Из звукоподражательных глаголов можно привести в качестве примера глагол ш.-бдж. $\gamma u\gamma\dot{u}$: $\gamma u\gamma\dot{u}d$; перф. $\gamma u\gamma\dot{u}j$; инф. $\gamma u\gamma\dot{u}d\dot{o}w$ 'скулить' (о собаке). Исходя из *u*-огласовки, можем относить его к муж. роду. При малоупотребительности формы жен. рода $\gamma a\gamma\dot{u}$: $\gamma a\gamma\dot{u}d$; $\gamma a\gamma\dot{u}j$; $\gamma a\gamma\dot{u}d\dot{o}w$ форма с *u*-огласовкой используется также и по отношению к именам жен. рода и жен. пола: ш. $u\dot{a}$ $pa\dot{l}\dot{a}ng$ $\gamma u\gamma\dot{u}d$ 'рысь скулит' - $ku\dot{d}$ $\gamma u\gamma\dot{u}d$ 'пес скулит' ($pa\dot{l}\dot{a}ng$ - жен., $ku\dot{d}$ - муж.).

Вместе с тем следует иметь в виду то обстоятельство, что определенная группа глаголов так или иначе связана и закреплена за словами, обозначающими жен. пол и соответственно жен. род (типа ш.-бдж. $z\dot{o}d$; $z\dot{e}c$ 'рожала') и поэтому подобные глаголы жен. рода как исконные, так и звукоподражательные по происхождению могут вообще не иметь коррелятов муж. рода.

§ 130. В качестве примера сохранения формы жен. рода можно привести глагол ш.-р.гр. $q\dot{a}y$: $q\dot{a}y\dot{u}d$; $q\dot{a}y\dot{u}j$; $q\dot{a}y\dot{u}d\dot{o}w$ 'каркать'. Сохранение указанной формы обеспечено тем обстоятельством, что этот глагол тесно закреплен за выражением действия существительных (подлежащих), относящихся к жен. роду: ш.-бдж., р.-х. $\dot{y}\dot{a}z$, шк. $\dot{z}\dot{a}y$, б.-рив. $\dot{z}\dot{a}z$, $\dot{z}\dot{a}f$ 'галка' и ш.-р.гр. $x\dot{u}gn$ 'ворона' (все жен. рода); ср. ш. $u\dot{a}$ $\dot{y}\dot{a}z$ $riw\dot{o}zd-at$ $q\dot{a}y\dot{u}d$ 'та галка летит и каркает!'; ш. wam $x\dot{u}gn$ ay kin , bas $q\dot{a}y\dot{u}d$ 'прогони ворону, чтобы перестала каркать!'

То же самое можно сказать и в отношении глагола $ma\gamma\dot{u}$: $ma\gamma\dot{u}d$, перф. $ma\gamma\dot{u}j$, инф. $ma\gamma\dot{u}d\dot{o}w$ 'мурлыкать', который упо-

требуется преимущественно с существительным жен. рода $pi\dot{s}$ 'кошка': ш. $u\dot{a}$ tu $pi\dot{s}$ ar $\dot{c}iz$ sa lap $ma\gamma\dot{u}d$ 'твоя кошка что-то постоянно мурлычит!'

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что *a*-огласовка в глагольных основах, не имеющих противостоящих форм муж. рода, может в ряде случаев считаться не признаком жен. рода, а скорее всего является отражением самого издаваемого звука, имеющего *a*-образный оттенок типа: ш.-р.гр. $m\dot{a}w$: $m\dot{a}w\dot{t}$; $m\dot{a}w\dot{c}$; $m\dot{a}w\dot{t}\dot{o}w$ 'мяукать' (о кошке), $\dot{c}a\dot{q}$: $\dot{c}a\dot{q}\dot{t}$; $\dot{c}a\dot{q}\dot{c}$; $\dot{c}a\dot{q}\dot{t}\dot{o}w$ 'чиркать, гавкать' (о сурке), $wa\dot{q}$: $wa\dot{q}\dot{t}$; $wa\dot{q}\dot{c}$; $wa\dot{q}\dot{t}\dot{o}w$ 'петь', 'чиркать' (о куропатке) и т.п.

При образовании множественного числа изменяемые по роду звукоподражательные глаголы употребляются преимущественно в форме женского рода и этим они сближаются и совпадают с обычными изменяемыми по роду глаголами: ш. $w\dot{a}b$ wam $\dot{y}inik$ $sif\dot{c}en$ $\dot{z}iwal\dot{e}n$ 'буси той женщины сверкают!'; бдж. $w\dot{e}v$ $\dot{z}ow\dot{e}n$ as $farbigi$ $l\dot{a}c\dot{e}n$ букв. 'их коровы от упитанности трясутся!'; р. uf $w\dot{e}b\dot{e}n$ $\dot{c}alt\dot{o}w-an$ $n\dot{a}-\dot{x}ud-i?$ 'неужели они не слышали журчанья арыков?'

Рассматриваемые звукоподражательные глаголы в отличие от обычных различающих род глаголов допускают при мн. числе также параллельное употребление формы муж. рода: ш. $w\dot{a}b$ $ba\dot{c}gal\dot{a}$ $divuy\dot{e}n-ti$ $t\dot{a}q\dot{e}n$ (// $t\dot{u}q\dot{e}n$) 'те ребята стучат в двери!'; ш. $w\dot{a}b$ $v\dot{o}r\dot{z}en-en$ $m\dot{a}z$ lap $da\dot{q}ent$ (// $du\dot{q}ent$) 'кони нас сильно трясли!'; бдж. $\dot{y}inik\dot{e}n$ tar $wi\dot{s}ic$ $pidw\dot{a}n$ $t\dot{a}sen-ti$ $tan\dot{g}en$ (// $tung\dot{e}n$) 'женщины при охране посевов от воробьев звенят тазиками!'

§ 131. Особенности рассматриваемой группы глаголов в целом можно резюмировать следующим образом:

1. Основной родоизменяемой моделью в звукоподражательных словах является перегласовка муж. *u* / жен. *a*.
2. Подавляющее большинство глаголов звукоподражательного типа выражает действие и состояние одушевленных имен.
3. В звукоподражательных глаголах в редких случаях различие рода наряду с непереходными глаголами распространяется также и на переходные глаголы, что является инновацией.
4. В звукоподражательных глаголах редовая перегласовка

распространяется на все глагольные основы, т.е. родовому изменению подвергаются не только основы прошедшего времени и перфекта (чем характеризуются и обычные переходные глаголы), но также и формы от основы настоящего времени и инфинитив, поэтому выражается не только род подлежащего, но также и род определяемого и дополнения; ср. ш. wi *ʒiṣā fuxṭow-um* *ʒid* 'я слышал (непрерывные) вздохи того юноши'; *wam ʒas faxṭow-um ʒid* 'я слышал (непрерывные) вздохи той девушки'.

5. В ряде случаев между формами мужского и женского рода одного и того же глагола обнаруживается семантическое расхождение, приводящее к ослаблению и утрате родового противопоставления. Тем самым создается почва для образования новых лексических единиц, безразличных к родовой оппозиции.

Выводы о родовой перегласовке в именах, глагольных основах и звукоподракательных словах

§ 132. На основе анализа родовой перегласовки в именах существительных, прилагательных, основах прош. времени и перфекта, звукоподракательных словах и глаголах можно сделать определенные общие выводы. Модели изменения рода в различных разрядах слов демонстрируются в сводной таблице 49, в которой родовые перегласовки даются по каждой части речи с некоторыми примерами.

I. Родоизменяемые модели, исторически характерные для исхода именных частей речи (существительных, прилагательных, причастия прош. времени на *-ta-), после разрушения заударных родовых окончаний и в связи с перестройкой глагольной системы (употребление причастных форм в качестве личных глагольных основ) стали распространяться на внутреннюю часть различных разрядов слов - не только имен существительных и прилагательных, но также и глагольных основ. При этом родовая перегласовка развилась и усовершенствовалась по родовым моделям именных частей речи и поэтому прослеживается единообразие и совпадение родоразличающих огласовок в различных категориях слов.

Разряды слов	Огласовка муж. рода и примеры					Огласовка жен. рода и примеры			
	ш.-одрж.	р.	х.	б.-ршв.	ш.-одрж.	р.	х.	б.-ршв.	
1. Существительное	u, ũ, I, ō	u, o, ũ	u, ũ, o, ũ	u, ũ, ō, ō	1, e, ō	1, e, a	1, e, ō	1, e, ō	
2. Прилагательное	u, ũ, e, I	u, o	u, ũ, o, ũ	u, ũ, ō, ō	a, ō, a	a, a	a, ō, a	a, a	
3. Глагол									
а) осн. прош.	u, ũ, I, ō	u, ũ, o, ũ	u, ũ, o, ũ	u, ũ, ō, ō	a, ō, a	a, ō, a	a, ō, a	a, ō, a	
б) перфект	u, ũ, ō, I	u, ũ, o, ũ	u, ũ, o, ũ	u, ũ, ō, ō	1, I, e	1, I, e	1, I, e	0, 1, I, e, I, e ршв. a, 1, I, e	
4. Звукоподракат. слова	u, ũ	u, o, ũ, a	u, o, ũ, ũ	u, ũ, ō	a, a	a, a	a, a	a	
1) 'пес' - 'сучка'	kuḍ	kuḍ	kuḍ	kuḍ	kiḍ	kiḍ	kiḍ	kiḍ	
'волк' - 'волчица'	wūrj	wūrj	wūrj	wūrj	wlɹɹɪn	wlɹɹɪn	wlɹɹɪn	wlɹɹɪn	
'голенок' - 'голень'	ʒiṣ	ʒog	ʒog	ʒog	ʒiṣ	ʒeṣ	ʒeṣ	ʒeṣ	
'конь' - 'кобыла'	vōrj	vūrj	vūrj	vōrj	vēɹɹ	vēɹɹ	vēɹɹ	vēɹɹ	
'злой дух', 'чёрт', 'ведьма'	vūḍ	vūḍ	vūḍ	vūḍ	vōḍ	vāḍ	vōḍ	vōḍ	
2) 'круглый'	ʒupn	ʒupn	ʒupn	ʒupn	ʒapn	ʒapn	ʒapn	ʒapn	
'красный'	ruḍt	ruḍt	ruḍt	ruḍt	ruḍt	ruḍt	ruḍt	ruḍt	
'кривой'	ʒexṭ	ʒoxṭ	ʒoxṭ	ʒoxṭ	ʒāxṭ	ʒāxṭ	ʒāxṭ	ʒāxṭ	
'горький'	sṭx	sōx	sōx	sōx	sāx	sāx	sāx	sāx	

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
3) а) 'идти'	sut	sut	sut	sut	sut	sat	sat	sat	sat
'умереть'	mā	mā	māg	māg	māg	mā	māg	māg	māg
'стоять'	wirōvd	wirōvd	wirōvd	wirōvd	wirōvd	wirōvd	wirōvd	wirōvd	wirōvd
'сидеть'	nāst	nāst	nāst	nāst	nāst	nāst	nāst	nāst	nāst
'уходять'	tūyd	tūyd	tūyd	tūyd	tūyd	tūyd	tūyd	tūyd	tūyd
'подниматься'	sifā	sifā	sifod	sifod	sifōd	sifād	sifād	sifād	sifād
'спать'	xōvd	xōvd	xūvd	xūvd	axōvd	xōvd	xōvd	xōvd	axāvd
б) 'стоять'	wirōvj	wirōvj	wirōvj	wirōvj	wirōvj	wirōvj	wirōvj	wirōvj	o.wirōvj, pmb.wirōvj
'гнить'	ш.рубj одж.рубj	пуj	пуj	пуj	пуj	pic	pic	pic	pic
'спать'	xōvj	xūvj	xūvj	xūvj	axōvj	xōvj	xōvj	xōvj	axōfo
'подниматься'	sifōj	sifōj	sifōj	sifōj	sifōj	sific	sifec	sifec	o.sifec, pmb.sifac
4) а) 'кудахтање'	qut-qut	qut-qut	qot-qot	qot-qot	qut-qut	qat-qat	qat-qat	qat-qat	qot-qat
б) 'жураць'	čal:čalt	čal:čalt	čol:čolt	čol:čolt	čul:čult	čal:čalt	čal:čalt	čal:čalt	čal:čalt

2. Если не считать отдельных отклонений в родовой перегласовке, вызванных различными фонетическими условиями и неидентичной системой вокализма рассматриваемых языков и диалектов, то в целом выявляется довольно стройная система огласовок, участвующих в родовой дифференциации именных, глагольных и звукоподражательных слов, а именно: в образовании мужского рода участвует и-образная огласовка, в которую входят:

а) собственно и, являющаяся наиболее распространенной приметой мужского рода; данная огласовка объединяет все языки и диалекты;

б) огласовка \bar{i} , которая совпадает по всем языкам только в глаголе (ш.-бдж. mā, р.-х., б.-ршв. māg 'умер'), однако в других случаях отличается обособлением рушанского, хуфского и баджувского и, частично, бартангского и рошорвского;

в) огласовки р.-х. o, б.-ршв. \bar{o} , которым закономерно соответствуют в ш.-бдж. \bar{i} , \bar{e} ;

г) огласовка р.-х. u, которой в остальных языках соответствует \bar{o} .

В историческом плане огласовка мужского рода является отражением гласных в нейтральном положении. Распространению и усвоению и-образной огласовки в качестве показателя муж. рода могла способствовать также звуковая символика (см. §124).

3. Показателями форм женского рода во всех категориях слов являются а- и i-образные огласовки. При этом а-образная огласовка включает в себя:

а) а-огласовку, которая выделяется как наиболее общая для всех языков и диалектов; она характеризуется большим словарным распространением;

б) \bar{a} -огласовку, которая в основном объединяет все языки и диалекты, но в рушанском характеризуется большим постоянством;

в) \bar{o} -огласовку, которая представляет собой сужение а, \bar{a} ; при этом в рушанском, как правило, в ряде случаев сужение а, а в \bar{o} не происходит (ср. р. wirōvd 'стояла' при ш.-бдж., х., б.-ршв. wirōvd).

4. i-огласовка характерна для ряда существительных и широко представлена в перфектных основах; при этом в рошорв-

ском обнаруживается тенденция к выравниванию перфектной огласовки жен. рода через а-огласовку.

5. В целом в синхронном плане с формами муж. рода ассоциируются огубленные гласные ш.-р.гр. и, ū, р.-х. о, ū, б.-рив. ö (а по линии соответствия рушано-хуфскому о, бартагго-роворовскому ö) также и шугнано-баджувские неогубленные ī, ē, а с формами жен. рода – все неогубленные гласные ш.-р.гр. а, ā (>ō), i, ī, ē, ш.-бдж. ē.

6. На основе родовых моделей в ряде случаев (главным образом, при отсутствии семантических препятствий) представляется возможным объяснить родовую принадлежность и соотношенность недифференцированных по роду неодушевленных существительных (родовой отнесенности различающих пол имен может способствовать, в частности, сама их семантика), однако участие огласовки в уточнении рода имен, не имеющих родовых коррелятов, не является живым средством различения рода. Родовую классификацию имен, не связанных с различением пола, можно осуществить с учетом взаимодействия двух главных факторов – характера огласовки (структура слов) и семантики имени.

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА В УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЯХ

§ 133. Разрушение у существительных падежных и родовых окончаний в языках и диалектах шугнано-рушанской группы привело к весьма широкому применному употреблению указательных местоимений в качестве уточнителей категории рода и падежа существительных. При ослаблении значения указательности все формы (как прямого падежа, так и косвенного) функционально переходят в разряд определенных артиклей и тем самым маркируют существительное по числу (ед. и мн.), падежу (прямому и косвенному) и роду (муж. и жен.). Таким образом, "сочетания существительных (утративших в этих языках флективное склонение) с изменяемыми по падежам указательными местоимениями – артиклями равны по функциям аналитическим падежным формам" (Расторгуева, 1975, 180).

Поскольку родовое изменение целиком не распространяется на все существительные, прилагательные и глаголы, а охватывает лишь незначительное количество слов каждой из этих частей речи, то только указательные местоимения получают право быть универсальными родовыми маркерами имен существительных и материально обеспечивают их родовую отнесенность. Благодаря свободной сочетаемости указательных местоимений со всеми разрядами существительных, не имеющих регулярных морфологических показателей для выражения рода, представляется возможным на синтаксическом уровне безошибочно уточнить родовую принадлежность любого существительного. Выражение категории рода с помощью дифференцированных по роду указательных местоимений осуществляется как при их субстантивном употреблении в качестве личного местоимения 3 л. ед.ч. и при выражении им собственно указательной функции, так и при использовании их в роли определенных артиклей при существительных. Посредством указательных местоимений постоянно можно определять не только родовую принадлежность имен, но также и их родовую трансформацию, т.е. переход имени из одного грамматического рода в другой в связи с изменением его семантики (ср. н. уā īāb paŷjād 'прошла та ночь' и н. mī īāb-aā -at tar-kā gawīn? 'куда идешь при такой темноте?').

Указательные местоимения и особенно их косвенные формы проявляют известный консерватизм в сохранении падежа, грамматического рода и специальных форм для указания на различные степени удаленности предмета в пространстве и во времени. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что близкородственный шугнано-рушанской группе язгулямский, утративший родовую дифференциацию в сфере других разрядов слов (существительных, прилагательных, глагольных основ), ныне сохраняет различение рода в системе косвенных форм указательных местоимений (Эдельман, 1966, 40). В сарыкольском хотя категория рода окончательно элиминирована, однако родовые формы косвенных местоимений все же еще употребляются (Пахалина, 1969, 28).

Архаичный характер указательных местоимений обнаруживается также в сохранении ими трехчленной системы ориентации

на ближний, средний и дальний от говорящего предмет. В этом плане сравниваемые языки шугнано-рушанской группы объединяются с некоторыми древними и живыми современными языками не только иранской и индоиранской, но также и индоевропейской группы (из древних языков можно назвать хорезмийский, согдийский, а из современных - афганский и дардские, см., в частности, Крайман, 1951, 43-47; Боголюбов, 1960, 4-5; Лившиц, 1956, 122; Дворянков, 1960, 44-45; Эдельман, 1976а; Бругман, 1904; Сиёв, 1972, 165-195).

Синхронное описание всех указательных местоимений языков и диалектов шугнано-рушанской группы осуществлено при монографическом исследовании соответствующих языков и диалектов группы (см. Карамшов, 1963, 118-127; Файзов, 1966, 64-75; Пахалина, 1966, 33-36; Карамхудоев, 1973, III-III6).

В диахронном плане указательные местоимения шугнано-рушанской группы и язгулянского языка освещены в специальных работах Г.Моргенштерне и Д.И.Эдельман (Моргенштерне, 1942; 1974; Эдельман, 1976а; ср. также Ефимов, 1975, 110).

Цель данного раздела - структурный и функциональный анализ лишь различающихся по роду указательных местоимений ед. числа. Все формы с указанием их фонетических вариантов по языкам и диалектам шугнано-рушанской группы представлены в табл. 50. Указательные местоимения, приведенные в табл. 50, широко сочетаются с префиксально-усилительной частицей (i)k- и ласкательно-уменьшительным суффиксом -ik. За счет этих формантов количество форм указательных местоимений удваивается. При этом следует отметить, что осложнение указательных местоимений только что названными формантами влечет за собой не только структурное изменение, но также и функциональное размежевание в системе указательных местоимений, а именно: формы с препозитивной усилительной частицей (i)k- широко употребляются при использовании указательных местоимений в их собственной указательной функции:¹

¹ Аналогичное явление отмечено для ваханских указательных местоимений с усилительной частицей a- (см. Гранберг, Стеблин-Каменский, 1975, 570, 652).

Степень удаления и падеж	Род	Язык и форма местоимений								Историческое соответствие
		ш.	бдж.	х.	р.	б.	рив.	срк.		
дальняя	прям.	м.	yu, yū-	yu, yū-	yaw	yā	yā	yā	yu	др.-ир. м. *ava-, ав. aom, *awah-, *awam- ш. yu, б. *ava- я. yā
		ж.	yā	yā						
	косв.	м.	wi, wē-	wi, wē-	way	way	wī	wi	wi	
		ж.	wam	wim	(w)um	(w)um	(w)um	wam	wem	
средняя	прям.	м./ж.	yid	yid	yid	yid	yid	yid	yad	др.-ир. м. (a)ita-, ав. aeten, ж. *(a)itā-
	косв.	м.	di, dē-	di, dē-	day	day	dī	di	di	
		ж.	dam	dim	dum	dum	dim	dam	dem	
ближняя	прям.	м.-ж.	yam	yam	yam	yim	yim	yim	yam	др.-ир. м. *ima-, ав. imam, ж. *imā-
	косв.	м.	mi, mē-	mi, mē-	may	may	mī	mi	mi	
		ж.	mam	mim	mum	mum	mim	mam	mem	

ближн.ст. ш.-бдж., х. k-am, ik-am, р., б.-рив. k-im, ik-im 'вот этот', 'вот эта', 'именно этот', 'именно эта'; средн.ст. ш.-р.гр. k-id, ik-id 'вот тот', 'вот та', 'именно тот', 'именно та'; дальн.ст. ш.-бдж. муж. k-u, ik-u 'вот тот', 'именно тот', 'он', жен. k-ā, ik-ā 'вот та', 'именно та', 'она', р., б.-рив. k-ā, ik-ā, х. k-aw, ik-aw 'вот тот', 'вот та', 'именно тот', 'именно та', 'он', 'она' и т.д. В сочетании с ласкательно-уменьшительным суффиксом -(y)ik все указательные местоимения употребляются только субстантивно (самостоятельно): ш. yu-yik mi nā-wīnt 'он меня не увидел'; ш. yā-ik tōyd 'она уехала'; р. um-ik-at nā-qīwt 'ты не позвал ее'; ш. wam-ard-ik-at nā-luvd-ō? 'ты не сказал ей?'

Однако вне сочетания с этими формантами указательные местоимения широко применяются в качестве определенных ар-

тиклей при существительных, тем самым уточняя род и падеж последних.

§ 134. Различение рода в системе местоимений характерно только для указательных местоимений ед. числа. формы мн. числа безразличны к изменению по роду. При этом среди форм прямого падежа, употребляющихся в функции подлежащего, только в шугнанском и его баджувском диалекте при дальнейшей степени удаленности сохранилась родовая дифференциация: ш.-бдж. *уи*, (i)k-u 'то(т)', 'он', *уā*, (i)k-ā 'та', 'она'. В остальных языках и диалектах группы различения рода нет; одна и та же форма *уā*, (i)k-ā применяется как по отношению к именам мужского, так и женского рода; ср. ш.-бдж. *уи уат*, р., б.-ршв. *уā уат*, х. *уау уат* 'он пришел' и ш.-бдж. *уā уат*, р., б.-ршв. *уā уат*, х. *уау уат* 'она пришла'.

В шугнанском и баджувском в отличие от прочих сравниваемых языков категория рода подлежащего выражается также при адъективном употреблении упомянутых форм. В этой служебной функции к подлежащему муж. рода примыкает форма муж. рода *уи*, (i)k-u, а к подлежащему жен. рода - *уā*, (i)k-ā: ш.-бдж. *уи бōгг вѣхт* 'упало то бревно' (бōгг - муж.р.); ш.-бдж. *уā мѣз уал ми ба-убѣ* 'тот день еще у меня в памяти' (мѣз - жен.р.). В остальных языках и здесь не происходит различения рода подлежащего: р. *уā бѣгк вѣхт* 'упало то бревно'; р. *уā мѣз уал ми ба-дил* 'тот день еще у меня в памяти'. Таким образом, шугнанский и его баджувский диалект имеют большую синтаксическую возможность различения рода имен, выступающих в функции подлежащего (ср. ниже § 138). Поскольку все имена могут употребляться в функции субъекта, то представляется возможность для уточнения их родовой принадлежности.

Как можно заметить, все формы прямого падежа и особенно дальней степени удаленности широко употребляются как субстантивно, так и адъективно. При субстантивном употреблении они используются: а) в значении личного местоимения 3 л. ед. ч. (ш.-бдж. *уи*, р., б.-ршв. *уā*, х. *уау* 'он', жен. ш.-бдж. *уā*, р., б.-ршв. *уā*, х. *уау* 'она'); б) для выражения собственно указательности (ш. *ми бѣгк уиуи ik-u*, р. *ми бѣгк уиуо ik-ā* 'мой приятель - вот тот'; ш. *ik-ā уиуа ту уах*, р. *ik-ā уиуа тā уах* 'вот та - твоя сестра').

При адъективном использовании указательных местоимений прямого падежа выявляется также две функции: а) они указывают на предмет, а в шугнанском и баджувском при дальнейшей степени - также и на категорию рода подлежащего: ш. *ik-ā уи-лā дѣк бѣд*, р. *ik-ā уилā дѣг бинид* 'исчез тот (жен.) большой котел' (ш. *дѣк*, р. *дѣг* - жен.р.); ш. *ik-u бѣд маš-анд уил-ди*, р. *ik-ā бод маšā уил-ди* 'тот дом у нас больше' (ш. *бѣд*, р. *бод* - муж.); б) при ослаблении значения указательности выступают в качестве определенных артиклей при подлежащем; в шугнанском и в этом случае маркируется род подлежащего: ш. *уи хѣр уал нā-нѣс*, *ā там-т кōг бās бѣд*, р. *уā хог уал н-нос*, *ā там-ф кōг бās бѣг* 'солнце еще не взошло, а вы перестали работать' (ш. *хѣр*, р. *хог* - муж.р.); ш. *уā ту нāп-та сā-вахт убѣд*, р. *уā тā мод-та сā-вахт уибд* 'когда придет твоя мать?'.²

§ 135. В формальном облике дифференцированных по роду указательных местоимений прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что родовая перегласовка в рассматриваемых косвенных формах резко отличается от родовых моделей других частей речи (существительных, прилагательных, основы прош. времени). Так, в формах муж. рода в целом реализуются два вида огласовки (ш.-бдж., ршв. *і/б. І/р.-х. ау*), в сущности нехарактерные для родовых основ муж. рода именных частей речи (существительных и прилагательных). При этом все языки и диалекты по реализации огласовки муж. рода делятся на две группы. Баргангский и рошорвский отделяются от рушанского и хуфского и совпадают с шугнанским и баджувским (ш.-бдж., ршв. *ми*, *ди*, *ми*, б. *ми*, *ди*, *ми*), а рушанский и хуфский с сочетанием *-ау* (*мау*, *дау*, *вау*) составляют одну группу. Однако начальные согласные звуки *ш-*, *д-*, *в-*,² восходящие - соответст-

² Эти согласные элементы характерны также и для прямых и косвенных форм мн. числа, ср. ш.-р.гр. *мāб*, *дāб*, *вāб* 'эти', 'те', 'они'; косвенные формы: ш.-бдж. *мѣв*, *дѣв*, *вѣв*, шх. *мѣф*, *дѣф*, *вѣф*, р.-х. *миф*, *диф*, *виф*, б. *миф*, *диф*, (*в*)*уф*, ршв. *маф*, *даф*, *ваф*.

венно к др.-ир. *ima-, *aita-, *ava-, являются общими для всех языков и диалектов рассматриваемой группы. Поскольку косвенные формы муж. рода исторически возводятся к древнему генитиву (Моргенштерне, 1942, 259; Эдельман, 1976а, 94) по типу *avahu-a- > р.-х. wau, ш.-бдж., рив. wi, б. wī, то можно полагать, что рушано-хуфский вариант сохраняет более древнюю форму.

В формах жен. рода реализуются три вида огласовки: а (ш., рив.), і (б., бдж.), и (р.-х., б.). Соотношение языков здесь резко меняется: рошорвский совпадает с шугнанским, бартангский в двух случаях совпадает с баджувским (бдж., б. mīm, dīm), а в дальней степени удаления - с рушанским и хуфским (р.-х., б. (w)im). Как можно заметить, форма жен. в баджувском по огласовке точно совпадает с формой муж. рода и отличается лишь исходным согласным -w для жен. рода, а в бартангском прослеживается сближение названных форм (ср. муж. бдж. mī, dī, wī, б. mīm, dīm, wīm, б. mīm, dīm, (w)im). Чем же объяснить подобное разнообразие и противоречивость как в огласовке, так и в соотношениях языков (совпадение шугнанского и рошорвского, бартангского и баджувского; нехарактерная для формы жен. рода и-огласовка в рушанском, хуфском и в одном случае в бартангском)?

Решение поставленного вопроса на данном этапе препятствует то обстоятельство, что этимологии всех косвенных форм указательных местоимений пока еще спорны и точно не установлены. Так, например, происхождение косвенных форм муж. и жен. рода без особой детализации родовых моделей связывается с прямыми надежными формами трех степеней удаленности (Вфимов, 1975, III). Более детальный анализ родовых форм содержится в работах Г.Моргенштерне и Д.И.Эдельман. Однако единого мнения относительно происхождения форм жен. рода пока нет. Так, например, Г.Моргенштерне возводит их к форме древнего аблатива ед.ч. муж. рода типа *aita(h)amat (Моргенштерне, 1942, 259), Д.И.Эдельман предполагает их связь с древним аккузативом жен. рода типа *aitam, который, по мнению автора, "сначала употреблялся параллельно аккузативу муж. рода типа *aitam, а затем расширил свои функции до общекосвенного, поскольку исторический генитив жен. рода при дальнейшем развитии оказался

фонетически слишком схожим с генитивом муж. рода" (Эдельман, 1976а, 94). Поскольку в приведенных выше формах наряду с а-огласовкой (ш., рив. mam, dam, wam) представлена еще и і-огласовка (бдж., б. mīm, dīm), то на основе древней а-умлаутной огласовки легко объясняются формы с а-огласовкой (ш., рив. mam, dam, wam), однако формы с і-огласовкой (mīm, dīm) требуют восстановления для них иной праформы с і-умлаутом. Для нас существенным представляется выявление причины необычного расхождения между описанными языками и схождения - между более отдаленными.

Совпадение рошорвского с шугнанским по реализации единой а-огласовки в косвенных формах жен. рода, по-видимому, не является результатом влияния последнего (рошорвский может испытывать в первую очередь влияние близкого ему территориально и по системе бартангского языка). Формы с а-огласовкой в рошорвском могли возникнуть и утвердиться позднее в связи с усилением общей тенденции к стандартизации формы жен. рода через огласовку а, что первоначально охватывало совершенную основу (§§ 75-91), а затем распространилось на имена (ср. еще рив. warʃan 'волчица' - wurʃ 'волк' при н.-бдж. wirʃin - wūrʃ).

Совпадение баджувского и бартангского по і-огласовке в формах жен. рода также не связано с влиянием какого-либо одного из этих языков (диалектов). Оно скорее всего является результатом одинакового отражения і-умлаутной огласовки в том и другом языке (диалекте). При этом совпадение бартангского с рушанским по наличию в обоих языках формы (w)im мы считаем результатом влияния рушанского. Об этом свидетельствует сам факт наличия в бартангском двух форм ближней и средней степени с корневым і (mīm, dīm). Если же принять форму (w)im в бартангском за исконную, то в таком случае мы вынуждены формы mīm, dīm считать заимствованными. Однако не представляется возможным найти для них источник заимствования. Усвоению рушанской формы дальней степени (w)im в бартангском способствовало еще то обстоятельство, что она в отличие от упомянутых выше двух форм (mīm, dīm) выделяется употребительностью и чаще используется в качестве личного местоимения 3 л. ед. числа.

§ 136. Формы косвенного падежа во всех языках и диалектах группы широко используются при субстантивном и адъективном их употреблении для выражения прямого и косвенного дополнения. Рассматриваемые формы косвенного падежа субстантивно употребляются в функции дополнения (прямого и косвенного) и одновременно уточняют род. Это осуществляется в следующих случаях:

1) при выражении косвенными формами собственно указательного значения: ш. *as dēv δīs kitōb-and ma-rd yuwa ik-wam dāk* 'из этих десяти книг дай мне вон ту'; бдж. *ik-wi bōr qīw* 'позови хоть того'; ш. *wūz-um tu-rd mi divixt, tō-t sut wē-t vūd* 'я тебе это показал, а ты пошел и принес то'; ш. *yūā rōy-zā kas, ar dām-ta xīnōwari nā-kinēn* 'эта чистая вода, в ней не купаются'; р. *dāy-at az δi kud?* 'от кого ты это услышал?'

2) при употреблении косвенных форм в качестве 3-го лица ед. числа: ш. *wi-yum nā-wīnt*, р. *wāy-um nā-wunt* 'я его не видел'; р. *um taraw qīw* 'позови ее сюда'.

Родовая соотношенность сохраняется и при употреблении косвенных форм указательных местоимений в притяжательной функции: ш. *wi dōd cāy?* р. *wāy pid cāy?* 'кто его отец?'; ш. *wam δindūnēn-ēn xuŕgūydi*, р. *um δindōnēn-an xuŕgūydi* 'ее зубы красивые'; ш. *wi δust ar wi jēbak vud* 'его рука была в кармане'.

Косвенные формы играют важную рододифференцирующую роль при адъективном их употреблении, т.е. когда имя при своих косвенных позициях требует соответствующую себе по роду форму. В этом случае они употребляются:

а) для выражения собственно значения указательности: ш. *dam wēb-va pi tīr sut* 'он вдоль этого арыка пошел вверх'; р. *um kitōb tā-ri δi dā-δūg?* 'кто тебе дал эту книгу?'; ш. *ik-di δōrg mā-binēs* 'не потеряй этого бревна';

б) в качестве определенных артиклей: ш. *wi Sōyik-um wuz nur nā-wīnt* 'сегодня я не увидел (того) Шойика'; р. *um Say-lōn mu nā-wzēnt* '(та) Сайлон не узнала меня'.

§ 137. Поскольку для выражения принадлежности и указания используются одни и те же формы косвенного падежа, то вне связного контекста появляется двусмысленность. Это обнаруживается в тех случаях, когда формы косвенного падежа муж. ро-

да указательных местоимений сочетаются с существительными муж. рода, а косвенные формы жен. рода местоимений — с именами жен. рода; ср. ш. *di δīd δis*, р. *dāy δod cās* 'посмотри его дом' // 'посмотри на тот дом' (ш. *di*, р. *dāy*, ш. *δīd*, р. *δod* — муж. род); ш. *dām δōl zēz*, бдж. *dīm δōl zēz*, р. *dum δōl zēz* 'бери ее шаль' // 'бери ту шаль' (ш. *dām*, бдж. *dīm*, р. *dum*, *δōl* — жен. род).

При расширенном контексте и в случае не совпадения родовых форм указательных местоимений с родом имени указанная выше двусмысленность устраняется; ш. *dām rūstīn-um rinūyd*, бдж. *dīm rūstīn-um rinūyd*, р. *dum rūstīn-um ranawd* 'я одея ее шубу' (*dām*, *dīm*, *dum* — жен., *rūstīn* — муж.); ш.-бдж. *wi δīb-um paŕ-jūvd* 'я отнял его ложку' (*wi* — муж., *δīb* — жен.).

§ 138. Существенные расхождения между сравнимыми языками и диалектами обнаруживаются в использовании косвенных форм указательных местоимений при глаголах-сказуемых переходного значения. В руманском, хуфском и бартангском все указательные местоимения, в том числе и дифференцированные по роду косвенные формы участвуют в создании эргативной конструкции и тем самым уточняют родовую принадлежность подлежащего. При этом род подлежащего может быть выражен в двух следующих случаях:

а) при самостоятельном (субстантивном) употреблении косвенных форм: р. *um az mu rawst* 'она спросила у меня'; р. *wāy dum kitōb nā-xēyt* 'он не читал эту книгу';

б) при адъективном употреблении косвенных форм, т.е. когда они выступают в качестве определенного артикля: р. *wāy tā cūr mu rīmōd* 'твой муж меня послал' (букв. "тот твой муж..."); р. *um Amōnbēgim ar bōy tūd abīvd* 'Амонбегим собирала в саду тутювие ягоды' (букв. "та Амонбегим...").

В шугнанском и баджувском эргативная конструкция не сохранилась и косвенные формы указательных местоимений не могут быть использованы в функции подлежащего, но зато род подлежащего, независимо от переходности и непереходности глагола-сказуемого, регулярно выражается формой прямого падежа указательного местоимения дальней степени муж. уш 'то(т)', 'он', уа 'та', 'она', что вовсе не характерно для остальных языков и диалектов рассматриваемой группы (см. § 134). В целом можно говорить

о большем синтаксическом преимуществе в выражении категории рода подлежащего в шугнанском и баджувском (поскольку род подлежащего выражается как при переходных глаголах-сказуемых, так и непереходных) и относительно меньшей потенциальной возможности руманского, хуфского и бартангского (поскольку род подлежащего выражается только при переходных глаголах-сказуемых).

В этом плане роморвский язык стоит особняком, так как в нем одновременно отсутствуют и эргативная конструкция (характерная для руманского, хуфского и бартангского) и различение рода формой прямого падежа указательного местоимения дальней степени удаленности (характерное для шугнанского и баджувского). Таким образом, роморвский выделяется среди остальных языков и диалектов ограниченной синтаксической возможностью выражения категории рода и это, по-видимому, является одним из главных факторов ослабления самой категории рода в роморвском.

ВЫРАЖЕНИЕ РОДА В УКАЗАТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЕ
И ВОПРОСИТЕЛЬНОМ НАРЕЧИИ

§ 139. Во всех языках шугнано-руманской группы отмечена указательная частица со значением 'вот', 'вон', формально и функционально сходная с прямыми формами указательного местоимения ед. числа. В шугнанском языке и его баджувском диалекте форма дальней степени рассматриваемой частицы может изменяться по роду, что видно из следующей схемы:

Ближняя степень	Средняя степень	Дальняя степень муж./жен.
ш.-бдж. yima	yida	yiwu / yuwa
р.-х. (y)ima	(y)ida	yiwu
о. yima	yida	yiwu
ршв. imā	idā	iwō

Происхождение данной частицы связывается исследователями с формами прямого падежа указательного местоимения: ш.-

бдж. uam, yid, yu, хен. uā, р., б.-ршв. uim, yid, yā, х. uam, yid, uaw 'этот', 'тот', 'та', 'он', 'она' (Карамхудоев, 1973, 237; Курбанов, 1976, 220). Отсутствие родовых форм в подавляющем большинстве языков (руманском, хуфском, бартангском, роморвском) и наличие родоразличения в шугнанском и баджувском, по-видимому, тесно связано соответственно с отсутствием родовых форм в указательных местоимениях прямого падежа в этих языках и наличием дифференцированных по роду форм указательного местоимения дальней степени в шугнанском и баджувском (yu 'тот', 'он', yā 'та', 'ея'), что отразилось на родовой дифференциации форм указательной частицы дальней степени: ш.-бдж. yiwu 'вот он', 'вот то(т)', yuwa 'вот она', 'вот та'. Примеры во фразе: ш. yā žōw yuwa 'вот та корова'; ш. yu žiž yiwu 'вот тот бык'; бдж. yā yās yuwa yat 'вот пришла та девушка'; yu yibā kašād? - yiwu ar šid aēd 'где тот парень? - Вот он, в дом вошел'.

Заметим, что родовая закрепленность приведенных форм относительно неустойчива и поэтому в ряде случаев (главным образом при быстром темпе речи) прослеживается использование формы хен. рода при именах муж. рода и наоборот (примеры см. Карамшоев, 1963, 236).

§ 140. Вопросительное местоименное наречие с общим значением 'где' изменяется по роду следующим образом:

ш.-бдж.	р.-х.
муж. kašād, kašū	kašūg, kašū 'где он?', 'где тот?'
жен. kašād, kaša	kašōg 'где она?', 'где та?'

Примеры: ш. tu vīgō kašād? 'где твой брат?'; ш. tu nān kašād? - yuwa yat 'где твоя мать? - Вот она пришла'.

Модель родовой перегласовки здесь (как, впрочем, и в указательной частице) аналогична модели перегласовки в именах и глаголе (ср. ш.-бдж. mūd, р.-х. mūg 'умер', хен. ш.-бдж. mōd, р.-х. mōg 'умерла'), однако в шугнанском и баджувском форма хен. рода этого вопросительного местоимения kašād 'где она?' образована по аналогии с моделью ā-огласовки (типа xidār 'старшая').

В целом следует подчеркнуть, что поскольку все рассмотренные выше указательные и вопросительные местоимения свободно соотносятся с любым именем, то их можно считать универсальными показателями рода и падежа всех имен существительных.

ВЫРАЖЕНИЕ РОДА ИМЕН ПРИ СУФФИКСАЦИИ И СЛОВОСЛОЖЕНИИ

§ 141. Различающиеся по роду первичные (основные) суффиксы, отменные родовые форманты, а также компоненты сложных слов являются важными морфологическими средствами выражения рода в существительных и прилагательных. Родовую дифференциацию имен при словообразовании и словосложении можно в известной мере считать продуктивной. С помощью довольно большого количества суффиксов и формантов осуществляется различение рода как у одушевленных, так и у неодушевленных существительных. По поводу сферы применения и словарного пространства различающих род формантов следует отметить то, что одни родовые суффиксы в зависимости от семантической особенности имен могут употребляться лишь с ограниченным классом (группой) имен (суффиксы типа муж. ш.-бдж. - $\bar{o}j$, р.-х. $\bar{u}j$, б.-ршв. - $\bar{o}j$ /жен. ш.-бдж. - $\bar{e}z$, р.-х., б.-ршв. - $\bar{e}z$). Другие родовые форманты носят более универсальный характер и могут примыкать к различным семантическим разрядам имен существительных независимо от того, выражают ли они одушевленные или неодушевленные предметы или же обозначают лицо (суффиксы муж. ш.-бдж. - $\bar{e}j$, р.-х., б.-ршв. - $\bar{i}j$ /жен. ш.-бдж. - $\bar{e}z$, р.-х., б.-ршв. - $\bar{i}z$; ш.-р. - $\bar{buc}/-\bar{b}ic$).

К третьей группе можно причислить суффиксы, характерные для одних языков и диалектов и отсутствующие в других (типа б. - $\bar{ok}/-\bar{ek}$, р.-х. - \bar{on} , б.-ршв. - $\bar{on}/-\bar{an}$).

Рассматриваемые суффиксы по модели огласовки совпадают с уже описанными в предыдущих разделах типами родовых переогласовок и поэтому здесь основное внимание уделяется функциональному анализу родовых формантов. Гласные звуки родовых суффиксов при соединении с исходными гласными имен обычно

Йотируются (ш. $kurtay\bar{e}j$, р.-х., б.-ршв. $kurtay\bar{i}j$ 'отрез на платье'); поскольку это явление закономерно, йотированная форма специально не оговаривается и не приводится.

Выражение рода с помощью первичных суффиксов

§ 142. Суффиксальный способ выражения рода характерен для группы имен существительных, прилагательных и причастий настоящего времени. При выражении рода основными суффиксами между сравниваемыми языками и диалектами обнаруживаются значительные расхождения, касающиеся, главным образом, наличия или отсутствия того или иного дифференцированного по роду форманта.

Общим для всех языков и диалектов шугнано-рушанской группы является сохранение старых родовых суффиксов муж. рода *- \bar{aka} -жен. *- $\bar{a}i$ -, отражающихся соответственно как - \bar{j} , - $\bar{e}/-\bar{z}$, - \bar{c} (Моргенштерне 1962, 160-165; Соколова 1967, §§II, 32, II5, I73). С помощью этих формантов осуществляется родовая дифференциация ряда имен существительных и большого количества перфектных основ. В перфекте, как уже было описано в предыдущем разделе, названные здесь родовые элементы полностью слились с основой; их можно назвать суффиксами лишь исторически. При именах в подавляющем большинстве случаев упомянутые форманты являются продуктивными, однако в ряде слов они сливаются с основой.

§ 143. Родовые суффиксы муж. рода ш.-бдж. - $\bar{e}j$, р.-х., б.-ршв. - $\bar{i}j$ /жен. ш.-бдж. - $\bar{e}z$, р.-х., б.-ршв. - $\bar{i}z$ выделяются среди прочих родовых формантов относительно широким словарным распространением. С помощью рассматриваемых суффиксов осуществляется родовая дифференциация различных семантических групп существительных - как названий лиц, так и неодушевленных имен; с этим связаны различные грамматические значения и оттенки названных суффиксов. Общим для всех языков и диалектов группы является употребление названных суффиксов с терминами родства. Однако с точки зрения их родовой закрепленности и сочетаемости между языками прослеживаются некото-

рые расхождения.

§ 144. В шугнанском и баджувском формах муж. -*əj*/жен. -*əz* соответственно примыкают к именам - терминам родства муж. и жен. рода и тем самым проявляется их устойчивая родовая закрепленность. В остальных языках группы допускается факультативное и параллельное употребление форманта муж. рода -*iʃ* со словами жен. рода, а -*iʒ* - с именами муж. рода. Основное грамматическое значение рассматриваемых формантов при данной группе слов - это указание на вторичное некровное или полукровное родство и отношения свойства.

м.-бдж.	р.-х.	б.	ршв.	Перевод
муж. ш. <i>dədəj</i> бдж. <i>pidəj</i>	<i>pidiʃ/-iʒ</i>	<i>pidiʃ/-iʒ</i>	<i>pidiʃ/-iʒ</i>	отчим
жен. <i>pāpəz</i>	<i>mōdiʒ</i>	<i>pāniʒ,</i> <i>mōdiʒ</i>	<i>pāniʃ/-iʒ</i>	мачеха
муж. <i>pusəj</i>	<i>pusiʃ</i>	<i>pusiʃ</i>	<i>pusiʃ/-iʒ</i>	пасынок
жен. <i>riziŋəz</i>	<i>r. riziŋiʒ</i> х. <i>riziŋniʒ/-iʃ</i>	<i>raziŋiʒ</i>	<i>raziŋiʃ/-iʒ</i>	надчерма
муж. <i>virōdəj</i>	<i>virōdiʃ/-iʒ</i>	<i>virōdiʃ</i>	<i>virōdiʃ/-iʒ</i>	сводный брат
жен. <i>yaχəz</i>	<i>yaχiʒ</i>	<i>yaχiʒ</i>	<i>yaχiʃ/-iʒ</i>	сводная сестра
муж. <i>čōrəj</i>	<i>čūriʃ/-iʒ</i>	<i>čōriʃ</i>	<i>čōriʃ/-iʒ</i>	жених
жен. <i>ʃinəz</i>	р. <i>ʃaniʒ</i> х. <i>ʃiniʒ</i>	<i>ʃaniʒ/-iʃ</i>	<i>ʃaniʃ/-iʒ</i>	невеста
муж. <i>bōbəj</i>	<i>būbiʃ</i>	<i>bōbiʃ</i>	<i>bōbiʃ/-iʒ</i>	неродной дед
жен. <i>mūməz</i>	<i>nāniʒ</i>	<i>mōmiʒ</i>	<i>mōmiʃ/-iʒ</i>	неродная бабушка

В связи с взаимозаменяемостью суффиксов -*iʃ*// -*iʒ* и их колебанием по различению рода в подавляющем большинстве языков рассматриваемой группы (за исключением шугнанского и баджувского) имеются различные точки зрения относительно дальнейшей судьбы названных формантов и вообще самой категории

204

рода. Так, М. Файзов при анализе вопроса выражения рода суффиксами -*iʃ*, -*iʒ* в рушанском пришел к заключению о том, что "суффикс -*iʒ*, хотя является показателем женского рода, в терминах родства часто вытесняет суффикс -*iʃ*, присоединяется к словам мужского рода" (Файзов, 1966, 19). По нашему убеждению, здесь речь должна идти не только и не столько о вытеснении форманта муж. рода -*iʃ* показателем жен. рода -*iʒ*, сколько о колебаниях в употреблении последнего; в этой связи следовало бы раскрыть причину относительной употребительности форманта жен. рода -*iʒ* при терминах родства в рушанском языке. Многочисленные факты свидетельствуют об обратном явлении, о том, что формы и форманты муж. рода повсеместно проявляют устойчивость, активность и часто "поглощают" корреляты жен. рода. Это видно, например, по данным рошорвского языка, где формант муж. рода -*iʃ* постоянно заменяет -*iʒ*; тем самым проявляется безразличие в родовой дифференциации.

Исходя из факультативного и параллельного употребления формантов -*iʃ* / -*iʒ* и учитывая переход одного и того же существительного из одной категории в другую, Н. Карамхудоев при рассмотрении выражения категории рода в бартагском предполагал, что подобное явление "объясняется либо намечающейся тенденцией к потере указанной категории, либо допущением ошибок со стороны индивида" (Карамхудоев, 1973, 60).

Мы в этом видим прежде всего проявление специфических черт бартагского и рушанского языков, так как параллельное употребление -*iʒ* / -*iʃ* при словах, обозначающих лицо и пол, не может служить основанием для утверждения об утрате категории рода по той причине, что родовая оппозиция для рассматриваемого класса имен четко создается лексическим способом - семантикой терминов родства. Особой необходимости в морфологическом (суффиксальном) противопоставлении имен по роду здесь нет. Этот факт в свою очередь свидетельствует о том, что наличие лексического способа выражения рода может привести к ослаблению родовой значимости морфологических показателей и их нейтрализации, но не к ликвидации рода. Несмотря на ослабление родовой закрепленности указанных выше формантов в рушанском, хуфском, бартагском и рошорвском языках, соответствующие имена синтаксически во всех языках имеют

четкую родовую отнесенность, независимо от того, употребляется ли формант жен. рода $-i_3$ со словами исконно муж. рода или наоборот $-i_3$ при именах жен. рода. Как правило, имена со значением лиц муж. пола синтаксически выступают в согласовательную парадигму муж. рода, а имена, обозначающие лица жен. пола, согласуются с соответствующими формантами жен. рода: ср. р.-х. $im\ pidi_3$ ($//\ pidi_3$) $t\bar{u}d$ 'уехал (м.р.) ее отчим'; р. $way\ riza_3$ ($//\ riza_3$) $t\bar{a}ud$, $h.way\ riza_3$ ($//\ riza_3$) $t\bar{a}ud$ 'уехала (ж.р.) его падчерица'.

§ 145. Более уверенному решению вопроса о неустойчивом характере родовых суффиксов $-i_3$, $-i_3$ в упомянутых языках препятствует факт четкой родовой закрепленности этих формантов в шугнанском и баджувском, тем более, что для последних суффиксальный способ выражения рода в целом не является продуктивным. Указанная особенность, однако, объяснима: в рушанском, хуфском и бартангском форма мн.ч. от терминов родства образуется посредством суффиксов, продолжающих соответственно формы жен. рода р.-х. $-e_3$, б. $-e_3$, $-a_3$, $-o_3$ и мужского $-o_3$, которые не характерны для шугнанского. Эти форманты не различают рода, а формант $-e_3$ почти окончательно вытеснил $-o_3$; ср. pid_e_3 'отцы'; р.-х. $m\bar{o}d_e_3$, б. $m\bar{o}d_e_3$ $//\ m\bar{o}d_a_3$ 'матери'; р.-х. $b\bar{u}b_e_3$, б. $b\bar{u}b_e_3$ $//\ b\bar{u}b_o_3$ 'дедушки', р.-х., б. $zina_w\bar{o}r_3$ 'невестки'.¹

¹ При образовании мн. числа родовые формы могут сохраняться (ср. $\delta\bar{u}x\bar{e}n$ 'петухи' - $\delta\bar{a}x\bar{e}n$ 'курицы', $gi_3b\bar{u}c\bar{e}n$ 'козленки' - $gi_3b\bar{u}c\bar{e}n$ 'козочки'), однако показатели числа не подвергаются изменению. В этом отношении среди живых языков иранской группы особняком стоит афганский (пашто), в котором существительные в прямом падеже сохраняют родовые окончания также и во мн. числе (Дворянков, 1960, 32-35; Расторгуева, 1975, 145).

Очевидно, по аналогии с этим явлением родовой суффикс ед. числа жен. рода $-i_3$ получил широкое распространение и в конечном счете стал заменять формант муж. рода $-i_3$ именно в тех языках, где в образовании мн. числа терминов родства широко участвуют суффиксы $-e_3$, $-a_3$. Этому объяснению в какой-то мере может противоречить тот факт, что в баджувском наличествуют суффиксы мн. числа $-e_3$ (pid_e_3 'отцы', $p\bar{a}p_e_3$ 'матери', $xi_3u_3o_3r_3$ 'снохи'), но не прослеживается параллельное использование $-i_3$ / $-i_3$. Возможно, в этом следует видеть влияние шугнанского языка на баджувский. В пользу подобной интерпретации свидетельствуют еще данные рошорвского языка, где малоупотребительность форманта мн.ч. $-a_3$ сказывается на пассивности суфф. $-i_3$.

Таким образом, можно заключить, что в рушанском, хуфском и бартангском широкое применение $-i_3$ при терминах родства тесно связано с моделями форманта мн. числа $-e_3$, $-a_3$, а ослаблению родовой закрепленности формантов $-i_3$ (муж.) и $-i_3$ (жен.), их взаимозаменяемости и относительной нейтрализации к различению рода при терминах родства одновременно могли способствовать следующие два фактора: а) действие аналогичных моделей сохранившихся родовых суффиксов мн. числа терминов родства $-e_3$, $-a_3$ (жен.), $-o_3$ (муж.) и их абсолютное безразличие к родовой дифференциации; б) лексико-семантическое противопоставление по полу и соответственно по роду названий лиц, обозначаемых терминами родства, в результате чего снимается необходимость присутствия морфологического средства различения рода.

§ 146. Весьма показателен случай выражения рода посредством суфф. $-i_3$ / $-i_3$ при отсутствии лексического противопоставления в названиях лиц по полу и грамматическому роду в том же бартангском языке, где присоединением к географическим названиям родовых суффиксов $-i_3$ / $-i_3$ выражается категория рода названий лиц с указанием их места жительства или происхождения:

Муж.		Жен.
rōšōrvīj 'рошорвец'	-	rōšōrvīz 'рошорвка'
raṃmadij ² 'равмедец'	-	raṃmadiz 'равмедка'
sipanjīj 'сипандец'	-	sipanjīz 'сипандка'
ḫujandīj 'худжандец'	-	ḫujandīz 'худжандка'
vaṃarij 'вамарец'	-	vaṃarijz 'вамарка'
baṣidij 'басидец'	-	baṣidiiz 'басидка'
waṃijj 'ванчец'	-	waṃijiz 'ванчка'
waḫij 'ваханец'	-	waḫijz 'ваханка'
ḫufij 'хуфец'	-	ḫufijz 'хуфка'

В остальных языках и диалектах представлена лишь одна не дифференцированная по роду форма с суффиксом -ij: р.-х. vaṃarij, ш.-бдж.: vūṃarēj 'вамарец', 'вамарка', р.-х. ḫufij, ш.-бдж. ḫufēj 'хуфец', 'хуфка'. Здесь род может быть выражен только синтаксически: ш. yu wēv dōd bartangēj-at, yā wēv nāp waṃjēj 'их отец бартангец, а их мать - ванчка' (yu 'tot', 'он', yā 'ta', 'она' - употребляются в качестве артиклей при соответствующих существительных муж. рода bartangēj 'бартангец' и женского waṃjēj 'ванчка' (женщина из Ванча').

² В результате наращения рассматриваемого суффикса с топонимическими названиями в основе последних происходят различные фонетические изменения (чередование гласных, сокращение долгих гласных), что особенно характерно для бартангского, рошорвского, рушанского и хуфского; ср.: ш.-р. Raṃmād - б., р.-х. raṃmadij, ш.-бдж. raṃmādēj; ш.-р. ḫujand - б.-рив., р.-х. ḫujandēj, ш.-бдж. ḫujandēj; б.-рив., р.-х. Vaṃar - vaṃarij, ш.-бдж. vūṃar - vūṃarēj; б.-рив., р.-х. ḫuf - ḫufij, ш.-бдж. ḫuf - ḫufēj; р.-х. Baḫūw - baḫawīj, ш. Baḫūw, бдж. Baḫūw - ш. baḫūwēj, бдж. baḫūwēj, б.-рив., р.-х. Waḫōn - waḫij, ш.-бдж. waḫūn - waḫēj и т.п.

Таким образом, морфологическим средством различения рода располагает лишь один бартангский, и в данном случае можно говорить о его архаичности. В других языках в результате распада родовых формантов, как и можно было ожидать, сохранилась форма муж. рода - как более общая и универсальная.

§ 147. Форманты ш.-бдж. -ēj, -ēz, р.-х., б.-рив. -īj, -īz широко употребляются при именах, не связанных с категорией лица и различием пола. В этом случае они играют несколько отличную роль в установлении родовой принадлежности имен. Рассматриваемые форманты (в отличие от указанного для них в § 145 свойства) здесь - при предметных именах - не образуют противопоставляющихся друг другу родовых коррелятов. Названные суффиксы в целом, однако, сохраняют свою родоразличительную нагрузку.

В результате применения суффикса ш.-бдж. -ēj, р.-х., б.-рив. -īj имена соотносятся с мужским родом, а имена с ш.-бдж. -ēz, р.-х., б.-рив. -īz с женским. Сфера словарного распространения этих показателей различна: формант муж. рода может примыкать к одним (в семантическом отношении) разрядам существительных, а показатель жен. рода - к другим, причем по выражению грамматического значения оба родовых форманта тождественны (обозначают предназначение чего-либо).

Присоединением суффикса жен. рода к названиям сельскохозяйственных культур (независимо от их исходной родовой принадлежности) образуются, как правило, имена жен. рода со значением 'участок, поле, предназначенное для посева' или 'участок, поле, засеянное той или иной культурой': ш.-бдж. ḫindamēz, р.-х., б.-рив. ḫindamīz 'участок для посева пшеницы' (ḫindam 'пшеница' - муж. род); ш.-бдж. maḫēz, р.-х., б.-рив. maḫīz 'участок для посева гороха' (maḫ 'горох' - жен.); ш.-бдж. pīnjēz, рив., х. pīnjēz, р., б. pīnjīz 'участок для посева проса' (pīnj, pīnj 'просо' - жен.); ш.-бдж. γōrjēz, р.-х., б.-рив. γarjīz 'участок для посева льцерны' (ш.-бдж. γōrj 'льцерна' - муж.); ш.-бдж. čōšēz, р.-х. čōšīz, б.-рив. čōšīz 'участок для посева ячменя' (ш.-бдж. čōšē, р.-х. čōšē, б.-рив. čōšē 'ячень' - муж.) и т.п.

Принадлежность вышеприведенных слов к жен. роду может быть доказана еще синтаксически: ш. ar dam ḫu pīnjēz ḫac di-

um 'я поливал это свое поле для посева проса'; х. ar dim
zindamiz ma-indib 'не ходи в это пшеничное поле'; бдж. uid
mi šuššez qōq sic 'это мое ячменное поле высохло'.

Закрепление показателя жен. рода ш.-бдж. -ēz, р.-х., б.-рив. -īz за именами данного семантического разряда можно объяснить действием синонимического фактора: поскольку слова ш.-р. zimc, ш.-бдж. sērc, р.-х., б.-рив. sērc 'поле', 'участок для посева' относятся к жен. роду, вышеприведенные имена, попадая в те же семантическое поле, приняли показатель жен. рода. Это более наглядно и убедительно можно показать на примере тех же названий сельскохозяйственных культур, когда имя, употребляясь в значении ш.-р. zimc, ш.-бдж. sērc, р.-х., б.-рив. sērc без морфологического родового показателя меняет собственную исходную родовую принадлежность и принимает грамматический род своего синонима (в данном случае sērc, zimc³). Так, имена муж. рода zindam 'пшеница', ш.-бдж. šušc, р.-х. šōšc, б.-рив. šōšc 'ячмень', xarvizā 'дыня' в значении 'поле, засеянное пшеницей, ячменем и дынями' переходят в категорию жен. рода: р. mūm zindam šāy xac būd? 'кто поливал это пшеничное поле?'; бдж. yā riš ar dim šušc zibad 'кошка прыгнула в ячменное поле'.

³ Исторически слово zimc имеет суффикс жен. рода *-šī- (*zami-šī-). В связи с этим любопытно отметить, что в язгулямском языке этот суффикс сохраняется в качестве показателя мн. ч. ряда имен исконно жен. рода - как одушевленных (типа napēzg 'матери', vōzēzg 'kozy'), так и неодушевленных (язг. zōšēzg 'участки земли', 'поля', seššēzg 'бусы'). В языках шугнано-руманской группы слово zifc 'бусы', так же как и zimc 'поле' относятся к жен. роду. По свидетельству В.С.Соколовой, язгулямский показатель мн.ч. -ēzg соответствует суффиксу -ērz, -ōrj шугнано-руманской группы (Соколова, 1967, § 167).

При всем этом отметим, что приведенные для жен. рода примеры (как с суффиксом -ēz, -īz, так и без него) в случае их употребления в собирательном и общем значении могут синтаксически реализоваться по муж. роду: х. kalxōz yargiz qōq sut 'высохло колхозное льцерновое поле' (род выражен основой глагола проп. муж. sut 'стал' - жен. sat).

По этим данным можно заключить, что в тех случаях, когда семантика слова выступает в качестве главного фактора родовой отнесенности имен, то морфологические приметы рода (в данном случае -ēz, -īz) лексикализуются и тем самым перестают быть средствами различения рода.

В отдельном разъяснении нуждается слово ш.-бдж. rūndēz, х., б.-рив. rūndiz, р. rūndiz 'тропинка', которое, как видим, образуется с помощью показателя жен. рода, но в наших материалах синтаксически (как, впрочем, и само слово ш.-бдж. rūnd, х., б.-рив. rūnd, р. rūnd 'путь', 'дорога') относится к муж. роду:⁴ ш. wi tīr rūndēz-tīr-ta jāld-aš firāpi 'той (м.р.) верхней тропинкой ты быстро доберешься'; ш. rūnd nahtūyd, р. rūnd nahtūyd 'открылась (м.р.) дорога'; б. yā rūnd lap firōx vij 'та дорога была (м.р.) очень широка'; рив. ti tar wi rūnd sāwān 'пойдем на ту (м.р.) дорогу'. Интересно отметить, что слово rūnd 'путь', 'дорога' в бартангском по записям И.И.Зарубина (1937, 20) и В.С.Соколовой (1960, 146) зафиксировано в синтаксической цепи жен. рода. Приводим записанное в 1915-1916 гг. И.И.Зарубиным в Бартанге двуступное, где во второй строке косвенная форма указат. местоимения жен. рода um согласуется со словом rūnd:
samūdōgōk rūnd tōr wīkōyd,
sux az um yās um rūnd tōr tōyd

⁴ Напомним, что данное слово также и исторически относится к муж. роду. Учитывая несовпадения по роду бартангского rūnd (см. ниже) и авестийского rantā, Г.Моргенштерне первое счлбил пометой f. (жен.), а второе - ш. (Моргенштерне, 1974, 56).

'Несший корзину отдыхал на дороге,
На счастье эта девушка пошла по этой дороге!'
(Зарубин, 1937, 20).

В бартагском словаре В.С.Соколовой указана принадлежность слова *rōnd* 'путь', 'дорога' к жен. роду и это проиллюстрировано фразой: б. *tū dān rōnd-at zōit* 'ты выбрал себе эту дорогу' (Соколова, 1960, 146).

Таким образом, если исходить из сочетаемости рассматриваемого слова с суффиксом жен. рода *-ēz*, *-īz* (ш.-бдж. *rōndīz*, х., б.-ршв. *rōndīz*, р. *rāndīz* 'тропинка') и сохранения отнесенности *rōnd* 'путь', 'дорога' к жен. роду в бартагском и, наконец, учитывая характер огласовки в этом слове (ā- и ǒ-огласовки в рушанском и бартагском часто соотносятся с жен. родом), то можно полагать, что в прошлом вышеупомянутые слова в бартагском (а возможно также и в других языках ш.-р. группы) принадлежали к жен. роду.

§ 148. При отсутствии семантического (синонимического) препятствия имена, продолжавшие древнюю форму жен. рода на **-ađi-*,⁵ в современных языках шугнано-рушанской группы в целом ассоциируются с жен. родом (ср. § 184). Это прослеживается как в живом употреблении суффикса *-ēz*, *-īz*, так и в застывших образованиях. В последнем случае огласовка суффикса отличается по языкам: ш.-бдж. *-īz*, р.-х., б.-р. *-ēz*, х. также *-ēz*: ш.-бдж. *zarīz*, р., б.-ршв. *zarēz*, х. *zarēz* 'куропатка' (**zarađi-*, ср. осет. *zar-* 'петь'); ш.-бдж. *raŋnīz*, раŋnīz, р. *raŋnīz* 'большой кувшин' (**raŋi-nīti-đi-*).

Родовая значимость суффикса ш.-бдж. *-īz*, р.-х., б.-ршв. *-ēz* особенно наглядно выявляется при образовании существительных глагольного происхождения. Присоединением *-īz*, *-ēz* к глагольным основам настоящего времени образуются имена жен. рода. Как явствует из примеров, основа наст. времени при образовании ряда существительных подвергается изменению (ш.-бдж. *wīxi*, р.-х. *wīxay*, б. *wīxi*, ршв. *wīxay* 'отпирать' - ш.-

бдж., б. *wīxi*, р.-х. *xēz* 'ключ' и т.д.).

Перевод глагола	ш.-бдж.	р.-х.	б.	Перевод имени
отпирать (замок)	<i>wīxi:wīxid</i> <i>wīxi</i>	<i>wīxay:wīxid</i> <i>xēz</i>	<i>wīxi:wīxid</i> <i>wīxēz</i>	ключ
ветка, прут	<i>xēb:xivd</i> <i>xabi</i>	<i>xīb:xivd</i> , х. <i>xivd</i> р. <i>xabēz</i> х. <i>xabēz</i>	<i>xīb:xipt</i> <i>xabēz</i>	ветка, прут
перемешивать (о горячей пище)	<i>picār:picārt</i> <i>picarīz</i>	<i>picār:picārt</i> <i>picarīz</i> , <i>picārīj</i>	<i>picōr:picōrt</i> <i>pacārīz</i> , <i>pacārīj</i>	проба (от горячей пищи)
испрахиваться	<i>šarə:šuxt</i> <i>šarđīz</i>	<i>šarō:šuxt</i> <i>šarbēz</i>	<i>šarō:šuxt</i> <i>šarbēz</i>	задний проход, задница
петь, чирикать (о куропатке)	<i>kir:kirt</i> --	<i>kir:kirt</i> --	<i>kir:kirt</i> <i>kirīz</i>	'чирикающая', 'крикушка' (назв. птицы)
перемешивать (муку с жидкостью)	<i>tēw:tēwt</i>	<i>tīw:tīwt</i> <i>tiwēc</i>	<i>tīw:tīwt</i> <i>tiwēc</i>	черпалка, ложка

Данные имена представляют особый интерес с точки зрения причины образования морфологических форм жен. рода. Подобное образование родовых форм мы рассматриваем как результат действия опосредствованных лексико-семантических факторов. Так, например, названия куманья *ōš* 'местная лапша', ш.-бдж. *xītrā* р.-х. *xaḥrā* 'похлебка', 'мучной кисель', амбō 'похлебка с клецками' относятся к жен. роду. На базе семантического ряда этих имен образовалось существительное жен. рода *picārīz*, что означает 'небольшое количество горячей куманья, которое снимается после кипения от названных выше блюд и дается тому, кто не дожидается до окончательного приготовления пищи'; об-

⁵ Об истории суффикса **-đi-* и его роли в образовании имен жен. рода см. также Моргенштерне, 1973, 102-107.

разовании *tīwēs* 'черпалка', 'большая ложка для перемешивания муки с какой-либо жидкостью' (водой, молоком) связано с именами жен. рода ш.-бдж. *ḍīb*, р.-х., б.-ршв. *ḍēb* 'деревянная ложка', ш.-бдж. *sējīb*, р.-х., б. *sājīb* 'большая деревянная ложка'.

Как видим, в этом случае лексико-семантические ряды способствуют образованию морфологически мотивированных родовых форм.

§ 149. Не подлежит сомнению, что суффикс *-ḍī- (*-ḍi-) в диахронном плане сыграл большую морфологическую роль в соотношении слов различных семантических пластов с жен. родом. В какой-то мере это проявляется и ныне. В целом все имена с историческим суффиксом жен. рода *-ḍī- продолжают форму и значение жен. рода. При этом исходный гласный указанного суффикса по преимуществу отразился в виде *i*-образной корневой огласовки - как примета жен. рода, а на базе согласного *-ḍ- возникли -с и -з - дополнительные показатели жен. рода не только в перфектных основах, но также и в именах. По этой модели формально и по принадлежности к жен. роду относятся также и другие имена, не только существительные с историческим суффиксом жен. рода *-ḍī- (*-ḍi-), но также и имена с исходным звуковым сочетанием *-ḍī-. В том и другом случае *-ḍ- отразился в виде исходных -с и -з - как приметы жен. рода и представляют собой неотделимую часть основы. Ниже дается перечень засвидетельствованных имен жен. рода с исходными -с, -з (из *-ḍī-) и указанием их возможной этимологии.

	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	Перевод
*paḡi-ḍānu-a-ḍī-	paḡbēnc	paḡbēnc	paḡbēnc	дверной замоч
*paḡsu-ḍī или *paḡaḍī-	paḡz	paḡz	paḡz	ребро
*sapaḡī-?	sabēc	sabēc	sabēc	стручок гороха
*sāpaḍī-	sēpc	sēpc	sēpc	посевное поле
*zami-ḍī-	zimc	zimc	zimc	участок земли, посевное поле
*syāwaḍī-	sēc	sīc	sīc	селезенка

*sūḍī-, д.-инд. <i>sūḍī-</i> , ав. <i>sūkā-</i>	<i>siz</i> <i>sifc</i> <i>ḡēz</i>	<i>siz</i> <i>sifc</i> <i>wizēx</i>	<i>siz</i> <i>sifc</i> <i>ḡōz</i>	згода бусы раскаленный уголь, жар
*bat(a)ḍī- *bāra-ḍī- *taḍī-	<i>vic</i> <i>vērz</i> <i>tēz</i>	<i>vic</i> <i>vērz</i> <i>tēz</i>	<i>vic</i> ⁶ <i>vērz</i> <i>tēz</i>	тетка кобыла карниз (на горах)
*kata-guna- -ḍī-?	ш. <i>ḍidyīnc</i> бдж. <i>ḍiyīnc</i>	<i>ḍayīnc</i>	<i>ḍēyīnc</i>	крапива
*draḡā-ḍī- ср. тадж. <i>ḡaxs</i>	<i>cōḡz</i> <i>ḡayz</i>	<i>p.cāwz</i> <i>x.cōwz</i> <i>ḡayz</i>	<i>ḡ.cāwz</i> <i>ршв. cōwz</i> <i>ḡayz</i>	шило недилка
*fruḡā-ḍī- ⁷ (RVSh 33)	<i>firēḡz</i>			блоха
*gūḡa-ḍī- *nah(y)a-ḍī-	<i>ḡiḡc</i> <i>nēz</i>	<i>ḡiḡc</i> <i>nēz</i>	<i>nōz</i>	боярышник нос

⁶ Данное слово хотя является общим для всех памирских языков, однако в язгулямском употребляется также и в значении 'дядя'; ср. язг. *vac* 'тетя', 'дядя', ишк. *vās*, *вах. voḥ* 'тетя', *вах. veḥ*, ишк. *vāḍi* 'дядя'. Праформа для этого слова восстановлена П.Н.Пахалиной (1975, 282). По ее предположению к нему относятся также рус. *бать, батько 'отец'*, чеш. *bat'a* 'брат', 'родственник', что допустимо. В языках шугнанско-рушанской группы в значении 'дядя' используются заимствованные (а)мак 'дядя по отцу' и хōлак 'дядя по матери'.

⁷ В.С.Соколова ш. *firēḡz* возводит к и.-е. **plou-, blou-*, др.-инд. *pluḡi-* и предлагает для него два этапа изменения: **pluḡi-* > *friḡ* > *fraḡ* (что равно афг. *wreḡa*), а на втором этапе *fraḡ* было осложнено суффиксом *-ḍī- с одновременным растяжением корневой огласовки **fraḡi-* > *firēḡz* (Соколова, 1967, § 67).

ср. wixkamb- 'перебирать шерсть'	wixkĩmc	p.xikĩmc x.xikĩmc	ixikĩmc	кудель
*hwarštači-?	xixc	(a)xixc	(a)xixc	халва
*stāra-či-	xitēz	xitēz, xi- tūrj	xitōrj	звезда
*karšipta-či-?	kixēpc	kixēpc	karxōpc	сорока

Таким образом, в системе имен существительных наряду с огласовкой в качестве родовых примет можно выделять исходные согласные -с, -з, которые продолжают форму жен. рода на *-či-. Приведенные имена хотя и не связаны с различением пола и не подразумевают противоположающихся друг другу родовых пар, тем не менее они в целом сохраняют не только форму жен. рода, но также и грамматическую принадлежность к этому роду, что обычно можно доказать синтаксически, ср.: и. siz viraht 'сломалась (ж.р.) иглонка'; и. dam sobz ma-bināz 'не потеряй это (ж.р.) нитка'; р. mum sifc tā-ri čī dā-čūg? 'кто тебе дал эту (ж.р.) бусинку?'.
Однако не все имена с исходными -с и -з могут относиться к жен. роду. Исключениями являются прежде всего те имена, которые либо восходят к иным историческим источникам, либо же продолжают форму на *-či-, но по семантическим (смысловым) признакам соотносятся с муж. родом. В качестве примеров для имен муж. рода приводим следующие: и.-бдж. ričūz, х. ričūz 'нитка из козьей шерсти' (*pati-dzga-); и.-бдж. mōz, х., б.-рив. mōwz, р. mawz 'голод' (ав. megezāna-?); и.-бдж. rōz 'колос' (**gāzga-); и.-бдж. pīs, р., б. pēs, х. pēs 'лицо' (ав. paitiša-); и.-р. pōc 'очередь пасти скот' (ав. pāzga-); и.-бдж. kūz, р.-х. kūz 'дыра' (**kašāči-?); и.-р. xūz 'ветер' (ср. хот. xhausa-); и.-бдж. čariz, р.-х. čariz, б.-рив. čariz 'пахота' (čar, р.-х. čar, б.-рив. čor 'пахать', -iz - суффикс отглагольного имени действия).

§ 150. Суффикс муж. рода и.-бдж. -ēj, р.-х., б.-рив. -ij так же, как и его коррелят жен. рода и.-бдж. -ēz, -iz, р.-х. -iz, р. -ēz, х. -ēz, б.-рив. -iz, -ēz, выражает в жи-

роком смысле слова назначение, но в отличие от последнего он образует имена муж. рода. Сфера словарного распространения рассматриваемого суффикса гораздо шире, чем у его жен. коррелята. Родовая оппозиция здесь отсутствует.

Суффикс и.-бдж. -ēj, р.-х., б.-рив. -ij широко употребляется как при именах муж. рода, так и с именами женского рода, однако в том и другом случае слова, осложненные этим суффиксом, относятся к муж. роду. Приводим некоторые примеры для сочетания суффикса и.-бдж. -ēj, р.-х., б.-рив. -ij с именами муж. рода:

и.-бдж.	р.-х.	б.-рив.	Перевод
pēx	pēx	pēx	сапог(и)
pēxēj	pēxij	pēxij	выделанная кожа для сапог
bīr	bēr	bēr	постель; низ
bīrēj	bērij	bērij	постельные принадлежности
garbā	garbā	garbā	лепешка
garbayēj	garbayij	garbayij	мука для лепешки
kurtā	kurtā	kurtā	рубашка, платье
kurtayēj	kurtayij	kurtayij	материал, отрез на платье
wūs	wūs	wūs	балка
wūsēj	wūzij	wūzij	бревно, идущее на балку
pūstīn	pūstīn	pūstīn	шуба
pūstīnēj	pūstīnij	pūstīnij	шкура для шубы
divu	divu	divor	дверь
divuyēj	divuyij	divōrij	материал для двери
fanā	fanā	fanā	клин
fanayēj	fanayij	fanayij	палка для клина

§ 151. Интересным представляется факт свободного применения описываемого суффикса муж. рода к именам жен. рода, в результате чего они не только формально, но также и синтаксически переходят в категорию слов муж. рода. Причины свободной сочетаемости форманта муж. рода со словами жен. рода, очевидно, кроются и в характере самой категории муж. рода (как выражающего общие понятия) и в функции суффикса принадлежности -ēj, -īj. Функциональная особенность данного форманта при определении родовой отнесенности имен заключается в том, что неназванные, но подразумеваемые предметы, на которые указывает -ēj, -īj, принадлежат муж. роду. Присоединение суффикса муж. рода -ēj, -īj к таким словам жен. рода, как ǒš 'лапша', ху̀хр̄а (ш.-бдж.) 'похлебка типа мучного киселя', ам̄ōš 'похлебка с клецками' и образование имен муж. рода (ш. ǒšēj, ху̀хр̄ауēj, ам̄ōšēj) мы связываем с подразумеваемым именем муж. рода ш.-бдж. уṓj̄j, х., б.-рив. уōw̄j̄, р. уāw̄j̄ 'мука' (ср. ш. уṓj̄j tis sut 'мука рассыпалась' - sut основа прош. муж. к жен. sat). Точно так же присоединение к именам жен. рода ш.-бдж. tōr̄xak, р.-х. tar̄xak 'тесло', ш. tavār, бдж., р.-х. tavār 'топор', ш.-бдж. čēā, р.-х., б.-рив. čēg 'нож' форманта муж. рода -ēj, -īj стало возможным по той причине, что каждое слово с данным суффиксом обозначает принадлежащее к муж. роду sipin 'железо'. Ниже приводим некоторые имена жен. рода и их сочетание с рассматриваемым суффиксом муж. рода ш.-бдж. -ēj, р.-х., б.-рив. -īj:

ш.-бдж.	р.-х.	б.-рив.	Перевод
vidirm	vidirm	raf̄c	веник
vidirmēj	vidirmīj	ǒ.raf̄cīj	растение, идущее на изготовление веников
ǒš	ǒš	ǒš	лапша
ǒšēj	ǒšīj	ǒšīj	мука для лапши
ам̄ōš	ам̄ōš	ам̄ōš	похлебка с клецками
ам̄ōšēj	ам̄ōšīj	ам̄ōšīj	мука для приготовления клецок

ху̀хр̄а	ха̀хр̄а	ха̀хр̄а, ха̀хр̄а	похлебка
ху̀хр̄ауēj	ха̀хр̄ауīj	ха̀хр̄ауīj, ха̀хр̄ауīj	мука для похлебки
sitan	sitan	sitan	столб
sitanēj	sitanīj	sitanīj	бревно для столба
čēd	čēg	čēg	нож
čēdēj	čēgīj	čēgīj	железо, идущее на изготовление ножа
tōr̄xak	tar̄xak	tar̄xak, tar̄xak	тесло
tōr̄xakēj	tar̄xakīj	tar̄xakīj, tar̄xakīj	железо, идущее на изготовление тесла
tambūn	tambōn	tambōn	штанн
tambūnēj	tambōnīj	tambōnīj	отрез для штанов
pisēn	pisēn	ǒ.pisēn рив.pisōn	точильный камень
pisēnēj	pisēnīj	ǒ.pisēnīj рив.pisōnīj	камень для изготовления точила

Таким образом, необходимость оформления приведенного класса имен жен. рода суффиксом муж. рода, с одной стороны, диктуется характером самой категории муж. рода, а с другой - семантическим фактором. Все имена с суффиксом -ēj, -īj также и синтаксически вступают в парадигму муж. рода: ш. mi čēšēj ху̀-rd zēt, р. may ǒšīj ху̀-ri zēzaf 'берите себе муку для лапши' (mi, may - косвен. формы указательного местоимения муж. рода, употребляемые в роли артиклей); ш. yu tu sitanēj qōq zušj 'то твое бревно для столба высохло' (yu 'тот', sut 'стал' формы муж., жен. уā 'та', sat 'стала').

§ 152. Важно отметить, что в бартагском и относительно реже в роморвском суффикс муж. рода -īj расширил сферу своего применения: он образует имена от названий животных и птиц (как муж., так и жен. рода) и обозначает также и в данном случае неназванный предмет (продукт), принадлежащий или свойственный какому-нибудь животному или птице. В других языках

группы ему соответствуют форманты -and (ш.-бдж., р.-х.) и -anj, -ang (рив.). При этом следует отметить, что имена с упомянутыми суффиксами реализуются и как относительные прилагательные (при наличии определяемого) и как существительные муж. рода (при субстантивации). Приводим наиболее употребительные имена и их сочетания с указанными выше формантами:

б.	рив.	ш.-бдж., р.-х.	Перевод
buč	buč	buč	козел
bučij	bučij	bučand	козлятина, козий, козлинный (мясо, жир, персть, шкура)
vaz	vaz	vaz	коза
vazij	vazij	vazand	козлятина, козье (мясо, жир, персть, шкура)
ioj	ioj	ш.-бдж. iij р.-х. ioj	бык
iojij	iojij	ш.-бдж. iijand р.-х. iojand	говядина, бычий (мясо, шкура)
šaw	šaw	šaw	корова
šawij	šawij	ш.-бдж. šawand р.-х. šawand	говядина, коровий (мясо, молоко, шкура)
šux	šux	šux	петух
šuxij	šuxanj	šuxand	куриное, петушное (мясо)
šax	šax	šax	курица
šaxij	šaxanj	šaxand	куриное (мясо)
zarēz	zarēz	ш.-бдж. zariz р. zarēz	куропатка
zarēzij	zarēzij	ш.-бдж. zarizand р. zarēzand	куропатчье (мясо)

šax	šax	р.-х. šax	ослиня
šaxij	šaxij	р. šaxand х. šaxij	ослинятина (мясо, шкура)
pačir	pačir	pačir	парный конюх
pačirij	pačirij	pačirand р.-х. pačirand	парничья (мясо, шкура, персть)

Имена с показателем муж. рода б.-рив. -ij и само значение-лент в других языках -and при субстантивации согласуются, как правило, по муж. роду (независимо от их исходной родовой принадлежности в неопределенном состоянии). Так, например: б. miš kūd-ti az di šaxij *миш-куд-ти аз ди шах-ий* 'есть это ослиное (мясо)'; б. az miš šaxij *аз миш шах-ий* 'есть ли эту курятину?' (di, mi - коленные формы указательного местоимения - артикль муж. рода). Отличительной особенностью имен к муж. роду в данном случае являются те же указания в § 151 факторы. В частности заметим, что именные названия предметов, свойственные животным и растениям (например 'шкура', šux 'мясо', šaw 'молоко', šaw 'персть'), принадлежат к муж. роду.

Однако когда имя с указанными суффиксами используется в качестве синонима слова жен. рода, то согласованием претерпит род последнего. Это можно видеть на следующем примере: šaw šaw imā šuxim zōrō: yiw šaxijand-at *шав шав имашим зорор: ивиш шах-ийанд-ат* 'Это вот два сердца: одно бычье, а другое бычье. - Мне дай это бычье' (šaw - коленная форма указательного местоимения - артикль жен. рода указывает на принадлежность слова šaxijand 'бычье' к жен. роду).

Это означает, что семантические факторы, с одной стороны, способствуют распространению и утверждению родовой принадлежности, а с другой - нейтрализуют их родоразличительную значимость.

§ 153. Бартагский язык в отличие от других языков и диалектов группы располагает уменьшительными существительными родовой суффиксом муж. -ok/жен. -ek. Именному явлению это существительное, так и прилагательное имеет принадлежность отнюдь не уменьшительности и ласкательности, но это свидетельствует

широкому применению суффикса $-ök/-ëk$. В остальных языках для одновременного выражения уменьшительности и ласкательности употребляются не дифференцированные по роду ш.-бдж., х., ршв. $-ik$, р. $-ak$ (ш.-бдж., х., ршв. $virödik$, р. $virödaк$, б. $virödök/virödëk$ 'братик', ш.-бдж., х., ршв. $uaxik$, р. $uaxaк$, б. $uaxëk$ 'сестричка', 'сестричка', ш.-бдж., х., ршв. $xasik$, р. $xasaк$, б. $xasëk$ 'водичка'). Дальнейшему анализу подвергается только различавший род бартагский $-ök/жен. -ëk$. Рассматриваемый родовой формант впервые был зафиксирован в словаре В.С. Соколовой (1960, 139), а затем описывался Н. Карамхудоевым (1973, 51). Наши материалы наряду с уже опубликованными могут способствовать более детальному анализу суффикса $-ök/-ëk$ как в плане его родообразительной значимости, так и с точки зрения сферы словарного распространения.

Дифференцированные по роду бартагский суфф. $-ök/жен. -ëk$ может прикнаться к трём именным частям речи - существительным, прилагательным и реже к местоимениям.

При существительных суффикс $-ök/-ëk$ широко употребляется с терминами родства и тем самым род этой группы слов наряду с лексико-семантическим противопоставлением выражается также и морфологически. Любопытно отметить, что рассматриваемый суффикс при терминах родства выявляет колебание в родовой закреплённости и в этой связи обнаруживает сходство с уже рассмотренным суффиксом $-ij/-iž$ (§§ 144-146). В данном случае колебание касается показателя жен. рода $-ëk$. Поэтому в примерах наряду с обычным употреблением $-ëk$ с именами жен. рода указано также его факультативное использование со словами муж. рода:

Муж. род	Перевод	Жен. род	Перевод
$pidëk/-ök$	папочка, батюшка	$pañëk$	матушка
$pusök/-ëk$	сын	$pažënek$	доченька
$virödök/-ëk$	братец, братишка	$uaxëk$	сестричка
$böböök/-ëk$	дедушка	$bašëk$	бабушка
$dödök/-ëk$	дяденька; племянничек	$višëk$	тетушка, тетька

$patišök/-ëk$	двородный братишка	$patišëk$	двородная сестричка
$döbödök/-ëk$	зятёк	$žičawëk$	сноха, сношенька

Как видим из приведенных примеров, все термины родства муж. рода допускают дублетное использование обоих формантов ($pusök/pusëk$ 'сын'). Слово pid 'отец', как отмечает и В.С. Соколова (1960, 139), в настоящее время сочетается в основном с суффиксом жен. рода $-ëk$ ($pidëk$ 'папочка', 'батишка'), однако в записях И.М. Зарубина (1915 г.) это слово зафиксировано с формантом муж. рода $-ök$ (Зарубин, 1937, 59).

В целом неустойчивость форманта жен. рода $-ëk$ связана, очевидно, с теми же факторами, которые были отмечены для $-ij/-iž$ (см. §§ 144-146). Лексическое противопоставление указанных имен по роду также и в данном случае снимает необходимость сохранения морфологической родовой дифференциации терминов родства. Свободная сочетаемость и широкая употребительность форманта жен. рода $-ëk$, по-видимому, объясняется собственным значением ласкательности и уменьшительности, а также фоновым характером гласного суффикса $-ë$, так как i -образная огласовка, по признанию специалистов, во многих языках передает символику предметов маленького размера (см. Есперсен 1922, I; ср. выше § 124).

§ 154. Суффикс $-ök/-ëk$ употребляется при названиях животных. В этом случае род выражается также двумя способами: лексико-семантическим противопоставлением и рассматриваемым суффиксом. Приводим наиболее употребительные имена с родовым суффиксом $-ök/жен. -ëk$:

$xöjök$	бычок	$žawëk$	коровушка
$vörjök$	лошадка	$vëžžëk$	кобылка
$šögök$	теленочек	$šëgëk$	телочка
$gujök$	козленок	$gižëk$	козочка
$mawöjök$	барашек	$mawëk$	овечка

Важно отметить, что здесь колебание родовых формантов и в первую очередь показателя жен. рода $-ëk$ не прослеживается.

В этой связи можно отметить, что отсутствие колебания в родовой закрепленности суффикса является, очевидно, результатом ослабления экспрессивного оттенка при обозначении животных.

Можно прийти к заключению, что формант ген. рода -эк при предметных существительных на основе экспрессивности и каскательности проявляет экспрессивность, что замечается в его употреблении не только с именами жен. рода, но также и с именами мужского рода. При названных животных экспрессивность и каскательность -эк проявляется в женской форме и поэтому его родовая принадлежность не нарушается.

§ 155. Родовая значимость -ок/-эк более наглядно выявляется в именах, не связанных с различием лица и пола. В этом случае противопоставление слов по роду отсутствует, и родовую принадлежность предметных (неодушевленных) имен материально можно определить либо морфологически, либо синтаксически. Поэтому сочетание форманта муж. рода -ок с именами муж. рода и приращение показателя жен. рода к именам жен. рода является важным морфологическим средством различения рода предметных имен. Показательно, что в этом случае колебание в родовой закрепленности суффиксов -ок/жен. -эк, как правило, не обнаруживается. Приведем некоторые примеры для употребления суффиксов муж. -ок/жен. -эк соответственно с именами муж. и жен. рода. Муж.: *ḡōzōk* 'дровяник', *ḡōgōk* 'палочка', *koḡōk* 'веник'; *ḡōkōk* 'овинник'; жен.: *ḡōsēk* 'водичка', *kiḡōk* 'княжечка', *ḡōḡōk* 'ореховое деревце', *ziḡōk* 'участочек земли', *ḡōḡōk* 'зимняя луна', 'месячишко'. Эти и подобные имена также и синтаксически сохраняют свою родовую принадлежность. Примеры: а. *az ni ḡōzōk zōt* 'бери эти дровяники' (аи - указат. форма указат. местоимения муж. рода); б. *az ni ziḡōk zōt* 'бери эти водички на этот свой участочек земли' (аи - указат. форма указат. местоимения жен. рода).

§ 156. Родовые суффиксы -ок/-эк применяются также при местоимениях - как личных, так и указательных. Это особенно важно для не дифференцированных по роду личных и указательных местоимений - как единственный морфологический способ различения рода; ср. *ti-yōk-at ḡal ḡal* 'ты еще маленький' - *ti-yōk-at ḡal ḡal* 'ты еще маленькая'; *tu-yōk-at mun patiš* 'твой двоюродный брат' - *tu-yōk-at mun patiš* 'твоя двоюрод-

ная сестра'.

§ 157. Важная родоразличительная функция суффиксов -ок/-эк проявляется при их сочетании с качественными прилагательными, выступающими в различных синтаксических функциях (определения, сказуемого, а при субстантивации - подлежащего и дополнения). При этом, сочетаясь с дифференцированными по роду качественными прилагательными, последние получают двойное родовое оформление (огласовкой и данными формантами). Причем здесь наблюдается четкое и последовательное парадигматическое согласование: суффикс муж. рода -ок примыкает к формам прилагательных муж. рода, а -эк - к формам жен. рода (*ḡōštōk* 'красенький', жен. *ḡāštēk* 'красенькая'). Для не различающих род прилагательных присоединение этих суффиксов к неизменяемой основе является единственным средством различения рода. Приводим наиболее часто встречающиеся прилагательные (как с дифференцированными, так и с не различающимися по роду основами):

Муж. род	Перевод	Жен. род	Перевод
<i>darōzōk</i>	длиненький	<i>darōzēk</i>	длиненькая
<i>dūyōk</i>	незначительный, немножко	<i>dūyēk</i>	незначительная
<i>zulikōk</i>	маленький	<i>zilikēk</i>	маленькая
<i>katōk</i>	коротенький	<i>katēk</i>	коротенькая
<i>ḡōwōk</i>	полосатенький	<i>ḡōwēk</i>	полосатенькая
<i>pāstōk</i>	низенький	<i>pāstēk</i>	низенькая
<i>ḡōštōk</i>	красенький	<i>ḡāštēk</i>	красенькая
<i>safēdōk</i>	беленький	<i>safēdēk</i>	беленькая
<i>sāvzōk</i>	зелененький	<i>sāvzēk</i>	зелененькая
<i>tōrōk</i>	черненький	<i>tōrēk</i>	черненькая
<i>xanōḡōk</i>	белоголовый	<i>xanāḡēk</i>	белоголовая
<i>vūrōk</i>	бурый	<i>vūrēk</i>	бурая
<i>zīrdōk</i>	желтенький	<i>zīrdēk</i>	желтенькая

Благодаря формальному различению рода в прилагательных, неоформленные морфологически существительные получают возможность опосредственно-синтаксически вступать в родовую согласовательную цепь, что особенно важно для недифференцированных предметных (неодушевленных) имен; ср. б. *má-rī yī katék-aə matal luv* 'расскажи мне какую-нибудь коротенькую притчу' (*matal* 'притча' - жен.р.); б. *dim safēdēk žer mu-rī dāk* 'дай мне тот маленький беленький камешек' (*žer* 'камень!' - ж.р.); б. *yī kutōk mōə mu-rī kīb* 'отруби мне один коротенький посох' (*mōə* 'посох' - муж.р.); б. *sāvžōk wōž ná-rīd* 'кончилось зеленое сено' (*wōž* 'сено' - муж.); б. *yid sāvžek rīmōl šī-ya?* 'чья это зеленная шаль?' (*rīmōl* 'шаль', 'платок' - ж.р.).

Таким образом, бартагский суфф. *-ōk/-ēk* в системе именных частей речи играет большую родоразличительную роль и одновременно может служить примером морфологического архаизма. Интересно отметить, что в близком бартагскому - роморвском языке засвидетельствовано лишь одно прилагательное (*taksōk* 'придирчивый', 'задира', жен. *taksak*), где в форме жен. рода, как видно, представлена характерная для этого языка а-огласовка. Примеры: рав. *ažab taksōk mardīnā-t tu nist?* 'какой ты придирчивый мужчина?!' *yā lap taksak žanak* 'она очень придирчивая женщина'. Можно полагать, что в прошлом выражение рода уменьшительно-ласкательными суффиксами имело место и в других языках шугнано-руманской группы. При этом следует напомнить, что общий для всех языков отыменной суффикс *-bis/жен. -bis* в какой-то мере является адекватным и равнозначным бартагскому *-ōk/-ēk*. В связи с этим можно подчеркнуть весьма широкое словарное распространение *-bis/-bis* для всех языков группы (за исключением бартагского, где функционирует его синоним *-ōk/-ēk*).

§ 158. Если для качественных прилагательных характерно различение рода путем перегласовки, то для относительных прилагательных утвердился суффиксальный способ выражения рода.⁸

⁸ В этой связи представляется неудачным утверждение о том, что в отличие от качественных прилагательных "относи-

Правда, не все относительные прилагательные (впрочем, так же как и не все качественные) подвергаются родовому изменению и к тому же суффиксальный способ различения рода не во всех рассматриваемых языках представлен в равной степени, однако с помощью ряда родовых суффиксов и суффиксальных элементов образуется довольно большое количество относительных прилагательных. Важна родоразличительная значимость относительных прилагательных и их сочетаемость с различными разрядами имен существительных (как одушевленных, так и предметных, как дифференцированных по роду, так и безразличных к изменению по роду). Благодаря этому можно доказать родовую принадлежность существительных, особенно не оформленных по роду и не связанных с различением пола. Выражением рода посредством суффиксов выделяются прежде всего бартагский, руманский и хуфский. В других языках прослеживается остаточное количество суффиксов, участвующих в родовой дифференциации имен.

Различающие род форманты: муж. р.-х. *-ūnj*, *-ūnj*, *-inj* (х. также *-inj*), б. *-ōnj*, *-pōnj*, *-(n)īnj*/жен. р.-х. *-(n)ēnz*, б. *-(n)īnz* присоединяются к именам существительным, обозначающим время, и образуют относительные прилагательные. Приводим наиболее часто встречающиеся формы, различающие род в руманском, хуфском и бартагском при помощи суффиксов:

тельные прилагательные категории рода не имеет" (Файзов, 1966, 36); хотя сама категория грамматического рода принадлежит имени существительному, однако для ее синтаксического выражения дифференцированные родовые формы как качественных, так и относительных прилагательных играют одинаковую роль.

Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
Р. biyōnūn ² ĭ, biyō-nin ² ĭ	biyōnēnz	вчерашний
б. biyōrnīn ² ĭ	biyōrnīnz	
Р-Х. nurnūn ² ĭ, nurnin ² ĭ	nurnēnz	сегодняшний
Р-Х. viganūn ² ĭ, viganin ² ĭ	viganēnz	вечерний
б. viganīn ² ĭ, viganōn ² ĭ	viganīnz	
Р-Х. sabōnūn ² ĭ, sabōnin ² ĭ	sabōnēnz	завтрашний
Р-Х. sāraunūn ² ĭ, sāraunin ² ĭ	sāraunēnz	утренний
б. sār(n)īn ² ĭ, saarnīn ² ĭ	sāraun(n)īnz, saarnīnz	
Р-Х. diḥobnūn ² ĭ	diḥobnēnz	позавчерашний
б. aḥōbōn ² ĭ, aḥōb(n)īn ² ĭ	aḥōb(n)īnz	
Р-Х. paraḥobnūn ² ĭ	paraḥobnēnz	бывший четыре дня назад
б. paraḥōb(n)īn ² ĭ	paraḥōb(n)īnz	
Р-Х. asoḥnūn ² ĭ, asoḥnin ² ĭ	asoḥnēnz	нынешний
Х. sadōsūn ² ĭ, sadōsiōm	sadōsēnz	позапрошлогодний
Р. bōrnūn ² ĭ, bōrnin ² ĭ	bōrnēnz	весенний
Х. bōrnūn ² ĭ, bōrnīn ² ĭ	bōrnēnz	
Р. tirmanūn ² ĭ	tirmanēnz	осенний
Х. tirmaun ² ĭ, tirmanīn ² ĭ	tirmaunēnz	
Р-Х. mēstun ² ĭ, -mistun ² ĭ	mēstēnz, -mistēnz	месячный

В ряде случаев относительные прилагательные образуются от качественных прилагательных путем прибавления указанных родовых формантов.

Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
Р-Х. riḡōnūn ² ĭ, riḡōnin ² ĭ	riḡōnēnz	передний, прежний
Р-Х. zibōnūn ² ĭ, zibōnin ² ĭ	zibōnēnz	задний
Р-Х. toḡnūn ² ĭ	toḡnēnz	верхний
Р-Х. tagōvnūn ² ĭ	tagōvnēnz	нижний

Как видно из перечня изменяющихся по роду относительных прилагательных, в муж. роде представлены две формы, образованные с помощью соответствующих формантов: р-х. -ūn²ĭ, -in²ĭ (х. также -īn²ĭ), б. -ōn²ĭ, -īn²ĭ; в жен. роде прослеживается единственность родовой модели. В бартагском при наличии i-огласовки род различается лишь исходными согласными (б. sārnīn²ĭ 'утренний', жен. sārnīnz), однако в руманском и хуфском различение рода наряду с согласными маркируется также и гласными (р.-х. sāraunūn²ĭ, sāraunīn²ĭ/sāraunēnz).

Благодаря дифференцированным по роду относительным прилагательным немаркированные имена существительные получают опосредствованное синтаксическое родовое оформление и вступают с этими прилагательными в согласовательную родовую парадигму. Примеры: р. yā biyōnūn²ĭ xurōk tayōr sut 'вчерашняя пища кончилась' (xurōk 'пища' - муж.р.); р. mī-nā bōrnūn²ĭ guĭ binīd 'у меня пропал весенний козленок' (guĭ 'козленок' - муж.р.); х. way mībēnūn²ĭ rus mi qīwd 'его средний сын зовет меня'.

Существительным жен. рода предшествует соответственно относительные прилагательные жен. рода: б. maḡōnīnz xaḥrā tū fūr-ō? 'будешь есть похлебку, (сваренную) в полдень?' (xaḥrā 'похлебка' - жен.р.); б. ik-ā viganīnz ūanak yaĭ ra tā nēsc 'та, приехавшая вчера женщина, пока тебя ждет'; р. ḡaw-mistēnz riḡēnbic ūm-ā 'у нее двухмесячная дочь'; ш. yā mībēnz uax ḡūd-i ḡōr 'та средняя сестра вышла замуж'.

§ 159. В шугнанском, баджувском и роморвском в этих случаях различение рода не происходит. В этих языках сохранилась форма муж. рода относительных прилагательных; ср. ш.-бдж. biyōn(n)īn²ĭ, рив. biyōrnīn²ĭ 'вчерашний', 'вчерашняя' при р.-х.

муж. biyō(r)niñj, б. biyōrniñj, жен. р.-х. biyō(r)niñz, б. biyōrniñz, ш.-бдж. aḫībniñj 'позавчерашний', 'позавчерашняя' при р.-х. diḫobniñj, б. aḫōb(n)niñj, жен. р.-х. diḫobniñz, б. aḫōb(n)niñz и т.д.

На основе сохранившихся родовых форм относительных прилагательных в шугнанском, баджувском и рошорвском можно установить, что в этих языках форма жен. рода имела ту же модель.

Муж.	Жен.	Перевод (формы муж. рода)
ш.-бдж. maḫzūñj	maḫzēñz	голодный
х. maḫzūñj, maḫzūñj	maḫzēñz, maḫzēñz	
р. maḫzūñj	maḫzēñz	
ш. xiṣniñj	xiṣniñz	жених
бдж. xiṣniñj	xiṣniñz	невеста
р.-х. xiṣniñj	xiṣniñz	(букв. "помолвленный")
ш.-бдж. miḫēñj	miḫēñz	средний (по возрасту)
бдж. miḫēñj	miḫēñz	
х. miḫēñj, miḫēñj	miḫēñz, miḫēñz	
б. maḫēñj	maḫēñz	
р. maḫēñj	maḫēñz	
ш.-бдж. kāñdūñj	kāñdēñz	половина, неполный

По этим примерам можно заметить, что в ряде случаев при отсутствии в других языках дифференцированных по роду форм в шугнанском и баджувском есть живые родовые формы. Так, в рушанском, бартангском и хуфском представлена лишь несuffиксальная форма kāñ, kāñb 'половина', 'частично', 'частичный' при родовых формах: ш.-бдж. kāñdūñj/kāñdēñz и kāñd.

Слово mōwz 'голод', 'голодный' в бартангском и рошорвском не принимает родовых суффиксов, в других языках, как видно, оно осложняется родовыми формантами.

Исходная форма некоторых вышеприведенных слов при образовании родовых форм подвергается значительному изменению (ср.

ш.-бдж. mōwz, р. mawz, mawzay 'голод'; х., ш.-бдж. miḫēñj, р., б. maḫēñj 'середина'). Слово со значениями 'жених' и 'невеста' вне сочетания данного суффикса не употребляются (по-видимому, они восходят к слившемуся сочетанию, значащему букв. "оставленный/ая на долю").

§ 160. В рушанском и его хуфском диалекте засвидетельствован суффикс муж. -anoj/жен. -añz, посредством которого от существительных образуются относительные прилагательные.

Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
šofanoj	šofañz	запачканный сляной, сопливый
sitanoj	sitañz	испачканный землей
šāpanoj	šāpañz	испачканный глиной
rūḫananoj	rūḫanañz	испачканный маслом
ḡeṣanoj	ḡeṣañz	прикушенный
yāwḡanoj	yāwḡañz	испачканный мукой
р. radḫibmanoj	radḫibmañz	сонный
х. radḫibmanoj	radḫibmañz	

В предложении формы муж. рода сочетаются с именами муж. рода, а формы жен. с существительными жен. рода. Примеры: р. yim satil šāpañz 'это ведро испачканное глиной' (satil 'ведро' - жен. род); tā rūḫok rūḫananoj sut 'твоя одежда испачкалась в масле' (rūḫok 'одежда' - муж. род).

Следует подчеркнуть, что при субстантивации родовое различие также сохраняется, так как род названного предмета передается соответствующей формой: р. ar duḫ ḫuḫḫañz šōy mā-k 'в эту испачканную молоком /шалу/ не лей чай'. Однако формы муж. рода выделяются употребительностью, так как они наряду с собственным значением реализуются при общем, категориальном употреблении слова: р. duḫ ḡḡḡañz miḫēñ sitanoj miṣ sa vawt, ziḫō taraw 'если среди этой посуды окажется и запылившаяся,

то вынеси сюда'.

В других языках, как правило, используется лишь одна недифференцированная форма, внешне муж. рода: б. -anōj, ш.-бдж. -inij, ршв. -(m)anij: б. xūnanōj, ш.-бдж. xūninij 'выпачканный в крови', б. xāsanōj, ш.-бдж. xāsinij 'намокший в воде', 'замоченный'; ршв. rad-xūδ(m)-nanij, бдж. rid-xūδminij 'сонный'; ршв. xōjmanij 'трусливый', 'испуганный'. Эти формы могут сочетаться с именами и муж. рода и жен. рода: бдж. rid-xūδminij γiδā 'сонный мальчик', бдж. rid-xūδminij γās 'сонная девочка'; б. tā paltōy rūyanaōj sic 'твое пальто выпачкано в масле' (paltōy 'пальто' - жен. род).

§ 161. В рушанском и хуфском сохраняется родовое различие в суффиксе со значением вместилища муж. -δōn/жен. -δēn. Особенности этого суффикса в образовании родовых коррелятов можно охарактеризовать следующим образом: при наличии существительного-определяемого форманты -δōn/жен. -δēn соответственно примыкают к существительным-определениям муж. и жен. рода; ср.: х. γūzδōn bog (// kizā) 'кувшин для ореха' - γūzδēn bēg (// rēlā) 'горшок (шкала) для ореха' (bog 'горшок', kizā 'кувшин' - муж. род; bēg 'небольшой горшок', rēlā 'шкала' - жен. род). Однако важно еще другое родоразличительное свойство названных формантов: при субстантивации и отсутствии определяемого слова -δōn и -δēn образуют родовые формы от одноосновных существительных. В этом случае их применение диктуется следующим обстоятельством: если подразумеваемое вместилище относится к муж. роду, употребляется -δōn, а если оно женского рода, то используется -δēn. Перевод подобных родовых форм не может полностью отразить их внутреннее содержание и поэтому приходится прибегнуть к описательному способу:

Муж. род

Жен. род

х. rūyanδōn(ak) 'вместилище, сосуд (муж. рода) для масла'

rūyanδēn(ak) 'вместилище, суд (жен. рода) для масла'

γūzδōn(ak) 'вместилище (муж. рода) для грецких орехов'

γūzδēn(ak) 'вместилище (жен. рода) для грецких орехов'

232

naṣakδōn 'солонка', 'вместилище (муж. рода) для соли'

naṣakδēn 'солонка', 'вместилище (жен. рода) для соли'.

§ 162. В этой связи особый интерес представляет родовая принадлежность ряда имен, включающих в себя неотделяемые (застывшие) формы суффикса вместилища в виде р.-х., б.-ршв. -tōn, -āōn, -δōn, ш.-бдж. -tun, -dūn, -δūn, которые, очевидно, все восходят к единому древнему источнику *-dāna- с тем же значением.

Так, есть общее для всех языков шугнано-рушанской группы слово ш.-бдж. wiḫtēn, р.-х. wiḫtēn, которое в этих языках означает 'сено, сложенное пирамидально на крыше или рядом с помещением для корма скота в зимнее время', а в бартангском и рошорвском в форме wiḫtōn (по И.И. Зарубину ршв. wūḫtōn, б. wūḫtīn) имеет значение 'сеновал', 'сенник', 'помещение, 'сарай для сена'. К последнему значению примыкает язг. waḫtan 'сеновал', 'сенник'. Все формы, по мнению Г. Моргенштерне, восходят к *wāstra-dāna-⁹ (1974, 95). К этим формам относится также ишк. ustīn, Инд. ūśeno; для последних Р. Додыхудоев предлагает *wāstra-stana- (1962, 33). Указанное слово важно по следующим соображениям: а) во второй части слова представлен древний суффикс со значением вместилища, что особенно наглядно проявляется в бартангском, рошорвском и язгулямском, где слово означает 'помещение для сена'; б) наличие двух форм с различной родовой огласовкой: ш.-бдж., р.-х. -tēn, язг. -tan (примета жен. рода) и б.-ршв. -tōn (примета муж. рода) свидетельствует о том, что данный формант во всех языках шугнано-рушанской группы (включая также и язгулямский) имел родовую дифференциацию. Ш.-бдж. wiḫtēn, р.-х. wiḫtēn, язг. waḫtan продолжают сохранять форму жен. рода, а б.-ршв. wūḫtōn и wūḫtēn -

⁹ На основе данного этимона хорошо объясняются формы с б-огласовкой (а в язгулямском с -а-), очевидно, продолжают отражать i- и а-умлаутную огласовку, поэтому для них можно предложить соответственно *-dān(y)ī- для ш.-р.-tēn, *-dān(y)-ā- для язг. -tan.

обе родовые формы. В пользу этого говорит еще тот факт, что форма с \bar{e} - синтаксически во всех языках шугнано-рушанской группы согласуется по жен. роду (р. *pa dım wıxtēn ɣal mā-bıraf* 'эту кучу сена пока не трогай'). Причем в близкородственном роморвском - сарезском диалекте нами зафиксированы обе формы со следующей характеристикой: слово *wıxtēn* относится к муж. роду и означает 'сеновал', 'сенник'; срз. *wıxtēn gaɣıxt*, *dəwōi dēgō wı-ɣa* 'мой сеновал рухнул (м.р.) и нужно возводить его (м.р.) стену'. Форма *wıxtēn* означает 'сено, сложенное на крыше' и синтаксически согласуется по жен. роду: срз. *mı buçak pa dişat sıfōn*, *lāk pa dam wıxtēn xərd* 'пусти козла на крышу, пусть кормится на той (ж.р.) куче сена'.

§ 163. К этой группе имен можно отнести и р.-х. *arōbn*, бдж. *arōbn*, б. *raōbn* 'очаг' (из **aɣra-dāna-*; ср. р. *afer-ōbn* 'место для зольи'); ш. *zıdın*, бдж. *zıbın* 'амбар', 'место для хранения зерна', 'кладовая' (**uz-dāna-*),¹⁰ которому в рушанском и хуфском семантически соответствует *wēnə*; р.-х. *xiōbn* 'закром', 'место в амбаре для хранения зерна, муки'. Формы *arōbn* (р.-х.) и *raōbn* (б.) 'очаг' в рушанском и бартангском относятся к жен. роду: б. *pa dım raōbn gaɣā nı-ōēmb* букв. "прилепи к этому (ж.р.) очагу лепешку", т.е. 'выпеки в этом очаге хлеб'. Однако в баджувском это слово относится к мужскому роду. Подобное несоответствие баджувского с рушанским и бартангским, очевидно, связано с соотносительностью шугнанского *kiōgr* 'очаг' к муж. роду; ср. ш. *kiōgr nı-xıxt*, бдж. *arōbn rıxıxt* 'рухнул очаг' (*nıxıxt*, *rıxıxt* - основа пром. муж., жен. *nıxıxt*, *rıxıxt*). Причем ш. *zıdın* и бдж. *zıbın* 'амбар', 'кладовая' с тем же суффиксальным элементом относятся к жен. роду (так же, как и р.-х. *wēnə* с тем

же значением). В этом случае можно предположить одновременное двойное влияние рушанского посредства на родовую закрепленность ш. *zıdın*, бдж. *zıbın*: а) уподобление по роду р.-х. *wēnə* 'амбар', 'кладовая' и б) действие р.-х. \bar{o} -огласовки как приметы жен. рода. В целом можно подчеркнуть, что отсутствие противопоставляющихся друг другу суффиксальных родовых коррелятов, как правило, нейтрализует родовую значимость сохранившегося форманта. При этом следует напомнить, что в бартангском, роморвском, шугнанском и баджувском форманты $\bar{d}ōn$, $\bar{d}ōn$ (б.-ршв.), $\bar{d}ın$ (ш.-бдж.) являются живыми, но не различают рода (см., в частности, Карамхудоев, 1973, 179; Курбанов, 1976, 73); ср. б.-ршв. *gaɣabōn*, ш.-бдж. *gaɣadın* 'сосуд для хранения лепешки'; б.-ршв. *wōxōbn*, ш.-бдж. *wōxđın* 'помещение для хранения сена', б.-ршв. *nıswōrōbn*, ш. *nıswōrdın*, бдж. *nıswōrdın* 'табакерка' и т.д.

В целом можно заключить, что сохранение в рушанском и хуфском различия по роду формантов $\bar{d}ōn/\bar{d}ēn$ основывается на древней почве и поэтому представляет собой важный архаизм. Что касается употребительности $\bar{d}ōn$, $\bar{d}ōn$ ($\bar{d}ın$) вне родовой оппозиции, то это, очевидно, связано с контаминацией с тадж. суфф. $\bar{d}ōn$.

§ 164. В рушанском, хуфском и роморвском засвидетельствованы родовые форманты муж. $\bar{w}ın$ (р.-х.), $\bar{w}ōl$ (ршв.) / жен. $\bar{w}ēn$ (р.-х.), $\bar{w}ēl$ (ршв.). Эти суффиксальные элементы примыкают к трем качественным прилагательным, обозначающим цвет, и образуют особый вид относительных прилагательных. При наличии родовой огласовки в качественных прилагательных в целом род в этом случае выражается двумя способами - огласовкой основы и суффиксом. Примеры:

	Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
р.-х.	<i>tēr^owın</i>	<i>tēr^ewēn</i>	одетый в черное
ршв.	<i>tōrwōl</i>	<i>tarwēl</i>	
р.-х.	<i>safēdwın</i>	<i>safēdwēn</i>	одетый в белое
ршв.	<i>safēdwōl</i>	<i>safēdwēl</i>	
р.-х.	<i>rošt^owın</i>	<i>rašt^ewēn</i>	одетый в красное
ршв.	<i>rōšt^owōl</i>	<i>rašt^ewēl</i>	

¹⁰ Этимология этого слова пока спорна: Г.Моргенштерне возводит его к **uzdāna-* (1974, 107); по Т.Н.Пахалиной, вах. *sedēn* и ш. *zıdın* из **sarna-dāna-* (1975, 259). Несомненным представляется вторая часть данного слова как суффикс вместилища.

В рошорвском под воздействием родового форманта основа не различающихся по роду качественных прилагательных может подвергаться родовому чередованию: *tōrwōl*, жен. *tarwēl* при *tōr* 'черный', 'черная', однако прилагательное *saḥēd* 'белый', 'белая', как видно, не испытывает подобного изменения, что, очевидно, связано с характерной для жен. рода а-огласовкой.

§ 165. Зарегистрированы прилагательные с непродуктивными суффиксами и суффиксальными элементами, по которым сравниваемые языки в одних случаях могут совпадать, а в других — расходиться. К подобным формантам относятся ш.-бдж. -уōj/-уēз, р.-х. -уūj/-уēз; ш.-бдж. -dīr (-tīr)/-dār (-tār); б.-ршв. -dōr/-dār, -dār, р. -zong/-zēng:

Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
ш.-бдж. <i>rōōviyōj</i> р.-х. <i>radviyūj</i>	<i>rōōviyēз</i> <i>radviyēз</i>	босой (ш.-бдж. <i>rōō</i> , р.-х. <i>rūō</i> 'нога')
ш.-бдж. <i>xidīr</i> б.-ршв. <i>xaūdōr</i> р.-х. <i>xaūdi</i>	<i>xidār</i> <i>xaūdār</i> <i>xaūdi</i>	старший
ш. бдж. б.-ршв. р.	<i>fištīr</i> <i>fišdār</i> <i>šafdār</i> <i>šuvdi</i>	средний (по воз- расту)
б. ш. р.-х. бдж.	<i>zuldōr</i> <i>zaldi</i> <i>bucdi</i> <i>bicdi</i>	младший
р. х.	<i>kalmanzong</i> <i>lababof</i>	<i>kalmanzēng</i> <i>lababæfc</i> с непокрытой го- ловой толстый, жирный

В рушанском и хуфском в двух случаях род не различается (*xaūdi* 'старший', 'старшая', *šuvdi* 'средний', 'средняя').

В последнем слове лишь в бартангском происходит суффиксаль-

ное различение рода; в остальных языках род выражается огласовкой основы, что имеет место также и в бартангском варианте (ш. *zaldi*, б. *zildōr* /жен. ш. *zaldi*, б. *zildār*).

§ 166. Особо следует отметить случай лексикализации родовых формантов. Так, некоторые имена продолжают сохранять только морфологическую суффиксальную модель муж. рода. В жен. роде соответствующая суффиксальная модель отсутствует, хотя лексически может осуществляться противопоставление имен по роду (ср. § 184):

Муж. род	Жен. род
ш. <i>miŋiŋj</i> , бдж. <i>miwiŋj</i> , р.-х. <i>mawoj</i> , б.-ршв. <i>mawōj</i> 'баран'	ш. <i>maŋ</i> , бдж. <i>maw</i> , р.-х. <i>mēw</i> , б.-ршв. <i>māw</i> 'овца' (ав. <i>maēša-</i> , <i>maēši-</i>)
бдж. <i>inžimŋiŋj</i> , р.-х. <i>inžamoj</i> , ш. <i>anzimak</i> 'барашек до 2 лет'	бдж. <i>inžēm</i> , р.-х. <i>inžēm</i> , ш. <i>anzēm</i> 'овца до 2 лет'
ш.-бдж. <i>xūnci</i> , р.-х. <i>xōncāu</i> , б. <i>xōnard</i> 'жених'	ш.-бдж. <i>niwēnc</i> , р.-х. <i>niwānc</i> , б. <i>niwēnz</i> 'невеста'
ш. <i>kiŋiŋj</i> , бдж. <i>kawiŋj</i> , р.-х. <i>kawoj</i> , б.-ршв. <i>kawōj</i> 'расщелина', 'дупло', 'дыра'	

В качестве сохранившихся формантов жен. рода (при отсутствии противопологающейся формы муж. рода) можно указать следующие названия ущелий долины Хуф: *Xufēnz*, *Waŋirvēnz*, *Ajir-kēnz*, *Axkēs*.¹⁴ Эти топонимы синтаксически согласуются по жен.

11 Эти данные взяты из дипломной работы выпускника Таджикского госуниверситета Н.Офаридова, посвященной анализу микропонимов Хуфа. Их синтаксическая принадлежность к жен.

роду: х. pi dum Bašurvēnz yal žinīj̄ xūjk̄ nā-suj̄ 'в урочище Башурв пока еще не растаял снег' (dum - указат. местоимение жен.рода).

Выражение рода причастными суффиксами и отглагольными формантами

§ 167. При монографическом описании языков и диалектов шугнано-руманской группы лишь в общих чертах и на основе анализа незначительных материалов указывалось на различение рода в суффиксах причастий настоящего времени: муж. р.-х. -ūč̄, б.-ршв. -ōč̄, -ōj̄, ш.-бдж. -īj̄/жен. р.-х. -ēs, б. -ēs, -ēz; муж. р.-х. -on; б.-ршв. -ōn, ш.-бдж. -īn/жен. -ān (Файзов, 1966, 131-132; Соколова, 1966, 381-382; Карамхудоев, 1974, 191-194; Карамшоев, 1963, 174-175; Курбанов, 1976, 142-146).

Многие вопросы, связанные с образованиями причастных форм настоящего времени, остаются не решенными и спорными.

Нет, в частности, четкого определения того класса глагольных основ настоящего времени, от которого образуются родовые формы. В чем заключаются функциональные особенности родовых суффиксов р.-х. -ūč̄, б. -ōč̄/жен. -ēs и р.-х. -on, б.-ршв. -ōn/жен. р.-х., б.-ршв. -ān? Чем вызваны столь существенные расхождения между языками и диалектами по реализации названных формантов (их широкое применение в бартангском, рушанском, хуфском, рошорвском и отсутствие в шугнанском и его баджувском диалекте)? Спорным является вопрос о том, к какой части речи (глаголу или имени) относятся многочисленные слова, образованные от основ настоящего времени посредством указанных выше суффиксов.

Последний вопрос впервые был поставлен и затронут М.Файзовым при описании рушанского языка, когда автор вступает в полемику с В.С.Соколовой относительно ее определения

роду была подтверждена примерами, записанными от доцента того же университета О.Бакиева.

грамматической функции родового форманта -ūč̄/-ēs (р.-х.) как "суффикса, образующего от настоящей глагольной основы < имя деятеля и причастие наст.вр." (Соколова, 1959, 270). М.Файзов приходит к утверждению, что "отглагольные образования на -ūč̄ /-ūj̄ и -ēs/-ēz в современном рушанском языке созвучны как имена деятеля, собственно причастное значение в них утеряно" и поэтому они "полностью утратили связь с глаголом и перешли в разряд имен" (Файзов, 1966, 132). Другие исследователи в таком плане не ставили вопрос о категориальной принадлежности причастных форм настоящего времени и "ограничивались, в основном, краткой морфонологической характеристикой сочетания глагольных основ с указанными выше суффиксами.

Окончательное решение этих вопросов может быть достигнуто при специальном исследовании неличных глагольных форм всех языков и диалектов шугнано-руманской группы.

Сравнительный анализ большого количества изменяющихся по роду причастных форм в какой-то мере может способствовать решению некоторых перечисленных выше вопросов.

§ 168. Разбор и анализ многочисленных образований на -ūč̄/-ēs (р.-х.), -ōč̄/-ēs (б.), -ōč̄ (ршв.), -īj̄ (ш.-бдж.) свидетельствуют о том, что формы с указанным суффиксом сочетают в себе и значение имени (т.е. имени деятеля), и значение глагола. Оба значения (именное и глагольное) сохраняются как при их самостоятельном употреблении (типа р.-х. x̄ayūč̄, ш.-бдж. x̄ōyūj̄ 'читающий', 'читатель', 'чтец'; р.-х. nīvīšūč̄, ш.-бдж. nīvīšīj̄ 'пишущий', 'писатель', р.-х. vačūč̄, ш.-бдж. vā-tīj̄ 'приносящий', 'доставляющий'), так и при сочетании причастных форм с именами существительными (типа р.-х. kitōb-x̄ayūč̄, ш.-бдж. kitōb-x̄ōyūj̄ 'читающий книгу', 'тот, кто читает книгу').

При этом напомним, что переход некоторых причастных форм в разряд имен существительных не следует смешивать с данным вопросом. Категориальная трансформация различных разрядов слов, в том числе и причастных форм - обычное явление и это в какой-то мере на материале бартангского языка убедительно доказано Н.Карамхудоевым (1973, 94-95; 194; см. также §§ 148, 166, 184 данной работы).

Здесь речь идет о причастных образованиях, которые обозначают имя деятеля и в то же время выражают действие. Признак глагола в них ощущается как при их самостоятельном употреблении, так и при использовании их в комбинации с именами существительными: ср. р.-х. *biš-kawūš*, б.-ршв. *buš-kawōš*, ш. *buš-kiŋiŋ*, бдж. *buš-kawīŋ* 'тот, кто режет козла', р.-х. *sawūš*, б.-ршв. *sawōš*, ш.-бдж. *sawīŋ* 'тот, кто измельчает что-либо', 'измельчающий', 'дробитель'; р.-х. *taṃōki-sawūš*, ш.-бдж. *taṃōki-sawīŋ* 'тот, кто изготавливает из сухих табачных листов жевательный табак, нас', р.-х. *riḫt-sawūš*, *riḫt-yeḫūš*, ш.-бдж. *riḫt-sawīŋ*, *riḫt-yaŋiŋ* 'тот, кто изготавливает из сухих тутовых ягод тутовую муку', 'размельчающий тутовые ягоды', 'изготовитель тутовой муки', 'изготовитель муки, получаемой из смеси жареного зерна и тутовых ягод' и т.п.

Вышеприведенные формы, как можно заметить, обозначают не только имя деятеля, но также отражают и его действия, поэтому они требуют прямого объекта и легко с ним сочетаются. Следовательно, причастные образования на р.-х. *-ūš*, б. *-ōš/жен. -ēs*, ршв. *-ōš*, ш.-бдж. *-iŋ* не утратили связь с глаголом. Выражение ими значения имени деятеля не противопоставляется их значению и употреблению как причастия. Они сочетают в себе и значение имени, и значение глагола. Их именное значение заключается в том, что почти все причастные формы с вышеупомянутым суффиксом указывают на действующее лицо, а родовые суффиксы также и на его род и соответственно его пол: р.-х. *cauūš*, б. *cauōš* 'жнец', 'тот, который жнет', р.-х., б. *cauēs* 'жница', 'та, которая жнет', р.-х. *wafūš*, б. *wafōš* 'ткач', 'тот, который ткет', р.-х., б. *wafēs* 'ткачиха', 'та, которая ткет, вяжет'; р.-х. *incawūš*, б. *incawōš* 'портной', 'швей', 'тот, который шьет', р.-х., б. *incawēs* 'швея', 'портниха', 'та, которая шьет' и т.д. Значение действующего лица и его принадлежность по роду и полу четко сохраняется также и при наличии объекта: р.-х. *šindam-cauūš*, б. *šindam-cauōš* 'жнец пшеницы', 'тот, кто жнет пшеницу', р.-х., б. *šindam-cauēs* 'жница пшеницы', 'та, которая жнет пшеницу', р.-х. *gilēm-wafūš* 'ткач сукна', 'тот, кто ткет сукно', р.-х. *širāb-wafēs* 'вязальница чулок', 'та, которая вяжет чулки' и т.д.

Глагольное значение рассматриваемых причастных форм заключается в том, что они: а) обозначают действие; б) имеют переходное значение и, следовательно, безразличны к залогу; в) сочетаются с прямым объектом.

§ 169. Различные точки зрения и подход наблюдаются в интерпретации и другого вида причастия настоящего времени, образованного также от основы наст. времени, но с помощью родовых суффиксов р.-х. *-on/-ān*, б.-ршв. *-ōn/-ān*. Так, подавляющее большинство исследователей при монографических описаниях языков и диалектов тугнамо-руманской группы указанные образования рассматривали в разделе глагола как второе причастие настоящего времени (Карамшоев, 1963, 175; Карамхудоев, 1974, 193; Курбанов, 1976, 143-144). Однако М.Файзовым этот вид причастия интерпретируется как один из типов прилагательного и соответственно их анализ помещен в разделе "Прилагательное" (Файзов, 1966, 36). Проведенное нами исследование этого типа причастия свидетельствует о правомерности точки зрения М.Файзова. Подход других исследователей к рассмотрению только что названного вида причастия может быть оправдан, главным образом, с точки зрения формальной стороны вопроса.

§ 170. С целью создания более широкой и надежной базы для окончательного решения связанных с причастными образованиями вопросов ниже приводятся почти все собранные нами причастные формы с родовыми суффиксами.¹² Наиболее употребительные формы причастия с формантами р.-х. *-ūš* (реже *-ūš*) / жен. *-ēs* (реже *-ēs*), б. *-ōš/жен. -ēs, -ēs* представлены в табл. 51, формы с р.-х. *-on*, б.-ршв. *-ōn/жен. -ān* - в табл. 52.

¹² С признательностью отметим, что подавляющее большинство роморвских образований с суффиксом *-ōn/-ān* было представлено специалистом по этому языку Х.Курбановым.

Язык	Основа наст. вр.	Причастие		Перевод причастия (в муж. роде)
		муж. род	жен. род	
I	2	3	4	5
р-х. б.	abōz- abōz-	abōzūč abōzōč	abōzēs abōzēs	посылающий
р. х. б.	ašiv- ašuv- šūv-	ašivūč ašuvūč ašuvōč	ašivēs ašivēs ašuvēs	собирающий, собиратель
б. р-х.	ašōp- wašāp-	ašāpōč wašāpūč	ašāpēs wašāpēs	ищущий, шунавший
р-х. б.	ašēx- aširx-	ašēxūč aširxōč	ašēxēs aširxēs	месячный, тот, кто месит тесто, глину
р-х. б. ршв.	binēs- binōs- binōs	binēsūč binōsōč binōsōn	binēsēs binōsēs binōsān	теряющий, поте- рявший (что- кого-либо)
р-х. б. ршв.	birēz- birōz- birōz-	birazūč birazōč birazōn	birazēs birazēs birazān	пьющий, употре- бляющий (воду и т.п.)
р-х. б.	bōz- bōz-	bazūč bazōč	bazēs bazēs	играющий; игрок
р-х. ршв.	seš- seš-	sešūč sešōn	sešēs sešān	собирающий (напр. дрова)
р-х. б.	cau- ciy-	cauūč cauōč	cauēs cauēs	жнущий, косящий, тот, кто косит, жнец

I	2	3	4	5
р-х. б. ршв.	čas- čas- čas-	časūč časōč časōn	časēs časēs časān	наблюдающий, на- смотрщик, наблю- датель
р-х. б.	šāb- šāš- šāš-	šabūč šabōč šabōn	šabēs šabēs šabān	дающий, переда- ющий
р-х. б. ршв.	fal- fil- fil-	falūč filōč filōn	falēs filēs filān	смотрящий, рас- сматривающий
р-х. б.	garbēn- garbōn-	garbēnūč garbōnōč	garbēnēs garbōnēs	переворачивающий
р-х. б. ршв.	incāv- incāv- incāv-	incavūč incavōč incavōn	incavēs incavēs incavān	шьющий, портной
р-х. б. ршв.	inšāv- inšāv- inšāv-	inšavūč inšavōč inšavōn	inšavēs inšavēs inšavān	держачий, держа- тель
р-х. б. ршв.	šuk- šuk- šuk-	šukūč šukōč šukōn	šukēs šukēs šukān	ударяющий, бьющий
р-х. б.	kin- kin-	kinūč kinōč	kinēs kinēs	делающий, дела- тель
р. х. б. ршв.	luv- lūv- luv- luv-	luvūč lūvūč luvōč luvōn	luvēs lūvēs luvēs luvān	говорящий

I	2	3	4	5
Р-х. б. ршв.	nāw- nāw- nāw-	nawūč ^o nawōč ^o nawōn, nawōč ^o	nawēc nawēc nawān	оплакивающий
Р-х. б.	nēō- nōō-	nēōūč ^o nāōōč ^o	nēōēc nāōēz, nāōēc	сажающий
Р-х. б. ршв.	niviš- niviš- niviš-	nivišūč ^o nivišōč ^o nivišōn	nivišēc nivišēc nivišān	пишущий, писа- тель
Р-х.	paṛōēw-	paṛōēwūč ^o	paṛōēwēc	дразнящий, пере- дразнивающий
Р-х. б.	paṛin- paṛin-	paṛinūč ^o paṛinōč ^o	paṛinēc paṛinēc	выдергивающий
Р-х. б. ршв.	paṛiz- paṛiz- paṛiz-	paṛizūč ^o paṛizōč ^o paṛizōn	paṛizēc paṛizēc paṛizān	одевающий (кого- либо)
Р. х. б. ршв.	pēz- pæz- pēz- pēz-	paṛizūč ^o pæzūč ^o paṛizōč ^o paṛizōn	paṛizēc pæzēc paṛizēz, paṛizēc paṛizān	варящий (обед), повар
Р-х. б.	qīw- qīw-	qīwūč ^o qīwōč ^o	qīwēc qīwēc	кричащий, кри- кун
Р-х. ршв.	rāv- rāv-	rāvūč ^o rāvōn	rāvēc rāvān	сосущий
Р-х. б. ршв.	sēn- sōn- sōn-	sēnūč ^o , sanūč ^o sanōč ^o sanōn	sēnēc, sanēc sanēz, sanēc sanān	поднимающий

I	2	3	4	5
Р-х. б. ршв.	talāb- talāb- talāb-	talabūč ^o talabōč ^o talabōn	talabēc talabēc talabān	ищущий, иска- тель
Р-х. б. ршв.	taž- taž- taž-	tažūč ^o tažōč ^o tažōn	tažēc tažēc tažān	втягивающий, курильщик
Р. х. б. ршв.	tēy- tiy- tē(y)- tē(y)-	tayūč ^o tayūč ^o tayōč ^o tayōn	tayēc tayēc tayēc tayān	ходящий, идущий
Р-х. б.	tōw- tōw-	tawūč ^o tawōč ^o	tawēc tawēc	отесывающий; плотник
Р-х. б. ршв.	vār- vār- vār-	varūč ^o varōč ^o varōn	varēc varēc varān	приносящий, до- ставляющий
Р-х. б. ршв.	viray- virī- viray-	virayūč ^o virayōč ^o virayōn	virayēc virayēc virayān	находящий, при- носящий
Р-х. б.	warvēn- warvōn-	warvēnūč ^o warvanōč ^o	warvēnēc warvanēc	кипятящий; тот, кто кипятит
Р-х. б.	wāf- wāf-	wafūč ^o wafōč ^o	wafēc wafēc	плетущий; вяжу- щий; ткач
Р-х. б.	wūō- wīō-	wūōūč ^o wāōōč ^o	wūōēc wāōēc	устраивающий

1	2	3	4	5
р-х. б.	xār- xār-	xarūč xarōč	xarēc xarēc	сседающий; едок
р. х. б.	xōy- xay- xīy-	xayūč xayūč xayōč	xayēc xayēc xayēc	молотящий, молотильщик
р-х.	ʒikamb-	ʒikambūč	ʒikambēc	перебирающий (шерсть)
р-х. б.	ʒōy- ʒōy-	ʒayūč ʒayōč	ʒayēc ʒayēc	учащийся, чита- ющий; читатель
р-х. б.	zēz- zōz-	zazūč zazōč	zazēc zazēc	берущий, владе- ющий
р-х. б.	zidār- zidār-	zidarūč, zidarōč	zidarēc zidarēc	убирающий, под- метающий
р-х. б.	ʒīb- ʒīb-	ʒibūč ʒibōč	ʒibēc ʒibēc	прядильщик

§ 171. Из табл. 5I можно заметить следующее:

I. Корневые гласные основы наст. времени при образовании причастия в большинстве случаев подвергаются количественным и качественным изменениям, что на материалах бартагского и рошорвского языков было отмечено в монографиях Н. Карамхудоева (1974, 191) и Х. Курбанова (1976, 142-143). Рушанско-хуфские корневые гласные испытывают те же изменения. Общим для всех рассматриваемых языков и диалектов является образование модели причастия с кратким гласным а, возникающим на месте различных гласных основы (ср. р-х. xār - xarūč, vār - varūč, bōz - bazūč, xōy - xayūč, rez - razūč и т.д.). Однако это не

пронизывает всю систему причастных форм; в ряде случаев корневые гласные (за исключением долгого ā) сохраняются (ср. р. abiv - abivūč, х. abuv - atuvūč, р.-х. binēs - binēsūč, б. binōs - binōsōč и т.д.).

2. Все глагольные основы, принимающие родовые показатели, являются по семантике переходными и в этом плане они противопоставляются различающимся по роду непереходным причастным формам прош. времени (типа ш.-бдж. tūʒin 'ушедший', 'уехавший', жен. tīcin). Переходность родовых причастий наст. времени вытекает не из глагольного их свойства, а из второго (именного) их значения как выразителя действующего лица и поэтому они не могут служить основаниями для предположения об изменении по роду переходных глаголов. (см. §§ 97-112). Переходность в системе причастия на р.-х. -ūč, б. -ōč/жен. р.-х., б. -ēc следует считать весьма сильным фактором. Среди приведенных в табл. 5I причастий лишь одно образуется от непереходного по происхождению глагола (указанный выше глагол tēy- 'уходить'). Показательно, что, попадая в ряд многочисленных переходных причастий со значением действующего лица, упомянутый глагол согласуется с прямым объектом и тем самым становится переходным: р. rān(d)-tayūč 'ходячий', 'идущий по дороге', 'сокращающий путь' - жен. rān(d)-tayēc; б. yid tā ris rōnd-tayōč sut 'твой сын научился ходить' (букв. "стал ходящим по дороге").

3. Обладая переходным значением, все различающие род причастия на -ūč (р.-х.), -ōč (б.)/жен. -ēc требуют прямого дополнения и могут сочетаться с прямым объектом. Тем самым образуется особая группа дифференцированных по роду сложных причастий с обозначением лиц по профессии, роду занятия или выполняемому виду работы. При этом некоторые причастные формы отличаются широкой сферой словарного распространения, например: р.-х. pōm-ʒabūč 'тот, кто дает имя', 'дающий имя' - жен. pōm-ʒabēc; р.-х. dāf-ʒabūč 'тот, кто играет на бубне', 'играющий на бубне' - жен. dāf-ʒabēc; р.-х. xūr-ʒabūč 'тот, кто подстрекает', 'подстрекатель' - жен. xūr-ʒabēc; р.-х. falak-ʒabūč 'тот, кто исполняет (поет) четверостишие', 'исполняющий (поющий) четверостишие' - жен. falak-ʒabēc; р.-х.

$\dot{x}uvd-ta\dot{z}i\ddot{u}\check{c}$ 'молоковоз' - жен. $\dot{x}uvd-ta\dot{z}\check{e}\check{s}$; р. $\dot{z}\ddot{e}r-ta\dot{z}i\ddot{u}\check{c}$, х. $\dot{z}\ddot{a}er-ta\dot{z}i\ddot{u}\check{c}$ 'тот, кто таскает камни' - жен. р. $\dot{z}\ddot{e}r-ta\dot{z}\check{e}\check{s}$, х. $\dot{z}\ddot{a}er-ta\dot{z}\check{e}\check{s}$; р.-х. $ta\dot{m}\ddot{o}ki-ta\dot{z}i\ddot{u}\check{c}$, $ni\dot{s}w\ddot{o}r-ta\dot{z}i\ddot{u}\check{c}$ 'курильщик табака' - жен. $ta\dot{m}\ddot{o}ki-ta\dot{z}\check{e}\check{s}$, $ni\dot{s}w\ddot{o}r-ta\dot{z}\check{e}\check{s}$; р. $uf\ n\ddot{a}n\ s\ddot{u}g-luv\check{e}\check{s}$ $v\ddot{a}d-at$, $uf\ b\ddot{u}b\ s\ddot{o}z-luv\check{e}\check{s}$ 'их бабушка была сказочница, а их дед был певцом'.

4. Поскольку в профессиях и роде занятий действующего лица мужского и женского пола обнаруживаются некоторые отличия, то это отражается и на образовании и употреблении ст. родовых коррелятов. В ряде случаев прослеживаются нерегулярные образования родовых пар в пределах одного причастия или отсутствует родовое противопоставление, однако морфологическая и семантическая принадлежность причастия к тому или другому роду сохраняется; ср.: р.-х. $\dot{x}\ddot{o}j-kaw\check{u}\check{c}$ 'тот (мужчина), который режет быка' - р.-х. $\dot{z}\ddot{b}w-\dot{b}uz\check{e}\check{s}$ 'доярка', 'доющая корову'; р.-х. $guj-ta\dot{z}i\ddot{u}\check{c}$ 'тот (мужчина), который участвует в козлодрании', 'участник козлодрания' - $ha\dot{x}ra-raz\check{e}\check{s}$ 'та (женщина), которая варит похлебку'; р.-х. $\dot{z}i\dot{r}\ddot{a}b-waf\check{e}\check{s}$ 'та (женщина), которая вяжет чулки' и т.д.

Кроме того, следует подчеркнуть, что при отсутствии родовой оппозиции и родовых коррелятов форма причастия муж. рода может обозначать лиц обоих полов. Так, например, $m\ddot{o}l-ra\dot{u}\check{u}\check{c}$ (р.-х.) означает не только 'пастух', но также и 'пастушка'; $\dot{z}\ddot{o}z-s\check{e}\dot{x}i\ddot{u}\check{c}$ вне контекста одновременно означает и 'мужчина, собирающий дрова' и 'женщина, собирающая дрова' и т.д.

§ 172. О взаимоотношении исследуемых языков и диалектов по данным табл. 51 отметим следующее. Рушанский, хуфский и бартангский в целом совпадают по образованию и употреблению причастных форм и главное отличие обнаруживается в огласовке суффикса муж. рода р.-х. $-i\check{u}\check{c}$ / б. $-o\check{c}$ / жен. р.-х., б. $-e\check{s}$. Рошорвский проявляет в данном случае специфику, что заключается прежде всего в отсутствии показателя жен. рода $-e\check{s}$. С помощью суффикса $-o\check{c}$ в рошорвском образуется большая часть недифференцированных по роду причастных форм типа $\dot{z}i\dot{r}\ddot{a}f\ddot{o}\check{c}$ 'плакса', 'плаксивый', 'плаксивая', $va\dot{g}\ddot{o}\check{c}$ 'носитель', 'несущий', 'несущая', $ni\dot{v}i\ddot{z}\ddot{o}\check{c}$ 'писатель', 'пишущий', 'пишущая' и т.д. (см. Курбанов, 1976, I42-I43). В связи с этим, можно полагать, что родовая модель $-o\check{c}/-e\check{s}$ (б.) в прошлом была характерна и для ро-

шорвского языка, о чем, в частности, свидетельствуют случаи редкого проявления родовой дифференциации посредством названных суффиксов. При этом важно отметить, что разрушение модели $-o\check{c}/жен. -e\check{s}$ первоначально шло, очевидно, по пути ослабления формальной, функциональной значимости суффикса жен. рода $-e\check{s}$. В результате характерная для рошорвского языка огласовочная модель по типу совершенных основ жен. рода в какой-то степени, по-видимому, способствовала переобразованию указанного форманта жен. рода (ср. ршв. $\dot{b}\ddot{u}y-war\check{v}an\ddot{o}\check{c}$ 'тот, который кипятил пахтање', $\dot{b}\ddot{u}y-war\check{v}ana\check{c}$ 'та, которая кипятила пахтање'). Однако данная родовая модель не получила широкого распространения, хотя необходимость родовой дифференциации была окупима и в конечном счете на месте исчезнувшей родовой модели $-o\check{c}/-e\check{s}$ ($-a\check{c}$) утвердилась другая суффиксальная модель причастного происхождения $-o\check{p}/жен. -\ddot{a}n$ - общая для всех названных выше языков по форме (р.-х. $-on/-\ddot{a}n$), но функционально отличная: рошорвский $-o\check{p}/-\ddot{a}n$ наряду с образованием отглагольных прилагательных со значением постоянного признака (см. табл. 52) используется в качестве родового показателя причастных форм, выражающих действующее лицо. В данном случае рошорвский $-o\check{p}/-\ddot{a}n$ функционально адекватен бартангскому $-o\check{c}/-e\check{s}$ и рушанско-хуфскому $-i\check{u}\check{c}/-e\check{s}$. В табл. 51 рошорвские причастия даны с суффиксом $-o\check{p}/жен. -\ddot{a}n$ рядом с р.-х. $-i\check{u}\check{c}$, б. $-o\check{c}/жен. -e\check{s}$, что означает их тождество только по функции. Показательно, что в редких случаях в рошорвском сохраняются еще старые формы и употребляются параллельно с новыми (ршв.) $naw\ddot{o}\check{c}//naw\ddot{o}n$ 'оплакивающий' - жен. $naw\ddot{a}n$; $war\check{v}an\ddot{o}\check{c}//war\check{v}an\ddot{a}n$ 'тот, кто кипятил, варит' - жен. $war\check{v}ana\check{c}//war\check{v}an\ddot{a}n$). В целом, можно заключить, что рошорвский и в данном случае проявляет тенденцию к стандартизации и унификации родовых показателей, так как вместо двух родовых формантов в других языках (р.-х. $-i\check{u}\check{c}$, б. $-o\check{c}$, р.-х. $-on/жен. -e\check{s}$) соответственно $-e\check{s}$, $-\ddot{a}n$) в рошорвском реализуется лишь один - последний и это не случайно: подобная унификация обнаруживается и в совершенных основах (см. §§ 75-90).

§ 173. При образовании атрибутивной цепи причастные образования выступают в качестве определения и без какого-либо связующего элемента предшествуют определяемому. При этом фор-

мы муж. рода согласуются с именами муж. рода, а формы жен. рода - с именами жен. рода. Примеры: р. уа̄ wōx-sayūc̄ čuruk̄ dum čur 'тот косящий сено мужчина - ее муж'; р. um tūd-abivēs̄ кахōу nōm čāу? 'как зовут собирающую тутовые ягоды женщину?'; р. māš-ri mis̄ yī xac-tažēs̄ mōšīnā bakōr 'нам тоже нужна машина-водовоз'.

Формы муж. рода кроме собственного назначения широко используются при множественном числе имен как мужского, так и женского рода; ср. wāš wōx-sayūc̄ mardīnayēn-ta mašōr nā-yađan 'те мужчины - косцы сена в полдень не придут'; б. nā-čl-nāšōc̄-an tar-ka zad? 'куда ушли сажающие саженцы?'; р. xiz̄ кахōуēn-an lar jirāb-wafūc̄ 'женщины Шидза искусные вязальщицы чулок'.

Лишь в редких случаях родовая закрепленность суффикса жен. рода -ēs̄ (-ēz̄) сохраняется и при мн. числе: р. wāš žōw-byžēs̄ кахōу-an ar xēš̄ yał 'те доящие коров женщины пока (находятся) в хлеве'.

В шугнанском и его баджувском диалекте подобного родового различия нет; во всех случаях используется причастная форма с суффиксом -īj̄ (по происхождению муж. рода). К тому же корневые гласные основы наст. времени в отличие от других языков в шугнанском и баджувском, как правило, не подвергаются изменению; ср.: ш.-бдж. wafīj̄ 'ткач', 'ткачиха' при р.-х. wafūc̄, б. wafōc̄/жен. wafēs̄; ш.-бдж. luvīj̄ 'говорящий', 'сказитель', 'говорящая', 'сказительница' при р.-х. luvūc̄, б. luvōc̄/жен. luvēs̄ и т.д.

§ 174. Причастные образования (а функционально это отглагольные прилагательные) от основы настоящего времени с прибавлением родовых суффиксов р.-х. -on/жен. -an, б.-рив. -ōn/жен. -ān имеют весьма широкое словарное распространение и являются важными средствами различения рода имен как при адъективном-атрибутивном употреблении причастных форм, так и при их субстантивации. Основное грамматическое значение названных выше родовых суффиксов - это указание на постоянный (как бы всегда присущий) признак, свойство и качество имен мужского (р.-х. -on, б.-рив. -ōn) и женского рода (-an). Рассматриваемые причастные образования образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов (табл. 52).

Таблица 52

Язык	Основа наст. вр.	Причастие		Перевод причастия (в муж. р.)
		муж. род	жен. род	
1	2	3	4	5
Р-х. б.-рив. б.-рив.	aways- aways- aʔafs-	awayson awaysōn aʔafsōn	awaysān awaysān aʔafsān	постоянно лежащий, лежащий, лежащий спать
Р-х. б.-рив.	birēz- birōz-	birazon birazōn	birazān birazān	постоянно пьющий, любящий пить, любитель питья
Р-х. рив. рив.	bol- bōl- bōw-	bolon bōlōn bōwōn	bolān bōlān bōwān	говорящий, разговаривающий
Р-х. б.-рив. срз.	šab- šab- šab-	šabon šabōn šabōn	šabān šabān šabān	плаксивый, плакса
Р-х.	fong-	fongon	fongān	бодливый, драчливый, драчун
Р-х. рив., срз.	fos- fus-	foson fusōn	fosān fusān	жующий (о лошади) сморкающийся, перен. ленивый, лентяй
рив.	ʔaq-	ʔaqōn	ʔaqān	кричащий, крикливый
рив.	ʔiraγ-	ʔiraγōn	ʔiraγān	рыдающий, плаксивый
рив.	kōx-	kōxōn	kōxān	кашляющий, страдающий кашлем
рив. рив.	māw- marγ-	mawōn marγōn	mawān marγān	маукающий
Р-х. б.-рив., срз.	māw- māw-	mawon mawōn	mawān mawān	мурлыкающий плаксивый, плакса

I	2	3	4	5
р-х. б.-ршв. ршв.	nōy- nōy- paḥafs-	naḥon naḥon paḥafsōn	naḥān naḥān paḥafsān	бродячий; гуляющий
ршв., срз.	paḥēnd-	paḥandōn	paḥandān	прилипчивый; заразный
б.-ршв.	pāxs-	paxsōn	paxsān	кусачкий, злой (о со- баке)
б.-ршв.	pis-	piḥon	piḥān	(часто) бо- леющий, бо- лезненный
б.-ршв.	piḥaw-	piḥawōn	piḥawān	быстро varia- ющийся, скоро- спелый
р-х. б.-ршв.	paḥēs- paḥis-	paḥēsōn paḥisōn	paḥēsān paḥisān	отвлекающий, развлекающий- ся
ршв. б.-ршв. б.-ршв.	paḥāz- zāw- šānd-	paḥazōn zawōn šandōn	paḥazān zawān šandān	забывчивый, рассеянный
р-х. б.-ршв., срз.	tarḥ- tarḥ-	tarḥon tarḥōn	tarḥān tarḥān	летающий становящийся смеющийся, хохотун
р-х. б.-ршв.	wāy- wāy-	wayōn wayōn	wayān wayān	драчливый, бодливый
р-х. б.-ршв.	xāḥ- xāḥ-	xahon xahon	xahān xahān	крикливый, крикун; плак- сивный, плакса
р-х. б.-ршв.	xiḥaf- xiḥaf-	xiḥafon xiḥafōn	xiḥafān xiḥafān	ненасытный, прожорливый, обжора
р-х. б.-ршв.	zaq- zaq-	zaqon zaqōn	zaqān zaqān	трескающийся, лопающийся- ся
р-х. б.-ршв.	ziban- ziban-	zibanon zibanōn	zibanān zibanān	новшый, нытик
р-х. б.-ршв.	ziban- ziban-	zibanon zibanōn	zibanān zibanān	прыгающий, прыгун

§ 175. По данным табл. 52 можно сделать следующие выводы о причастных образованиях на р.-х. -on, б.-ршв. -ōn/жен. -ān:

1. При этом типе суффиксации корневые гласные основы настоящего времени подвергаются изменениям (см. § 171).

2. Причастные образования на р.-х. -on, б.-ршв. -ōn/жен. -ān безразличны к переходности/непереходности; ср. р.-х. awayson, б.-ршв. awayson 'постоянно лежащий', 'любящий лежать' - жен. awayān (от непереходного глагола away- 'лежать'); р.-х. biḥazon, б.-ршв. biḥazon 'постоянно пьющий', 'любящий пить' (от переходного р.-х. biḥez-, б.-ршв. biḥōz- 'пить').

3. Суффикс р.-х. -on, б.-ршв. -ōn/жен. -ān в ряде случаев может примыкать к тем же глагольным основам, с которыми сочетается суффикс р.-х. -ūč, б. -ōč/-ēs (см. табл. 51), однако это вовсе не свидетельствует об их идентичности. Наоборот, при сочетаниях одних и тех же основ с упомянутыми суффиксами более четко проявляется функциональное расхождение обоих суффиксов. Ниже приводятся примеры, показывающие семантические расхождения между причастными образованиями от одной основы настоящего времени с помощью р.-х. -ūč, б. -ōč/жен. -ēs и р.-х. -on, б.-ршв. -ōn/жен. -ān:

Основа с суффиксом р.-х. -ūč, б. -ōč/жен. -ēs (ршв. -ōn - /жен. -ān)

Основа с суффиксом р.-х. -on, б.-ршв. -ōn/жен. -ān

р.-х. biḥazūč, б. biḥazōč,
'пьющий', 'употребляющий
жидкость' - жен. biḥazēs
(ршв. biḥazon/biḥazān)

р.-х. biḥazon, б.-ршв. bi-
razon 'постоянно пьющий',
'любитель питья' - жен. bi-
gazān

р.-х. ḥabūč, б. ḥabōč 'даю-
щий' - жен. ḥabēs (ршв. ḥa-
bōn/ḥabān)

р.-х. ḥabon, б.-ршв. ḥabōn
'бодливый', 'драчливый',
'драчун' - жен. ḥabān

р.-х. pawūč, б. pawōč 'опла-
кивающий' (кого-либо) - жен.
pawēs (ршв. pawōn, pawōč/pa-
wān)

р.-х. pawon, б.-ршв. pawōn
'плаксивый', 'плакса' - жен.
pawān

р.-х. хагѹс, б.хагѹс 'све-
дающий', 'едок' - жен. ха-
гѹс

р.-х. хагон, б.-рив. хагѹн
'прожорливый', 'обжора' -
жен. хаган

Образования с суффиксом р.-х. -он, б.-рив. -ѹн больше тяготеют к прилагательным. Об этом свидетельствуют еще следующие два факта:

а) к наиболее употребительным формам на -он, -ѹн/-ѹн может примыкать суффикс сравнительной степени р.-х. -ѹи, б.-рив. -дѹг: р. уѹ тѹ рѹс бар мѹнѹ нагондѹ 'твой сын плаксивее моего'; б. уѹ вѹ хѹѹ дѹбѹндѹг 'его бык бодливее';

б) формы жен. рода с суффиксом -ѹн, как и качественные прилагательные жен. рода употребляются, как правило, также и при множественном числе имен; ср. р. дѹб тѹмѹ-уѹн наван рѹсѹн 'у вас плаксивые сныовья' и р. ра уѹ гѹшт тѹхѹн ѹв 'взгляни на те красные горы' (гѹшт 'красная' - согласуется с формой мн.числа существительного тѹхѹн 'горн'; форма муж.рода - гошт).

§ 176. Поскольку в роморвском языке представлен преимущественно только суффикс -ѹн/жен. -ѹн, то вне контекста возникает двусмысленность: рив. дѹбѹн это и "дающий", и 'бодливый', рив. вѹгазѹн это и 'пьющий', и 'любитель питья', рив. ѹкѹн это и 'лизущий' и 'любящий лизать' и т.д.

Формальное и функциональное совпадение роморвского -ѹн/-ѹн с бартангским -ѹн/-ѹн и рушанско-хуфским -он/-ѹн обнаруживается только при образовании отглагольных прилагательных (см. табл. 52): рив. уѹ лар вѹгавѹн ѹѹѹ 'он очень плаксивный мальчик'; уѹ лар вѹгаван ѹѹс 'она очень плаксивая девочка'. Для выражения собственно причастного значения роморвский -ѹн/жен. -ѹн по функции соответствует р.-х. -ѹс, б. -ѹс / жен. -ѹс и поэтому причастие данного типа выражает действующее лицо и может сочетаться с прямым объектом: рив. варѹн 'приносящий', 'той, кто приносит', жен. варѹн // р.-х. варѹс, б. варѹс, жен. варѹс; рив. хѹс-варѹн 'приносящий воду', 'водонос', жен. хѹс-варѹн // р.-х. хѹс-варѹс, б. хѹс-варѹс, жен. хѹс-варѹс; рив. хѹс-вѹгазѹн 'пьющий воду', жен. хѹс-вѹгазан// р.-х. хѹс-вѹгазѹс, б. хѹс-вѹгазѹс, жен. хѹс-вѹгазѹс.

§ 177. Весьма важно, что сфера словарного распространения роморвского -ѹн/-ѹн гораздо шире, чем р.-х. -ѹс, б. -ѹс/жен. -ѹс; р.-х. -он, б. -ѹн/жен. -ѹн вместе взятых. Это проявляется, в частности, при образовании причастных форм со значащим действующим лицом от переходных глагольных основ настоящего времени. С целью показа продуктивности роморвского -ѹн/-ѹн приводится табл. 53, в которую включены только причастные формы роморвского языка.

Таблица 53

Основа наст.вр.	Причастие		Перевод причастия (в муж. роде)
	муж. род	жен. род	
I	2	3	4
аѹѹл-	аѹѹлѹн, аѹѹлѹс	аѹѹлѹн	ласкающий
алѹх-	алѹхѹн	алѹхѹн	глотавший
бѹл-	бѹлѹн	бѹлѹн	упрекающий
ѹав-	ѹавѹн	ѹавѹн	чешущий
ѹак-	ѹакѹн	ѹакѹн	капавший
ѹан-	ѹанѹн	ѹанѹн	раскалывающий
дѹк-	дѹкѹн	дѹкѹн	дающий, передающий
дѹ(у)-	дѹѹн	дѹѹн	ударяющий, бьющий (кого-что-либо)
дивѹс-	дивѹсѹн	дивѹсѹн	показывающий
ѹимѹн-	ѹимѹнѹн	ѹимѹнѹн	обрабатывающий (шкуру)
фѹм-	фѹмѹн	фѹмѹн	знающий, знаток
фирѹр-	фирѹрѹн	фирѹрѹн	доставляющий
ѹиѹав-	ѹиѹавѹн	ѹиѹавѹн	грызущий
ѹѹр-	ѹѹрѹн	ѹѹрѹн	брызгающий (воду)

1	2	3	4
kāw-	kawōn	kawān	убивающий, мясник
kirēnd	kirandōn	kirandān	скребущий, со- скабливающий
niwōz-	niwazōn	niwazān	играющий (на музыкальных инструментах), музыкант
patāw-	patawōn	patawān	бросающий, ки- дающий
piḫāw-	piḫawōn	piḫawān	стригущий, стригаль
sōr-	sarōn	sarān	наблюдающий, наблюдатель
taq-	taqōn	taqān	стучащий
ḫiraw-	ḫirawōn	ḫirawān	кусающий

Как явствует из этих примеров, с помощью суффикса $-\ddot{on}/$ жен. $-\ddot{an}$ образуются родовые причастные формы не только от исконных глагольных основ настоящего времени, но также и от заимствованных (ср. ршв. $fāmōn$ 'знающий', 'знаток' от тадж. $fahmidan$ 'знать' - заимств. из араб.).

Таким образом, роморвский родовой суффикс $-\ddot{on}/-\ddot{an}$, сочетающий в себе две функции - прилагательного (как р.-х.-он, б. $-\ddot{on}/-\ddot{an}$) и собственно причастия, играет весьма важную грамматическую роль в родовой соотношенности слов. При этом его использование в качестве родového показателя действующего лица можно считать поздним явлением, связанным с общей тенденцией роморвского языка к стандартизации родových показателей.

§ 178. Для шугнанского языка также этот тип причастия не характерен. В баджувском образования на $-\ddot{in}$ /жен. $-\ddot{an}$ встречаются очень редко (бдж. $bābīn$ 'драчливый', жен. $bābān$, $wāyīn$ 'плаксивый', жен. $wāyān$) и их с уверенностью можно считать результатом влияния соседних хуфского и рушанского

языков. Причастные образования в шугнанском и баджувском формируются лишь одним не дифференцированным по роду суффиксом $-īj$ ($wāyīj$ 'плаксивый', 'плакса', 'плаксивая'; $bābīj$ 'дающий', 'дающая', 'бодливый', 'драчливый', 'бодливая', 'драчливая' и т.д.).

§ 179. В связи с наличием причастных родových суффиксов в рушанском, хуфском, бартангском, роморвском и их отсутствием в шугнанском и баджувском возникает два вопроса: 1) чем объяснить подобное межъязыковое расхождение?; 2) можно ли отсутствие различения рода в шугнанских и баджувских причастиях рассматривать как пример намечающейся тенденции для названных языковых разновидностей к ослаблению и утрате категории рода?

Поскольку в шугнанском и баджувском для выражения категории рода действующего лица регулярно может использоваться другое синтаксическое средство в виде дифференцированного по роду указательного местоимения-артикла прямого падежа yu 'то', 'тот' - $yā$ 'та', 'то, очевидно, снимается необходимость в употреблении другого синтаксического средства различения рода - причастного. Сохранение причастных родových форм в остальных языках группы, по всей вероятности, связано с отсутствием в них родových коррелятов в системе указательных местоимений прямого падежа (ср. недифференцированное по роду р.-х., б.-ршв. $yā$ 'тот', 'он', 'та', 'она'). В целом, можно утверждать, что во всех языках происходит различение рода, однако для выражения его используются различные способы: в одних языках действуют морфологические-суффиксальные, а в других - синтаксические.

р.-х. $yā$ $kitōb-ḫayūc$ $ḫāy?$

б. $yā$ $kitōb-ḫayūc$ $ḫāy?$

ршв. $yā$ $kitōb-ḫayōn$ $ḫāy?$

ш.-бдж. yu $kitōb-ḫōyīj$ $ḫāy?$

'кто тот, который читает книгу?'

р.-х., б. $yā$ $kitōb-ḫayūc$ $ḫāy?$

ршв. $yā$ $kitōb-ḫayān$ $ḫāy?$

ш.-бдж. $yā$ $kitōb-ḫōyīj$ $ḫāy?$

'кто та, которая читает книгу?'

Во всех языках в этих случаях осуществляется различие рода и поэтому нет основания говорить об утрате категории рода в шугнанском и его баджувском диалекте.

При всем этом следует отметить, что синтаксический способ выражения рода является относительно поздним явлением и его генерализация во многом связана с ослаблением родовой значимости морфологических средств. Наличие суффиксального (морфологического) способа выражения рода, несомненно, должно рассматриваться как более архаичное явление.

§ 180. Бартагский язык в причастных образованиях выделяется среди остальных языков группы наличием специального родового суффикса -ōj/жен. -ēz (см. также Соколова, 1960, 139; 1966, 382; Карамхудоев, 1974, 192). С помощью родового суффикса -ōj/жен. -ēz в бартагском образуются две семантически разного типа группы различающихся род причастий.

Первый тип обозначает действующее лицо с оттенками намерения, желания, долженствования:

муж.	жен.
б. ciyōj намеревающийся жать, косить'	ciyēz
luvōj намеревающийся рассказать	luvēz
nivišōj намеревающийся писать	nivišēz
sawōj намеревающийся идти, отправляться	sawēz
tayōj намеревающийся ходить, шагать	tayēz
xagōj намеревающийся есть, кушать	xagēz
wafōj намеревающийся ткать	wafēz
yatōj намеревающийся приходить	yatēz
pāwsōj намеревающийся спрашивать	pāwsēz

Фразовые примеры: б. luvōč-at yást-ō nā, na-vaw, āz-um tuyd 'ты намереваешься рассказать или нет, если нет - я пойду!'; agar tū-at tárum sawōj sa vučč, mānd-ra-t pigō-aš, suč 'если бы ты намеревался туда пойти, то давно бы ушел!'; āz-um xagēz ništ 'я не намерена есть!'; āz-um miš pa uīl tayēz 'я тоже намерена пойти на летовье!'

Форма муж. рода используется и при мн. числе имен: б. sawōj mānd sawd, nišōj ništ 'собирающиеся уходить теперь мо-

гут идти, а намеревающиеся остаться - пусть останутся!'; wāo-an miš as Panj yatōj-at, yal xu čurt ná-virīyan 'они тоже намереваются уехать из Панджа, но пока не решаются!'

§ 181. Второй тип причастных образований обозначает предназначение предмета, орудия, с помощью которого можно совершить какие-либо действия. При этом сочетание суффикса муж. рода -ōj с глагольной основой наст. времени означает принадлежность не названного, но подразумеваемого предмета к муж. роду, а показатель -ēz ассоциируется с именами жен. рода.

Муж.		Жен.
б. incivōj	(предмет) для шитья	incivēz
panižōj	то, что предназначено для одевания	panižēz
kawōj	то, что предназначено для резанья	kawēz
sapōj	то, что предназначено для поднятия, подъема	sapēz
nivišōj	то, чем можно написать	nivišēz

Поскольку эти образования распространяются на глаголы переходного значения, то рассматриваемые причастные формы часто сочетаются с прямым объектом:

Муж.		Жен.
б. rōšt-ginōj	то, чем можно сделать что-либо красным	rāšt-ginēz
ōw-ginōj	то, чем можно сделать пестрым	ōw-ginēz
rān(g)-ginōj	то, чем можно красить	rān(g)-ginēz
yēm-vandōj	то, чем завязывают горловину (мешка)	yēm-vandēz

Примеры во фразах: б. tā-yā yī-čiz rāng-kinōj sa vawd, abōz wī-r 'если у тебя имеется какой-либо краситель, шли ему!'; б. tū ku mānd sa jāldōr mu-r bāx-kinēz čēbak vār 'сходи-ка ты побыстрее принести мне ложку, которой раскладывают (еду)!'

§ 182. В других сравниваемых языках точных соответствий этим образованиям нет. Так, для близкородственного бартангскому рошорвского, по свидетельству Х. Курбанова, различение рода посредством суф. -ōj/жен. -ēz нехарактерно (Курбанов, 1976, 145), однако формант муж. рода -ōj все же продолжает функционировать: рив. rišawōj 'намеревающийся заняться чем-либо', 'то, чем можно заняться'; пахтауōj 'собиравшийся выходить' и т.д.

В рушанском и хуфском прослеживаются только остатки рассматриваемого суффикса в форме -(m)ij/жен. -(n)ēz, а в шугнанском и баджувском при некоторых кратких инфинитивах засвидетельствован формант -(m)ēj, который формально и функционально соответствует б.-ршв. -ōj. Примеры: р. таумалиj // таумij 'собиравшийся уходить' - жен. таумалēz, ш.-бдж. tīd-mēj; р.-х. nēmij, ш.-бдж. nīstmēj 'собиравшийся остаться'.

§ 183. Особо следует отметить весьма распространенные случаи лексикализации родовых причастных суффиксов и субстантивации причастных форм (ср. §§ 148, 166). В ряде случаев сохраняется формальное и семантическое противопоставление имен причастного происхождения. Так, например, р.-х. sawōj, б.-ршв. sawōj означает 'круглый камень для измельчения табака' (ш.-бдж. sēwīj), а его женский коррелят р.-х., б.-ршв. sawēz, sawēs означает 'плоский камень, на котором измельчают что-либо' (ш.-бдж. sēwīj).

Чаще сохраняются субстантивированные причастные формы без родовой оппозиции. Здесь можно указать следующие названия предметов причастного происхождения, которые как формально, так и по смыслу относятся к муж. роду: р.-х. rašawōj, б.-ршв. rašawōj 'чурка'; р.-х. šikarōj, б.-ршв. šikarōj, ш.-бдж. wiškirij 'кочерга' (букв. 'то, чем ищут'); р.-х. sēnoj, sanoj, б.-ршв. sanōj, ш.-бдж. sēnīj 'деревянный рычаг для подъема жернова' (букв. "то, чем поднимают"); б.-ршв. buš-kawōj, р.-х. viš-kawōj, ш. buš-kiij, бдж. buš-kawij 'перекладина между столбами для свежевания мелкого скота' (букв. "то, чем убивают козла").

§ 184. Причастные образования с формантами жен. рода также могут субстантивироваться: р.-х., б.-ршв. tīwēz 'ложка', 'черпалка'; р.-х., б.-ршв. bakēz 'указательный (палец)',

(букв. "лизатель"); р. paṭān 'бочка для собивания масла' ш.-бдж. talaw) 'маслобойка'.

§ 185. Показателен также случай, когда имя причастного происхождения формально продолжает один род, а по смыслу (синтаксически) относится к другому. Так, например, р.-х. ḡayān, б. ḡiyōš, бдж. ḡiyān 'осадки', 'дождь', 'снег' (от ḡiy-, ḡay- 'падать') в рушанском, хуфском и баджувском имеет примету жен. рода -ān, что позволяет говорить о том, что данное слово в прошлом принадлежало к жен. роду, однако в настоящее время оно относится к мужскому: р. ḡay ḡayān ḡas, sa-ḡaḡ ḡayt 'смотри на снег (дождь), как сильно идет'. В бартангском данное слово в соответствии со своей родовой принадлежностью продолжает форму муж. рода. Переходу указанного слова в категорию муж. рода могли способствовать принадлежащие к этому роду его синонимы р. šinij, ш.-бдж. šinij 'снег' и заимствованное (из тадж.) р.-х. bōḡōn, ш.-бдж. bōḡun 'дождь'.

§ 186. Во всех языках, обладавших родовыми причастными формами со значением действующего лица, основы настоящего времени двух употребительных глаголов хār- 'есть', 'кушать' и vār- 'приносить', 'доставлять' выступают в качестве показателя рода и образуют от имен существительных группу сложных слов причастного типа. При этом в результате превращения названных основ в родовой формант их огласовка преобразуется и под воздействием родовой модели имени приобретает следующий вид:

Муж. род			Жен. род		
р.-х.	б.-ршв.	бдж.	р.-х.	б.-ршв.	бдж.
-xūr	-xōr	-xōr	-xēr	-xēr	-xēr
-vūr	-vōr	-vōr	-vēr	-vēr	-vēr

Данная родовая огласовка усвоена из модели различающихся по роду существительных (типа: р.-х. vūrj, б.-ршв., ш.-бдж. vōrj 'жеребец' - жен. р.-х., б.-ршв. vērz, ш.-бдж. vērz 'кобыла'). Для шугнанского языка эти родовые форманты не характерны, а в баджувском в редких случаях все же могут употребляться, что связано с влиянием окружающих языков (хотя

родовая огласовка в них собственно баджувская).

§ 187. Формант р.-х. -х^уг, б.-ршв., бдж. -х^ог/жен. р.-х., б.-ршв. -х^ег, бдж. -х^ег примыкает к следующим существительным:

Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж. роде)
р.-х. wōx-x ^у г б.-ршв. wōx-x ^о г	wōx-x ^е г wōx-x ^е г	поедающий траву, травоядный
р.-х. х ^а хра-x ^у г б.-ршв. х ^а хра-x ^о г, х ^а ха-x ^о г	х ^а хра-x ^е г х ^а хра-x ^е г, х ^а ха-x ^е г	сседающий похлебку; иждивенец, нахлебник
р.-х. žindam-x ^у г б.-ршв. žindam-x ^о г	žindam-x ^е г žindam-x ^е г	поедающий пшеницу
р.-х. garba-x ^у г б.-ршв. garba-x ^о г	garba-x ^е г garba-x ^е г	сседающий лепешку, "хлебобед"

Семантически этот тип синонимичен причастной форме от того же глагола х^аг- и может быть охарактеризован как усеченный вариант причастия; ср. р.-х. nuš-x^уг// nuš-x^аг^ис 'сседающий абрикос' - жен. nuš-x^ег// nuš-x^аг^ес.

§ 188. В баджувском диалекте в редких случаях прослеживается употребление различающих род форм, однако родовое противопоставление коррелятов не осуществляется.

При этом парные образования, содержащие родовые модели, семантически отличаются между собой, а форма муж. рода может употребляться также и в значении жен. рода; ср. бдж. žindam-x^ог 'сседающий, употребляющий (сседающая, употребляющая) пшеницу' - žindam-x^ег 'вид воробья, который нападает на пшеницу'; бдж. žuvd-x^ог 'употребляющий, пьющий (употребляющая, пьющая) молоко' - žuvd-x^ег 'дойная коза (овца), отделенная от стада и оставленная летом в селении'. Приведенные здесь корреляты жен. рода с указанным значением употребляются также и в рушанском, хуфском, бартангском и рошорвском языках.

§ 189. Формант р.-х. -v^уг, б.-ршв., бдж. -v^ог/жен. р.-х., б.-ршв. -v^ег, бдж. -v^ег по характеру сочетаемости и ро-

довой значимости аналогичен предыдущему.

Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж. роде)
р.-х. žac-v ^у г б.-ршв. žac-v ^о г	žac-v ^е г žac-v ^е г	приносящий воду; водонос, водовоз
р.-х. žoz-v ^у г б.-ршв. žöz-v ^о г	žoz-v ^е г žöz-v ^е г	приносящий дрова
р.-х. wōx-v ^у г б.-ршв. wōx-v ^о г	wōx-v ^е г wōx-v ^е г	приносящий сено

Родовая оппозиция коррелятов может быть нарушена, что, в частности, связано с естественным проявлением действий лиц того или другого пола; ср. р.-х. žan-v^уг 'берущий в жены', 'желающий жениться'; р.-х. sand-v^ег, бдж. sand-v^ег 'рожающая незаконнорожденного ребенка' и т.п. Кроме того, если в качестве действующего лица выступает неодушевленный предмет, то применяется, как правило, формант муж. рода, независимо от родовой принадлежности имен - определяемых: р.-х. žac-v^уг mōš^иn 'машина-водовоз'; р. žuvd-v^уг (х. žuvd-v^уг) mōš^иn 'машина-молоковоз' (mōš^иn - жен. род); р. žer-x^уг (х. žær-x^уг) kōš^ог букв. 'предмет, сседающий камень', 'дробилка' (kōš^ог 'предмет', 'вещь' - муж. род).

Эти сочетания несут ту же семантическую нагрузку, что и полная суффиксальная форма причастия от того же глагола v^аг-; ср. р.-х. žac-v^уг// žac-v^аг^ис 'приносящий воду', 'водовоз' - жен. žac-v^ег// žac-v^аг^ес.

§ 190. В шугнанском и баджувском подобные образования во всех случаях формируются либо с помощью недифференцированных по роду формантов -x^ог и -v^ог, либо же причастных форм от названных глаголов на -i^ј: и.-бдж. žac-v^ог// žac-v^а-г^ис 'приносящий (приносящая) воду', 'водовоз', 'водовоз'; и.-бдж. wōx-x^ог// wōx-x^а-г^ис 'сседающий (сседающая) траву', 'травоядный' и др.

Отменные изменяющиеся по роду форманты

§ 191. Переход знаменательных слов в разряд служебных, а также переход значимых слов в морфологические показатели категории рода, анализ данного процесса, выявление причин этой трансформации, а также описание и уточнение семантической и грамматической нагрузки каждой отдельной языковой единицы представляют большой научный интерес. Задача данного раздела — попытаться на основе уже опубликованных и собранных нами новых материалов более или менее детально рассмотреть выражение категории рода в языках и диалектах шугнано-руманской группы посредством значимых формантов и показать структурное и семантическое развитие каждого различающего род элемента.

Как свидетельствуют материалы, три части речи — существительные, прилагательные и глагольные основы являются источниками возникновения родовых формантов.

В результате перехода лексических единиц в дифференцирующий род показатель и их дальнейшей грамматизации происходят различные фонетические и семантические изменения, касающиеся как первого компонента, так и второго, т.е. суффиксального элемента. В частности, гласные звуки основы отменного суффикса подвергаются родовому чередованию, а начальные согласные при словосложениях озвончаются:¹³ ш.-бдж. *rūšt-ǰāy* 'краснобурый', 'краснопестрый', ж. *rōšt-ǰāy*; ш.-р.гр. *šax̄vis* 'цып-

¹³ Озвончение начального глухого звука второго компонента носит закономерный характер и не зависит от предыдущего звонкого; ср. ш.-бдж. *wōx̄-zōw* 'сенокос' (ш.-бдж. *cōw* 'косыба', 'жатва'); ш.-бдж. *xišif-būst*, р.-х. *xišof-būst* 'шкура сурка' (ш.-бдж. *pūst*, р.-х. *pūst* 'шкура'); ш.-бдж. *biǰax̄-bīnǰ* 'род проса' (ш.-бдж. *pīnǰ* 'пресо'); ш.-бдж. *tūb-bix̄t*, р.-х. *tūa-bix̄t* 'тутовая мука' (ш.-р. гр. *pixt* 'мука', 'толокно').

ленок', 'петушок', ж. *šax̄vis* 'курочка'.

Некоторые формы (такие как, например, *vis, bis*) в озвонченном виде могут в дальнейшем приобрести самостоятельность как по употреблению, так и по значению.

§ 192. Среди родоразличающих формантов особое место занимает слово *vis* (ш.-р.гр.), которое восходит к древнеиранскому *rušga-* 'сын'.¹⁴ Данная лексема в относительно близких фонетических и семантических вариантах встречается во всех языках и диалектах памирской группы: 1) 'сын': ш.-р.гр. *vis* (мн. *rasēn*), ср. *vis*, язг. *ros* (мн. *rasen, rasan*), вах. *retr*; мнд. *pūr*; 2) 'детеныш', 'птенец': ш.-р.гр. *bis* (мн. *bisēn, basēn*), язг. *bos* (мн. *bosan*); 3) 'завязь', 'маленький плод' (тыквы, дыни и т.п.): ш.-р.гр. *bis*; язг. *bos, besek, wah-bes*.

Дифференцированные по роду мук. *vis*, жен. *bis* наряду с обозначением 'детеныш-самец', 'детеныш-самка' употребляются также и для выражения пола и рода лица (человека): ш. а *vis, tū-yat av-kā yat* 'эй, сынок (дита), ты откуда пришел?'; ш. а *bis, šī rizīn-at tu* 'эй, дитя, чья ты дочь?' За словом *vis* закрепились такие оттенки значения, как 'ребенок', 'детеныш-самец', что, в свою очередь, способствовало возникновению специальной формы *bis* для оппозиционного обозначения женского пола. При этом форма жен. рода с *i*-огласовкой не была чужда и древним языкам (ср. др.-инд. *putrī-* 'дочь' — *putra-* 'сын'), что на первый взгляд может навести на мысль о том, что форма *-bis* по происхождению связана с др.-инд. *putrī-* (такое объяснение предложила автору в письме Д.И.Эдельман).

Представляется, однако, что слово *bis* не восходит непосредственно к **putrī-*, а образование пары *vis//bis* относится к недавнему времени, так как переход значимых основ в показатели рода (в данном случае **rušga-* > *vis* > *-bis*, а при *i-*

¹⁴ О лексико-грамматическом развитии этой лексемы 17 февраля 1976 г. было сделано сообщение на Фрейманских чтениях в Ленинградском отделении Института востоковедения (НАА, 1976, № 5, стр.215).

умлауте -bis) начался и утвердился намного позднее - после распада заударных родовых окончаний.

Внешние изменения отменных формантов происходили под воздействием модели собственных родовых перегласовок, имевших уже сложившийся вид (типа муж. и/жен. i, ā, a) и широкое распространение в различных разрядах слов (существительных, прилагательных, глагольных основах).

§ 193. В рушанском, хуфском и баджувском рассматриваемые существительные получили дополнительное семантическое назначение, употребляясь в качестве прилагательного (чаще в сочетании с суффиксом -ik) со значением 'маленький'-'маленькая'. Отсутствие данного значения в шугнанском, бартангском и рошорвском объясняется наличием в последних прилагательного с тем же значением и с аналогичной родовой перегласовкой и суффиксацией:¹⁵ р.-х., бдж. buc(ik), ш., б.-ршв. zul(ik) 'маленький', жен. р.-х. bic(ik), бдж. bic(ik), басик, ш. zal(ik), б.-ршв. zil(ik) 'маленькая'.

Суффикс -ik может удваиваться при каждом прилагательном: р.-х., бдж. bucikik, ш., б.-ршв. zulikik 'маленький', 'малюсенький', жен. р.-х., бдж. bicikik, бдж. басикик, ш. zalikik, б.-ршв. zilikik.

Дифференцированные по роду прилагательные широко употребляются при существительных - как одушевленных, так и предметных. Примеры употребления при именах мужского рода:

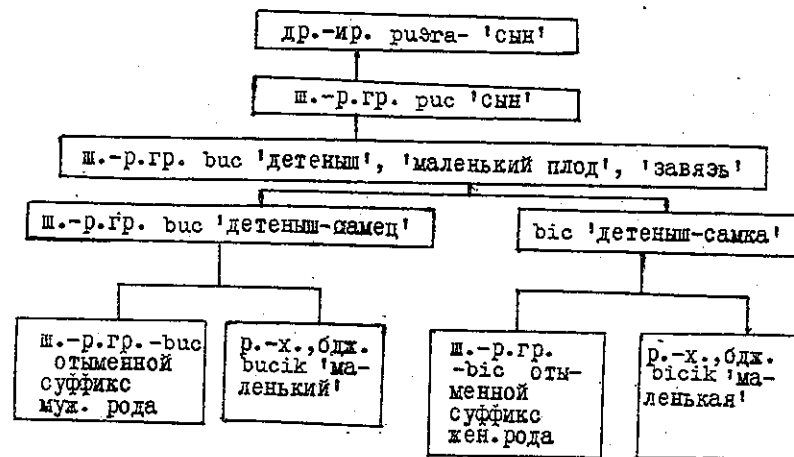
¹⁵ Расхождение обнаруживается только в огласовке жен. рода, что легко объясняется исторически: форма жен.р. в шугнанском отражает а-умлаут: zal (так же как и žaž 'журица' к žuž 'петух', zat 'хрошая' к sut 'хрошой'), а в бартангском и рошорвском i-умлаут: zil (также как и giž 'козочка' к giž 'козленок'). Баджувский, как видно, допускает параллельное употребление той и другой огласовки: i//a (bicik//basik). Однако форма с а-огласовкой малоупотребительна и возможно, что она возникла по аналогии с шугнанской (ш. zalik, бдж. басик 'маленькая').

р.-х., бдж. bucik(ik) divo, ш., б. zulik(ik) divo 'маленькая дверь'; р.-х. bucik(ik) rūstīn, бдж. bucik(ik) rūstīn, ш. zulik(ik) rūstīn, б.-ршв. zilik(ik) rūstīn 'маленькая шуба'.

Примеры употребления при именах женского рода: р.-х., бдж. bicik(ik) zimc, ш. zalik(ik) zimc, б. zilik(ik) zimc 'маленький участок земли'; р.-х., бдж. bicik(ik) mōšīn, ш. zalik(ik) mōšīn, б.-ршв. zilik(ik) mōšīn 'маленькая машина'.

§ 194. Проникновению и усвоению родовых формантов -buc(ik)/жен. -bic(ik) в шугнанском, бартангском и рошорвском способствовали, как нам представляется, два следующих фактора: наличие в названных языках существительного buc, жен. bic 'детеныш', 'плод', а также влияние рушанского языка, где прилагательное bucik 'маленький', жен. bicik было широко представлено.

Таким образом, древнеиранское рузга- 'сын' в языках и диалектах шугнано-рушанской группы получило весьма широкое применение. Поэтапное лексико-семантическое и грамматическое развитие и переосмысление др.-ир. рузга- в языках и диалектах шугнано-рушанской группы более наглядно можно проиллюстрировать следующей схемой:

§ 195. Широкая сфера словарного употребления и продуктивность *-bus/жен. -bis* в качестве родового показателя существительных связана с тем, что каждое имя может приобрести значение уменьшительности и ласкательности, а форманты *-bus-(ik)* и *-bis(ik)* для выражения этого в основном и предназначены. Кроме того, отсутствие у существительных регулярных родовых окончаний накладывает на *-bus(ik)* и *-bis(ik)* дополнительную нагрузку (наряду со значением уменьшительности и ласкательности) — выражать также и категорию грамматического рода существительных.

Представляется целесообразным более подробно, на основе большого количества материала показать употребительность и различные грамматические функции отыменных формантов *-bus-(ik)* и *-bis(ik)*.

§ 196. Посредством *-bus* и *-bis* осуществляется родовая дифференциация различных по семантике существительных. Имена, обозначающие одушевленные предметы и выражающие мужской и женский пол, широко сочетаются с формантами *-bus* и *-bis*. С помощью этих показателей большое количество одноосновных существительных противопоставляются друг другу по полу и грамматическому роду. С точки зрения структуры и семантики можно выделить следующие группы одушевленных существительных, которые принимают родовые показатели *-bus* и жен. *-bis*:

а) одноосновные имена с помощью *-bus* и *-bis* противопоставляются друг другу по полу и роду (мужской и женский пол совпадают соответственно с мужским и женским родом): ш.-бдж. *zagizbus*, р., б.-ршв. *zagēzbus*, х. *zagēzbus* 'куропатка-самец', жен. ш.-бдж. *zagizbis*, р., б.-ршв. *zagēzbis*, х. *zagēzbis* 'куропатка-самка'; ш.-р. гр. *kirabus* 'жеребенок', жен. ш.-р. гр. *kirabis* 'жеребенок-самка', 'кобылка'; ш.-бдж. *wārgbus* 'ягненок-самец', жен. ш.-бдж. *wārgbis* 'ягненок-самка', 'овечка';

б) одноосновные имена с помощью *-bus* и *-bis* выражают лица мужского и женского рода и соответственно того и другого пола: ш.-бдж. *xērgbus*, р.-х., б.-ршв. *xērgbus* 'племянник', жен. ш.-бдж. *xērgbis*, р.-х., б.-ршв. *xērgbis* 'племянница';

в) при обозначении лиц мужского и женского рода (пола) форманты *-bus* и *-bis* в составе ряда слов выступают в качест-

ве словообразующих элементов и в основном сохраняют свое лексическое содержание: ш.-р. гр. *wuxūōrgbus* 'сын ловкого человека', 'ловкач по натуре', жен. ш.-р. гр. *wuxūōrgbis* 'дочь ловкого (человека)' (*wuxūōg* 'резвый', 'ловкий'); ш.-р. гр. *zindabus* 'зоркий', 'ловкий', букв. "сын живого человека", жен. ш.-р. гр. *zindabis* 'зоркая', 'ловкая', букв. "дочь живого человека" (*zindā* 'живой'); ш.-бдж. *ḡunbus(ak)*, р.-х., б.-ршв. *ḡonbus(ak)*, р.-х., б.-ршв. *ḡonbis(ak)* 'душенька', 'любимый', 'любимец', жен. ш.-бдж. *ḡunbis(ak)*, р.-х., б.-ршв. *ḡonbis(ak)* 'душенька', 'любимая' (*ḡun, ḡon* 'душа'); ш.-бдж. *kūrgbus*, р.-х., б.-ршв. *kūrgbus* 'сын слепого человека', жен. ш.-бдж. *kūrgbis*, р.-х., б.-ршв. *kūrgbis* 'дочь слепого (человека)'; ш.-р. гр. *kambaxtbus* 'сын несчастливый человека', жен. *kambaxtbis* 'дочь несчастливого человека' (*kambaxt* 'несчастливый'), *pōsōyaxbus* 'сын беспокойного человека', 'беспокойный', жен. *pōsōyaxbis* 'дочь беспокойного человека', 'беспокойная' (*pōsōyax*, тадж. *posoyis* 'беспокойный');

г) присоединяясь к топонимам — названиям населенных пунктов, форманты *-bus* и жен. *-bis* указывают соответственно на происхождение лиц мужского и женского рода (пола) из какой-либо местности: ш.-бдж. *xifēzbus*, р.-х., б.-ршв. *xifēzbus* 'сын хуфца', 'хуфец', жен. ш.-бдж. *xifēzbis*, р.-х., б.-ршв. *xifēzbis* 'дочь хуфца', 'хуфка'; ш.-р., гр. *rixēnbus* 'сын рушанца', 'рушанец', жен. *rixēnbis* 'дочь рушанца', 'рушанка', ш.-р. гр. *qarqizbus* 'сын киргиза', 'киргизец', жен. *qarqizbis* 'дочь киргиза', 'киргизка';

д) показатели *-bus* и *-bis* присоединяются также к дифференцированным по родам существительным и выражают одновременно род и пол одушевленных предметов. В результате каждое имя содержит двойное родовое оформление: ш.-р. гр. *šaxbus* 'цыпленок', 'петушок', жен. *šaxbis* 'курочка'; р. *ažōrgbus*, б.-ршв. *ažōrgbus* 'ягненок-самец', жен., р., б.-ршв. *ažērbis* 'ягненок-самка'; р.-х. *šōrgbus*, б.-ршв. *šōrgbus* 'теленка', жен. р.-х., б.-ршв. *šērgbis* 'телка'.

§ 197. Когда существительное мужского и женского рода (пола) с формантами *-bus* и жен. *-bis* одновременно приобретают оттенки ласкательности и уменьшительности, к ним присоединя-

ется суффикс ш.-бдж., б.-ршв., х. -ik, -ak, р. -ak: ш.-бдж. wārgbusic (...-ak), р. aʒorbusak, б.-ршв. aʒōrbusic 'ягненок-самец', ш.-бдж. šīgbusic (...-ak), р. šogbusak, х. šogbusic (...-ak), б.-ршв. šōgbusic (...-ak) 'теленочек-самец', жен. ш.-бдж. wārgbicik (...-ak), б.-ршв. aʒērbicik (...-ak), р. aʒērbicak 'ягненок-самка'; ш.-бдж. šīgbicik (...-ak), б.-ршв. šēgbicik (...-ak), р. šēgbicak 'теленочек-самка', ш.-бдж. jūnbusic, х., б.-ршв. jōnbusic, р. jōnbusak 'миленький', жен. ш.-бдж. jūnbicik, х., б.-ршв. jōnbicik, р. jōnbicak 'миленькая'. Однако для выражения оттенка уменьшительности к существительным присоединяется в основном суффикс -ak: ш.-бдж. šīgbusak 'теленочек', šīgbicak 'телка'.

Вместе с тем нужно особо подчеркнуть следующее предназначение суффиксов -bus/-bic: поскольку лексические и семантические отличия одушевленных имен способствуют их делению на существительные мужского рода (имена мужского пола) и женского рода (имена женского пола), то употребление при них родоразличающих суффиксов можно считать добавочным и в известной мере даже избыточным. Распространение этих формантов на неодушевленные предметные имена играет весьма важную роль в уточнении и оформлении существительных по родам, так как по отношению к неодушевленным существительным лексическое и семантическое родовое противопоставление не может быть применено.

§ 198. Употребление и сфера распространения родовых суффиксов -bus, жен. -bic при неодушевленных существительных имеет следующие закономерности:

Суффикс -bus примыкает к существительным, традиционно относящимся к мужскому роду, а к существительным женского рода присоединяется суффикс -bic. При подчеркивании уменьшительности существительные осложняются еще суффиксом -ak. Примеры употребления суффикса муж.р. -bus с неодушевленными существительными мужского рода: ш.-р.гр. kulčabus(ak) 'лепешечка', ш.-р.гр. kuščakbus(ak) 'кувшинчик', ш.-р.гр. kurtabus(ak) 'рубашечка', ш.-бдж. wiðōrbus(ak) 'холмик', ш.-р.гр. avribus(ak) 'облачко', ш.-р.гр. kūbus(ak), tāxbus(ak) 'горка', 'маленькая гора', ш.-бдж. bīgbus(ak), р.-х. bogbus(ak), б.-ршв. bōgbus(ak) 'кувшинчик', ш. simūdbus(ak), бдж.

simubus(ak), р.-х. samūgbus(ak) 'маленькая корзиночка' и т.д.

Примеры употребления суффикса жен.рода с неодушевленными существительными женского рода: ш.-бдж. žīrbic(ak), р., б.-ршв. žērbic(ak), х. žærbic(ak) 'каменек', ш.-бдж. bīgbic(ak), р.-х., б.-ршв. bēgbic(ak) 'кувшинчик маленького размера', ш.-бдж. šibbic(ak), р.-х., б.-ршв. šēbbic(ak) 'ложечка', ш.-бдж. dēkbic(ak), р.-х., б.-ршв. dīgbic(ak) 'котелок', ш.-р.гр. šakālbic(ak), zimcbic(ak) 'маленький участок земли', ш.-р. гр. istōlbic(ak) 'столик' и т.д.

При одновременном выражении уменьшительности и ласкательности неодушевленные существительные, так же как и одушевленные, осложняются специальным ласкательным суффиксом -ik, р.-ак. Примеры муж.рода: ш.-бдж. pūstīnbusic, х., б.-ршв. pūstīnbusic, р. pūstīnbusak 'шубенка'; kurtabusic, р. kurtabusak 'рубашечка'. Примеры жен.рода: rakōlbicik, rakōlbicak 'тубетейка', 'тубетейка', ш.-бдж. xitōrjūbicik, х., б.-ршв. xitōrjūbicak, р. xitōrjūbicak 'звездочка' и т.д.

Когда же специально подчеркивается значение уменьшительности (при отсутствии ласкательности) родоразличающие форманты осложняются суффиксом -ak; ср. муж.род: ш.-бдж. pūstīnbusak, р.-х., б.-ршв. pūstīnbusak 'маленькая шубка'; жен. р.: ш.-р.гр. rakōlbicak 'маленькая тубетейка' и т.п.

§ 199. Родовая дифференциация -bus и -bic сохраняется также при их комбинаторном употреблении с суффиксом множественного числа -ēn (-yēn). Анализ многочисленных данных свидетельствует о том, что во множественном числе к существительным мужского рода присоединяется -bus, а к именам женского рода -bic.

Посредством формантов -busēn и -bicēn различные по семантике существительные (как одушевленные, так и неодушевленные) получают родовое оформление. При употреблении -busēn и -bicēn с одушевленными именами одновременно различается и род и пол существительного. С помощью указанных формантов осуществляется родовое противопоставление следующих типов существительных:

а) одноосновные имена с родовой перегласовкой в корне:

муж. род -busēn

жен. род -bīcēn

ш.-р.гр. giļbusēn 'козлята'
 ш.-р.гр. ūiļbusēn 'петушки'
 р.-х. ūogbusēn, б.-ршв. ūog-
 busēn 'телята'
 р.-х. aļogbusēn, б.-ршв. aļog-
 busēn 'ягнята-самцы'
 ш.-р.гр. kudbusēn 'собачки-
 самцы'
 ш.-бдж. nibōsbusēn, р.-х. na-
 busbusēn, б. nabōsbusēn
 'внуки', 'внуцата'

ш.-р.гр. giļbīcēn 'козочки'
 ш.-р.гр. ūaļbīcēn 'курочки'
 р.-х., б.-ршв. ūēgbīcēn 'тел-
 ки'
 р.-х., б.-ршв. aļēgbīcēn 'яг-
 нята-самки'
 ш.-р.гр. kīdbīcēn 'собачки-
 самки'
 ш.-бдж. nibēsbusēn, р.-х., б.
 nabēsbusēn 'внуки', 'вну-
 ченьки'

б) одноосновные имена без родовой перегласовки в кор-
не:

муж. род -busēn

жен. род -bīcēn

ш.-бдж. хērbusēn, р.-х., б.
 -ршв. хērbusēn 'племянники'
 ш.-р.гр. kurabusēn 'жеребцы'
 ш.-р.гр. pišbusēn 'коты'
 ш.-бдж. maḡkābbusēn 'осля-
 та-самцы'
 ш.-бдж. wārgbusēn 'ягнята-
 самцы'
 ш.-бдж. ūīgbusēn 'телята'

ш.-бдж. хērbīcēn, р.-х., б.-
 ршв. хērbīcēn 'племянницы'
 ш.-р.гр. kurabīcēn 'жеребя-
 та-самки'
 ш.-р.гр. pišbīcēn 'кошечки'
 ш.-бдж. maḡkābīcēn 'ослицы'
 'ослята-самки'
 ш.-бдж. wārgbīcēn 'ягнята-
 самки'
 ш.-бдж. ūīgbīcēn 'телки'

Родовое отличие -bus и -bīc сохраняется также при их
 употреблении с разноосновными существительными, противопоста-
 вляемыми друг другу по роду и полу: ш.-р.гр. viḡbusēn 'бра-
 тнишки' - uaxbīcēn 'сестрички'; ш.-бдж. ūīabusēn, р.-х. ūa-
 babusēn 'ребятишки', 'мальчишки' - ш.-р.гр. ūāsbīcēn 'дево-
 чки'; ш. nibānbusēn, бдж., р.-х. naḡbāndbusēn 'бычки', 'теля-
 та-самцы' - ш.-бдж. faḡūmōsbīcēn, р.-х. faḡūmōsbīcēn 'тел-
 ки'.

В тех случаях, когда отсутствует лексическое противопос-
 тавление существительных по роду и полу, и вообще нет необ-
 ходимости подчеркнуть особи мужского и женского пола, то при
 формах мн. числа одушевленных существительных обоих родов
 чаще всего употребляется формант муж. рода: -bus; ш.-р. гр.
 wībībīcēn 'воробьишки' (ш.-р.гр. wībīc 'воробей', 'пташка' -
 жен.р.); ш.-бдж. wīlḡmānēn, р., б.-ршв. wīlḡmānēn 'мышата' (ш.-
 бдж. wīlḡ, р., б.-ршв. wīlḡ 'мышь' - муж.р.); ш.-бдж. kīžēre-
 busēn, р.-х. kīžērbīcēn, б. kaḡžērbīcēn 'птеныцы сороки'
 (ш.-бдж. kīžēre, р.-х. kīžēre, б. kaḡžēre 'сорока' - жен.р.).

§ 200. Дифференцирование по роду -bus, -bīc широко
 употребляется также при форме множественного числа неодушев-
 ленных существительных. Для неодушевленных предметов, как
 правило, характерно парное родовое противопоставление. Од-
 нако примыкание родовых формантов мн. числа -busēn/-bīcēn со-
 ответственно к существительным муж. и жен. рода также и в
 данном случае носит закономерный характер. Примеры употре-
 бления форманта мужского рода -bus с существительными мужско-
 го рода во множественном числе: ш.-р.гр. kurabusēn 'рубашеч-
 ки', ш.-р.гр. pišabusēn 'маленькие посохи', ш.-бдж., б. ūog-
 busēn, р.-х. ūogbusēn 'палочки', ш.-р.гр. tāxbusēn 'малень-
 кие горы', ш.-бдж. pūstīnbusēn, р.-х., б.-ршв. pūstīnbusēn
 'шубочки', 'маленькие шубки', ш.-р.гр. kaḡtakbusēn 'палоч-
 ки'.

Существительные, традиционно относящиеся к женскому ро-
 ду, во множественном числе сохраняют формант -bīc; ш.-бдж.
 wēbbīcēn 'ивовые саженьцы', ш.-бдж. wēbbīcēn, р.-х. wēbbīcēn
 'снежки', ш.-бдж. wōlībīcēn, р.-х. wālībīcēn 'бороздки', ш.-
 бдж. wīzībīcēn, р.-х. wīzībīcēn 'водопадки', ш.-р.гр. ūaļ-
 nabīcēn 'ручейки', ш.-бдж. ūārbīcēn, р., б.-ршв. ūērbīcēn, х.
 ūaḡrbīcēn 'камешки'.

§ 201. Родоразличительная нагрузка и сфера распро-
 странения формантов -bus и -bīc неравномерны. Формант -bus выде-
 ляется относительной употребительностью и продуктивностью.

В тех случаях, когда нет необходимости в подчеркивании
 противопоставления существительных по полу и роду, то исполь-
 зуется, как правило, формант -bus(ēn). Употребление -bus(ēn)

безотносительно к родовой дифференциации наблюдается, главным образом, при именах, имеющих собирательное значение: ш.-р.гр. *ḡaḡbus(ēn)* 'цыплята'; ш.-бдж. *zarīzbus(ēn)*, р.-б.-ршв. *zarēzbus(ēn)*, х. *zarēzbus(ēn)* 'куропаточки'; ш.-бдж. *cisubus(ēn)*, р.-х. *casawbus(ēn)* 'птенцы улара'; ш.-бдж. *baḡgala-bus(ēn)*, р.-х. *hawriḡbus(ēn)* 'ребята', ш.-р.гр. *rīmbus(ēn)* 'тополевые саженцы' и т.д.

Каждое из приведенных существительных в речи может реализоваться в двух формах - ед. и мн.: ш. *sāwām zarībus xu-rd anjāvām* // *sawām zarīzbusēn xu-rd anjāvām* 'мы идем поймав для себя куропаточек'; ш. *yu rīmbus fukaḡ qōq sabj* // *wāb rīmbusēn-ēn fūkaḡ qōq sabj* 'те тополевые саженцы все засохли'; р. *yid hawriḡbus lāk pa maktab awt* // *ḡaḡ hawriḡbus(ēn) lāk pa maktab sawām* 'те ребятки пусть идут в школу'.

факультативное употребление суффикса мн.числа в данном случае связано с семантикой имен, поскольку само существительное имеет значение множественности и поэтому не нуждается в обязательном участии показателя мн.числа.

§ 202. Наблюдается весьма интересный факт, когда показатель муж. рода -bus в редких случаях присоединяется к словам, обозначающим лицо женского пола. Нами зафиксированы слова *ḡasbus* 'девчонка', 'девчурка' и *rizīnbus* 'дочурка', 'дочурочка', где, как нам представляется, формант -bus выполняет не родоразличительную функцию, а экспрессивную и ласкательную нагрузку. При этом указанные слова при сочетании с местоимениями, глаголами сочетаются с формами жен.рода и поэтому в целом должны рассматриваться как слова женского рода. Примеры: р. *tu mānd dūm ḡasbus as baḡ sirēw* 'теперь ты отними девочку от (сосания) груди' (р.-х. *dūm* - косвенная форма указательного местоимения жен.р. к муж. р.-х. *ḡay*); бдж. *k-ā mi rizīnbus ḡagēn qatī radē vad* 'та моя дочурка с телятами находилась там - наверху' (ш.-бдж. *k-ā*, *yā* - форма жен. рода указательного местоимения прямого падежа к муж. к-у, *yu* 'тот'; *vad* 'была' - основа пром. жен. к муж. *vud* 'был', 'находился').

Таким образом, отменные форманты -bus(ik), -bis(ik) играют большую роль в дифференциации существительных по полу

и соответственно по грамматическому роду. В данном случае показателен тот факт, что -bus(ik) и -bis(ik), первоначально использовавшиеся для различения пола живых объектов, стали продуктивными показателями по выражению категории рода как одушевленных, так и предметных (неодушевленных) существительных.

§ 203. Большой интерес представляет также структурное и семантическое развитие ш.-бдж. *kāl*, р.-х. *kol*, б.-ршв. *kōl* и ш.-р.гр. *kāl* с общим значением 'голова'.

Вопрос о том, восходят ли обе эти формы к одному и тому же источнику или же, как полагает Г.Моргенштерне (1974,40), слово *kāl* является заимствованной и адаптированной формой персидского (таджикского) *kal(1)a*, остается пока открытым. Детальное рассмотрение их семантики, функции и круга словарной сочетаемости на синхронном уровне в известной мере может способствовать уточнению этимологии упомянутых лексем.

§ 204. Общность и отличие описываемых лексем заключается в следующем: а) как существительные они относятся к категории мужского рода, что легко доказывается синтаксически: ш.-бдж. *dī xu kāl zini* 'помой свою голову'; ш. *wi-nd yulā kīl vud* 'у него была большая голова' (*dī* - форма косв. падежа муж.рода указательного местоимения к жен. *dam*, *vud* 'был' - основа пром. времени муж. к жен. *vad* 'была'); б) оба они являются синонимами и употребляются в значении 'голова', 'волосы'.

Вместе с тем они отличаются друг от друга стилистически, употребительностью, сочетаемостью с другими словами, а также грамматической предзнаменностью. Слово *kāl* в значении 'голова' употребляется преимущественно по отношению к лицу-человеку, а *kīl* - к животным (ср. ш. *mi kāl dārō kiḡt* 'у меня голова болит' - ш. *yā ḡir ḡōd wi ḡiḡ kīl-and* 'камень угодил в голову быка'; ш.-бдж. *kīl-at rōlḡak*, р.-х. *kōl-at ralḡak* 'голова и ноги (животных)'). Форма *kāl*, будучи нейтральной к родовой изменению, широко употребляется в значении наречия и послелога: ш. *kāl-and-um turd luvjat* 'вначале я тебе сказал'; бдж. *kāl as baḡr-at yu yat* 'в начале весны он приехал'. При употреблении *kāl* в словосложениях в качестве послелога начальный к- может озвончаться: ш. *sut tar wam*

mās-gāl 'пошел он к краю армыка'; ш. pi zins kāl yal xist 'в верхней части участок земли еще влажный'.

На основе существительного kīl (ш.-бдж.), kol (р.-х.), kōl (б.-ршв.) 'голова' возникло прилагательное со значением 'безрогий' с родовым изменением (только в шугнанском и баджувском не различается род): р.-х. kol, б.-ршв. kōl, ш.-бдж. kīl 'безрогий', жен. р.-х., б.-ршв. kēl, ш.-бдж. kīl: р.-х. kol xōj (шawōj), б.-ршв. kōl xōj (шawōj), ш.-бдж. kīl xīj (ш. miyij, бдж. miwij) 'безрогий бык (баран)', жен. р.-х. kēl zōw (vaz), б.-ршв. kēl zāw (vaz), ш.-бдж. kīl zōw (vaz) 'безрогая корова (коза)'.

§ 205. В связи с этим остается спорным и нерешенным вопрос об источнике возникновения родовых формантов муж. р. ш.-бдж. -gīl, р.-х. -gol, б.-ршв. -gōl и особенно общей для всех языков формы жен. рода -gāl.

Следует напомнить, что исследователи шугнано-руданской группы языков (в том числе и автор данной работы) при разъяснении вопроса о происхождении указанных родовых показателей придерживались мнения о том, что эти форманты возникли от совпадающих по огласовке значимых лексем со значением 'голова' по следующей схеме ш.-бдж. -gīl от kīl, р.-х. -gol от kol, б.-ршв. -gōl от kōl, а общий для всех языков формант жен. рода -gāl от kāl (Карамшов, 1963, 95; Вайзов, 1966, 18; Карамхудоев, 1973, 62; Курбанов, 1976, 63).

Бесспорным по-прежнему можно считать то, что формант муж. рода возник от kīl (ш.-бдж.), kol (р.-х.) и kōl (б.-ршв.), но от какого именно - от существительного или же от прилагательного? Происхождению форманта жен. рода -gāl от -kāl препятствует еще тот логически неувязный факт, что существительное kāl, относящееся к мужскому роду, не должно было бы превратиться в показатель жен. рода.

Исходным источником форманта муж. рода ш.-бдж. -gīl, р.-х. -gol, б.-ршв. -gōl можно считать не прилагательное, а существительное, главным образом, на том основании, что формант жен. рода -gāl не имеет непосредственной этимологической связи с kāl (если происхождение родовых формантов связывать с вышеупомянутым дифференцированным по роду прилагательным, то развитие могло осуществиться примерно следующим

образом: прилагательное ш.-бдж. kīl, р.-х. kol, б.-ршв. kōl, соответственно дало бы ш.-бдж. -gīl, р.-х. -gol, б.-ршв. -gōl, а форма жен. рода могла возникнуть так: ш.-бдж. kīl, kāl > -gāl; р.-х., б.-ршв. kēl > gēl). Однако поскольку для жен. рода имеем -gāl (а не -gēl), то это наряду с семантической отдаленностью (ср. 'безрогий' и 'голова') свидетельствует о происхождении родовых показателей от существительного.

Что касается происхождения форманта жен. р. -gāl, то он возник по аналогии с моделями а-огласовки жен. рода типа ш.-бдж. xidār 'старшая' к муж. xidār 'старший', ш. bāy, бдж. р.-х., б.-ршв. bāw 'полосатая' к муж. ш. bāy, бдж. baw, р.-х. baw, б.-ршв. bōw 'полосатый'; р. rāst 'красная' к муж. rost 'красный'.

§ 206. Вышеупомянутые родовые показатели присоединяются к некоторым качественным прилагательным и образуют сложные различающиеся по роду прилагательные. В сочетании с недифференцированными по роду простыми прилагательными указанные форманты являются единственными средствами различения рода: ш.-бдж. tērgīl, р.-х. tērgol, б. tōrgōl 'черноголовый', жен. ш.-бдж. tērgāl, р.-х. tērgāl, б. tōrgāl 'черноголовая'; ш.-бдж. zīrdgīl, р.-х. zīrdgol, б.-ршв. zīrdgōl 'рыжий', жен. ш.-р. гр. zīrdgāl 'рыжая'; ш.-бдж. safēdgīl, р.-х. safēdgol, б.-ршв. safēdgōl 'беловолосый', 'седой'; жен. ш.-р. гр. safēdgāl 'беловолосая', 'седая', 'старуха'.

В сочетании с дифференцированными по роду прилагательными осуществляется двойное выражение рода и полное согласование различающихся род компонентов: ш.-бдж. rāstgīl, р. rostgol, б.-ршв. rōstgōl 'красноголовый', 'рыжий', жен. ш.-бдж. rōstgāl, р., б.-ршв. rāstgāl 'красноголовая', 'рыжая', ш. zulīkgīl, бдж. busīkgīl, р.-х. busīkgol, б.-ршв. zulīkgōl 'с маленькой головой' (о мужчине), жен. ш. zalīkgāl, б.-ршв. zīlīkgāl 'с маленькой головой' (о женщине).

Во множественном числе родовая дифференциация не сохраняется и употребляется только форма жен. рода при именах (спределяемых) как муж., так и женского рода: ш. zīrdgāl busīkēn 'желтоголовые козлы'; ш. zīrdgāl vazēn 'желтоголовые козы'.

Формант -gāl используется еще в качестве отменного послелога: ш.-р.гр. tāxgāl 'край камня', 'вершина горы'; ш.-бдж. wēbgāl, р.-х. wēbgāl, б.-рив. wōbgāl 'край арыка', 'у арыка'.

§ 207. В целом о родовых формантах -buc(ik)/жен. -bic(ik) и ш.-бдж. -gāl, р.-х. -gol, б.-рив. -gōl/жен. -gāl можно заключить следующее. Родообразовательная способность рассмотренных формантов неодинакова. Отличительной чертой каждой родовой пары является:

1) -buc(ik), жен. -bic(ik) выделяются наиболее последовательным употреблением и выражением различных грамматических функций (рода, уменьшительности, ласкательности, единичности и множественности). Эти форманты в отличие от остальных показателей сохраняют родовую дифференциацию также и при образовании мн. числа существительных и поэтому сближаются с некоторыми первичными суффиксами, такими как напр. ш.-бдж. -ēj, р.-х., б.-рив. -ij, жен. ш.-бдж. -ēz, р.-х., б.-рив. -iz.

2) показатели ш.-бдж. -gāl, р.-х. -gol, б.-рив. -gōl, жен. ш.-р.гр. -gāl образуют лишь определенную (в семантическом отношении) группу прилагательных и в отличие от первых форма жен. рода может употребляться также и при образовании мн. числа существительных как мужского, так и женского (ш.-бдж. tērgāl bucēn 'черноголовые козлы', tērgāl vazēn 'черноголовые козы').

§ 208. Переход значимых слов в показатели категории рода можно считать живым явлением. Подобная трансформация распространяется даже на заимствованные лексические и грамматические единицы, обозначающие пол в тех языках, откуда они заимствуются.

Для различения собственных мужских имен широко используются компоненты šō, šō, šā (из перс., тадж. šoh, šah 'шах', 'правитель'), bēk, baug (из турк. bek 'правитель'), а в женских собственных именах употребляется mō (из перс., тадж. moh, mah, др.-ир. māh- 'месяц', 'луна'), bēgim (из турк. begim 'госпожа'). Адаптация этих лексем происходила в различные исторические эпохи, в результате чего на базе одного и того же исходного слова возникли и развились разные фонетические

и семантические варианты не только при именах собственных, но также и при их свободном употреблении (см. еще § 30); ср. ш.-р. šō 'духовное лицо' и šā 'правитель' (мн. число šayēn). Слово bēk в значении 'правитель' во всех языках было принято без изменения, однако при использовании его в качестве собственных мужских имен или их компонента в рушанском, хуфском, бартангском и рошорвском претерпело фонетическое изменение и реализуется в форме baug: Nazarbaug, Šōbaug при ш.-бдж. Nazarbēk, Šōbēk.

Широкому распространению и родовой закреплённости компонента mō (из тадж. moh 'месяц', 'луна') при женских собственных именах наряду с заимствованием самих женских имен, очевидно, способствовал еще тот факт, что исконный эквивалент-синоним ш.-бдж. mēst, р.-х. mēst, б.-рив. mōst 'месяц', 'луна' (из *masti-, хот. māstā-, др.-инд. māś-) и синхронно и исторически относится к жем. роду (ср. ш.-бдж. mēst mōst, р.-х. mēst nāst 'луна взшла' - муж. ш.-бдж. nūst, р.-х. nost 'сел', 'взошел').

Все эти форманты активно участвуют в образовании соответствующих мужских и женских имен.

§ 209. Собственные имена с компонентами муж. šō, жен. mō:

Мужские имена ш.-р.гр.	Женские имена ш.-р.гр.
Ajabšō	Ajabmō
Dawlatšō	Dawlatmō
Nazaršō	Nazarmō
Niyōzšō	Niyōzmō
Farpišō	Farpimō
Sayidšō (ш. также Sayidšō)	Sayidmō (ш. также Sayidmō)
Qurbōnšō (ш.-бдж. Qurbūnšō)	Qurbōnmō (ш.-бдж. Qurbūnmō)
Šōdawlat	Mōdawlat
Šōjōn (ш.-бдж. Šōjūn)	Mōjōn (ш.-бдж. Mōjūn)

и т.п.

§ 210. Собственные имена с компонентами муж. бек/ хен.
begin:

Мужские имена		Женские имена
ш.-бдж.	р.-х., б.-ршв.	ш.-р.р.
Awōbēk	Awōbays	Awōbēgin
Amūnbēk	Amōnbays	Amōnbēgin
Baxtibēk	Baxtibays	р.-х., б.-ршв. Amōnbēgin Baxtibēgin
Watanbēk	Watanbays	Watanbēgin
Gulbēk	Gulbays	Gulbēgin
Dawlatbēk	Dawlatbays	Dawlatbēgin
Yōrbēk	Yōrbays	Yōrbēgin
Lālbēk	Lālbays	Lālbēgin
Marōdbēk	Marōdbays	Marōdbēgin
Nazarbēk	Nazarbays	Nazarbēgin
Ōzōdbēk	Ōzōdbays	Ōzōd(al)bēgin
Rawšānbēk	Rawšānbays	Rawšānbēgin
Sayıdbēk	Sayıdbays	Sayıdbēgin
Siltınbēk	Siltınbays	ш.-бдж. Siltın - bēgin; р.-х., б.- ршв. Siltınbēgin
Sōbēk	Sōbays	Sōbēgin
Xōjabēk // Kūjabēk	Xōjabays	Xōjabēgin
Qırızbēk, Qarızbēk	Qarızbays	Qırızbēgin, Qarızbēgin

§ 211. В советский период дифференциация фамилий мужчин и женщин осуществляется заимствованными из русского суффиксами -(y)uf, (-y)ēv//жен. (y)ıvā, (y)ēvā, (y)ıvā (в. Māmad-šōyuf// Māmadēbōyivā, Sayıdbēkuf// Sayıdbēkuvā).

Для нас важно переосмысление этих заимствованных суффиксов; они употребляются соответственно в значениях 'сын' и 'дочь' и могут служить для родового различения лиц без упоминания собственного имени. Об этом свидетельствуют следующие примеры: ш. ku lıv, tō-t ōı-ıvā'скажи: чья ты дочь?'; wız as-kā fāmım yı ōı-yuf 'откуда мне знать - чей он сын?';

од. уа хи рıа-ıvа са, wı jıvow qobıı, at k-am tu rus ima хи pııp-ıf, wım jıvōw pōšud 'она поскольку папина дочка - способная, а вот этот твой сын - мамин сын, как и она - неспособный'.

Как видим, для выражения категории рода легко усваиваются и применяются наряду с исконными, также и заимствованные форманты.

§ 212. Изменяющиеся по родам качественные прилагательные входят в состав сложных слов и сохраняют функцию выражения рода в сложных существительных и прилагательных.

Качественное прилагательное со значением 'пестрый', 'полосатый' (см. табл. 54) выделяется среди прочих изменяющихся по роду слов данного класса тем, что оно в известной мере грамматизовано и поэтому может быть рассмотрено как формант и уточнитель рода в системе сложных прилагательных. Оно приимкает почти ко всем качественным прилагательным, обозначающим цвет или масть. Четко выделяется также его место в сложных прилагательных: ему всегда предшествует другое прилагательное, ¹⁶ с которым оно сочетается; перестановка компонентов в данном случае не допускается. Структурное изменение (регулярное озвончение ξ в ζ) также может свидетельствовать о грамматизации указанного прилагательного (см. табл. 54).

Таблица 54

Язык	Исходная форма		При словообразовании	
	муж.р.	жен.р.	муж.р.	жен.р.
ш.	ōıı	ōıı	-jıı	-jıı
бдж.	ōıw	ōıw	-jıw	-jıw
р.-х.	ōıw	ōıw	-jıw	-jıw
б.-ршв.	ōıw	ōıw	-jıw	-jıw
	'пестрый', 'полосатый'	'пестрая', 'полосатая'		

¹⁶ Однако в сочетании с именами существительными рассматриваемое прилагательное, как, впрочем, и все остальные,

§ 213. По нашим материалам, указанная здесь форма входит в состав восьми прилагательных. Если предшествующий компонент-прилагательное имеет родовое различие, то достигается полное родовое согласование, т.е. формант муж. рода примыкает к прилагательному муж. рода, а формант жен. рода - к прилагательному жен. рода. Родоразличительная значимость более наглядно проявляется при сложении с недифференцированными по роду прилагательными, где рассматриваемый формант является единственным средством различения рода. Приводим перечень засвидетельствованных сложных прилагательных:

ш.	бдж.	р.-х.	б.-ршв.	Букв.перевод
м. čūy-mil-jūy, čuw-mil-juw	čuw-mil-jūw	čūw-mil-jūw	čōw-mil-jōw	'полосатый', 'пестрый'
ж. čāy-mil-jāy, čāw-mil-jāw	čāw-mil-jāw	čāw-mil-jāw	čāw-mil-jāw	
м. vūr-jūy, vūr-juw	vūr-jūw	vūr(a)-jūw	vūr(a)-jōw	'буро-пестрый', 'пестрый, с бурым оттенком'
ж. vūr-jāy, vūr-jāw	vūr-jāw	vūr(a)-jāw	vūr(a)-jāw	
м. tēr-jūy, tēr-juw	tēr-jūw	tēr(a)-jūw	tōr(a)-jōw	'черно-пестрый'
ж. tēr-jāy, tēr-jāw	tēr-jāw	tēr(a)-jāw	tōr(a)-jāw	
м. zīrd-jūy, zīrd-juw	zīrd-jūw	zīrd(a)-jūw	zīrd(a)-jōw	'желто-пестрый'
ж. zīrd-jāy, zīrd-jāw	zīrd-jāw	zīrd(a)-jāw	zīrd(a)-jāw	
м. safē-jūy, safē-juw	safē-jūw	safē-jūw	safē-jōw	'бело-пестрый', 'полосатый'
ж. safē-jāy, safē-jāw	safē-jāw	safē-jāw	safē-jāw	
м. xīn-jūy, xīn-juw	xīn-jūw	xīn(a)-jūw	xīn(a)-jōw	'серо-пестрый'
ж. xīn-jāy, xīn-jāw	xīn-jāw	xīn(a)-jāw	xīn(a)-jāw	

стоит на первом месте; ср. ш. čāy-dūš, бдж. čāw-dūš 'сорт тутовых ягод полосатого цвета', ш. čūy-bōšā, бдж. čuw-bōšā 'вид удода'.

м. rūšt-jūy, rūšt-juw	р. rošt(a)-jūw	rōšt(a)-jōw	'красно-пестрый', 'светло-бурый'
ж. rūšt-jāy, rūšt-jāw	х. rūšt(a)-jāw	rūšt(a)-jāw	
м. rōšt-jūy, rōšt-juw	р. rāšt(a)-jūw	rāšt(a)-jōw	'зелено-пестрый'
ж. rōšt-jāy, rōšt-jāw	х. rāšt(a)-jāw	rāšt(a)-jāw	
м. sāvz-jūy, sāvz-juw	сāvz(a)-jūw	sāvz(a)-jōw	'белой по-досой по жи-воту'
ж. sāvz-jāy, sāvz-jāw	х. sāvz(a)-jāw	sāvz(a)-jāw	'полосатый'
м. qamīr-jūy, qamīr-juw	qamīr(a)-jūw	qamōr(a)-jōw	
ж. qamār-jāy, qamār-jāw	qamār(a)-jāw	qamār(a)-jāw	

При множественном числе существительных мужского и женского рода употребляется, главным образом, прилагательное в форме женского рода. Однако использование прилагательных в форме муж. рода также допускается. Примеры сочетания дифференцированных по роду прилагательных с существительными мн. ч. муж. рода: ш. zīrd-jāy (// zīrd-jūy) bučēn, бдж. zīrd-jāw (// zīrd-juw) bučēn 'рыжие козлы'; ш. rōšt-jāy (// rūšt-jūy) xājēn, бдж. rōšt-jāw (// rūšt-juw) xājēn 'светло-бурные быки'; ш. tēr-jāy (// tēr-jūy) miyījēn, бдж. tēr-jāw (// tēr-juw) mi-wajēn 'полосатые бараны'.

§ 214. Важно отметить, что при форме мн. числа неодушевленных существительных-определяемых мужского рода употребляются преимущественно форманты муж. рода: ш. safē-jūy mō-ēn, бдж. safē-juw mōēn 'желтые посохи (палки)'; ш. zīrd-jūy kōlayēn, бдж. zīrd-juw kōlayēn 'желтые ткани'; ш. tēr-jūy pūstēn, бдж. tēr-juw pūstēn, р.-х. tēr-jūw pūstēn, tōr-jōw pūstēn 'полосатые шкуры'.

При существительных-определяемых мн. ч. женского рода (как одушевленных, так и неодушевленных) закономерно используются только прилагательные в форме жен. рода: ш. rōšt-jāy pilēsēn, бдж. rōšt-jāw palēsēn, р., б.-ршв. rāšta-jāw palē-

sēn 'краснополосые паласы'; ш. tēr-jāy čōdarēn, бдж. tēr-jāw čōdarēn, р.-х. tēr-jāw čōdarēn, б.-ршв. tōr-jāw čōdarēn 'полосатые простыни'; ш. tēr-jāy vāxēn, бдж. tēr-jāw vāxēn, р.-х. tēr-jāw vāxēn, б.-ршв. tōr-jāw vāxēn 'полосатые веревки'; ш. zīrd-jāy vaxēn, бдж., р.-х., б.-ршв. zīrd-jāw vaxēn 'козьи рожки полосами', 'желтые козы' и т.п.

Выражение рода в сложных именах

§ 215. Совершенно неизученным является вопрос родовой принадлежности сложных имен — как существительных, так и прилагательных. Анализ материалов свидетельствует о том, что если родовая принадлежность простых существительных основывается на характере их огласовок и семантических особенностях, то отнесенность сложных имен к тому или другому роду в

целом связано с местом, порядком и различаемостью по роду компонентов, входящих в состав сложных слов. При этом родовая отнесенность сложных прилагательных осуществляется исключительно дифференцированными по роду компонентами (типа kut-šum 'короткохвостый', жен. kat-šum 'короткохвостая'), однако род сложных существительных наряду с родовыми компонентами может быть выражен также компонентами, не имеющими морфологического оформления.

Поскольку изменяющиеся по роду качественные прилагательные в количественном отношении преобладают над дифференцированными по роду существительными, то аналогичная неравномерность прослеживается также и в словообразованиях. Различающие род одноосновные прилагательные играют относительно большую роль в грамматическом оформлении сложных имен по роду. К тому же любое сложное изменяемое по роду прилагательное при отсутствии определяемого-существительного легко субстантивируется.

§ 216. Весьма продуктивно образование сложных прилагательных по модели: дифференцированное по роду прилагательное + недифференцированное по роду имя существительное или же вообще любое другое слово неизменного происхождения. В качестве родоразличающего средства выступает предшествующий ком-

понент, т.е. прилагательное. Наиболее употребительными при словосложении являются следующие различающие род прилагательные (после каждого различающегося по роду прилагательного даются сложные прилагательные): муж. род: ш.-бдж., х. rūšt, р. rošt, б.-ршв. rōšt, жен. ш.-бдж., х. rōšt, р.; б., ршв. rāšt 'красный', 'красная'; ш.-бдж. buq, р.-х. boq, б.-ршв. buq/жен. ш.-бдж. baq, х. bæq, р.-х., б.-ршв. bēq 'выпуклый', 'круглый'; ш.-р.гр. žurn/жен. žarn 'круглый'.

	Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж.р.)
ш.-бдж.	rūš(t)-tōqi	rōš(t)-tōqi	в красной тубетейке, букв. 'красно-тубетейный' (tōqi 'тубетейка' - ж.р.)
х.	rūš(t)-tōqay	rōš(t)-tōqay	
р.	roš(t)-tōqay	rāš(t)-tōqay	
б.	rōš(t)-tōqī	rāš(t)-tōqī	
ршв.	rōš(t)-tōqi	rāš(t)-tōqi	
ш.-бдж.	rūšt-bīc	rōšt-bīc	краснолицый (-bīc < pīc, -bēc < pēc, -bæc < pæc 'лицо' - м.р.)
х.	rūšt-bæc	rōšt-bæc	
р.	rošt-bēc	rāšt-bēc	
б.-ршв.	rōšt-bēc	rāšt-bēc	
ш.-бдж., х.	rūšt-kurtā	rōšt-kurtā	в красном платье (рубашке) (kurtā - 'рубашка', 'сорочка' - м.р.)
р.	rošt-kurtā	rāšt-kurtā	
б.-ршв.	rōšt-kurtā	rāšt-kurtā	
ш.-бдж., х.	rūšt-pūx	rōšt-pūx	одетый в красное (pūx - из тадж. pūš - 'детский')
р.	rošt-pūx	rāšt-pūx	
б.-ршв.	rōšt-pūx	rāšt-pūx	
ш.-бдж.	rūšt-pāli	rōšt-pāli	краснополосый; краснобокий (pāli, pālaw 'бок' - м.р.)
х.	rūšt-pālaw	rōšt-pālaw	
р.	rošt-pālaw	rāšt-pālaw	
б.	rōšt-pālī	rāšt-pālī	
ш.-бдж.	rūšt-nūl	rōšt-nūl	красноклювый (nūl, nūl 'клюв' - м.р.)
р.	rošt-nūl	rāšt-nūl	
х.	rūšt-nūl	rōšt-nūl	

ш.-бдж.	rūšt-sit	rōšt-sit
х.	rūšt-sit	rōšt-sit
р.	rošt-sit	rāšt-sit
б.-ршв.	rōšt-sit	rāšt-sit

с красной почвой,
красноземельный (sit
'почва', 'земля' -
м.р.)

ш.-бдж.	rūšt-nēz	rōšt-nēz
х.	rūšt-nēz	rōšt-nēz
р.	rošt-nēz	rāšt-nēz
б.-ршв.	rōšt-nōz	rāšt-nōz

красноносый (nēz,
nēz, nōz 'нос' - ж.р.)

ш.-бдж.	rūšt-zēm	rōšt-zēm
х.	rūšt-zām	rōšt-zām
р.	rošt-zām	rāšt-zām
б.	rōšt-zām	rāšt-zām

красноглазый (zēm <
cēm, zām < cām 'глаз'
- м.р.)

ш.-бдж.	baq-nēz	baq-nēz
р.	baq-nēz	bēq-nēz
х.	baq-nēz	bæq-nēz
б.	baq-nōz	bēq-nōz

курносый, носатый
(nēz, nēz 'нос' -
ж.р.)

ш.-бдж.	baq-mīb	baq-mīb
ршв.	baq-mēb	bēq-mīb
х.	baq-mēb	bæq-mēb
р.	baq-mēb	bēq-mēb

горбатый, сгорблен-
ный (mīb, mēb 'пояс-
ница' - ж.р.)

ш.-бдж.	baq-nūl	baq-nūl
б.-ршв.	baq-nūl	bēq-nūl
х.	baq-nūl	bæq-nūl
р.	baq-nūl	bēq-nūl

тупоклювый (nūl,
nūl 'клюв' - м.р.)

ш.-бдж.	žurn-bīc	žurn-bīc
р.	žurn-bēc	žurn-bēc
х.	žurn-bæc	žurn-bæc
б.-ршв.	žurn-bēc	žurn-bēc

круглолицый (bīc <
pīc, bēc < pēc, bæc <
pæc 'лицо' - м.р.)

§ 217. В редких случаях прослеживается образование сло-
жных прилагательных от существительного или прилагательного
+ дифференцированное по роду причастия прош. времени или пер-

фектная форма.

	Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж. р.)
ш.-бдж.	mīb-zidūxč	mīb-zidiĭc	'с большой (повреж- денной) поясницей', перен. 'ленивый'
р., б.	mēb-zidūxč	mēb-zidiĭc	
ш.-бдж.	ħur-δōδjīn,	ħur-δēcīn	'приземистый, с опу- щенной головой'
	paħ-δōδjīn	paħ-δēcīn	
б.	ħur-δōjīn,	ħur-δēcīn	
	paħ-δōjīn	paħ-δēcīn	

§ 218. В рошорвском языке в ряде случаев не дифференци-
рованные по роду имена при словосложении подвергаются родо-
вому изменению:

	Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж.р.)
ршв.	tōra-ǰōw	tara-ǰāw	пестрый, пятнистый (tōr 'черный', 'чер- ная')
	tōr-wōl	tār-wēl	
	kata-zām	kata-zēm	большеглазый (kata 'большой', 'боль- шая')
	žilōq-zām	žilēq-zēm	
			лучеглазый

Иногда различающие род компоненты в составе сложных
прилагательных меняют прежнюю родовую модель; ср. ршв. kut-
δum 'короткохвостый', жен. kit-δum при ршв. kut 'короткий',
ж. kat.

Все это свидетельствует об особом пути развития катего-
рии рода в рошорвском (ср. §§ 81-91).

§ 219. Приведенные сложные прилагательные, выступая в
качестве определения, согласуются по роду с именами существ-
тельными-определяемыми и тем самым последние получают син-
таксическое родовое оформление. формы муж. рода предшествуют
существительным муж. рода (щ. kut-δum ħīj 'короткохвостый
бык'; rūšt-sit wībōr 'холм с красной землей'), а перед суще-
ствительными-определяемыми жен.рода употребляются формы жен.

рода (ш. kat-δum žōw 'короткохвостая корова', rōšt-sit zimc 'участок земли с красной почвой').

При отсутствии определяемого каждое прилагательное отражает род подразумеваемого существительного: ш. уц rūt-рūх śāy wēv хēz vud 'кто был рядом с ним (тот) в красной одежде?', ш. уā rōšt-рūх ida di ŷin 'та, одетая в красное - его жена'.

Некоторые родовые формы используются и как названия предметов (чаще живых существ): ш.-бдж. rūt-δumak, rōšt-δumak, б. rašta-δum 'горихвостка', 'краснохвостка' (название птицы).

Недифференцированные по роду сложные прилагательные одновременно сочетаются и с существительными муж. и жен. рода; ср. ш. vūr-bīc miŷiŷ 'буроголовый баран', vūr-bīc maŷ 'буроголовая овца'; ш. zīrd-рūх margīnā 'мужчина, одетый в желтое', zīrd-рūх kaхōу 'женщина, одетая в желтое'.

§ 220. Весьма важным и интересным представляется проявление рода в системе сложных существительных. С точки зрения наличия или отсутствия морфологических показателей можно констатировать, что более распространенным является образование сложных существительных от недифференцированных по роду компонентов.

Среди незначительных по количеству родовых существительных выделяются две группы.

§ 221. Первая группа образуется по модели рассмотренных выше сложных прилагательных и формально отличается тем, что в данном случае родовое противопоставление коррелятов не имеет места.

Словосложение осуществляется присоединением к существительному того или иного рода соответствующего по роду оформленного прилагательного: ш. сах-мūn, бдж. сах-мūn, х. сах-мōwn, р. сах-шāwn 'сорт яблока с кислым вкусом' (из сах 'горькая', 'кислая' к муж. ш.-бдж. сīŷ, р.-х. сох, б.-ршв. сōŷ 'кислый', 'горький' и ш. мūn, бдж. мūn, х. мōwn, р. шāwn 'яблоко' - ж.р.); ш.-бдж. сах-пōš, х. сох-пūš 'сорт абрикоса с горькими зернышками', ш.-бдж. хаŷ-пōš, х. хоŷ-пūš 'сорт абрикоса со сладкими зернышками' (хаŷ 'сладкая' к муж. ш.-бдж. хīŷ, х. хоŷ 'сладкий', ш.-бдж. пōš 'абрикос' - ж.р., х.

288

пūš - ж.р.).

§ 222. Вторая группа имен существительных характеризуется сложением двух существительных, из которых только второй компонент различает род. При этом для существительных, обозначающих животных, возможно образование родовых пар и, стало быть, противопоставление слов по роду:

Муж. род	Перевод	Жен. род	Перевод
ш.-р.гр. ŷōy-buš	дикий кот ¹⁷	ŷōy-biš	дикая кошка
ш.-р.гр. naхcīr-gūŷ	козленок (горного козла)	naхcīr-gūŷ	козочка
ш.-р.гр. naхcīr-buš	горный козел	naхcīr-vaš	горная коза
ш.-бдж. хаŷgōw-ŷiŷ	як-самец, букв. "ячий бык"	хаŷgōw-žōw	ячиха, як-самка, букв. "ячья корова"
р.-х. хаŷgōw-хоŷ		хаŷgōw-žōw	
б.-ршв. хаŷgōw-хоŷ		хаŷgōw-žāw	
р.-х. хаŷgōw-šog	детеныш яка (самец), букв. "ячий теленок"	хаŷgōw-šēg	детеныш яка (самка), букв. "ячья телка"
б.-ршв. хаŷgōw-šōg		хаŷgōw-šēg	
ш.-бдж. хаŷgōw-šīg		хаŷgōw-šīg	

В шугманском и баджувском, как видим, в последнем слове не различается род (ш.-бдж. šīg означает и 'теленка', и 'телка').

Есть также случаи, когда оба компонента содержат морфологические показатели рода:

р.-х. šor-bung	'осленок', 'ослик'	šār-bing	'ослица', 'маленький ослик-самка'
б.-ршв. šōr-bung		šār-bing,	šar-bing

¹⁷ Так традиционно переводится это слово, означающее букв. "скальный кот". Есть основания считать, что это не 'дикий кот' (?), а, возможно, барсук, так как на местных тадж. диалектах это животное называется gurkovuk, gurken букв. "раскапывающий могилы" (ср. W.V.Henning. Zoroaster. Oxford, 1951, p. 23). Прим. ред. (И.С.-К.).

289

§ 223. Для неодушевленных сложных существительных коррелятивное образование родовых пар не наблюдается; при словосложении, как правило, соблюдается согласование по роду сочетаемых компонентов, т.е. форма муж. рода сочетается с существительными муж. рода, а к именам жен. рода примыкает родовой компонент того же жен. рода; ср. р.-х. *kurta-loq*, б. *kurta-lōq* 'обноски платья', 'старое платье', р.-х. *pūstīn-loq*, б. *pūstīn-lōq* 'старая шуба', р.-х., б. *namad-lēq* 'старая кошма', 'остаток кошмы' (*kurta* 'платье', 'рубашка', *pūstīn* 'шуба' - м.р., *namad* 'кошма' - ж.р.).

§ 224. Особый интерес представляет определение рода сложных существительных, образованных от не различающих род компонентов. К тому же важно определить грамматическую нагрузку каждого компонента при уточнении рода сложных слов и проследить закономерности не только в родовой соотнесенности сложных имен, но также и в сочетаемости их компонентов. Образование сложных существительных может осуществляться сочетаемостью компонентов, принадлежащих в отдельности и к одному и тому же роду (типа ш.-бдж. *xičif-būst*, р.-х. *xičof-būst* 'шкура сурка', где оба компонента относятся к муж. роду), и к разным родам (типа ш.-бдж. *pulk-žir*, р. *pulk-žer* 'наковальня из камня', где *pulk* 'молот' - муж.р., а *žir*, *žer* 'камень' - жен.р.). Род сложного слова зависит от рода последующего компонента, поэтому из только что указанных сложных имен первое относится к муж. роду, а второе - к женскому, что доказывается, как правило, синтаксически; ср. ш. *yu xičif-bust sut* 'порвалась шкура сурка' - ш. *yā pulk-žir viraht* 'треснула каменная наковальня (yu... sut - муж.р. к жен. yā... sat; yā... viraht - жен. к муж. yu... viraht).

§ 225. Сочетание существительных и мужского, и женского рода с последующим существительным муж. рода в целом относится к муж. роду:

Имена муж. рода	Перевод и род компонентов
ш.-бдж. <i>maḥ-jušē</i> р.-х. <i>maḥ-jošē</i>	смесь гороха с ячменем (<i>maḥ</i> 'горох' - ж.р., <i>jušē</i> , <i>jošē</i> 'ячмень' - м.р.)

ш.-бдж. <i>ḫar-bun</i> р.-х. <i>aḫar-bun</i>	корень шиповника (<i>ḫar</i> , <i>aḫar</i> 'шиповник' - ж.р., <i>bun</i> 'корень' - м.р.)
ш.-бдж. <i>šir-žun</i> , <i>šir-žand</i> р. <i>ašer-žand</i>	место для сброса золы и мусора (<i>šir</i> , <i>ašer</i> 'зола' - м.р., <i>žun</i> , <i>žand</i> 'место' - м.р.)
ш.-бдж. <i>maḥ-žow</i> р.-х. <i>maḥ-sayiz</i>	жатва гороха (<i>maḥ</i> 'горох' - ж.р., <i>šow</i> , <i>sayiz</i> 'жатва' - м.р.)
ш.-бдж. <i>wōḫ-žow</i> р.-х. <i>wōḫ-sayiz</i>	сенокос (<i>wōḫ</i> 'сено' - м.р.)
ш.-бдж. <i>(a)nōr-būst</i> р.-х. <i>(a)nōr-būst</i>	кожура граната (<i>anōr</i> 'гранат' - ж.р., <i>pūst</i> 'кожура', 'шкура' - м.р.)

§ 226. Родовая значимость последующего компонента (в данном случае компонента муж. рода) настолько сильна, что даже корреляты жен. рода, имеющие вне словосложения оппозицию по роду и полу, при указанном сочетании не могут влиять на род сложных имен. Поэтому и в данном случае сочетание имен и мужского, и женского рода с последующим существительным муж. рода согласуется, как и выше, по мужскому роду:

Имена муж. рода	Перевод и род компонентов
ш.-бдж. <i>giḫ-būst</i> р.-х., б. <i>giḫ-būst</i>	шкура козочки (<i>giḫ</i> 'козочка' - ж.р., <i>pūst</i> , <i>pūst</i> 'шкура' - м.р.)
ш.-бдж. <i>guḫ-būst</i> р.-х., б. <i>guḫ-būst</i>	шкура козленка (<i>guḫ</i> 'козленок' - м.р.)
ш.-бдж. <i>žow-būst</i> р.-х. <i>žow-būst</i> б.-ршв. <i>žaw-būst</i>	шкура коровы (<i>žow</i> , <i>žaw</i> 'корова' - ж.р.)
ш.-бдж. <i>xiḫ-būst</i> р.-х. <i>xiḫ-būst</i> б.-ршв. <i>xiḫ-būst</i>	шкура быка (<i>xiḫ</i> , <i>xiḫ</i> , <i>xiḫ</i> 'бык' - м.р.)
ш.-бдж. <i>buč-būst</i> р.-х., б. <i>buč-būst</i>	шкура козла (<i>buč</i> 'козел' - м.р.)

ш.-бдж. vaz-büst
р.-х., б. vaz-büst

шкура козы (vaz 'коза' - ж.р.)

Все вышеприведенные сложные существительные сочетаются с показателями муж. рода, что и служит доказательством их отнесенности к муж. роду, например: ш. di giĵ-büst mu-rd dāk, ху rüstīn-ard zūy kīnum 'дай мне эту (м.р.) козью шкуру, сделав рукав для своей шубы'; х. ku day maĵ-bōĵ taraw vāg, xāgām day 'принеси-ка сюда тот (м.р.) вареный горох, съедим его (м.р.)'.

§ 227. Категория сложных существительных жен. рода связана также с родовой принадлежностью второго по месту компонента. Род предшествующего компонента также и здесь не играет никакой роли. Сочетание существительных и мужского и женского рода + существительное жен. рода идет по жен. роду.

Приводим примеры на сочетание сложных существительных из числа компонентов жен. рода:

Имена жен. рода	Перевод и род компонентов
ш.-бдж. nōš-xiĵrā р. nūš-xaĵrā	похлебка с абрикосами (nōš, nūš 'абрикос', xiĵrā, xaĵrā 'похлебка' - ж.р.)
ш.-бдж. kōšī-xiĵrā р.-х. kōšī-xaĵrā	густая похлебка, мучной кисель (kōšī 'мучной кисель' - ж.р.)
ш.-бдж. almōs-žīg р. almōs-žēg	кварц (almōs 'алмаз', žīg, zēg 'камень' - ж.р.)
ш.-р.гр. šōy-ĵac	вода для чая (šōy 'чай', ĵac 'вода' - ж.р.)
ш.-бдж. šūy-ĵarvō р.-х. šūy-ĵurvō	похлебка с пахтаньем (šūy, šūy 'пахтанье', ĵarvō, ĵurvō 'похлебка' - ж.р.)

§ 228. Сочетание существительного муж. рода + существительное жен. рода относится к женскому роду:

Имена жен. рода

Перевод и род компонентов

бдж. nāx-vidīrm р.-х. nox-vidīrm	веник для подметания нар (nāx, nox 'нар' - м.р., vidīrm, vidīrm 'веник' - ж.р.)
ш.-бдж. būn-ĵarvō р.-х., б.-ршв. būn-ĵurvō	мучной отвар, мучная похлебка (būn 'мука' - м.р., ĵarvō, ĵurvō 'отвар', 'бульон' - ж.р.)
ш.-бдж. rūng-wiḥiĉ р. purg-wiḥiĉ ршв. purg-waḥiĉ	название воробья (rūng, purg 'мышь' - м.р., wiḥiĉ, waḥiĉ 'воробей' - ж.р.)
ш.-бдж. xidōrĵ-žīg р. xadūrĵ-žēg ршв. xadār(ĵ)-žēg х. xadūrĵ-žēg	жернов (xidōrĵ, xadūrĵ 'мельница' - м.р., žīg, žēg, žēg 'камень' - ж.р.)
ш.-бдж. ſūvd-xiĵrā х. ſūvd-xaĵrā р. ſuvd-xaĵrā	молочный кисель, молочная похлебка (ſūvd, ſuvd 'молоко' - м.р., xiĵrā, xaĵrā 'похлебка' - ж.р.)
ш.-бдж. bust-ĵac х. šūst-ĵac р. šest-ĵac б. šōst-ĵac	вода для мытья рук (bust, šūst, šest 'рука' - м.р.; ĵac 'вода' - ж.р.)
ш.-бдж. kāl-xēit р.-х. kal-xēit	корыто для мытья головы (kāl 'голова' - м.р., xēit, xēit 'корыто' - ж.р.)

В предложениях приведенные выше имена получают синтаксическое оформление по жен. роду: р. dam almōs-žēg mu-rī dāk 'дай мне этот (ж.р.) кварц'; ш. ar dam kāl-xēit-ta rūĵōk mis zīnīyēn 'в этом (ж.р.) предназначенном для мытья головы корыте также и белье стирают'.

§ 229. Сложные существительные, образованные от прилагательных + существительные муж. и жен. рода, также соответственно могут относиться в одном случае к муж. роду (если к этому роду принадлежит второй компонент), а в другом - к жен. роду. Примеры сложных существительных: а) мужского рода:

ш.-бдж., р.-х. *sāvz-wōx* 'семя', *zimār-wōx* 'солома', 'саман';
б) жен. рода: ш.-бдж. *tēr-ōbu*, *talx-ōbu*, р.-х. *tēr-ōbu*, *talx-ōbu* 'черный чай', *kabūt-ōbu* 'зеленый чай', ш.-бдж. *t-g-sigōw*, ршв. *tar-sigāw* 'лучина', букв. "черная свеча" и т.п. Примеры во фразе: ш. *parwōs māš-and sāvz-wōx lar vūd-at zimār-wōx aūs vūd* 'в прошлом году семя-то у нас много было (м.р.), а самана было (м.р.) мало'.

Таким образом, последующий компонент является регулятором родовой соотношенности сложных существительных, в чем можно видеть аналогию суффиксальному способу выражения рода в именах.

§ 2.Ю. В целом о выражении рода имен существительных и прилагательных при суффиксации и словосложении можно заключить следующее:

1. Суффиксальный способ выражения рода является продуктивным средством различения рода в системе существительных и прилагательных.

2. При реализации первичных (исконных) родовых суффиксов между языками обнаруживаются значительные расхождения, о чем, в частности, свидетельствует наличие ряда изменяющихся по роду суффиксов в одном языке (ср. б. *-ōk/жен. -ēk*, *-ōj/-ēj*) или группе языков (ср. р.-х. *-on*, б.-ршв. *-ōn/жен. -ān*, р.-х. *-ūč*, б. *-ōč/-ēs*) и их полное или частичное отсутствие в других (в данном случае в шугнанском и баджувском); ср. р.-х. *nawon* 'плаксивый', жен. *nawān*, б.-ршв. *nawōn/жен. nawān* при одной не различающей род форме в шугн. *nāwīj* 'плаксивый', 'плаксивая'; р.-х. *wafūč*, б. *wafōč* 'ткач'/жен. *wafēs* 'ткачиха' при ш.-бдж. *wāfīj* 'ткач', 'ткачиха'. Это дает основание говорить об относительно большей морфологической возможности бартангского, роморвского, рушанского и хуфского. В то же время нельзя забывать о синтаксическом преимуществе шугнанского и его баджувского диалекта, где указательное местоимение (артикл) *u* 'он', 'то(т)'/жен. *uā* 'она', 'та' при одной не различающейся по роду форме в остальных языках (р., б.-ршв. *uā*, х. *uaw* 'он', 'она', 'тот', 'та') является регулярным уточнителем рода имен.

3. По употреблению отыменных родовых формантов все сравниваемые языки и диалекты в основном совпадают. Это может

свидетельствовать о позднем развитии этих различающих род показателей.

4. Переход значимых лексем в грамматический показатель рода можно считать живым явлением. Отыменные и глагольные форманты (типа *-bus/-bis*, *-gīl/-gāl*, *-gol/-gāl*, *-jūf*, *-jūw/-jāf*, *-jāw*, р.-х. *-xul/-xēr*, *-vul/-vēr*) играют весьма большую роль в родовом оформлении имен существительных и прилагательных. Последующий компонент сложных имен выступает в качестве уточнителя рода образованного слова. Это, как нам представляется, может и в дальнейшем способствовать пополнению числа родовых формантов за счет значимых слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, 1958 - В.И.Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.-Л., 1958.
- Абаев, 1973 - В.И.Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. II, II., 1973.
- Абибов, 1971 - А.Абибов. Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон, Душанбе, 1971.
- Абибов, 1972 - А.Абибов. Ганчи Бадахшон, Душанбе, 1972.
- Андреев, 1953 - М.С.Андреев. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи), вып. I, Сталинабад, 1953.
- Андреев, 1958 - М.С.Андреев. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи), вып. II, Сталинабад, 1958 (Подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А.К.Писарчик).
- Бакаев, 1973 - Ч.Х.Бакаев. Язык курдов СССР, М., 1973.
- Бартоломе, 1904 - Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904 (2 unveränderte Auflage, Berlin, 1961).
- Бахтибеков, 1974 - Т.Бахтибеков. Грамматика шугнанского языка, Автореф. канд. дис., М., 1974.
- Боголюбов, 1960 - М.Н.Боголюбов. Согдийские документы с горы Муг (языковые данные). - XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960.
- Боголюбов, 1963 - М.Н.Боголюбов. Местоимения в хорезмийском языке. - КСИИАН, № 67 (Иранская филология), М., 1963.
- Болдырев, 1948 - А.Н.Болдырев. Бадахшанский фольклор, Советское востоковедение, т. У, М., 1948.
- Болдырев, 1976 - Сказки народов Памира, Сост. и коммент. А.Л.Грюнберга и И.М.Стеблин-Каменского, предисловие А.Н.Болдырева, М., 1976.

- Бругман, 1904 - K.Brugmann. Die Demonstrativ pronomina der indogermanischen Sprachen (Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung). "Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften" (Leipzig), 1904, Bd. XXII, N VI.
- Виноградов, 1947 - В.В.Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове), М.-Л., 1947.
- Гейгер, 1898 - W.Geiger. Die Pamir-Dialekte, "Grundriss der iranischen Philologie", Bd. I Abt, 2, Strassburg, 1898.
- Грюнберг, 1972 - А.Л.Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972.
- Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976 - А.Л.Грюнберг, И.М.Стеблин-Каменский. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык, М., 1976.
- Дворянков, 1960 - Н.А.Дворянков. Язык пушту. М., 1960.
- Додыхудоев, 1962 - Р.Х.Додыхудоев. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка, Душанбе, 1962.
- Додыхудоев, 1975 - Р.Х.Додыхудоев. Памирская микротопонимика (Исследование и материалы), Душанбе, 1975.
- Дьяков, 1931 - А.М.Дьяков. Языки Советского Памира, - Культура и письменность Востока, кн. 10, М., 1931.
- Есперсен, 1922 - O.Jespersen. Symbolic value of the vowel i. Philologica I, 1922.
- Ефимов, 1975 - В.А.Ефимов. Категория рода, - Опыт историко-типологического исследования иранских языков, т. II, М., 1975.
- Залеман, 1895 - К.Г.Залеман. Шугнанский словарь Д.Л.Иванова, - Восточные заметки. Сб. факультета восточных языков, СПб., 1895.
- Зарубин, 1927 - Ив.Зарубин. К характеристике мунджанского языка, - Сб. "Иран", т. I. Л., 1927.
- Зарубин, 1930 - И.И.Зарубин. Орошорские тексты и словарь, Памирская экспедиция 1928, Лингвистика, вып. IV, Л., 1930.

- Зарубин, 1937 - И.И.Зарубин. Бартагские и рушанские тексты и словарь, М.-Л., 1937.
- Зарубин, 1960 - И.И.Зарубин. Шугнанские тексты и словарь, М.-Л., 1960.
- Ибрагим, 1973 - М.Н.Ibrahim. Grammatical gender. Its origin and development. The Hague-Paris, Mouton, 1973.
- Искандаров, 1973 - Курбон Мухаммад-зода, Мухабатшо-зода. История Бадахшана. Издание текста, примечания и указатели А.А.Егани, предисловие Б.И.Искандарова, М., 1973.
- Исхаков, 1972 - М.М.Исхаков. Глагольные формы в согдийских документах с горн Муг, - Автореф. канд. дис., Ташкент, 1972.
- Карамхудоев, 1973 - Н.Карамхудоев. Бартагский язык (фонетика и морфология), Душанбе, 1973.
- Карамшоев, 1963 - Д.Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963.
- Карамшоев, 1970 - Д.Карамшоев. О диалектном членении шугнанского языка, - Иранская филология, Душанбе, 1970.
- Карамшоев, 1972a - Д.Карамшоев. Грамматический род абстрактных имен в шугнано-рушанской группе, -Сб. Памирские языки и фольклор, I, Душанбе, 1972.
- Карамшоев, 1972b - Д.Карамшоев. О специфике заимствованных слов в памирских языках (на материале шугнанского языка), - Памирские языки и фольклор, I, Душанбе, 1972.
- Карамшоев, 1974 - Д.Карамшоев. К анализу структуры памирских пословиц в сравнении с таджикскими, - Взаимодействие литературы и фольклора, Душанбе, 1974.
- Карамшоев, 1975a - Д.Карамшоев. Выражение категории рода имени с помощью перегласовки в языках шугнанской группы, - Памироведение (вопросы филологии), Душанбе, 1975.
- Карамшоев, 1975b - Д.Карамшоев. О влиянии иноязычной среды на категорию рода в памирских языках, - "Тезисы докладов конф. по проблемам диалектологии и истории языка", Киминев, 1975.
- Карамшоев, 1976 - Д.Карамшоев. Изменение категории рода в сарыкольском под влиянием уйгурского языка. - Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР (тезисы докладов и сообщений), "Алма-Ата, 1976.
- Карамшоев, 1977 - Д.Карамшоев. Новое в памирской филологии. - ВЯ, 1977, I.
- Каримова, 1975 - А.Каримова. Метафорические фразеологизмы рушанского языка, - Памироведение (вопросы филологии), Душанбе, 1975.
- Р.Кент, 1953 - R.Kent. Old Persian. 2 ed. New Haven, 1953.
- Курбанов, 1976 - Х.Курбанов. Роморвский язык, Душанбе, 1976.
- Курдоев, 1957 - К.К.Курдоев. Грамматика курдского языка, М.-Л., 1975.
- Ленц, 1933 - Lentz. Pamir-Dialekte, I. - Materialien zur Kenntniss der Schugni-Gruppe. Göttingen, 1933.
- Лившиц, 1956 - В.А.Лившиц. Указательные местоимения в афганском языке (пашто). - "Изв.АН Тадж.ССР. Отд-ние обществ.наук". Сталинабад, 1956, вып.9.
- Мамдельштам, 1957 - А.М.Мамдельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей, Сталинабад, 1957.
- Мирзоуддинова, 1975 - С.Мирзоуддинова. Муносибати лексикони шеваи Хуф ва забони рӯшонӣ, - Памироведение (вопросы филологии), Душанбе, 1975.
- Моргенштерне, 1938 - G.Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages, II, Oslo, 1938.
- Моргенштерне, 1942 - G.Morgenstierne. Iranica. - NTS, 1942, Bd. XII.

- Моргенштерне, 1962 - G. Morgenstierne. Iranian feminines in -šī, "Indica", Wiesbaden, 1973.
- Моргенштерне, 1970 - G. Morgenstierne. The development of Iranian R + consonant in the Shughni group. - "W.B. Henning Memorial Volume", London, 1970.
- Моргенштерне, 1973 - G. Morgenstierne, Irano-Dardica, Wiesbaden, 1973.
- Моргенштерне, 1974 - G. Morgenstierne. Etymological Vocabulary of the Shughni Group, Wiesbaden, 1974.
- Муравьева, 1976 - И. А. Муравьева. Непозиционные чередования фонем в шугнанском языке, - Исследования по структурной и прикладной лингвистике, М., 1976.
- Неменова, 1956 - Р. Л. Неменова. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956.
- Оранский, 1960 - И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию, М., 1960.
- Оранский, 1974 - И. М. Оранский. Из заметок о новых советских работах по иранской диалектологии, - НАА, 1974, № 1.
- Пахалина, 1959 - Т. Н. Пахалина. Инкашимский язык, М., 1959.
- Пахалина, 1966 - Т. Н. Пахалина. Сарыкольский язык. М., 1966.
- Пахалина, 1969 - Т. Н. Пахалина. Памирские языки, М., 1969.
- Пахалина, 1971 - Т. Н. Пахалина. Сарыкольско-русский словарь, М., 1971.
- Пахалина, 1975 - Т. Н. Пахалина. Ваханский язык, М., 1975.
- Пизани, 1956 - В. Пизани. Этимология, М., 1956.
- Нирейко, 1975 - И. А. Нирейко. Категория залога, - В кн. Опыт историко-типологического исследования иранских языков, т. II, М., 1975.

- Писарчик, 1954 - А. К. Писарчик. Рушанские тексты, Сталинабад-Ленинград, 1954.
- Пулоди, 1954 - Тилло Пулоди. Назаре ба рубоие ти пешазреволюционии Бадахшон, - "Наҷмуи илми Институти давлатии педагогии Душанбе", серия филология, 4, Душанбе, 1954.
- Пулоди, 1964 - Шоирони халқи Бадахшон. Чамкунанда ва тартибидханда Тилло Пулоди, Душанбе, 1964.
- Расторгуева, 1964 - В. С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., 1964.
- Расторгуева, 1967 - В. С. Расторгуева. Иранские языки, - Советское языковедение за 50 лет, М., 1967.
- Расторгуева, 1975 - В. С. Расторгуева. Вопросы общей эволюции морфологического типа, - В кн. Опыт историко-типологического исследования иранских языков, т. I, М., 1975.
- Розенфельд, 1956 - А. З. Розенфельд. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях. - Труды Института языковедения АН СССР, т. VI, М., 1956.
- Розенфельд, 1963 - А. З. Розенфельд. Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире. - "Вестник ЛГУ", № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, Л., 1963.
- Розенфельд, 1971 - А. З. Розенфельд. Бадахшанские говоры таджикского языка, Л., 1971.
- Сибеев, 1972 - Бегмурод Сибеев. Таърихи ҷонишинҳои забони тоҷикӣ, Душанбе, 1972.
- Смирнова, 1974 - И. А. Смирнова. Формы числа имени в иранских языках, Л., 1974.
- Соколов, 1961 - С. Н. Соколов. Явстийский язык, М., 1961.
- Соколова, 1953 - В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков, М., т. II, 1953.

- Соколова, 1959 - В.С.Соколова. Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.-Л., 1959.
- Соколова, 1960 - В.С.Соколова. Бартагские тексты и словарь, М.-Л., 1960.
- Соколова, Гранберг, 1962 - В.С.Соколова, А.Л.Гранберг. История изучения бесписьменных иранских языков, - Очерки по истории изучения иранских языков, М., 1962.
- Соколова, 1963 - В.С.Соколова. К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков, - Иранский сборник, М., 1963.
- Соколова, 1966 - В.С.Соколова. Шугнано-рушанская языковая группа, - Языки народов СССР, т. I, Индоевропейские языки, М., 1966.
- Соколова, 1967 - В.С.Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, Л., 1967.
- Соколова, 1973 - В.С.Соколова. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы, Л., 1973.
- Туманович, 1908 - О.Б.Туманович. Краткая грамматика шугнанского наречия, Ташкент, 1908.
- Туманян, 1954 - Э.Г.Туманян. Об указательных местоимениях в армянском языке. - "Труды Ин-та языкознания АН СССР", т. III, 1954.
- Успенская, 1956 - Л.В.Успенская. Каратагский говор таджикского языка, Сталинабад, 1956.
- Фазылов, 1958 - М.Ф.Фазылов. Изобразительные слова в таджикском языке, Сталинабад, 1958.
- Файзов, 1966 - М.Файзов. Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966.
- Фрейман, 1951 - А.А.Фрейман. Хорезмийский язык, М.-Л., 1951.
- Хетагуров, 1939 - Л.А.Хетагуров. Категория рода в иранских языках, - "Уч.записки ЛГУ", Л., 1939. Сер. филол. наук, I, вып. 20.

- Хушенова, 1975 - С.В.Хушенова. Проблемы изучения памирской фразеологии (из наблюдений над шугнанским языком), - Памироведение (вопросы филологии), Душанбе, 1975.
- Шакармамадов, 1975 - Н.Шакармамадов. Назми халкии Бадахшон, Душанбе, 1975.
- Шацбезода, 1958 - Н.Шацбезода. Шоири халкии Кӯҳистон - Қудратуллобек ва осори ӯ, - "Шарқи сурх", № 12, Душанбе, 1958.
- Шельд, 1928 - Х.Шельд. К латинизации шугнанского алфавита, - "Известия общества для изучения Таджикистана, т. I, Ташкент, 1928.
- Шельд, 1936 - H. Sköld. Materialien zu den iranischen Pamirsprachen, Lund, 1936.
- Шоу, 1877 - R. Shaw. On the Shighni (Ghalchan) Dialect. - "Journal of the Asiatic society of Bengal", vol. 46, 1877.
- Эдельман, 1963а - Д.И.Эдельман. О единой научной транскрипции для иранских языков, М.-Л., 1963.
- Эдельман, 1963б - Д.И.Эдельман. Проблема церебральных в восточно-иранских языках, - ВЯ, 1963, № 5.
- Эдельман, 1964 - Д.И.Эдельман. Современное состояние изучения памирских языков, - ВЯ, М., 1964, № 1.
- Эдельман, 1966 - Д.И.Эдельман. Язгулямский язык, М., 1966.
- Эдельман, 1971 - Д.И.Эдельман. Язгулямско-русский словарь, М., 1971.
- Эдельман, 1973 - Д.И.Эдельман. Относительная хронология некоторых фонетических и морфологических явлений в северопамирских языках, - Лингвогеография, диалектология и история языка, Кизилов, 1973.
- Эдельман, 1975 - Д.И.Эдельман. Категория времени и вида, - В кн. "Опыт историко-типологического исследования иранских языков", т. II, М., 1975.

- Эдельман, 1976a - Д.И.Эдельман. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений. - Иранское языкознание, История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И.Абаева), М., 1976.
- Эдельман, 1976b - Д.И.Эдельман [обзор работ по памироведению в журнале] - НАА, 1976, № 5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВЯ - "Вопросы языкознания", М.
- ГОМШЯ - В.С.Соколова. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973.
- ГОЯШ - В.С.Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, Л., 1967.
- КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии", М.
- НАА - "Народы Азии и Африки", М.
- ОИТИЯ - "Опыт историко-типологического исследования иранских языков," тт. I, II, М., 1975.
- ПЯФ - "Памирские языки и фольклор", I, Душанбе 1972.
- ШТС - И.И.Зарубин. Шугнанские тексты и словарь, М.-Л., 1960.
- EVSh - G.Morgensiterne. Etymological Vocabulary of the Shughni Group, Wiesbaden, 1974.
- IIFL - G.Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages, vol. II, Oslo, 1938.
- NTS - "Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap". Oslo.

Языки и диалекты

- ав. - авестийский
- араб. - арабский
- афг. - афганский (пашто)
- б. - бартангский
- бдж. - баджувский
- брв. - барвазский
- б.-ршв. - бартанго-рошорвский, бартангский и рошорвский (орошорский)
- вах. - ваханский
- др.-инд. - древнеиндийский
- др.-ир. - древнеиранский
- др.-перс. - древнеперсидский
- и.-е. - индоевропейский
- исп. - испанский
- ит. - итальянский
- ишк. - ишкашимский
- йид. - йидга
- лат. - латинский
- мндж. - мунджанский
- осет. - осетинский
- перс. - персидский
- р. - рушанский
- русск. - русский
- руш. - рушанский
- р.-х. - рушано-хуфский, рушанский и хуфский
- ршв. - рошорвский (орошорский)
- сак. - сакский (лотанский)
- сарык. - сарыкольский
- согд. - согдийский
- срз. - сарезский
- ср.-п. - среднеперсидский
- тадж. - таджикский
- тюрк. - турецкий
- фр. - французский
- х. - хуфский

хот.	- хотинский (хотаносакский)
ш.	- шугнанский
ш.-бдж.	- шугнано-баджувский
ш.-р. (гр.)	- шугнано-рушанская группа (за исключением саркольского)
шугн.	- шугнанский
шх.	- шахдаринский
яги.	- ягнобский
язг.	- язгулямский

Прочие сокращения

ближн.	- ближняя (степень удаления)
букв.	- буквально, дословно
вр.	- время
гл.	- глагол
дальн.	- дальняя (степень удаления)
диал.	- диалектный, диалектное
ед. (ч.)	- единственное (число)
ж. р., жен.	- женский род
звукоподр.	- звукоподрачительное
инф.	- инфинитив
кауз.	- каузатив
косв.	- косвенный (падеж), косвенная (форма)
л.	- лицо
мн. (ч.)	- множественное (число)
м. р., муж.	- мужской род
наст.	- настоящее (время)
перен.	- переносное значение
перф.	- перфект
прич.	- причастие
прош.	- прошедшее (время)
средн.	- средняя (степень удаления)
ст.	- степень удаления
указат.	- указательное (местоимение)
ч.	

С о д е р ж а н и е.

Введение (§§ 1-9)	3
морфологическое выражение категории рода (§§ 10-11)	27
Родовая перегласовка в именах существительных и прилагательных (§§ 13-35)	31
Выражение категории рода в глаголе (§§ 36-112)	56
Родовая перегласовка в основе прошедшего времени (§§ 41-74)	62
Выражение категории рода в основе перфекта (§§ 75-91)	114
Родовые формы перфекта при образовании пассивной конструкции (§§ 92-96)	142
Взаимоотношение категории рода с категорией переходности/непереходности (§§ 97-112)	147
Переходные и непереходные глаголы с нерасчлененными основами прошедшего времени (§§ 100-112)	150
Выражение категории рода в звукоподрачительных словах (§§ 113-131)	166
Особенности выражения рода в звукоподрачительных глаголах (§§ 119-131)	174
Выводы о родовой перегласовке в именах, глагольных основах и звукоподрачительных словах (§ 132)	186
Выражение категории рода в указательных местоимениях (§§ 133-138)	190
Выражение рода в указательной частице и вопросительном наречии (§§ 139-140)	200
Выражение рода имен при суффиксации и словосложении (§141)	202
Выражение рода с помощью первичных суффиксов (§§ 142-166)	203

Выражение рода причастными суффиксами и отглагольными формантами (§§ 167-190)	238
Отмененные изменяющиеся по роду форманты (§§ 191-214)	264
Выражение рода в сложных именах (§§ 215-230)	284
Литература	296
Библиографические сокращения	304
Языки и диалекты	305
Прочие сокращения	306

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР*

Додхудо КАРАМЦОЕВ

**КАТЕГОРИЯ РОДА В ПАМИРСКИХ ЯЗЫКАХ
(шугнано-рушанская группа)**

Ответственные редакторы —
**В. А. ЛИВШИЦ,
И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ**

Редактор издательства **Л. Я. Крелина**
Технический редактор **В. Н. Щемелкина**
Художественный редактор **Р. Абдуразаков**

КЛ 05225. Подписано в печать 13/XII-1977 г. Формат 60×84¹/₈. Бумага типографская № 1. Печ. л. 19,375 (18,0). Уч. изд. л. 16,65. Тираж 1160. Заказ 43.
Цена 2 р. 50 коп.

Издательство «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография издательства «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.